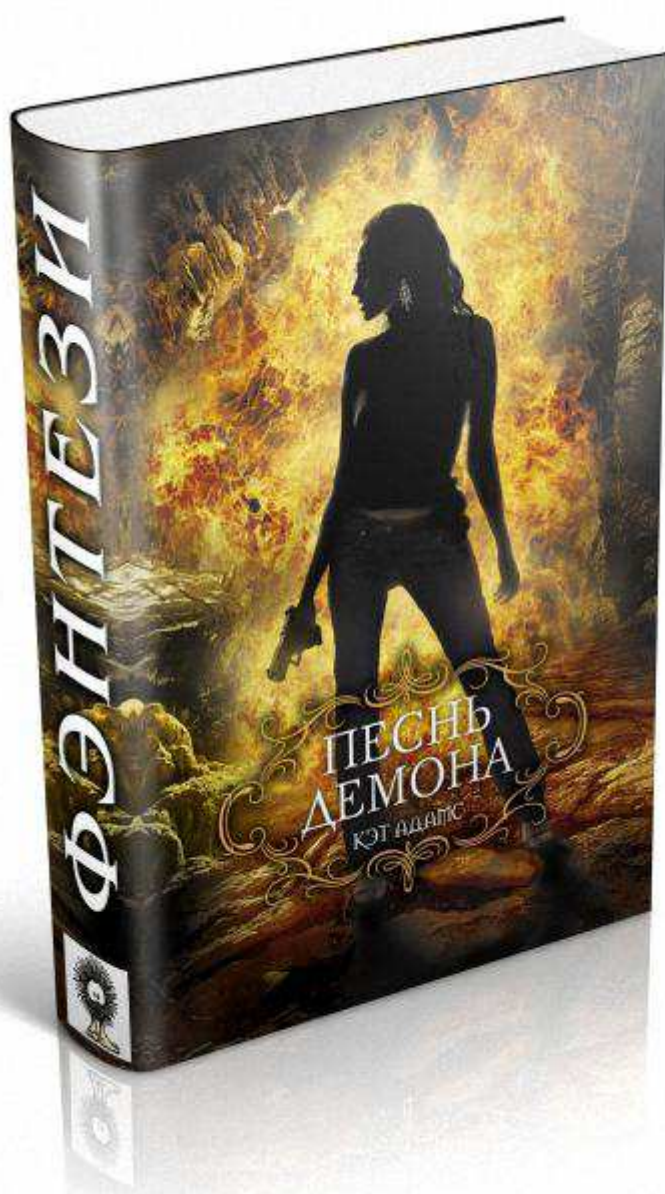

Кэт Адамс
Песнь демона

Песнь крови – 3

«Песнь Демона»: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72371-3

Аннотация

Охранный бизнес Селии Грейвз трещит по швам. Причины понятны — кто же захочет связываться с вампиришей-«недоделком», которая к тому же еще и является принцессой из королевского рода сирен?

Впрочем, Селия и не думает жаловаться — события последних дней настолько ее утомили, что небольшой отпуск ей не повредит. Беда в том, что демоны нашли лазейку в наш мир, и отдохнуть как следует Селии не удастся. Ведь среди многочисленной орды ее врагов есть демон, который хочет отомстить Селии лично.

Впервые на русском языке!

Кэт Адамс ПЕСНЬ ДЕМОНА

Глава 1

Нельзя просто так отключить интуицию — после того как вырабатывал эту способность годами и оттачивал до бритвенной остроты. Я почувствовала что-то посреди невинных на вид магазинных стоек с одеждой. Голоса моих лучших подружек стихли на фоне общего приглушенного гомона. Я машинально сунула плечики с отобранными блузками под мышку, чтобы, на всякий случай, освободить руки.

Мой взгляд быстро перебежал с одного лица на другое. При этом я аккуратно пятилась к широкому проходу, в котором было удобнее маневрировать. Отец девочки лет десяти-двенадцати. Ему все надоело до смерти, но он терпит. Нет, от него — никакой угрозы. Не приходилось опасаться и мамочки с двумя детишками. Малыш лежал в коляске, а второго ребенка мать держала за руку. Между украшенными к праздникам рядами вешалок сновали продавщицы, похожие на балерин в «Щелкунчике». Я быстро пробежалась взглядом по залу. Лучшие продавцы — как правило, эмпаты или экстрасенсы. Они настраиваются на тех покупателей, которые нуждаются в одобрении и, следовательно, становятся созависимыми. От продавщиц опасности тоже не исходило.

Или все же?..

Ничего из того, что я видела глазами, не объясняло, почему у меня неприятно покалывает кожу. Это вынудило меня отбросить осторожность и снова, более внимательно, обозреть торговый зал. Мое поведение могли заметить.

— В чем дело, Селия?

Доне хватило одного взгляда на меня, чтобы она запаниковала всеми фибрами своей души и каждой клеткой тела. В шепоте, слетевшем с ее идеально подкрашенных губ,

послышался страх. Раньше она была спокойнее, но не так давно на нее напала супервампирша, и с того дня Дона сильно переменялась.

За последнее время из моих друзей пострадала не только она. Теперь, будучи отчасти вампиром после коварного укуса кровососа, я ощущала страх Доны, вкус и запах этого страха. Сейчас моя реакция была не такой сильной, какой становилась ближе к закату, но все равно зрение у меня обострилось, а именно острота зрения делает вампиров одними из самых опасных хищников в мире. Но Дона моей жертвой не станет. Никогда. Ни за что на свете.

И тут я заметила его. Я едва заметно качнула головой, передала Доне плечики с блузками и знаком велела ей идти к примерочной кабинке. Дону уговаривать не пришлось. По пути к примерочной она успела проворно прихватить еще пару юбок, крепко взяла под руку нашу подругу Эмму Лэндингом и повела ее за собой. Эмма слегка упиралась. Доне пришлось ее тащить. Это было не очень похоже на Эмму, обычно она в отношении опасности вела себя прагматично и рассудительно. Что с ней? Я вспомнила, что она весь день словно бы собиралась с храбростью, чтобы о чем-то поговорить со мной. Но когда я спросила ее об этом напрямую, она сменила тему и стала меня избегать.

В общем, в чем бы ни состояла ее проблема, мне придется подождать. Блюдо под названием «неприятности» закипало на медленном огне.

Я подумала, что мальчик-подросток в соседнем отделе — старший брат бегущей вприпрыжку девочки лет десяти. А у него, видимо, и план был такой. Но стоило мне сфокусировать на мальчишке свой вампирский взгляд, я увидела, что у него все наперекосяк с энергетикой. Нет, это был не скучающий подросток. Он шел за девочкой и ее отцом на самой границе, так называемой зоны комфорта — не так близко, чтобы бросаться в глаза, но и не так далеко, вследствие чего его вполне можно было принять за члена семьи.

Охотился за девочкой? Я пронаблюдала за тем, куда направлен взгляд мальчишки, когда он думал, что на него никто не смотрит. Нет, девочка его не интересовала, и у меня немного отлегло от сердца. Его привлекал ювелирный отдел. В отличие от большинства универсальных магазинов здесь у ювелирного прилавка не было столпотворения. К тому же отдел располагался совсем рядом со входом-выходом, и, что того хуже, в данный момент подвезли новый товар, поэтому витрины были открыты. Отдел одежды для девочек находился совсем недалеко от ювелирного. Словом, замысел ушлого подростка был прост и ясен.

Я поискала взглядом магазинных детективов и не нашла ни одного. Пересменка? Дефицит сотрудников? Как-то глупо накануне Рождества. Возможно, этот мальчишка знал что-то такое, чего не знала я, поскольку он начал действовать. Его рука инстинктивно метнулась к карману «кенгурушки», и он начал оглядываться по сторонам. Меня он то ли не заметил, то ли не счел опасной. Ошибочка вышла. Прямоугольная выпуклость в его кармане была очень похожа на ту, которая была заметна у меня под пиджаком, но вряд ли у него в бумажнике лежало разрешение на скрытое ношение оружия. Парень собирался выхватить пистолет и предпринять ограбление. Были возможны жертвы.

Проблема была в том, что я не была ни офицером полиции, ни работником магазина. А была я всего-навсего телохранителем-фрилансером, оказавшимся в правильное время в неправильном месте. Я не имела права задержать этого парня и разоружить его, не рискуя сама попасть под арест, а это для меня было чревато потерей лицензии.

Но все же я не могла позволить этому наглецу ограбить магазин и кого-то подстрелить. Иногда я ненавижу свою жизнь.

Я пошла к мальчишке, надеясь что-нибудь придумать, пока шагаю мимо отдела одежды для маленьких мисс к ювелирному. Для того чтобы не вызвать подозрений, минуя обувной отдел, я, заметив пару потрясающе красивых сандалий, направилась к ним. Обувная стойка располагалась прямо между потенциальным грабителем и стройной молодой продавщицей, присевшей на корточки перед одной из демонстрационных полок. Девушка понятия не имела о том, какая опасность ей может грозить.

Не спуская глаз с юного грабителя, я прибавила шаг. Я не могла выхватить пистолет, не могла ловким приемом швырнуть парня на пол, покрытый красивыми плитками, но я могла его перехватить и действительно порекомендовать придумать другие планы на вечер. Каждое движение мальчишки благодаря моему сверхъестественному зрению выглядело для меня кадром замедленной съемки, поэтому я не боялась того, что он вытащит пистолет прежде, чем я среагирую. Но никак не ожидала, что у меня на вампирский лад настроятся не только глаза, но и весь организм. То есть это произошло в тот момент, когда я остановилась прямо перед парнем и протянула к нему руку. Только тогда я увидела, что моя кожа излучает бледно-зеленое сияние. Взгляд в ближайшее зеркало — и я увидела, что моя верхняя губа оттянулась вверх и обнажились клыки.

Надо было видеть выражение лица этого сосунка, когда он наконец удосужился оторвать взгляд от сверкания золота и бриллиантов и увидел, кто на него налетел.

— Мать твою!

Парень вытаращил глаза, и физиономия у него стала почти такая же бледная, как моя. Он попятился настолько поспешно, что налетел на стеллаж с обувью и рухнул на пол вместе с аккуратно сложенными красными и зелеными коробками. Из кармана его «кенгурушки» вывалился обшарпанный девятимиллиметровый пистолет и закатился за коробки с обувью восьмого размера.

Парень не успел опомниться, а я уже была рядом с ним. Я с улыбкой протянула ему руку, сделав вид, будто хочу помочь подняться. При этом я притянула его ближе к себе. Запах его страха напомнил мне о том, что я ничего не ела с тех пор, как мы пришли в этот торговый центр. Питалась я в основном молочными коктейлями. Но мне пришлось забыть об этом и сосредоточиться на своих действиях. Хотелось бы сказать, что это было легко и просто, но это было не так. Жажда крови — это не шуточки. Я поймала себя на том, что смотрю на шею парня, на теплое течение жизненной силы под тонкой кожей. Столько топлива — а у меня пустой желудок.

Выпученные глаза неудачливого грабителя уставились на мои клыки. В следующий миг он, видимо, заметил мои налившиеся кровью глаза, и наконец, когда пола моего пиджака отошла в сторону — кольт сорок пятого калибра в кобуре под мышкой. О, и еще не будем забывать про струйку слюны, стекающую на мягкий ковролин. Слюна — это очень страшно.

Парень попытался отползти от меня, но справиться со сверхъестественной хваткой можно только в том случае, когда ты наделен сверхъестественной силой. Мой голос превратился в шипение, которое обычно предназначается для разной пакости в темных переулках:

— Я знаю, что ты задумал, а мне осточертели соплики вроде тебя. Да моя одежда стоит дороже, чем убытки этого магазина из-за твоей кражи. Ты немедленно утащишь свою ленивую задницу из этого магазина и придумаешь, как зарабатывать на жизнь, не нарушая закон. Иначе, клянусь всем святым, я найду тебя холодной одинокой ночью и ты об этом сильно пожалеешь.

Я разжала губы, чтобы парень хорошенько разглядел то, что его может ждать. Нет, я не собиралась ни есть его, ни пить его кровь. Я вообще твердо решила никогда не пробовать человеческую кровь. Это могло стать той самой последней соломинкой, из-за которой я сломаюсь. Но хорошенько припугнуть этого поганца я могла.

На самом деле уже припугнула. Кровь отхлынула от лица парня с такой силой, что его запах перестал казаться мне аппетитным. Он разжал побелевшие губы, но сумел издать только негромкий писк.

Я вздернула брови и наклонилась пониже, чтобы ощутить запах остатков храбрости в дыхании мальчишки.

— Усек?

Он кивнул — сначала медленно, а потом резко, отчего стал похож на китайского болванчика.

— Ага. Усек.

Я отстранилась, встала, рывком подняла парня на ноги.

— Вот и славненько.

Грабитель-неудачник не помчался сломя голову — к выходу он побрел на четвереньках. Охранник, наконец прибывший на место происшествия, заметил виноватое бегство парня и поднес к губам рацию. Что бы он ни проговорил в микрофон, но камеры наружного наблюдения мгновенно повернулись в сторону убежавшего мальчишки.

Я так внимательно наблюдала за всем этим, что не заметила, что отец той самой девчушки лет десяти целится в меня из водяного пистолета. Я опомнилась только тогда, когда струя святой воды ударила мне в лицо. Как это ни печально, за последние несколько недель я успела привыкнуть к тому, что меня поливают святой водой и тыкают мне в грудь распятиями. Мои клыки пугают людей сильнее, чем тот хулиган, которого я только что обезвредила. Забавно.

— Эй! Вот нахал! — Подбежала Дона. Стоит ей только преодолеть панический страх, как она весь выброшенный в кровь адреналин употребляет для скандала. В одно мгновение Дона отшвырнула в сторону руку мужчины с водяным пистолетом и протянула мне пачку бумажных носовых платков. — Вы что, тут пожар увидели? Кто горит? Да она только что предотвратила ограбление!

— Ограбление? Какое ограбление?

Мужчина выпучил глаза, и его взгляд заметался между выходом из магазина, где полицейские уже надевали наручники на горе-грабителя, и еще одним охранником, который выудил из груди обувных коробок полуавтоматический пистолет, обернув его носовым платком. Но вот наконец мужчина уставился на меня — бледную дамочку с красными глазами и вампирскими клыками, а иначе говоря, на скромного героя, осторожно похлопывающего себя по щекам — осторожно, чтобы не смазать косметику.

— Ой, пап! — Девочка, стоящая рядом с отцом, сделала большие глаза и скрестила руки на груди. — Сейчас же день! Как она может быть кровососом? Ты что, новости не смотришь, что ли? — Она повернулась ко мне. — Вы — Селия Грейвз, да?

Отец девочки потупился, схватил дочь под локоть, побагровел и повел девочку прочь от меня. По крайней мере, у него хватило благородства пробормотать:

— Спасибо, извините.

— Прошу вас, не покидайте магазин, — крикнул ему вслед охранник. — Возможно, нам понадобится позднее поговорить с вами.

Я вытащила из сумочки мобильник. Охранник еще не успел меня попросить об этом, а я протянула ему удостоверение телохранителя и разрешение на ношение оружия. При виде этих документов охранник слегка приподнял брови и только теперь заметил небольшую выпуклость у меня под мышкой. Повинуясь его взгляду, я отвела в сторону полу пиджака. Охранник записал мои данные в блокнот, вернул мне документы и кивком указал на мою правую руку.

— Классный покрой... Сразу и не заметишь. Если нам потребуется, мы позвоним. Спасибо за помощь.

Я машинально пожала плечами и убрала бумажник в недра мягчайшей кожаной сумки.

— Ради скрытности такие разрешения и выдаются. — Вот почему я плачу немалые деньги человеку, который шьет для меня пиджаки. Никто не должен заметить мой пистолет, а я держу его в кобуре, пока он не понадобится. Сегодня не понадобился. — А вам бы стоило более бдительно охранять проход рядом с ювелирным отделом. Привлекательное местечко.

Охранник кивнул и поспешно зашагал к выходу. Наверное, решил вручить пистолет грабителя копам.

Я повернулась к Эмме. Она негромко ругалась — видимо, осознала, что не предвидела попытку ограбления. Такие потрясения для ясновидящих — тяжелые удары. Но не каждое же событие достойно того, чтобы предстать перед тобой в видении. Не понимаю, почему Эмма так психует из-за этого.

— Мне нужно поесть... и как можно скорее. Состояние у меня нервное. Давайте-ка

сходим в соковый бар, как только тут все закончится.

Мы с подружками стали называть мое состояние «нервным» в те моменты, когда мне хотелось впиться зубами в чью-то шею. Услышит кто-нибудь на улице наш разговор — не так сильно струхнет.

— Вот, держи.

Дона, благослови ее господь, вытащила из маленькой сумочки бутылочку с молочным коктейлем, которая, по идее, никак не должна была туда поместиться. Но Дона всегда ухитряется покупать себе такие сумочки, в которые, как в TARDIS,¹ влезает намного больше всяких вещей, чем должно. Но вот тоска — коктейль был со вкусом банана, а я бананы терпеть не могу.

— Спасибо, но я лучше дождусь чего-нибудь не так...

— О-о-о, банановый... И как ты только это выносишь? — глядя на Дону, поморщилась Эмма.

У нас с Эммой оказалось много общего — и не только по части вкусов. В последнее время я начала ее больше узнавать. Раньше наша дружба больше напоминала давнее знакомство, а потом нас сблизил гибель общей подруги, Вики Купер.

— Может быть, ты предпочтешь шоколадный коктейль?

Голос, послышавшийся у меня за спиной, заставил меня замереть на месте. Передо мной возникла бутылочка шоколадно-молочного напитка. Мужчина — обладатель бесстрастного, дружелюбного голоса не был ни бесстрастным, ни дружелюбным. Стоило ему появиться — и начинали бесследно пропадать люди. К несчастью, я была ему обязана жизнью. Ему удалось позаботиться о том, чтобы меня не проткнули осиновым колом и не отрубили мне голову после вампирской атаки. Несколько раз он меня прикрывал и после того происшествия.

А вот почему — этого я до сих пор не знала.

— Спасибо, Джонс, — с показной вежливостью ответила я.

Я совершенно не доверяла этому человеку и, уж конечно, не стала бы пить и есть ничего из того, что он бы мне предложил. Но бутылочку я взяла, несмотря на то что мои подружки вытаращили глаза и, качая головой, одними губами произнесли слово «НЕТ».

А мне хотелось кое-что доказать. Я с милой улыбкой едва заметно сжала бутылочку, и, как и следовало ожидать, с одной стороны пластик треснул, и бутылочка протекла. О, какая неприятность! Я обернулась и увидела, что Джонс улыбается мне. Внешне он — ничего примечательного: не красавец, но не урод, невысокий, но не коротышка. В его походке есть легкость и изящество, и никакой угрозы от него не исходит. Такому типу легко затеряться в толпе. Исчезнуть — в буквальном смысле слова. Он не только был первоклассным магом, но я лично наблюдала его исчезновения, а это под силу только самым мощным мастерам магии. Я ответила на улыбку и вернула Джонсу протекающую бутылочку.

— Ну, чего ты туда подмешал, Джонс? Я должна была рухнуть замертво через несколько минут? Или мне предстояло окочуриться за рулем и разбиться?

Эмма устремила на Джонса гневный взгляд. Она его недолго любила, хотя с ним сотрудничал ее брат Кевин.

Джонс приложил руку к сердцу и скорчил гримасу обиженного щенка.

— Ты меня просто в самое сердце ранишь, Грейвз. Не можешь поверить, что просто попалась дырявая бутылочка?

Я хмыкнула.

— Ну, это как сказать... А если я полью из нее на комнатный цветок, он не зашипит, как будто его поджаривают?

— О-о-о! — восхищенно произнес Джонс. — Нет. Но образ забавный. А цветок просто

---

¹ ТАРДИС (англ. TARDIS — Time And Relative Dimension(s) In Space) — машина времени и космический корабль из британского телесериала «Доктор Кто». Снаружи она выглядит как полицейская будка 1963 года, но внутри она гораздо больше, чем снаружи.

увлажнится. — Заметив мои вздернутые брови, он добавил: — Ну, растения ведь *не спят*, верно?

Значит, снотворное. Ну ладно.

— Итак, зачем ты здесь, Джонс? Или ты вот развлекаешься по выходным? Отдыхаешь от убийств, шатаешься по торговым центрам и предлагаешь дамам снотворное?

Джонс улыбнулся. Улыбка делала его заметным — таким, что можно обратить внимание. Да, пожалуй, он выглядел симпатичнее. Заметив свое отражение в зеркале за моей спиной, Джонс «отключил» улыбку — будто выключателем щелкнул.

— Между прочим, мне не стоит так умиляться, общаясь с тобой. Это опасно для нас обоих. Но ты, по идее, уже должна знать, зачем я здесь. Если только... Эмма не выполнила своего обещания.

Мы с Доной одновременно повернулись к Эмме.

— Ты работаешь с *Джонсом*? Что за черт, Эмма?

Эмма вновь попыталась испепелить Джонса взглядом, а ему — хоть бы что. Тогда Эмма встретила взгляд со мной.

— Я с ним не работаю. И никаких обещаний я не давала. Я попросила его о помощи. Хотела тебя попросить, Селия, но... но побоялась.

Обидно, между прочим.

— А я всегда так старалась, чтобы вы меня не боялись, ребята.

Эмма скрестила тонкие руки на груди и опустила глаза.

— Знаю-знаю. Просто...

Джонс раздраженно фыркнул.

— Да он умрет раньше, чем ты наконец проговоришься! Мы уже опоздали на несколько часов, а после темноты туда намного трудней прокрасться.

Похоже, дело было серьезное. Мы все, как по команде, повернулись к Джонсу.

— Кто умрет?

Джонс небрежно сунул руки в карманы. Но его глаза... В его глазах я увидела гнев, тревогу и еще что-то мрачное и опасное, с чем мне не хотелось бы пересечься. Никогда. Он кивком указал на Эмму, и у меня препротивно засосало под ложечкой — как будто желудок в узел завязался.

— Ее братец. Есть еще желание погулять по магазинчикам?

О черт.

Глава 2

С губ Эммы сорвался болезненный стон. Это заставило меня повернуться к ней, и я почти сразу пожалела об этом. Как я могла смотреть в ее перепуганные глаза и говорить Джонсу «нет»? А мне очень хотелось сказать ему «нет». На Кевина я была зла — словами не передать. Он и его отец похитили меня, накачали наркотой и отдали психованной сирене, жаждавшей моей смерти. Да-да, в это время невероятная опасность угрожала жизни Эммы, и у Кевина с Уорреном был план, как спасти нас обоих. Но если бы они только *попросили* меня помочь, я бы с радостью согласилась сама! Меня до сих пор не покидало чувство обиды и оскорбленности, потому что Кевина и Уоррена я всегда считала ближайшими друзьями.

Только теперь я поняла, почему Эмма весь день была такая растерянная. Она догадывалась, какой будет моя первая реакция. К тому же Кевин — не только оборотень, но и «черный» оперативник. Мало такого, на что он не способен. Я представить не могла, что я могла бы сделать для него, чего он не сумел бы сделать сам. И все же...

— Что случилось?

Вместо ответа Джонс отвернулся и зашагал прочь. Я догадалась, что он не желает обсуждать что бы то ни было здесь, в магазине. И это имело смысл. Я поспешила за ним. Эмма и Дона пошли за мной. Получился маленький парад — только без карнавальных платформ.

Распахнулись двери — и в глаза ударило яркое солнце. Проклятье. Я не думала, что прошло столько времени. Неужели мы так долго ходили по торговому центру? Осталось совсем недолго до заката.

Джонс решительно направился к неприметному серому седану, стоявшему на краю парковки. Я догнала его, чтобы наша компания не выглядела так, словно мы играем в «змейку». Из динамиков у входа в молл неслась мелодия «Jingle Bells». Прохладный ветер с океана и крики всюду снующей за мной стаи чаек придавали ситуации несколько сюрреалистичный оттенок. Даже Джонс не удержался и запрокинул голову, чтобы посмотреть на белых птиц, кружащих и пикирующих над нами.

— Странная у тебя жизнь, Грейвз. А до того, как проснулась сиренская кровь, чайки тебя тоже всюду сопровождали?

Я покачала головой.

— Раньше чайки проявляли ко мне внимание только тем, что гадили на мою машину. Теперь ты понимаешь, что мне *куда-либо* пробраться тайком невозможно? Этот мой треклятый пернатый эскорт всюду за мной гоняется. Может быть, тебе смог бы помочь кто-то другой?

— Я уже всех перепробовала, — прозвучал рядом со мной голос запыхавшейся Эммы. — Вчера ночью у меня было видение. Одно из самых ярких с того момента, когда увидела, что на тебя в переулке напали вампиры. Я даже не знала о том, что Эми в плену, но Кевин отправился ее вызволять. Ей удалось бежать, а его взяли. К сожалению, я не знала, где именно его держат и кто это такие. Видела решетку, слышала крики. Спросила отца, но он не смог ничего выяснить. В общем... никого лучше Джонса я придумать не смогла.

— И я его нашел. Но его никак не вытащить без твоей помощи.

Моя голова сама качнулась из стороны в сторону.

— Верится с трудом. А еще труднее поверить, что Кевин хочет, чтобы в его освобождении участвовала я.

Эмма ударила меня по плечу. Похоже, перестала меня бояться.

— Селия! Если Кевин в беде, мы должны ему помочь. Он бы для нас сделал то же самое.

Я не стала раскрывать рот от изумления, хотя высказывание Эммы того заслуживало. Я даже удержалась от саркастичного смеха. Я сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. «Для тебя, Эмма, — подумала я. — Для тебя он бы сдвинул горы. Но не *для нас*». Я точно знала, как высоко меня ценит Кевин. Чуть ниже грязи у него под ногами.

Я все еще была жутко зла на него. Такая боль, такая обида. Где-то во мне жило злорадное желание, чтобы он помучился. Но другой части моей души, о которой я каждодневно молилась, чтобы она стала больше, хотелось стать выше этой мелочной мстительности и показать Кевину и его отцу, Уоррену Лэндингему, что такое настоящая дружба. Но с той ночи, когда они меня предали, прошло всего три недели, и я не была уверена, что готова с ними встретиться.

Джонс странно смотрел на меня. Прислонившись к дверце своей машины, он сложил руки на груди.

— Должен признаться, ты меня удивила, Грейвз. Я-то думал, что ты будешь рваться в бой, а мне приходится тебя уговаривать. Ты мне можешь хотя бы сказать, где именно он находится в этой больничке?

Этот вопрос так ошеломил меня, что я сделала шаг назад. Судя по взглядам Доны и Эммы, они тоже ничего не поняли.

— Какая больничка? И почему я должна знать, где он находится?

Джонс вздернул брови. Похоже, не поверил мне. Видимо, считал, что я морочу ему голову и вот-вот сообщу, что сейчас же отвезу его прямиком к Кевину. Ну, это он зря. Я непонимающе смотрела на Джонса. Солнце клонилось к горизонту. У меня заурчало в животе. Мой взгляд сместился от глаз Джонса к его шее. Его кожа начала едва заметно светиться. Я начала чаще дышать, мышцы у меня напряглись. Из осторожности Джонс не

стал делать резких движений, но я заметила, что центр тяжести у него едва заметно переместился. Он был готов ко всему.

— Слушайте, ну это просто глупо! — взволнованно воскликнула Дона. Она схватила меня за руку и сунула мне желтую бутылочку коктейля. — Вот. Выпей, пока не взбесилась. Ты в последний раз поела четыре часа назад, а сил с этим, воришкой потратила немало. Если что — просто заткни нос. — Дона повернулась к Джонсу. — А ты скажи им, почему это Кевин должен умереть и что за больничка такая. А я вернусь в магазин и куплю чего-нибудь поесть *всем нам*. Похоже, ночь будет долгой — независимо от того, возьмете вы нас с Эммой с собой или нам надо будет дежурить у телефона.

С этими словами Дона решительно развернулась и зашагала ко входу в магазин.

Я поежилась, часто заморгала и брезгливо скривилась, глядя на бутылочку. Конечно, Дона была права, но это не значило, что я буду в восторге. Джонс приобретал все более аппетитный вид, а это было очень плохо по целому ряду причин. Я откупорила бутылку, зажала двумя пальцами нос и практически влила коктейль себе в глотку, почти не задев вкусовых сосочков на языке. Я не поперхнулась и не захлебнулась. Это плюс.

Джонс вздохнул, открыл заднюю дверцу машины и взял с сиденья упаковку из четырех бутылочек шоколадно-молочного коктейля. Он бросил упаковку мне, но я не стала ее ловить. Решила дождаться Дону. Ей я доверяю.

В разговор вступила Эмма. В ее голосе зазвучала злость, щедро приправленная страхом.

— Где мой брат? Ты до сих пор не сказал мне об этом. Между прочим, ты ему жизнью обязан.

— Несколько раз, — кивнул Джонс. — И все равно — мне трудно поверить, что Селии до сих пор не известны подробности. Я-то думал, что ты только намекнешь на то, что «видела» захват своего брата, и Селия сразу помчится его спасать.

— А ты поверь, — прозвучал чужой голос.

Я вздрогнула. Не удержалась. Невзирая на свое новое обостренное восприятие, я не почувствовала приближения этого типа. Проклятье. Терпеть не могу, когда к компании желают присоединиться настоящие вампиры. Я зашипела и отошла назад, а Эдгар, невероятно могущественный вампир, легко и просто появился в тени под ближайшей пальмой.

Если бы вы увидели Эдгара на улице Лос-Анджелеса, вы бы решили, что перед вами — самый обычный бизнесмен, возвращающийся домой после трудового дня в офисе. Пока вам на глаза не попались бы клыки, торчащие из-под его верхней губы, вы бы не догадались, что перед вами — самое опасное существо на пятьдесят миль в округе. Тот факт, что он посмел явиться тогда, когда еще солнце толком не закатилось, сказал мне о том, что Эдгар еще более могуществен, чем я думала. А у меня он стоял, можно сказать, первым номером в списке.

— Она не лжет, Джон. Я бы заметил.

Джонс и Эдгар были на «ты»? Восторг. И почему я не удивилась?

Джонс даже глазом не моргнул при появлении Эдгара, а это означало, что он либо пригласил его, либо учуял заранее.

— Она — его Васо, Эдгар. Она *должна* знать. Она или блокирует связь с ним, либо лжет.

«Васо». Это слово было мне смутно знакомо, со времени изучения явления ликантропии в университете прошло немало времени, поэтому я устремила взгляд на эксперта в лице Эммы. В ответ на мой вопросительный взгляд она кивнула и ответила с четкостью опытного преподавателя:

— Оборотень зачастую выбирает для себя напарника из людей так называемого Васо, и этот человек помогает оборотню поддерживать энергию на должном уровне. Избыточная энергия — одна из причин сдвига превращений оборотня из фазы полнолуния и его агрессивного поведения. Для того чтобы оборотень мог сохранять обличье человека в нормальном обществе, ему требуется периодически сбрасывать энергию.

Ну, допустим, в этом был определенный смысл.

— Это значит, что у Кевина точно есть Васо, поскольку он пару лет работал в научной команде в университете и никто, кроме нас, не знал о том, что он оборотень.

Эмма снова кивнула.

— Кевин всегда намекал, что эту роль исполняешь ты.

А вот это для меня стало новостью. Мы с Кевином никогда всерьез не разговаривали о его особенностях.

— Разве я не должна была знать об этом? То есть... это ведь дело сугубо личное, не так ли?

Вмешался Джонс:

— Именно так, поскольку это партнерство носит не только физический характер, но и сопряжено со связью на уровне сознания. Человек должен знать о том, где и когда найти волка, когда у того возникает потребность сбросить энергию. Поэтому ты должна знать о том, где находится Кевин.

— Но с какой стати я должна быть его Васо? Мы даже когда разговаривали с ним, обменивались парой фраз, не больше, и я, черт побери, у него на побегушках не была. — Я считала Кевина одним из самых близких друзей, но между нами не было той близости, о которой обычно думают в первую очередь. — И с каких пор вы стали приятелями, хотела бы я знать? Я считала, что Эдгар — из разряда «тяжелых случаев» и что вы за ним охотитесь.

Организация, на которую в прошлом трудился Кевин и к работе в которой он вернулся в последнее время, представляла собой нечто вроде околоправительственного агентства, в котором работали «черные» оперативники, охотившиеся на сверхъестественных преступников, именовавшихся «тяжелыми случаями».

Эдгар пожал плечами.

— Мы живем в мире, где альянсы то и дело изменяются. Теперь, когда ты вне игры, я подумал: помогу вытащить Лэндингема, и он перестанет так *активно* за мной гоняться.

Джонс согласно кивнул и достал с сиденья машины папку с файлами.

— Хьюитт — один из лучших, кто умеет проникать в крепко-накрепко запертые здания и выводить оттуда людей. Поэтому он будет нам полезен даже при том, что он больше не сотрудничает с Фирмой.

Мне совершенно не хотелось вникать в суть как первого заявления, так и второго, поэтому я не ответила Эдгару и не стала выспрашивать у Джонса подробности. Между тем узнать фамилию Эдгара было интересно. Почему-то из-за этого он стал меня меньше пугать. Чушь какая-то. Странно.

— Кроме того, Селия, — добавил Эдгар, мгновенно разрушив мое ощущение того, что он не так уж опасен, — меня не было рядом, когда ты убила Лилит и Лютера. И мне крайне любопытно узнать, насколько ты крута.

Другими словами, интересовало его вот что: сделала я это в одиночку или потребовалась целая армия для того, чтобы прикончить двух вампиров, одной из которых было больше тысячи лет? Я не ответила, только вздернула брови. С Лютером я расправилась сама, а в схватке с Лилит мне помог священник. Он задерживал атаки супервампирами сияющим крестом, а я швырнула в нее волшебный нож. Эдгар ни разу не видел моих ножей, и я не собиралась ему о них рассказывать. Пусть гадают, как все было. Он же заставлял меня гадать, откуда у него такой высокий уровень интеллекта. По идее, для вампиров такое было невозможно. Откуда у него сообразительность и здравомыслие для участия в нашей операции? И как он мог оказаться на парковке тогда, когда было еще довольно светло? Да, до заката было недалеко, и Эдгар предпочитал держаться в тени, и все-таки.

Тот вампир, который укусил меня, мог не спать в дневное время, но на улицу не выходил. А Эдгар? Эта мысль, прямо скажем, не радовала.

— Если вы уже выяснили, кто из вас круче, может быть, мы возьмемся за спасение моего брата, пока он еще жив? — раздраженно спросила Эмма.

Я еще никогда не видела ее такой злой. Но с какой стати теперь срываться на меня? Мы ходили по магазину часа три, и за все это время она не произнесла ни слова. А я-то в чем

виновата? Я посмотрела на Эмму, вздернув брови. Она покраснела.

Джонс протянул мне бежевую папку, и я ее открыла. Эмма в мгновение ока оказалась рядом со мной. Она наклонила голову, и ее золотистые волосы смешались с моими светло-русыми.

В папке оказалось немало скрепленных листов бумаги. Я быстро поняла, что это досье на определенных людей. Первым оказался Рональд Тарник, отец двух милых темноволосых девочек. Нахмутив брови, я начала читать о его совершенно нормальной жизни. Наверное, я чего-то не догоняла.

— Ну хорошо, — со вздохом произнесла я, — он был корпоративным исполнительным директором одного из мощных благотворительных фондов. Хороший дом, приличный доход, счастливое семейство. И что?

Джонс открыл для меня последнюю страницу досье Тарника. Это было решение суда, согласно которому Тарник приговаривался к пожизненному пребыванию в калифорнийской государственной больнице для лечения паранормальных субъектов, в народе именуемой «Зверинцем». Именно в эту больничку я всеми силами старалась не попасть по суду. Она была расположена на пустынной окраине моего родного городка Санта-Мария де Луна. Я видела телевизионные передачи об этом заведении, и от того, что показывали, волосы вставали дыбом. А от ходивших о «Зверинце» слухов легко могло стошнить. Судя по приговору, Тарник разбушевался и убил сорок человек на школьной распродаже велосипедов. Я вернулась на несколько листов назад, к первичному полицейскому отчету о происшествии, где было описано, как этот человек (оборотень в обличье волка) отгрызал детям руки и ноги, а затем пожирал эти самые руки и ноги, присыпав их сахарной пудрой.

Эмма выхватила у меня папку и прочла первые несколько страниц.

— Что-то тут не так, — сказала она. — Что-то не сходится. Ликантропы не могут так здорово маскироваться. Завести семью, долго трудиться в корпоративной организации, стать крупным менеджером, вести общественную жизнь, а потом... *такое*. — Она посмотрела на Джонса затравленным взглядом. — Что заставило его сорваться?

— В этом как раз весь вопрос. — Джонс постучал пальцем по краешку папки. — Все эти случаи — нетипичные. У Эми возникли подозрения. Она рассказала о них Кевину и сказала, что это какой-то очень серьезный сдвиг. Эми, подруга Кевина, тоже была оборотнем. — Она сказала, что у всех этих людей есть одно общее: все они не так давно побывали в «Зверинце». Тарник, например, хотел, чтобы его благотворительный фонд выделял средства этой больнице, чтобы улучшились условия содержания узников.

Джонс достал из середины папки еще одно досье, и я увидела фотографию красивой женщины с прической в стиле Фэрры Фосетт.²

— Тамара Корнит, также ликантроп. Такой же приступ ярости — и тоже все произошло на распродаже великов — на той же неделе, на двести миль южнее. Она побывала в «Зверинце» за несколько месяцев до происшествия — навещала тетку своего мужа, охранницу. Но они вообще встретились на автостоянке и вместе пробыли недолго — тетка мужа подписала какие-то бумаги, и все. Корнит даже внутрь больницы не входила.

— Но какое отношение все это имеет к Кевину? Он в последнее время зачастил на распродажи байков?

Джонс покачал головой и разжал губы, но слово взял Эдгар. Начало темнеть, он вышел из-под пальмы, облокотился о капот седана и с интересом наблюдал за нами.

— Нет, — сказал он. — По всей видимости, Эми всерьез заинтересовалась этими происшествиями и решила потолковать с людьми, чьи досье сейчас перед вами.

— Она мне говорила, — добавила Эмма, — что собирается попробовать раздобыть гостевой пропуск в «Зверинец». Она считала, что там что-то происходит, и ей хотелось все

---

² *Фэрра Фосетт* (1947–2009) — американская киноактриса, секс-символ семидесятых годов. Самая известная роль — телесериал «Ангелы Чарли».

увидеть собственными глазами.

— Она пробилась внутрь. — Джонс испустил звук, в котором прозвучало раздражение и отчаяние. — И ее решили там оставить. Ее заперли в клетку, и Кевин позвонил мне, чтобы я помог ее вызволить.

Эмма взорвалась.

— Они не смеют так поступать! Для помещения в тюремную больницу нужен приговор суда. Нельзя просто так отправлять кого-либо за решетку!

— Ты так в этом уверена? — С неподдельным удивлением спросил Джонс. — Эми — оборотень. Кевин решил, что у них там есть какое-то устройство типа сигнализации, настораживающее персонал. Пара пустяков — задержать посетителя, а потом истребовать ордер, санкционирующий задержание. И какой судья откажет в выдаче ордера, если ему скажут, что некто устроил побоище внутри больницы?

— Но больница уже переполнена. На кой черт им сдались новые заключенные?

Стоило только этим словам сорваться с моих губ, я поняла: в этом нет никакого смысла, но при всем том есть идеальный смысл. Множество людей мечтало бы о том, чтобы я оказалась в «Зверинце» — только за то, что у меня есть клыки.

— Мы считаем, что тут задействованы не только сверхъестественные правые, и не только бюрократия. Нет, тут нечто более... безумное.

Из-за того, как Джонс произнес последнее слово, у меня гадко засосало под ложечкой.

Эдгар мрачно улыбнулся.

— Вот-вот. Там идеальное местечко для демонического существа, чтобы окопаться. Хорошо известно, что психически неустойчивые субъекты легче поддаются одержимости. Добавьте к этому магические способности и...

О черт.

Большинство людей предпочитает не думать о тюрьмах. То есть умом все понимают, что тюрьмы необходимы, и покуда внутри этих учреждений ничего дурного не происходит, они остаются за границей нашего восприятия нормы. Но в то время, когда узники заперты в своих камерах, в каждую тюрьму ежедневно приходит немало людей и выходит наружу — начиная от сотрудников службы доставки и заканчивая посетителями — родственниками... и, безусловно, охранниками. Я на собственном опыте знала, как легко может уговорить кого угодно могущественный демон. Я ведь прекрасно знала, что он будет меня мучить и играть со мной, пока я не лишусь рассудка, а потом казнит меня страшной казнью, и все же мне пришлось биться с самой собой, чтобы не броситься в объятия беса по доброй воле. А тот, у кого с психикой были проблемы, мог стать очень легкой добычей демона.

— Ты сказал, что Эми удалось выбраться. С ней все нормально?

Джонс забрал у меня папку. Читать дальше не имело смысла. Я уже уяснила все, что было нужно.

— Нет. Она в коме. Мозг у нее функционирует, но она не просыпается. Мы не знаем, что с ней там сделали. Уоррен привлек к делу самых лучших экспертов в этой области — включая священников из боевых орденов. Они провели уже как минимум два обряда изгнания бесов. — Он немного помедлил. — Ее Кевин вывел, а его схватили.

— И вам пришлось переправить Эми в безопасное место.

Я все поняла. Всякий раз, когда люди моей профессии отправляются на работу — будь то охрана знаменитостей или необходимость вывести людей из-под огня, — всегда есть шанс не вернуться живым. Приходится выбирать, и на самом деле меня порадовало то, что Джонс сделал такой же выбор, какой бы сделала я. Из боя выносят раненых, а тех, кто способен передвигаться самостоятельно, оставляют. И как бы сильно я сейчас ни злилась на Уоррена, я знала, что у него ресурсов побольше, чем у многих. Он знаком со всеми в научном мире, кто причастен к исследованиям паранормального мира. Я по собственному опыту знала, что все религиозные лидеры планеты начали осознавать, что Калифорния становится очагом демонической активности. Военизированные подразделения христианских церквей вместе с мусульманскими, иудейскими и индуистскими отрядами дружно трудились, противостоя

истинному аду на земле.

Уоррен мог без труда найти тех, кто позаботился бы о душе Эми.

Я долго смотрела Джонсу в глаза. Из динамиков лилась мелодия «Oh, Come All Ye Faithful».³ Я кивнула. Мне было очень страшно, но я была обязана помочь.

— Ладно. Я в деле. Но если там — демонский оплот, мы не можем рисковать. Нам нужна поддержка в виде религиозного войска.

— Никакого войска нам не собрать. Времени нет, — сказала Эмма. — Да и кто нам поверит? Демоны умеют воздействовать на людей так тонко и хитро, что и в полиции, и в суде скажут, что мы чокнутые и что не происходит ничего доказуемого.

— Именно так, — кивнул Джонс. — И выбор у нас единственный: проникнуть в больничку точно так же, как мы это сделали прошлой ночью. Похоже, никто не догадался, как нам это удалось. Мы и назад должны были уйти тем же путем, но не получилось, потому что Эми была без сознания. Мертвый груз.

Это значило, что либо был совершен подкоп, либо пришлось взбираться по стенам. Будь путь ровным, и Кевин, и Эдгар могли нести на себе Эми хоть несколько часов. Значит, мне требовалось соответствующее снаряжение.

— Я, мягко говоря, не одета для такого приключения. Скажу так: пойдем, как стемнеет и когда я добуду кое-какие инструменты и подходящую одежду. Для Кевина не будет никакого толка, если мы не подготовимся ко всему, что на нас могут обрушить.

— У меня есть все, что нам может понадобиться. Время поджидает.

Ну, Джонс мог считать, что у него есть все необходимое, но он не знал, какие орудия имеются у меня.

— Без обид, но я бы предпочла для такого дела инструменты, с которыми я лично знакома. К тому же — я указала на своих пернатых друзей, — пустыня — не их дом родной. Надо, чтобы они отправились баиньки, а иначе они громко возвестят о нашем прибытии. Кевин — парень крепкий, еще пару часов продержится.

Во все, сказанное мной, я сама верила неопровержимо и постаралась, чтобы эта уверенность передалась окружающим. Джонс неодобрительно заворчал. Эдгар пожал плечами. Эмма долго молча смотрела на меня, потом шумно выдохнула и кивнула.

— Ладно. Отвезу тебя туда, где хранится твоё *снаряжение*, — буркнул Джонс и открыл дверцу машины. — Прошу.

Ну уж нет. Я цинично усмехнулась.

— Послушай, я не то чтобы тебе не доверяю, но... ладно, скажу прямо: я тебе не доверяю. И я бы предпочла, чтобы ты не знал, где я храню свои вещи. Не сомневаюсь, ты тоже предпочитаешь, чтобы об этом не знали другие. — О паранойя, имя тебе — Селия Грейвз. — Просто скажи, где и в котором часу мы встретимся.

В глазах Джонса промелькнуло изумление, тут же сменившееся обидой, однако их место тут же заняло уважение.

— У тебя навигатор есть?

Я кивнула. Джонс нырнул внутрь своей машины, нажал пару кнопок на панели своего «Garmin»⁴ и что-то написал на оборотной стороне конверта, который он поднял с пола.

— Воспользуйся этими координатами. Встреться со мной там через два часа. Мы с Хьюиттом начнем осмотр больнички. Как только ты приедешь, будем готовы к штурму.

В разговор вступил Эдгар:

— Я еще не питался, Джонс. Вряд ли ты хочешь, чтобы я набросился на какого-нибудь одержимого. Ох... Страшно представить, что может случиться потом. Но ничего хорошего

---

³ «*Приидите, верные*» — рождественский гимн, представляющий собой перевод католического песнопения «*Adeste fideles*».

⁴ Навигатор производства США.

— это уж точно. Конечно, было бы проще, если бы...

Фраза повисла в воздухе. Эдгар уставился на Джонса, вздернув брови.

Ну нет. Не мог же он вправду намекать на то, чтобы Джонс пожертвовал ему немного крови. Я слыхала о том, что кровь магов для вампиров более ценна, однако Джонс был, на мой взгляд, не из тех, кто бы на такое согласился.

Но он не выказал ожидаемого мной возмущения, а только чуть раздраженно покачал головой.

— Хорошо. Но не больше пинты. Я должен быть в самой лучшей форме.

Ой-ой-ой... И они так буднично об этом разговаривали!

— О боже! — вырвалось у меня. — Вы, наверное, шутите? Или действительно проделывали такое раньше?

Эдгара мой взрыв эмоций удивил.

— Селия, вампиры пьют кровь. Мы этим живем. Будет ли это Джонс, или незнакомый пьяница в темном переулке, или кто-то из твоих подружек — так или иначе, я сегодня намерен поесть. Я, в отличие от тебя, лишен такой роскоши, как возможность выбирать ту или иную пищу. И для тебя может настать день, когда ты этой возможности лишишься, поэтому советую тебе привыкнуть к этой мысли. Со временем ты обязательно станешь полноценным вампиром — случайно, намеренно или просто биология сработает. Это неизбежно.

В следующее мгновение — вероятно, для подтверждения своих слов, он схватил Джонса за руку. Джонс и глазом не моргнул, когда Эдгар разжал губы и обнажил изящные клыки. Его глаза вспыхнули красным светом. Эмма ахнула. Она спряталась за мою спину. Мне и самой хотелось отвернуться. Но я не могла оторвать взгляд от этих глаз, горевших дикой жадой крови. Вампир, живший внутри меня, рвался наружу. Мне страстно хотелось поучаствовать в этом пиршестве, а когда Эдгар впился зубами в нежную плоть, все мое тело содрогнулось. Я не ожидала, что мне будет стоять таких усилий сдержаться. Я зажмурилась, но и это не помогло. Я слышала негромкое чавканье — и каждый мой нерв напрягся, поэтому я зажала уши ладонями. Но на самом деле мне нужно было заткнуть нос, потому что сладковатый запах с оттенком меди, наполнивший воздух, заставил меня застонать. Тогда я резко отвернулась, чуть не наткнулась на Эмму и побрела прочь. При этом я налетела на Дону, возвращавшуюся из магазина с полными пакетами аппетитно пахнувшей еды. Эти ароматы позволили мне отвлечься от медного запаха крови. Донна принесла спагетти для Эммы, китайскую еду для себя, а когда я открыла глаза, я увидела высокий стакан с соломинкой — явно для меня.

Не успела Дона опомниться после нашего столкновения, как я уже поднесла соломинку к губам и сделала первый глоток. Напиток был теплым, густым, со вкусом фруктов и еще чего-то непонятного. Но что бы это ни было, напиток хорошо утолил голод вампира и человека.

Продолжая пить, я вопросительно посмотрела на Дону. Она протянула Эмме один из пластиковых контейнеров. Эмма с тоской уставилась на порцию спагетти, щедро сдобренную томатным соусом. Кровь Джонса капала на асфальт. При этом он спокойно взял у Доны свободной рукой одну из коробочек с китайской едой. Дона постаралась не подходить к нему близко. Взгляд у нее был такой же, каким она обычно одаривала своих родичей, закусывающих живыми сверчками. А такие родственники у нее были.

— Что это такое? — Я наконец выпила столько коктейля, что смогла оторвать губы от соломинки. Невероятно вкусно.

— Это мусс из разных ягод с добавлением большого количества мясной подливки. Я попросила парня из китайского буфета, когда он обжаривал говядину, слить кровяной сок в твой коктейль и добавить специй. Рада, что тебе понравилось.

Я так глянула на свой стакан, что Эдгар с Джонсом дружно расхохотались. Эдгар утер кровь с губ тыльной стороной ладони и сказал:

— По крайней мере, твои друзья мыслят здраво, Грейвз.

Сейчас, когда у него не были заметны клыки, он стал похожим на собранного, немного удивленного бизнесмена, а не на злобного кровожадного кровососа, которого мы только что видели.

Я не стала ему отвечать и сделала еще один глоток густого коктейля.

— Думаю, — продолжал Эдгар, — со временем тебе перестанет хватить говяжьей крови. Мы ведь не просто так ищем людей, чтобы попить их крови.

— А я обхожусь без этого, — буркнула я.

И я действительно обходилась. Я относилась к своему вампиризму как к пищевой аллергии. Я приспособливалась к своему состоянию, но твердо решила сохранить ощущение себя как личности и оставаться человеком.

Эдгар и Джонс продолжали хихикать, садясь в машину. Эдгар сел за руль, а Джонс открыл упаковку с китайской едой. Из двух одинаковых ранок на его предплечье сочилась кровь. Гадость какая. Мне совсем не хотелось работать с этими парнями. Ну да, они были профессионалами, и неслабыми притом, но пугали меня не на шутку.

— А в чем вообще дело? — спросила Дона.

Она позеленела и к своей еде притронуться не смогла. Она едва на ногах держалась. Меня не удивило то, как вампирская сцена подействовала на нее, — ведь всего несколько недель назад на нее напала супервампирша. А вдруг она рухнет в обморок чуть позже? Надо было позаботиться о том, чтобы Эмма осталась с ней.

— Тебе плохо? Мне жаль, что ты это увидела.

— Мне самой жаль. — Дона поежилась. — У меня такое чувство, что на этой неделе мне будет о чем потолковать с психотерапевтом.

А мне хотелось надеяться, что мне не придется стать напарницей Доны по посещению психиатра после того, как мы спасем Кевина.

Глава 3

Сорок пять минут спустя я уже была в своем кабинете на третьем этаже офисного здания и рассматривала содержимое оружейного сейфа. Мой сейф изготовлен из блестящей черной стали и надежно обработан охранными заклятиями. Он высотой от пола до потолка, занимает почти целиком одну стену и плоховато сочетается с остальной обстановкой. Мой кабинет обустроен очень женственно: стены персикового цвета, шторы с рисунком в виде махровых роз, мебель темного дерева. Сейф настолько тяжел, что для его установки пришлось основательно укрепить междуэтажные перекрытия. Это было непросто с технической стороны, а еще пришлось бегать по инстанциям и утверждать эту переделку, так как наше здание имеет историческую и архитектурную ценность. Но иначе сейф неизбежно провалился бы в ванную на втором этаже, которой пользовались единственный в нашем здании адвокат и его клиенты.

Я уже успела облачиться в одежду, более подходящую для тайных операций, — плотные черные штаны, черную водолазку и любимые ботинки «Франкенштейн» с металлическим подноском. Я захватила вязаную шапку, чтобы в случае чего убрать под нее волосы.

Первым делом я положила в специальные чехлы на подкладке куртки свои ножи. Эти ножи изготовил мой бывший возлюбленный, Бруно де Лука. Они были моими главными магическими артефактами. Бруно — один из самых сильных магов в стране, и у него ушло пять лет для того, чтобы хорошенько заковать эти ножи. Я содрогалась при одной мысли о том, как он, можно сказать, поил их своей кровью на протяжении целых пяти лет, дабы напитать волшебством. И я не сомневалась, что эти клинки освятил Маттео, брат Бруно — священник из военизированного монашеского ордена. Словом, это было идеальное оружие для охоты на демонов.

Одним из этих ножей я убила Лилит. Эта вампирша своей злобностью превосходила типичных кровососов. Представьте себе: она ухитрилась призвать к себе священника на

святой земле и укусить его. Вот какова была ее мощь. Когда я ее прикончила, лезвие ножа почернело. Сколько ни протирала, ни драила — никакого результата.

А близнец этого ножа по-прежнему сверкал серебром. Не так давно я была вынуждена преподнести его в дар королеве сирен — бог свидетель, как жаль мне было расставаться со своим любимым оружием. Королева Лопака вернула мне нож после того, как убила им другую королеву, свою родственницу. Похоже, эти клинки впитывали в себя душевную боль, но главное — они работали.

Я покачала головой. Нужно было сосредоточиться и трогаться в путь. За ножами последовала наплечная кобура, в которую я сегодня решила положить нечто посерьезнее моего обычного кольта. Мне требовалось оружие сокрушительной убойной силы, чтобы я могла остановить любого демона, на которого наткнусь в тюремной больнице. Свой выбор я остановила на «магнуме» сорок четвертого калибра. Затем я надела черный бронежилет — творение Исаака Леви, моего портного и оружейника. Жилет был снабжен множеством карманов и петель для разной амуниции. Я взяла пригоршню керамических дисков, обработанных заклятиями. Этими штуками могут с успехом пользоваться даже люди, напрочь лишенные каких бы то ни было магических способностей.

Я проверила каждый диск, чтобы убедиться, что не стерлись выпуклые символы на ребре. Во время боя времени читать подписи нет, поэтому такие диски различают по размеру, толщине и знакам на ребре. В один карман я сунула кружочки, с помощью которой можно было вызвать кратковременное затемнение, а в другой — «бомбочки», взрывающиеся с оглушительным грохотом и яркой вспышкой.

Оставалось надеяться, что другой мой знакомый маг, Джон Крид, скоро изготовит диск, позволяющий полностью магически обездвижить врага. Такая необходимость в моей работе возникала часто.

Мой взгляд упал на черную коробочку с крышкой на петлях. В коробочке лежал мой самый новый гаджет. Это был сканер периметра, способный выявлять демоническую энергию. После того как я лишилась первого прибора такого типа, подписавшись на работу, из-за которой чуть не погибла, я приобрела новый сканер — суперскую модель, украшенную освященным серебряным крестом. Точно такими же пользуются священники-воины. Для сканера нашлось место в третьем кармане бронежилета.

В дверь моего кабинета кто-то постучал. Мой рабочий день давно закончился, парадная дверь была заперта, но в нашем здании несколько офисов работают круглосуточно семь дней в неделю. К примеру, Бабба, поверенный по делам о условно-досрочном освобождении, чей кабинет находится прямо напротив моего. Адвокаты по ночам не работают, и, поскольку больше в здании, когда я приехала, никого не было, я крикнула:

— Бабба, входи!

— Закройся, — произнес знакомый голос, когда дверь открылась. — Меня впустил Бабба.

Вот вам и дьявольские штучки. В кабинет заглянул Джон Крид. Он выглядел роскошно. Я его не видела почти месяц, с тех пор как нас обоих пытался прикончить его бывший партнер по бизнесу из фирмы «Миллер и Крид». Во время боя Миллер погиб, и теперь Крид вернулся в бизнес, пытаясь спасти многонациональную корпорацию, которую они с Миллером строили десять лет.

— Минутка есть?

— Разве что только минутка. — Как только Крид вошел, я закрыла дверь сейфа. Сувалды встали на свои места с громким лязгом. Вместо зеленого на двери загорелся красный огонек, означавший, что сейф надежно закрыт. — Мне пора на работу.

— Ну, значит, я вовремя.

Крид был одет в серые костюмные брюки и белую рубашку. За расстегнутым воротом были видны курчавые завитки. Волосы песочного цвета у него на голове лежали плотными волнами. Рукава рубашки были закатаны до локтя, и впечатление было такое, словно Крид явился ко мне прямиком с долгого заседания совета директоров. Словом, выглядел он весьма

привлекательно. Загорелый, подтянутый, намного более спокойный, чем при нашей последней встрече. Это меня порадовало. Стоило Криду шагнуть ближе — и я ощутила знакомое покалывание кожи мелкими иголочками — так на меня действовала излучаемая им магическая энергия. Похоже, он не испускал ее намеренно, но я всякий раз откликалась всем телом. Добавим к этому еще и тот факт, что запах его парфюма вызывал у меня дрожь в коленках. Я ничего не могла с собой поделать. Я стояла и смотрела на Крида, как олень, ослепленный светом фар.

Заметив мою реакцию, Крид улыбнулся. Я покачала головой и испустила долгий выдох, пытаюсь освободиться от паутины чар.

— Ты так на всех девушек действуешь?

— На большинство, — признался Крид, слегка склонив голову. — Но с тобой получается острее. Возможно, это о чем-то говорит.

Возможно, это действительно о чем-то говорило, но вовсе не значило, что это к чему-то приведет. В данный момент мне было не до игры в ухаживания и свидания. Я знала, что эта игра приносит только сердечную боль, а у меня были дела поважнее. Я бросила взгляд на наручные часы. Крид заметил.

— Да-да, понимаю. Тебе пора. Я же говорил — я поспел очень вовремя... вот для чего.

С этими словами он извлек из брючного кармана маленькую коробочку. Она была примерно такого же размера, как моя крошечная поисковая машинка-сканер, которую я вытащила из кармана жилета в ответ.

— У меня уже есть, — сказала я. — Но за предложение спасибо. Вот если бы ты мне предложил диск, заклятый на обездвиживание, я бы взяла с радостью.

Крид негромко рассмеялся, а у меня от волнения засосало под ложечкой. Проклятье.

— Не было времени поработать над этим заклятием. Но такой штуки у тебя нет, ты уж мне поверь.

Еще два шага — и Крид остановился совсем близко ко мне. Он открыл коробочку, и я устремила взгляд на ее содержимое. Это было крошечное золотистое устройство размером со шмеля. Да и изготовлено оно было в виде мухи — радужные крылышки, большущие зеркальные глаза.

— О-о-о! — вырвалось у меня. — Что это такое? — Я действительно ни разу не видела ничего подобного, а это о чем-то говорило. Я помешана на гаджетах и постоянно ищу для себя новые игрушки на всевозможных выставках и шоу. — Потрогать можно?

— Конечно. Надеюсь, ты не откажешься опробовать этот приборчик для меня. В данный момент я называю его «Муха на стене», но маркетологи наверняка придумают название получше, если моей безделушке суждено пробиться в большой мир. — Крид вытащил электронное насекомое из коробочки и протянул мне. Как только «муха» села на мою ладонь, он нажал кнопку на крошечной коробочке. — Взгляни.

Я стала вертеть «муху» в пальцах, а когда Крид поднял повыше коробочку, я поняла, что устройство передает изображение с высоким разрешением на экран на дне коробочки. Половина экрана транслировала крупный план моего лица, а вторая половина — обзор всей комнаты.

— Я слышала о том, что начали выпускать камеры типа «летающих глаз», но никогда не видела таких крошечных и с таким четким фокусом.

— Ну, это можно списать на магию, — проговорил Крид с усмешкой, сказавшей мне о том, что мой восторг его порадовал. — Но это только полдела. Смотри.

Вытащив из коробочки маленькую бусину размером с дробинку, он прижал ее к крошечной пластине на спинке «мухи». В следующее мгновение у меня на ладони оказался настоящий овод! Лапки зашевелились, головка повернулась из стороны в сторону. Было полное ощущение, что я держу живое насекомое. Вынуждена признаться, что я восторженно вскрикнула.

— Какая прелесть!

— Это еще не все, — произнес Крид голосом подростка, хвастающегося новеньким

велосипедом. Он вытащил из углубления рядом с экраном маленькую антенну и миниатюрный пульт управления. Крылышки «мухи» завибрировали. Я отпустила ее, и она запорхала над моей ладонью. Команды с пульта повели «муху» по комнате. Какими бы резкими ни получались движения электронной мошки, изображение на экране оставалось резким и чистым. — Она еще и записывать умеет. Хочешь испытать ее в своей сегодняшней операции? Это прототип, а у тебя... такая интересная жизнь, что уж я-то знаю: ты сможешь дать моей малышке полную нагрузку.

Я, совершенно зачарованная, не отрывала глаз от экрана. Да, устройство идеально подходило для сегодняшней операции. С помощью этой «мухи» мы могли точно узнать, где именно в тюремной больнице держат Кевина, не рискуя при этом жизнью.

— Гм-м-м... Мне бы очень хотелось взять у тебя эту штуку, Крид. Но честно говоря, я не уверена, что устройство выдержит ночную работу. А работа предстоит суровая. «Муха» у тебя единственная, и будет нечестно, если она погибнет.

Глянув на Крида, я заметила, как переменялось выражение его лица.

— Тебе потребуется подкрепление?

Это было сказано совершенно серьезно. Я оценила предложение. Крид был мощным магом, и мне уже случалось видеть его в бою.

— Не исключено. — Я кивнула и вздохнула. — Но вечеринка не моя.

Крид немало лет проработал в системе безопасности и прекрасно понял, что я имею в виду. Он вернул «муху» к себе на ладонь и без слов убрал в коробочку. Меня восхитило то, как ловко и даже фамильярно он сделал это. У меня бы так не получилось. После того как устройство было выключено, Крид закрыл коробочку, положил мне на ладонь и накрыл моими пальцами.

От его прикосновения всю мою руку приятно закололо иголочками.

— Возьми. Похоже, она тебе понадобится, а если мне будет нужно, я сделаю еще одну. На самом деле... — Крид сунул руку в карман и извлек шарик с крошечным стеклянным окошечком. — Возьми еще и это.

— Что это такое? — спросила я, повертев шарик в руке.

— Это магический маячок. Если будет уж совсем жарко, раздави стеклышко кончиком ногтя или прокуси зубом, и я тут же явлюсь на помощь. Такие штучки есть у всех сотрудников «М и К». Честно говоря... — с улыбкой добавил Крид, — если ты активируешь именно этот маячок, тебе на выручку бросится не меньше дюжины оперативников. Устройство настроено на волну моей личной магии. А у меня немало сотрудников, готовых бросить все ради спасения парня, который подписывает их зарплатные чеки.

Я рассмеялась и убрала шарик в карман брюк. Мне хотелось, чтобы он был ко мне поближе. Конечно, попозже я могла бы спрятать «маячок» внутрь бюстгалтера. Туда редко лезут при обыске — даже плохие парни. А если мне суждено будет при обыске раздеться догола, то пусть шарик лежит там, где его стеклышко сможет разбиться случайно.

Я расправила плечи и снова посмотрела в светло-карие глаза Крида, в которых сверкали веселые искорки.

— Спасибо, Крид. Правда. За все.

Я была искренне благодарна Криду, и это прозвучало в моем голосе.

Он недовольно заворчал и нахмурился, потому что я только что нарушила правила. Крутые телохранители друг дружку не благодарят. Это считается дурным тоном и... телячьими нежностями. Смущение Крида заставило меня улыбнуться. Я порывисто потянулась к нему и обняла его. Вовсе я не собиралась этого делать, клянусь.

Когда наши тела соприкоснулись, произошло нечто неопишное. Даже кевларовый бронежилет, набитый гаджетами, не мог помешать проникновению магии Крида к моей коже. Напрягся каждый мой нерв, кожа покрылась пупырышками. А самое ужасное было в том, что я прекрасно знала, что Крид ни на йоту не пробудил мои сиренские чары. От этих моих чар он был защищен особым амулетом. Он хмыкнул, и я поняла, что реакция

получилась односторонней. Я попыталась отстраниться, но Крид мне этого не позволил. Его руки обхватили меня и крепко прижали, а его губы скользнули к моему уху и замерли, не прикасаясь к коже. Я чувствовала прикосновение теплого дыхания к мочке уха.

Меня охватила нешуточная паника. Все мое тело желало, чтобы он сорвал с меня одежду и швырнул меня на пол. Порой такие чувства у меня вызывал Бруно, но тут все было иначе. Нечто поверхностное. Похоть без эмоциональной глубины. Но из-за этого желание не становилось менее реальным. У меня давно не было секса, и мое тело знало, что ему нужно.

— Я должна идти, Крид.

В ответ на эти слова Крид провел руками по моей спине. У меня сжался желудок, и мои пальцы впились в его мускулистые плечи.

— Знаю.

Это слово влетело ко мне в ухо нежно, бережно... и двусмысленно. О чем он знал? Что мне пора было поспешить к месту деловой встречи или что мне хочется ощущать, как его пальцы касаются моей кожи, и чтобы его губы были недалеко от моих губ? Но тут я вспомнила, что он — опытный телепат. О черт. Я-то надеялась, что он хотя бы в этом ведет себя тактично, а он запросто мог понять, о чем я думаю, еще до того, как мои мысли обретут очертания.

Губы Крида скользнули вдоль моей шеи, его руки властно сжали мои бедра. У меня ком подкатил к горлу. Вот забавно: не так страшна была для меня схватка с демоном, как прикосновения этого мужчины.

— Да, точно. Очень интересно.

Услышав эти слова и чувствуя, как его губы ласкают мою шею, я вытаращила глаза. Ласки Крида были нежными, но мощными. У меня начали слабеть колени. Казалось, целую вечность мы стоим с ним так. В мозгу у меня все смешалось, я не могла связно мыслить.

— Ты должен отпустить меня, Крид.

С моих губ сорвался шепот, в котором я сама слышала страх. Кого же я боялась?

Крид ответил мне шепотом. Судя по словам, ему было весело, но тон был вполне серьезным.

— Это не я куда-то спешу. Это ты спешишь, Селия. Можешь уйти, если хочешь. Я не стану тебя задерживать.

Я не могла посмотреть на часы, потому что мои пальцы скользили по его мягким волосам. Я сама притянула его голову ближе, и его губы снова прикоснулись к моей шее. Плохо дело. Я осознавала, что веду себя плохо. Я была нужна Кевину. Может быть, он уже был при смерти в тюремной психушке, а я тут позволяла магу-красавчику сводить меня с ума. Руки Крида скользнули на мои ягодицы. Это было так приятно. Но в какое-то мгновение его руки замерли, а шепот зазвучал насмешливо.

— Ну, что же ты, Селия. Сосредоточься. Я знаю, что ты способна это перебороть, как перебарываешь свои страхи. Всеу свое время и место.

Его тон меня напугал и вывел из транса. Пульс замедлился до почти нормального. Вернулась способность соображать. Я поняла, что к чему. Крид был из тех, для кого на первом месте всегда дело, а всякие удовольствия — на втором. Совсем как я.

— А сейчас не время. Верно? Я слишком сильно стараюсь просачковать работу, а значит, есть риск сделать ее паршиво.

Он нарочно меня подзуживал. Отвлек меня от старых тревог и страхов и подтолкнул к тропинке, которая вела к чему-то новому. Включая предстоящую операцию. Я сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

— Спасибо, Крид. — Крид зарычал прямо мне в ухо. Я легко прикоснулась губами к его щеке и отстранилась. — Пожалуй, все выветрилось.

Я имела в виду не желание, а тревогу и страх. Мне стало спокойнее. Крид улыбнулся. Чаше он улыбался одними губами, а сейчас улыбнулись и его глаза.

— Но, безусловно, ты понимаешь, что это не кончено. Как видишь, мне было приятно.

Я не решилась опустить глаза, но я знала, что ему было очень приятно.

— В другой раз, в далеком будущем.
— Возможно. Или скорее, чем ты думаешь.
Прежний Крид вернулся — бабник и умелец флиртовать. Проклятье, до чего же он был хорош. Крутанувшись на каблуках, он направился к двери.
— Ты уж постарайся, — бросил он на ходу, — хорошенько опробовать мои игрушки. Вернешься с операции — сделай для меня письменный отчет.
Я сделала большие глаза и сложила отяжелевшие руки на груди.
— Можно подумать, у меня есть время писать отчеты! Пф-ф-ф! Я тебе позвоню.
Я постепенно возвращалась к своему обычному поведению, и это меня радовало. До сих пор я не осознавала, как сильно меня истерзали воспоминания и волнения.
Крид обернулся на пороге. Его глаза весело сверкнули.
— И я отвечу на твой звонок, но с условием, если ты согласишься со мной поужинать и рассказать подробности.
Неужели он решил назначить мне свидание? Наверное, изумление отразилось в моих глазах, потому что улыбка Крида сменилась усмешкой.
— Будем считать, что это — «да». — Он вышел из моего кабинета, и я услышала, как за скрипел старинный паркет в холле. — Я же сказал, — крикнул он с лестницы, — раньше, чем ты думаешь, Грейвз!
От звука его негромкого смеха мое желание проснулось вновь, но я улыбнулась. В последнее время я испытала немало боли и ударов судьбы, а Крид стал глотком свежего воздуха — ничего серьезного, никаких требований. И вдобавок — взаимное уважение. Возможно, сейчас мне было нужно именно это.

Глава 4

«Муха» сработала так же хорошо, как у меня в кабинете.
В некотором смысле — к несчастью.
Камера начала передавать изображения, от которых мне стало худо. Я видела накачанных снотворным людей, лежащих в клетках, стоящих рядами в подвальном помещении «лечебного центра». В такую клетку поместился бы датский дог. Они были сделаны из стальных прутьев толщиной с мое запястье. Ни мебели, ни туалета, ни раковины. Ряд за рядом — клетки, набитые обнаженными людьми, свернувшимися калачиком и спящими наркотическим сном. Даже в тюрьме «Супер Макс» было комфортнее, чем здесь.
— Отвратительно, — вырвалось у меня. — Нужно их всех выпустить оттуда.
Эдгар опустил бинокль ночного видения.
— Ты шутишь?
В его шепоте я услышала изумление и ужас.
— Ты бы лучше про нашу операцию думала, Грейвз, — сердито прошипел Джонс мне на ухо. — Если бы я знал, что у тебя гуманизм разыгрался, я бы тебя с собой не взял.
— Представь себе, разыграл, — тихо буркнула я в ответ. — Я бы даже собаку не посадила в такую клетку, где даже сесть прямо нет возможности. Что же это за жизнь?
— Дай-ка мне эту штуку.
Джонс бесцеремонно отнял у меня коробочку от «мухи» и начал работать пультом. Я хотела забрать у него подарок Крида, но он резко отодвинул мою руку.
— Черт побери, Джонс!
Он зыркнул на меня. Его глаза полыхали огнем, бушующим в его душе.
— Посмотри на экран, Джонс.
Он завел «муху» в одну из клеток. Мне не хотелось смотреть. У меня с болью сосало под ложечкой от мыслей о жизни этого бедолаги — вернее, отсутствия жизни. Джонс недовольно фыркнул и настойчиво повторил:
— Посмотри на экран. Хорошенько посмотри. Ни нарывов, ни вшей, ни грязи нет на коже у этого парня. Сегодня его мыли под душем или в ванне. Белье и рубашка у него

белоснежные. Почище, чем у меня в шкафу.

Ну ладно. Я все же заставила себя посмотреть. Джонс оказался прав. Я не заметила в клетке следов мочи и кала, а если бы этого человека держали в тюрьме давно, он был бы перепачкан.

— О. Но...

— А теперь взгляни на электроды у него на лбу, — продолжал Джонс. — Они вызывают сны. Улыбку заметила? Часть лечения в этой больничке направлена на то, чтобы вернуть человека к норме, чтобы он вспоминал о таких взаимодействиях с другими людьми, которые не сопряжены с жестокостью. Да, он в камере, в клетке. Смирись с этим. Все эти люди — сверхъестественные существа и, скорее всего, безумные. Если бы им дали достаточно пространства для движения, они, возможно, погнули бы прутья своих клеток или сами бы повредились, пытаясь сделать это.

Ох. Я почувствовала себя законченной идиоткой. Наверное, я покраснела, потому что мое лицо стало горячим, но хотя бы в темноте этого никто не мог заметить. Кроме вампира, конечно. А, ну да: и кроме мага с горящими глазами. Проклятье.

— Я побывал внутри, Грейвз. Не раз. И пойми меня правильно: в больничке есть места, куда заглядывать не стоит. Есть такие закутки, где может стошнить. Но в этом отсеке — хорошие, порядочные надзиратели.

— Почему же все заведение не может быть таким?

Ну вот, теперь я пыталась отстоять то, что только что ругала на чем свет стоит. Некоторым людям трудно угодить.

Джонс покачал головой.

— Ну, ты и фрукт, Грейвз.

Песок набился под одежду, у меня все тело чесалось.

— Нам нужно найти Кевина. Получается медленно. Когда мы попытаемся проникнуть внутрь?

Мне ответил Эдгар:

— Когда будем готовы. Когда будем уверены, куда идем. Попадем внутрь — там уже не спрячешься, Селия. Как только мы пересечем магический защитный барьер, он завопит во всю глотку, а потом нас раньше или позже непременно обнаружат. Это не такая операция, при которой можно незаметно юркнуть внутрь и так же незаметно выбраться обратно. Чтобы уцелеть, и туда и обратно мы сможем попасть только грубой силой. Вероятно, при этом погибнут люди, и убивать их будем мы.

Ух ты. А ведь я на это не подписывалась.

— Ребята, я уже на коротком поводке. Еще одна ходка в суд — я стану новенькой в этой больничке. Вам обоим почти наверняка удастся спрятаться под свои личные камешки, а мне в этом городе еще работать. А почему мы не можем тайком пробраться внутрь и выбраться наружу?

Джонс удивленно фыркнул.

— Ты вооружена прибабасами двадцать первого века и наделена сверхъестественными способностями, а хочешь совершить проникновение со взломом в духе киношки времен Второй мировой?

Я пожала плечами. Это было не так-то просто сделать, находясь внутри ТРУБЫ.

— Если бы все получилось, почему бы и нет?

— Ты и свои сиренские чары хочешь применить? А Кевин мне сказал, что ты сама напугалась того, что натворила с приспешниками Эйрены.

Я похолодела. Кевин сказал правду. Пытаясь остаться в живых, спасти Эмму и не дать вырваться на волю могущественному демону, я вступила в схватку с принцессой-сиреной за власть над сознанием ее наемников. В итоге этого поединка разума у несчастных парней совсем не осталось. Из боя и их вывела, но дала себе клятву больше никогда не манипулировать людьми. Ком сдавил мне глотку, и я попыталась представить, как бы поступил на моем месте кто-то другой. Желчь подступила к горлу, пришлось ее сглотнуть.

— А без меня не получится?

— Пробраться внутрь без применения силы и вынести оттуда Кевина так, чтобы натренированные в магическом плане охранники ничего не заметили? — Джонс фыркнул так громко, что это мог кто-нибудь услышать, если бы находился поблизости. — Вряд ли, черт побери.

Итак, мне предстояли свирепые стычки с охраной, и, может быть, даже могло потребоваться кого-то убить. Либо тихое тайное проникновение, при котором не исключалась манипуляция сознанием людей, дабы они делали то, что я хочу. Для них это был риск лишиться рассудка. Блеск. Ну блеск, да и только.

Может быть, существовал третий путь? «Муха» работала отлично, но не слишком быстро. Из-за медленного поиска мы теряли уйму времени. Я собралась с мыслями и, глядя в темноту, прошептала:

— Вики? Айви? Вы здесь, девочки?

Воздух так похолодел, что даже Джонс удивленно огляделся по сторонам.

— Что за чертовщина?

Я вытащила из кармана жилета тонкий фонарик и взяла его так, что его свет не смог бы заметить никто, кроме меня, Джонса и Эдгара.

— Вики, это ты?

Фонарик мигнул один раз. Значит — «да». Два мигания означало «нет». Грубоватый способ общения, но он работал. Духи остаются в нашем измерении, если у них остались какие-то незавершенные дела. Либо нужно разыскать своего убийцу, либо что-то важное передать любимым людям. Я точно не знала, зачем дух Вики по-прежнему оставался в мире живых, но до сих пор она мне очень помогала, когда нужно было тайком куда-то заглянуть. Вики была не единственным призраком в моей жизни. Существовала еще Айви, моя младшая сестренка, умершая ужасной смертью, когда мы с ней были маленькие.

— Ты сможешь найти Кевина внутри здания?

Фонарик мигнул один раз. Вики была знакома с Кевином столько же лет, сколько я. Однажды она сказала мне, что видела его в зверином обличье. Это могло помочь, если он сейчас обернулся волком.

Джонс смущенно и раздраженно прошептал:

— Какого черта ты творишь, Грейвз? С кем ты разговариваешь?

— С Вики Купер. Помнишь ее? Моя ясновидящая подружка из Берчвудз, помнишь?

— Да. Она умерла.

— Почти совсем. Поздоровайся, Вики.

Эдгар издал странный звук и протянул мне бинокль ночного видения. Его взгляд был изумленным. Странно видеть улыбающегося вампира.

— Вот, погляди.

Я посмотрела в бинокль и не удержалась от улыбки. Я протянула бинокль Джонсу, чтобы он увидел на затуманенном окуляре написанное слово «Привет» и значок.

Я вздернула брови. Наверное, мой взгляд стал победным.

— А теперь пора поиграть по-моему. Вик, если можешь, разыщи, пожалуйста, «муху», управляемую вот этим пультом, и отнеси ее туда, где держат Кевина. Может быть, ты сумеешь моргнуть лампочкой, если клетка Кевина со стороны наружной стены?

Фонарик мигнул один раз.

— Айви тоже здесь?

Две быстрые вспышки. Не знаю, почему меня это взволновало, но я задала довольно глупый вопрос, если учесть, что спрашивала я о призраке.

— Она себя хорошо чувствует?

Последовала серия очень быстрых вспышек. Я ничего не поняла. Возможно, мне следовало выучить азбуку Морзе. То ли Вики не поняла вопроса, то ли на него не так просто было ответить.

— Ладно. Это не так уж важно сейчас. Завтра поговорим. А сейчас разыщи Кевина. Хорошо?

Одна вспышка. И сразу потеплело.

Джонс молча покачал головой. Он явно не поверил собственным ушам и глазам. Я пожала плечами и проговорила:

— Послушай, ты — маг, он — вампир, а я вампиро-сирено-человек. Почему не попросить духа помочь оборотню?

— Чертовски невероятно.

Джонс, Эдгар и я, прижавшись друг к другу, уставились на крошечный экран. Сначала никаких изменений не было. «Муха» зависла в воздухе, ожидая распоряжений. Но потом ее подхватил ветерок и понес вдоль по проходу. Ночная темнота огласилась воем заключенных, которые то ли видели призрак, то ли просто ощутили присутствие Вики. Охранники насторожились, но причину беспокойства понять не смогли. Датчики не сработали, красные лампы не зажглись, а на муху, парящую под потолком, никто не обратил внимания.

Изображение на экране мелькало слишком быстро, но я успела разглядеть пару лестничных пролетов и разных дверей, которые могли вести наружу, но это оставалось под вопросом. Но я знала, что «муха» сохраняет изображения для дальнейшего просмотра. Я не знала, какой емкости жесткий диск у этого приборчика, но наверняка гигабайт-другой памяти у «мухи» имелся.

Наконец «муха» остановилась в каком-то помещении, и мы наконец увидели Кевина. Он был обнажен и прикован к столу. Он был жив — его грудь поднималась и опускалась, но было заметно, что его мышцы обмякли, а значит, он был без сознания.

— Эти синяки и ссадины у него уже были, когда вы туда отправились за Эми?

Джонс едва заметно покачал головой.

— Все это появилось после того, как его сцапали. По идее, сейчас все ранки у него уже должны были зажить.

Обычно у оборотней очень быстрая регенерация — почти как у вампиров. Что-то мешало заживлению ран Кевина.

В комнате начал мигать свет. Мы посмотрели, что происходит выше этого этажа. Точно так же мигали лампы на третьем этаже, в дальнем конце здания.

— Эдгар, ты можешь лететь и нести человека?

Эдгар усмехнулся.

— Кажется, был какой-то детский фильм, в котором это было классно показано.⁵ С грузом я летать не могу. Зато могу стильно падать.

Я не удержалась от смеха. Я тоже смотрела этот фильм.

— Джонс, а хоть какой-то магией пользоваться можно будет после того, как мы преодолеем охранный барьер? Мои бомбочки и заклятые диски там работать будут?

Джонс надолго задумался, постукивая кончиком пальца по краю пульта управления «мухой».

— Задача барьера — не допустить магического воздействия на систему безопасности больницы — любого воздействия, которое может быть классифицировано как попытка способствовать побегу. Но возможен шанс усилить систему защиты в нашу пользу.

А-а-а-а.

— Значит, если мы укрепим барьер в определенных местах...

Джонс закончил за меня фразу с улыбкой:

— Например, перед брешью в стене... тогда можно будет сбросить мощность защиты с остальной протяженности барьера.

Неожиданно на пульте управления «мухой» вспыхнул красный огонек. Видимо, устройство обладало некоей функцией, о которой Крид не упомянул. У нижнего края экрана

---

⁵ Скорее всего, речь идет о фильме «Вампиреныш» («The Little Vampire»).

замерцало набранное красными буквами слово «демон». Некто демонический вошел в камеру Кевина. Демон принял обличье то ли фельдшера, то ли медсестры — если судить по белому халату. Дамочка держала в руке циркулярную пилу. Если бы мне сказали: назови самое неподходящее место для строительной пилы, я бы назвала больницу. «Медсестра» уставилась на бесчувственного оборотня с нескрываемой радостью и включила пилу в розетку. Мать честная! Время начала операции резко приблизилось.

Джонс тоже это понял.

— Входим, — рывкнул он. — Вперед.

Эдгар, не дожидаясь команды, двинулся к подкопу под стеной. Я устремила за ним с такой быстротой, на какую были способны мои затекшие от долгого сидения на корточках ноги. К счастью, Вики — не просто какой-нибудь дух. Когда мы помчались вдоль стены здания больницы, в камере Кевина погас свет. Длина здания равнялась целому городскому кварталу. Эдгар начал взлет на высоту третьего этажа. В этот момент металлический стул ударился о прутья клетки. Осколки посыпались на меня и Джонса.

Естественно, сработала сигнализация, но прерывать операцию уже было поздно. Пульт управления «мухой» я держала в руке. Бросив взгляд на экран, я увидела, что Вики сотворила ветер, благодаря которому розетка вылетела из стены вместе с вилкой и проводом от циркулярной пилы. Теперь шнур то отлетал в сторону, то налетал на «медсестру» и бил по ее физиономии вилкой. Но стоило мне переместить «муху», чтобы увидеть Кевина, как «медсестра» это заметила.

Она схватила «муху» в полете и уставилась в электронные «глаза». В результате с одной стороны на экране появилось лицо демоницы целиком. Звук «муха» не передавала (я решила, что стоит посоветовать Криду внести эту функцию в новую модель), но не было никаких сомнений в том, какие слова произнесла «медсестра»:

— Привет, Селия.

У меня закололо в груди, и я выронила пульт. Не так давно я пережила обряд экзорцизма, призванный прервать мою связь с одним конкретным демоном.

Демон оставил шрамы у меня на груди, похожие на рубцы после царапин, нанесенных острыми когтями. В первое мгновение мне показалось, что жжение охватило именно шрамы, но нет, боль была глубже. Словно бы кто-то сжал мое сердце. Ничего хорошего.

Я понимала, что за тем, что творится в больничке, может стоять тот самый могущественный демон, но столкнуться с ним после того, как я фактически умерла и была воскрешена врачами и священниками... просто жуть.

Мне хотелось замереть и закричать, но я сдержала этот порыв — помогли тренировки, опыт и здравый смысл. В нашу сторону бежали охранники. Чисто инстинктивно я вытащила из кармана жилета «бомбочку», швырнула ее и сунула пульт в карман. «Бомбочка» взорвалась, но взрыв получился вовсе не ослепительным и оглушающим. Так, хлопушка на детском празднике. Проклятье. Но мой арсенал «бомбочками» не ограничивался. Я швырнула вперед грязевую бомбу. Наполненная водой под давлением, она при взрыве создала грязевую лужу площадью в три квадратных фута. Охранники поскользнулись и упали на колени. Можно сказать, земля ушла у них из-под ног.

Эдгар начал вырывать прутья из бетонной оконной рамы, а Джонс сорвал чеку с боевой гранаты и швырнул ее в стену. При этом он быстро прочел заклинание, которое увеличило силу взрыва.

Защитный барьер отреагировал на взрыв и «залатал» брешь. И естественно, в это место перетекла магическая энергия с какого-то другого участка. Я ощутила, что давление на мое тело ослабело, и смогла двигаться почти как обычно.

Моя следующая «бомбочка» сработала идеально. Охранники не успели подняться из грязи. Я бросила взгляд на экран пульта и увидела, как одержимая демоном медсестра летает по камере. Такой призрачный торнадо получился. А мне нужно было разбудить Кевина и приготовить его к побегу. Никто из нас не смог бы нести его на себе, поэтому нам предстояло прикрывать друг дружку.

— Прикрой меня, Джонс! — крикнула я, но в данный момент работало заклятие безмолвия, поэтому с моих губ не слетело ни звука. Тогда я попробовала применить один сиренский прием, которому быстро обучилась, находясь на острове Безмятежности. Я уставилась в затылок Джонса, занятого резкими передвижениями воздуха вокруг нас, что не позволяло охранникам при стрельбе сделать меткий выстрел. Джонс вздрогнул и едва заметно повернул голову в мою сторону.

Я попробую связаться с Кевином. Прикрой меня от охранников. Когда я войду в мыслительный транс, я могу не заметить их приближения.

Джонс не ответил мне ни словесно, ни мысленно, но позицию сменил и закрыл собой меня.

Странно было видеть бой, идущий в полной тишине. Даже торнадо наверху крутился беззвучно. К сожалению, при таком раскладе я не могла поговорить с Вики. Она прекрасно справлялась со своей задачей и не пускала в камеру Кевина охранников, но не давала войти и Эдгару. В итоге он отчаялся и опустил на землю. Теперь они вместе с Джонсом отгоняли охранников от меня.

Я сосредоточила свои мысли и направила их к Кевину. К нему — избитому, измученному, не способному себя защитить. Да, он был засранцем. Да, я была жутко зла на него. Но это вовсе не означало, что я позволю какой-то гадкой демонице отпилить его ноги.

Кевин. Ну давай, дружище. Услышь меня. Очнись.

В сознании Кевина я ощутила нечто наподобие гладкой, безликой стены покоя. И создана была эта стена не только тем, что Кевина избили до бесчувствия. Были еще и наркотики. Куча наркотики.

Кевин. Проснись. Ты нужен Эми.

К счастью, обмен веществ у оборотней просто поразителен. Чем чаще я мысленно произносила имя Кевина, тем тоньше становилась преграда в его сознании. Сама не знаю, как я могла это ощущать, но ощущала.

Кев...

— А-а-а-а!

В итоге Кевина пробудил мой крик. Я плохо реагирую на пулевые ранения. Пуля попала мне в плечо. Я упала на спину и увидела вокруг себя намного больше людей, чем их было тогда, когда я начала пытаться достучаться до Кевина. Боль была сильная и вызвала у меня реакцию, которой следовало ожидать. Вампир, живший внутри меня, вырвался наружу, и я, не сумев сдержаться, бросилась на первого попавшегося охранника.

Но крошечная частичка человеческого, остававшаяся во мне, помогла мне отказаться от желания вонзить клыки в шею охранника, несмотря на запах крови, наполнивший воздух... Вместо этого я схватила винтовку, вырвала ее из рук охранника и заехала ей по его нижней челюсти, как дубинкой. Охранник рухнул как подкошенный и замер. Но до этого момента я успела заметить его красные горящие глаза и поняла, что одержима бесом здесь не только медсестра. Я выхватила из чехла волшебный нож с почерневшим лезвием и прижала его плашмя к груди поверженного охранника. Даже будучи без сознания, он вскрикнул — беззвучно. Оставалось надеяться, что я только что отправила демона в ад, где ему было место.

В это мгновение в мир вернулись звуки, и на мои барабанные перепонки обрушились крики, визг, завывание сирены, треск пальбы. Но все звуки перекрывал яростный рев боли и гнева, доносившийся сверху. Сунув нож в чехол, я увидела Кевина у окна. Его волосы развевались под порывами ветра, поднятого духом Вики. Охранники тоже запрокинули голову, увидели Кевина и прицелились в него.

Ну уж нет. Они его не пристрелят. Этому я могла помешать. Я вовремя набросилась на одного из охранников. Пуля, выпущенная им, угодила в бетонный блок в футах от окна.

Мы с охранником схватились врукопашную. Мое плечо сковала жгучая боль. Большого труда мне стоило удержаться от крика. Эдгар напал на охранника слева от меня, не дав тому потянуть спусковой крючок. Он взгромоздился на несчастного, словно паук, прижал к земле

его руки и ноги, зашипел и оскалил клыки. Я отвернулась в то самое мгновение, когда Эдгар резко опустил голову, а охранник дико закричал.

В следующий миг я заметила другое движение. Кевин решил не задерживаться на окне, чтобы еще кто-нибудь его не подстрелил. Он спрыгнул вниз. Человек при прыжке с высоты третьего этажа мог бы сломать ноги, а Кевин ловко сгруппировался и мягко приземлился. Его лицо было искажено гримасой ярости.

Кто-то схватил меня за руку и рванул к себе. Это была раненая рука. От боли я зашипела, развернулась и врезала кулаком тому, кто причинил мне такую боль. Но Джонс — увертливый малый, стоит отдать ему должное. Он уклонился от удара, и мой кулак пролетел мимо его уха.

— Пора.

Он поднял свободную руку. Его глаза полыхнули магическим огнем.

Воздух сжал мои виски. Я думала, у меня голова взорвется. А потом весь мир окрасился в ослепительно белый цвет.

Глава 5

— Между прочим, вампирская регенерация при перестрелках тебе не помощник.

Мужской голос с сочным джерсийским акцентом вернул меня в сознание. Я узнала того, кто говорил со мной, и распахнула глаза. Гаэтано — медик, который уже однажды латал меня, покачал головой и сделал на моем плече глубокий надрез скальпелем. К счастью, я не ощутила ничего, кроме давления, а значит, мне, скорее всего, ввели морфий и добавили к нему успокоительное заклинание.

— Рана затянулась прямо над пулей. Если я ее не вытащу, будет больно всякий раз, как только ты пошевелишь рукой.

— Уж лучше пусть так заживает, чем наоборот, спасибочки.

Язык у меня еле шевелился. Казалось, что он разбух. И голову приподнять я не могла. Радовало то, что Гаэтано был из разряда хороших парней — уж по крайней мере он был получше тех, кто в меня стрелял. Ну, ясное дело, я помогала бежать заключенному, так что плохим парнем можно было считать и меня, и Гаэтано, который меня штопал.

— Кстати, — еле выговорила я, — а мы хорошие или плохие?

Гаэтано улыбнулся и смешливо фыркнул.

— В разные дни — по-разному, Грейвз. Сегодня мы были хорошими.

Я вспомнила горящие глаза медсестры, улыбавшейся и державшей в руках циркулярную пилу. Я содрогнулась и мысленно согласилась с Гаэтано. Его руки более решительно прижали мое плечо к кровати. Звякнул металл. По всей видимости, хирург добрался до пули. Странное ощущение в плече подсказало мне, что мой организм начал перерабатывать обезболивающие. Скоро могло стать больно — возможно, еще до того, как Гаэтано закончит операцию. Наверное, стоило отвлечься и думать о чем-то другом.

Я лежала на кровати. Мягко, застелено простынями — значит, кровать. Но что это за кровать и как я здесь оказалась? Не поворачивая голову, я посмотрела по сторонам. Похоже, кровать стояла в полуподвале какого-то дома. В углу я увидела водонагреватель, а за мускулистой рукой Гаэтано разглядела начало лестницы.

— Где мы?

Порой самый прямой подход — он же и самый лучший.

— В конспиративном доме, — ответил Гаэтано, сосредоточившийся на своей работе. — Прекрати болтать, иначе лекарства быстрее выветрятся. Ты побледнела.

Понятно.

— Добавишь?

Гаэтано скосил на меня глаза. Глаза у него были карие и красивые, а взгляд — сердито-удивленный.

— Я в тебя уже закачал столько наркоты, что здорового мужика можно было на тот

свет отправить, Грейвз. Если ты просто расслабишься и перестанешь думать, все лекарства сработают как надо.

— Селия.

Гаэтано снова оторвался от работы.

— Что-что?

— Селия, а не Грейвз. Я тебе не солдат.

Он снова фыркнул и покачал головой.

— Если так, то ты не с теми ребятами связалась. — Гаэтано прикоснулся руками, затынутыми в испачканные кровью латексные перчатки, к моему лбу. — А теперь расслабься и дай мне закончить работу, ладно?

С этими словами он закрыл мне глаза.

У меня на груди лежало что-то теплое и вибрирующее. Я пошевелилась — и оно тоже пошевелилось. Мои веки разжались медленно. Ощущение тепла и движения было так приятно. Но я увидела только рыже-белую шерсть. Что могла делать наша офисная кошка, Минни-«Мышеловка» в конспиративном доме?

Но в следующее мгновение я поняла: мы вовсе не в конспиративном доме. Я находилась в своем кабинете и лежала на диване. Я прикоснулась к кошке и пару раз погладила ее по спине. Минни замурлыкала громче. Я приподняла ее и бережно опустила на пол. Мурлыканье прекратилось, кошка недовольно зыркнула на меня зелеными глазницами, нашла ближайшее солнечное пятно на ковре, уселась и принялась мыть мордочку лапкой. Я села, сразу пожалела об этом и снова легла. Я пережила суровый бой. Судя по тому, как двигалось мое плечо, под рубашкой у меня была явно наложена повязка. А на мне была не черная водолазка с дыркой на плече, а рубашка на пуговицах. Значит, пока Гаэтано меня оперировал, я была раздета. По идее, это не должно было меня так уж сильно волновать. Но почему-то волновало.

Мой бронежилет, одежда и запястные чехлы с ножами были аккуратно сложены на моем письменном столе. Первая мысль была такая: проверить сейф. На замке по-прежнему горел красный огонек, но откуда мне было знать — вдруг кто-то приложил мою ладонь к панели и деактивировал магический компонент замка? Хотелось верить, что ничего такого не произошло, но Джонсу я не слишком доверяла.

Я осторожно повернулась на бок, медленно приподнялась и села. Зашуршала бумага. Я оглядела себя и сунула руку в карман запачканных кровью джинсов. Я надеялась, что кровь на них высохла к тому моменту, когда меня укладывали на диван. Наконец я извлекла из кармана сложенный в несколько раз листок бумаги.

Я не встречаюсь с солдатами и коллегами по работе, но ты не то и не другое.

Позвони мне.

Гаэтано.

Далее значился номер телефона — и что не удивительно, местный. А как иначе Гаэтано мог уже второй раз за месяц оказаться там, где надо, по первому зову и с полной медицинской экипировкой?

Не было ни гроша, и вдруг... Вот у меня всегда так. Целых пять лет я даже на спор не могла ни с кем закрутить роман. А теперь мужики полетели на меня стаей — совсем как чайки, наверняка кружившие за окнами моего кабинета.

Беда была в том, что жизненный опыт мне подсказывал: это не торт, а только глазурь. Роман с мужчиной, который магически обречен поклоняться земле у тебя под ногами, — для меня не то же самое, что уважение ко мне и оценка меня как личности. И не важно, могла я с этим что-то поделать или нет. Мне вовсе не хотелось уподобиться одной из голливудских старлеток, жалующихся на то, что никто не уважает их недюжинный ум. Причем жалобы эти

они чаще всего излагают по пути к пластическому хирургу, намереваясь в очередной раз увеличить размер сисек. Возможно, мне стоило приобрести побольше антисиренских амулетов и выдавать их всем встречным и поперечным.

Я встала и подошла к письменному столу. Первым делом я проверила все карманы бронежилета. Пуля прошла там, где и следовало ожидать: между двумя пластинами кевлара. Ткань в этом месте почернела и слегка обуглилась. Ну и ну! Трассирующими пулями стреляли, что ли? В дырку пролезал мой безымянный палец. Я решила, что стреляли калибром.30–06,⁶ но по идее охотничья пуля должна была пробить меня насквозь. Пожалуй, стоило-таки звякнуть Гаэтано и просить, что он вытащил из моего плеча.

Из карманов не пропало ничего, кроме того, что я истратила в бою. Плохо это было или хорошо — трудно сказать. О, будь проклята моя паранойя. Я помнила не меньше тысячи жутких заклятий, которые могли содержаться внутри невинных с виду керамических дисков. То есть я могла решить, что швыряю грязевую бомбу, а в итоге чуть не задохнуться из-за того, что рядом со мной исчез кислород.

Я вздохнула. «Лучше перестраховаться, чем потом огорчаться» — моя любимая поговорка. У меня в сейфе есть полочка для разной неопознанной хрени. Я всякое такое там храню, пока не выпадает возможность показать экспертам, чтобы мне растолковали, что это такое. Все мои керамические диски отправятся на эту полочку.

Я прижала ладонь к сенсорной панели оружейного сейфа и ввела код. Последовала долгая пауза. Я к ней успела привыкнуть. Раньше мой сейф открывался моментально, но это было до укуса вампира. После этого моя ДНК изменилась, но технари заставили сейф открываться — его «убедили» в том, что я беременна. Что будет, когда минует девять месяцев, не знает никто. «Нужно будет ввести в компьютерный календарь-напоминание, — решила я, — на дату накануне „родов“, чтобы за день до этого все вытащить из сейфа». Просто жутко было подумать, что я не сумею взять из сейфа то, что мне нужно, только из-за того, что забуду про этот день. Наконец механизм издал подтверждающий сигнал. Кувалды замка клацнули. Технари говорили мне, что этот звук должен слышаться везде, по всему зданию. Я открыла дверцу. Все выглядело в точности так, как тогда, когда я запирала сейф. На сердце у меня легчало.

Я уложила не слишком надежные керамические диски на полочку и принялась рассовывать по карманам бронежилета другие, когда в дверь тихонько постучали. Мы с Минни одновременно обернулись. Кошка вопросительно мяукнула, а я в то же мгновение произнесла:

— Да?

Получилось немного страшновато, но все же довольно мило.

— У тебя тут все в порядке?

В дверь заглянула Дона, а за ней — Дотти, — такие разные и внешне, и внутренне.

— Мы услышали, как открылся сейф, — добавила Дотти.

Дона — наша секретарша и администратор. Она моя ровесница, наполовину вьетнамка, невероятная модница. Она потрясающе смотрелась в пиджаке и юбке вишнево-красного цвета и кожаных туфлях на высоченных шпильках. А Дотти — очаровательно-рассеянная старушка, пользующаяся «ходунками». Сегодня на ней был ярко-красный велюровый джемпер. Две половинки целого... или видение, в котором каждый мог увидеть собственное будущее. Дотти — наш запасной администратор. Она пришла к нам работать, когда Дона некоторое время лечилась от нервного расстройства в клинике. Насколько мне было известно, теперь она продолжала лечение амбулаторно. А Эмма находилась в клинике постоянно.

---

⁶ Калибр 7,62463 мм (.30–06 Springfield) — стандартный винтовочный унитарный патрон США времен Первой и Второй мировой войны и войне в Корее. Принят на вооружение США в 1906 году (отсюда название данного калибра). Являлся основным патроном армии США с 1906 до 1952 г. Калибр.30–06 применяется до настоящего времени как популярный охотничий патрон, а также для спортивной стрельбы.

— Двигаюсь кое-как, но хожу. Который час? — Судя по солнечным пятнам на полу, было никак не меньше десяти утра, но я могла ошибаться. — Надеюсь, я хотя бы точно знаю, какой сегодня день. Кто-нибудь подскажет, когда меня сюда привезли?

Дона пожала плечами, а Дотти сказала:

— Судя по протоколу системы безопасности, трое мужчин и одна женщина вошли в здание сегодня в семь тридцать утра.

«Кто именно были эти трое?» — сразу же возник у меня вопрос. Но тут я заметила, что другие слова Дотти удивили Дону не меньше меня.

— А у нас теперь есть протокол системы безопасности? — спросила я.

— И определяется пол вошедшего? — спросила Дона.

Дотти кивнула. Я встретила взглядом с Доной, и мы тоже кивнули — в унисон.

— Мило, — произнесли мы с ней одновременно и дружно расхохотались втроем.

Я решила, что нужно проверить, что еще фиксирует наша система безопасности.

— Да, — спохватилась Дона, — и сейчас двадцать минут одиннадцатого. Кое-кто тебе звонит, а кое-кто ждет в приемной. Мне их отфутболить или ты с кем-то из них поговоришь?

Хотела ли я с кем-нибудь видеться? Честно говоря, чувствовала я себя не так уж плохо. По идее, я должна была проголодаться, но голода я не ощущала. «Что бы это могло означать? — на миг задумалась я. — Может быть, Джонс или Гаэтано влили в меня что-нибудь питательное?» Да, я была немного слаба, но не настолько, чтобы послать куда подальше работу.

— Смотря о ком речь, — ответила я Доне.

— Звонит твой бывший психотерапевт, Гвен. Говорит — что-то важное. А в приемной ждет детектив Александра. Она уже почти час ждет, но говорит, что если потребуется, будет ждать хоть весь день.

Черт. Но, с другой стороны, меня могли ждать люди и похуже. К примеру, моя мать. Но она сидела в тюрьме, и это одна из тех причин, почему я некогда посещала психотерапевта.

— Я ей сказала, что у тебя выдалась трудная ночь. Успешная, кстати? Я до Эммы не смогла дозвониться.

Дона решила не углубляться в подробности, поскольку рядом была Дотти. Я Дону поняла, но в скрытности не было особой необходимости. Дотти, как и Эмма, была ясновидящей. Как-то уж так получилось, что среди моих знакомых было немало пророчиц. Ясновидящей была и покойная Вики. На самом деле я была уверена в том, что Дотти заранее видела все, что произошло ночью. Она мне говорила, что, с тех пор как познакомилась со мной, ей стали являться образы моего будущего — как правило, из разряда грозящих мне опасностей. А как же иначе? В детстве на меня наложили смертельное проклятие.

Я кивнула.

— Мы вывели Кевина, и когда я его видела в последний раз, с ним все было в порядке. Больше я ничего не знаю. А с Эммой ты наверняка не можешь связаться, потому что она вернулась в Берчвудз. Так... Сначала поговорю с Гвен, потом приму Алекс. Все остальное нормально? Есть причина, почему вы обе сегодня в офисе?

Дотти лучисто улыбнулась мне. Ее глаза сверкали с радостным волнением.

— Дона учит меня разбираться со счетами.

Отлично! Я боялась, что Дона воспримет появление Дотти как намек на свое психическое состояние. Но теперь я смотрела на нее, и улыбка Доны не казалась мне притворной. Однако узнать истинный ответ на свой вопрос я могла только при встрече с глазу на глаз.

— Хорошо. В этом месяце мне как раз надо будет отправить несколько счетов.

Да, черт побери, в частности, я намеревалась отправить счет правителю Руслундии — как минимум на сумму, равную стоимости яхты моего друга Баббы. Бабба оказал мне огромную помощь, чтобы король Дальмар смог повстречаться с моей прапра... (точно не знаю, сколько раз «пра») бабушкой, королевой сирен. Яхта пострадала просто жутко (представьте себе, как в океане тонут ее огромные обломки), и я просто обязана была купить

Баббе новую. Нет, он меня об этом не просил, но наши отношения стали... чуточку более натянутыми, чем были.

Я вытянула руки перед собой и слегка покачала ими.

— Ладно-ладно. Дайте мне пять минут поговорить с Гвен. Приготовьте для Алекс кофе или еще что-то.

— Уже приготовила. Гвен — на второй линии.

Дона вышла и закрыла дверь. Я дождалась момента, когда со стороны лестницы донеслось позвякивание «ходунков» Дотти, и только тогда села за свой письменный стол. Я бы предпочла, чтобы она со своим артрозом не ходила по лестнице, но разве ее остановишь? Бог свидетель: я пыталась. А она мне сказала: «Я достаточно взрослая, я все знаю сама и с последствиями тоже сама разберусь».

Я уставилась в одну точку и попробовала вспомнить свой последний разговор с Гвен. Она отказалась взять меня к себе в качестве пациентки, и это было очень обидно. Много лет назад она помогла мне сохранить рассудок после того, как нас с сестрой похитили и Айви погибла. А потом Гвен заболела, и ей пришлось бороться за свою жизнь. Она просрочила обновление своей врачебной лицензии. Какое-то время я посещала доктора Скотта и доктора Хаббард в клинике Берчвудз, где когда-то лечилась Вики. Но теперь у доктора Скотта возникли собственные проблемы, а доктор Хаббард... она была очень хорошим доктором, но с Гвен — никакого сравнения.

Зачем она могла мне звонить теперь? Может быть, передумала и снова решила со мной поработать? Я надеялась, что она не скажет, что разочаровалась во мне после недавних публикаций обо мне в таблоидах. Огорчить Гвен — сильнее этого было бы только довести мою бабушку до слез, когда она плакала и говорила, что «это самые худшие дни в ее жизни». От одной мысли о том, что я услышу от Гвен строгие слова, у меня засосало под ложечкой, а в гортани возникло жжение, как при приливе желчи.

«Ты имеешь право ожидать хорошего, Селия».

Я припомнила спокойные, но уверенные формулировки Гвен, и облегченно вздохнула и опустила плечи. Я сделала глубокий вдох и нажала клавишу ответа.

— Привет, Гвен. Извините, я заставила вас ждать. — Я еще нервничала, но сразу заговорила с Гвен четко, по-деловому. — Чем могу служить?

— Доброе утро, Селия. — Голос Гвен звучал спокойно, собранно. Он не был ни сердитым, ни взволнованным. Это могло означать что угодно. — Надеюсь, я позвонила не в неудачный момент?

Гм-м-м. Ну, это — как сказать. *Неудачный* — это настолько относительное понятие.

— Нет. Вовсе нет. Меня ждут, но несколько минут у меня есть.

— Прекрасно. Надеюсь, ты сможешь заехать ко мне в офис, чтобы мы поговорили. Мне сообщили кое-что, и это напрямую касается тебя.

К ней в *офис*? Вот это да! Я облегченно вздохнула.

— Конечно. Какой день вы предлагаете?

Одному богу было известно, как я смогу втиснуть эту встречу в свой график. Я схватила перекидной календарь и начала переворачивать страницы. Ох. Ничего хорошего. На этой неделе на каждое утро у меня были запланированы встречи с потенциальными клиентами, а во второй половине дня и по вечерам — работа. До самого Рождества. Декабрь у телохранителей — самый жаркий месяц. Почти каждый день устраиваются праздничные вечеринки и бенефисы, где тусуются знаменитости. При этом звезды желают светиться, но чтобы к ним не подпускали фанатов определенного сорта — слишком пылких обожателей.

— У меня есть пара свободных часов в понедельник утром. Девять?

Последовала тягостная пауза. Гвен горько вздохнула.

— Я надеялась, что мы увидимся сегодня. Дело довольно срочное.

Срочное?

— Насколько срочное? У меня в последнее время все не так уж плохо.

Так оно и было, хотя я отдавала себе отчет в том, что нагло игнорирую большинство

проблем. Я надеялась, что праздничные каникулы пролетят быстро и доставят мне минимум неудобств. Сама я не любительница рождественских праздников, как ни старается моя бабушка меня порадовать. Я всегда освобождаю для нее утро Рождества. Мы садимся в сад под деревом и пьем кофе со свежее испеченными бисквитами — но не более того. Но в остальном — пусть этим праздникам радуются те, кто находит в этом счастье. К примеру, Дона. И Эмма. В Рождество они становятся такими сладенькими и добренькими, что у меня просто зубы скрипят от раздражения.

Я услышала новый вздох Гвен.

— Речь не о тебе, Селия, хотя мне хотелось бы услышать, что у тебя на самом деле происходит.

Так и знала, что она меня подловит.

— Речь о твоём друге. Я бы предпочла об этом не говорить по телефону. У тебя найдется время заскочить ко мне сегодня?

О друге? В моей жизни не так много людей, подходящих под это определение, но те друзья, которые у меня есть, для меня очень важны.

— Да, конечно. Нужно договориться на конкретное время, или я просто заеду, когда смогу?

— Можешь заехать, когда получится. — Кроткая пауза, а потом: — Я работаю в Берчвудз.

От изумления я вздрогнула.

— Как? Почему?

Наверное, в моем голосе прозвучала нотка ужаса. Из клиники Берчвудз меня раньше срока выписал доктор Скотт. Я знала за что: главный врач был справедливо возмущен тем, что одна из моих кузин, сирена, миновала все пропускные пункты на входе в клинику так, что ее никто не подумал остановить, а после этого моя милейшая сестрица подвергла доктора Скотта психической манипуляции, чтобы кое-что выведать обо мне. Но... черт побери!

Немного удивленно Гвен проговорила:

— Я думала, ты знаешь. Я — новый главный врач. Об этом объявили в газетах на прошлой неделе. Конечно, сеансы психотерапии с пациентами я проводить смогу только тогда, когда будет обновлена моя врачебная лицензия, но клинике понадобился новый руководитель после того, как доктор Скотт стал пациентом, а я для такой работы вполне подхожу.

Ага. Вот оно что. Все стало понятно. В последнее время я старалась не читать прессу — совсем как кинозвезда, замешанная в скандале.

— Простите, я редко читаю газеты. Но — мои поздравления!

Я была искренне рада за Гвен. Новый главврач — значит, новые правила, так что мое изгнание из клиники могло быть отменено росчерком пера.

Я знала, что Джефф Скотт нуждается в психотерапии. Я сама ему это советовала — из лучших побуждений, искренне. Его психика сильно пострадала от мозговой атаки, совершенной подонками, которые нас с ним похитили. Судя по описанию доктора Скотта, это было нечто вроде психического изнасилования. Его мучили ради развлечения. Почти всех этих мерзавцев я убила или покалечила, но Джефф так и не оправился от пережитого. Я его очень хорошо понимала. Подобные происшествия калечат психику, и выбраться из лабиринта собственного сознания помогает только психотерапия.

— Спасибо. Значит, ты заедешь сегодня? Я передам на пропускные пункты, чтобы тебя впустили.

Возможно, это будет не так-то просто сделать. Главный охранник, Джерри, когда-то был моим добрым знакомым — до того, как я спасла целый стадион бейсбольных болельщиков, подвергнув психической манипуляции его и нескольких копов. После того случая Джерри пошел крестовым походом на сирен. А я до сих пор не знала, сам ли он этого захотел или над его психикой потрудились моя кузина Эйрена.

Мы попрощались с Гвен. Держа в руке телефонную трубку, я нажала клавишу окончания разговора. Я чувствовала себя... странно. Я была очень рада тому, что снова смогу стать пациенткой Гвен, но меня немного пугало то, о чем она собиралась со мной поговорить. В Берчвудз в данный момент на лечении находилась Эмма, но у нее дела шли неплохо. Ее время от времени отпускали — как вчера, когда мы ходили по магазинам. Кроме тревоги за брата, она особо ни на что не жаловалась. Дона лечилась амбулаторно, и у нее дела тоже шли неплохо. Я не понимала, о чем может идти речь, и мне хотелось как можно скорее прыгнуть в машину и помчаться прямой наводкой в клинику. Но внизу меня ждала Алекс, а на одиннадцать часов у меня была назначена встреча с частным сыщиком, которого я наняла по посмертной просьбе Вики. Сыщику предстояло выяснить подноготную таинственного наследника, которому Вики отвалила немалую сумму денег.

Я нажала клавишу селектора.

— Да, милая?

Я уже успела привыкнуть к такому обращению, как и другие арендаторы офисов. Как не растрогаться при виде голубых водянистых глаз и терпеливой улыбки Дотти?

— Попросите Алекс подняться ко мне, пожалуйста.

— Конечно, милая. Но ты уже поела?

Я вздохнула. Нет. Конечно, я еще не поела. Если я попала сюда в семь пятнадцать, а проснулась в десять пятнадцать, то мне очень даже пора было перекусить. Вот только я не была сильно голодна, а почему — не могла понять. Но голод порой мог застигнуть меня внезапно — как это случилось в молле.

— Спасибо за напоминание. Дайте мне пять минут.

Дотти без слов положила трубку. Да, неплохо было перекусить, а еще — взглянуть на свое плечо. Раньше единственный холодильник в здании стоял в комнате для ланча на нижнем этаже, но поскольку мне теперь полагалось питаться каждые четыре часа, я решила, что будет неплохо поставить холодильник и у меня в кабинете. Кроме того, отчасти из-за Дотти мы продумывали вопрос об установке лифта. Официально наше здание считалось памятником архитектуры, поэтому лифт мы могли установить либо эпохи ар-деко, либо наружный, который не нарушил бы внешний вид здания. Тогда витражное окно между первым и вторым этажами превратилось бы в дверь. Мы уже дважды устраивали собрания арендаторов, но к соглашению пока не пришли.

Рано или поздно мне придется что-то решить с лифтом, если, конечно, завещание Вики сработает. Здание она завещала мне. Я пока не говорила об этом соарендаторам. Я знала, что Бабба не огорчится, а вот Рона — адвоката, контора которого занимала большую часть первого этажа, могла хватить кондрашка. Но что тут поделаешь? Рон был засранцем. На видеозаписи, которую мы смотрели во время зачтения завещания Вики, она даже спросила, не стоит ли ее призраку явиться в тот момент, когда я оглашу Рону ее волю.

Достав из мини-холодильника бутылочку шоколадного коктейля, я отпила половину и отправилась в ванную. В зеркале, обрамленном ярко-розовыми полосатыми обоями, я увидела свое отражение. Выглядела я отвратно. Не удивительно, что Дона спросила, все ли со мной в порядке. Лицо в пятнах запекшейся крови, волосы торчком во все стороны.

Когда-то у меня была бледная, почти прозрачная кожа, и я быстро обгорала. А теперь кожа у меня стала белая, как мел, — такая, что люди вроде заботливого папаши в магазине пытались обрызгать меня святой водой. Наверное, эта бледность еще сильнее бросалась бы в глаза, если бы мои волосы не были светло-русыми. С темными волосами я бы выглядела как покойник трехдневной выдержки. Мы с подружками экспериментировали с палитрой косметики, чтобы я выглядела более... натурально. По магазинам вчера мы походили более или менее сносно: никто не кричал и не улепетывал от меня во все лопатки, пока я не впала в вампиризм и не начала светиться. Словом, тональную пудру и румяна мы выбрали правильно. Я приобрела три набора пудры и румян. Один для дома, второй для офиса и третий — на всякий пожарный — положила в косметичку.

Рубашка, в которой я проснулась, оказалась мужской... и судя по тому, как она на мне сидела, этот мужчина был порядком накачан. Я понюхала воротник, надеясь понять, кому принадлежит рубашка, но пахло чисто выстиранным хлопком и кондиционером фирмы «Downy». Сняв рубашку, я с радостью увидела, что на мне есть бюстгальтер. Странно — почему такие мелочи, как стыдливость, могут успокоить человека. Но на лифчике темнели пятна крови, кровь была и на бинтах повязки. Так, подсчитаем... Три часа. Могла ли рана зажить под бинтами? Душ принять можно? Гм-м-м.

Нет. Пожалуй. Стоило повременить с душем еще полдня. Гаэтано сказал, что ему пришлось повторно вскрывать рану. Придется обтереться губкой и вымыть волосы над раковиной. Алекс меня поймет. Ей не раз случалось принимать участие в грязных разборках.

Через пятнадцать минут я вымылась, высушила волосы феном, подкрасилась и переделалась в свою одежду. В шкафчике с полотенцами теперь появилась и полка для одежды, поэтому я всегда могла надеть что-то такое, в чем не стыдно принять посетителей. Отчасти мы с Доной и Эммой отправились по магазинам и для этого. Для «новой меня» бледные цвета неплохо сочетались с черным или насыщенными тонами типа бордового, поэтому я надела черные джинсы и бледно-желтый джемпер с вышивкой в виде нежно-голубых и розовых розочек. Получилось не так уж плохо в сочетании со светло-коричневыми тенями для глаз и нежно-розовыми румянами. Не кричаще, не вызывающе, не угрожающе, не слишком по-вампирами.

Поскольку я не знала, в каком качестве ко мне пришла Алекс — как просто Алекс или как детектив Хетер Александра, мне, естественно, не хотелось выглядеть угрожающе. Вы тут ничего нехорошего не увидите, офицер. Мирная, добропорядочная гражданка, а вовсе не клыкастое чудовище, которое по ночам шастает по тюрьмам, а белым днем пугает покупателей в магазинах.

Я допила коктейль по дороге от ванной до своего кабинета. После зубной пасты напиток мне понравился больше. Вкус шоколада приятно сочетался с прохладным привкусом мяты. Производителям следовало более напористо продвигать этот продукт на рынке.

Алекс ждала меня в кабинете. Она сидела в кресле для посетителей и читала последний номер «Bodyguard Quarterly» — профессиональный журнал для телохранителей. Теперь почти у всех есть свои профессиональные журналы, а в этом издании всегда можно узнать о новых гаджетах. Черт! Я вспомнила, что, обследуя свой бронежилет, не нашла в нем «муху». Да, паршиво. Меня совсем не порадовала мысль о том, как я буду докладывать Криду, что потеряла его прибор. Но еще оставалась надежда, что «муха» затерялась где-то у меня в машине.

— Доброе утро, Алекс. Извини, что заставила ждать. Водички хочешь?

Алекс повернула голову и встретила мое появление вздернутыми бровями. В ее взгляде я прочла одобрение. Я обошла журнальный столик, а Алекс ловко швырнула на него журнал. Меткость у нее была поразительная: пролетев пять футов, журнал лег поверх стопки своих собратьев. Ну просто приземление олимпийского гимнаста.

— Привет, Селия. Не откажусь.

Вид у Алекс был слегка понурый, но при всем том решительный. Да, тяжело потерять любимого человека, а особенно тогда, когда этого человека убили. Если верить слухам, то Алекс, как и я, с головой ушла в работу, чтобы побороть боль и пустоту. Пожалуй, у меня получалось лучше. Алекс неплохо поработала над собой в плане косметики, но я поняла, что она похудела и в углах ее губ залегли новые морщинки. Она взяла у меня стакан с минеральной водой.

— А ты хорошо выглядишь.

Я пожала плечами и села в офисное кресло.

— Пытаюсь подобрать тона макияжа, чтобы не выглядеть, как... ну, ты понимаешь.

Алекс кивнула и сделала глубокий вдох. Я чувствовала, что отчасти Алекс осуждает меня за то, что я не распухла от слез. Но такое со мной творилось пару недель, а потом

немного полегчало, потому что Вики осталась рядом в виде духа. Порой мы с ней разговаривали. Я вспомнила, что хотела расспросить дух Вики об Айви. Черт, как я могла забыть. Алекс сказала:

— Ты не отвечаешь на мои звонки, а на меня давит начальство.

Понятно. Значит, она пришла ко мне в качестве копа. Игра в невинность — всего лишь игра, но я владею ее приемами неплохо. Я не собиралась паниковать и сдаваться на милость Александры вплоть до момента крайней необходимости.

— По какому поводу?

— Департаменту нужна твоя помощь. Патрульные полицейские начинают нервничать. Требуют защиты.

Я замерла.

— Защиты? От кого?

Алекс довольно долго молчала. Мой вопрос ее явно смутил. Потеребив пальцами край пиджака, она сунула руку в карман и начала дробно постукивать по полу ногой. Мне случилось видеть, как она это делала раньше, перед тем, как собиралась рассказать Вики о каком-то преступлении, ею предсказанном.

— Требуют антисиренские амулеты. У двоих копов, над сознанием которых поизмывалась Эйрена, симптомы посттравматического стресса. Наш штатный психолог говорит, что помочь им хотя бы начать выкарабкиваться может только защита от подобного воздействия в будущем. — Алекс одарила меня взглядом, в котором смешались возмущение, отчаяние и страх. — Я, как могла, сопротивлялась тому, чтобы эта проблема коснулась тебя, но боюсь, меня прижмут еще сильнее, если мне не удастся уговорить тебя пожертвовать немного волос или кожи для изготовления антисиренских амулетов. Ты — единственная сирена, знакомая полиции, а я — единственный сотрудник полиции, знакомый с тобой.

Вот это да. Я честно и откровенно не знала, что на это ответить. Я понимала, что такое страх, когда ты не владеешь собой и что-то делаешь против своей воли. Осознал ли ты потом, что тобой манипулировали, — это было почти все равно. Я искренне сочувствовала пострадавшим полицейским, но я была оскорблена и встревожена, потому что образцы ДНК также могли быть использованы для совсем недружелюбных заклятий, а несколько копов охотились за мной, как за вредным для общества монстром. Кроме того, сам собой напрашивался еще один вывод:

— На самом деле им нужны амулеты, которые бы действовали конкретно против меня, да? Насколько я понимаю, колдунья, приписанная к вашему ведомству, сообщила тебе, что таких амулетов существует два сорта. Для изготовления настоящего антисиренского амулета требуется гораздо больше магической энергии, и его нужно периодически перезаряжать. Неужели ты готова вправду просить меня нарушить закон, основанный на прецеденте столетней давности о запрете дискриминации магов-одиночек? Я закон нарушать не намерена, поэтому получится, что меня накажут еще до того, как преступление будет совершено.

Конечно, я не имела в виду прошедшую ночь. И я даже толком не знала, нарушила я какой-то закон или нет. Помимо того что я набросилась на одного охранника, чтобы не дать ему выстрелить в Кевина, самое худшее из моих действий заключалось во взломе магического защитного барьера, а я не уверена, что попытка *проникновения в тюрьму* является преступлением. Ведь фактически это не я вывела Кевина наружу.

Алекс вздохнула в знак согласия, но была обязана озвучить точку зрения властей.

— Вот только речь не о тебе одной. Дело в том, что королева Лопака отправила письмо губернатору штата, в котором утверждается, что ты — официально признанная персона королевской крови. Кроме того, Лопака выступила с заявлением для прессы о том, как она горда тем, что среди ее потомков есть гражданка Калифорнии... Очень скоро к тебе нагрянут с визитами как представители властей штата, так и могущественные маги. Это станет дополнительной нагрузкой для нашего ведомства. Как мы сможем защищать горожан от гостей, которые способны ковыряться в мозгах у наших граждан?

Мать честная. Лопака... и губернатор? Господи боже, мне в самом деле стоило начать читать газеты. Удивительно, как еще ко мне на улице не начали кидаться десятки репортеров с микрофонами?

— А когда это все произошло?

Вот тут удивилась Алекс. Морщинки на ее лице разгладились, и она стала сильнее похожа на ту Алекс, какая была мне знакома. Не совсем подруга, но не чужой человек.

— Ты что, в пещере живешь? Газетчики не толпятся у тебя под дверью по одной простой причине: на этой неделе гвоздь программы — не ты. В Калифорнии есть и другие люди с примесью сиренской крови — мужчины и женщины, но не все они способны манипулировать чужим сознанием. В данный момент газетчики этого еще не выяснили.

Ага. Вот теперь стало понятно.

— А не имея амулетов, никто из ваших парней не хочет рассказывать прессе обо мне, потому что у них поджилки трясутся — а вдруг я им отомщу. Так?

Алекс имела милосердие слегка покраснеть. Она неплохо держалась, но я точно знала, что я попала в точку.

— Знаешь, я не вижу в этой ситуации никаких плюсов для себя, Алекс. Нет никакого способа узнать, будет ли амулет, сделанный с помощью моих волос или кожи, действовать против других сирен, даже если ваша ведомственная колдунья добавит пару-тройку заклятий. Если я дам тебе ДНК для изготовления амулетов, тогда копы, которые уже не пылают ко мне любовью, смогут воспользоваться этой ДНК для бог знает чего. Пресса начнет охотиться за мной, и я не смогу заниматься своей работой. Какой мне от этого прок?

Александра пожала хрупкими плечами и тряхнула короткими светлыми волосами. В этот момент я услышала характерный щелчок. Такой звук издавал маленький цифровой диктофон, которым я пользовалась для заметок. Алекс *записывала* наш разговор? Так... Ну, это уже нарушение целого ряда законов. Однако совершенно неожиданно Алекс расслабилась и фыркнула. По всей видимости, закончив запись нашей беседы, она стала вольна выразить собственное мнение о распоряжении начальства департамента.

— Вот именно. Я пыталась втолковать им, что ты — не дура и все поймешь. Но я обещала попытаться. И попыталась. Я поступлю именно так, как ты сказала, и откажусь. Это просто нелепо. Приписанная к нашему департаменту колдунья не смогла сказать ничего определенного об эффективности этих амулетов. Сказала, что надо просто попробовать и посмотреть, что будет. Но ей самой эта идея не нравится. Говорит — слишком рискованно.

— А ты понимаешь, что я могу подать в суд на департамент и на тебя лично за то, что ты записывала наш разговор без моего разрешения?

Алекс кивнула, но ничего не сказала — наверное, подумала, что я занималась тем же самым — то бишь, тайком записывала нашу беседу. А я не записывала, хотя теперь понимала, что стоило бы, черт побери.

— В качестве любезности я была бы весьма признательна за официальный отказ... под запись. — Алекс сунула руку в карман. — Готова?

Я подняла руку.

— погоди. Давай минутку поговорим об этом.

Мне могла представиться потрясающая возможность заключить закулисную сделку. Ведь мне было отчаянно нужно рассказать какому-нибудь официальному лицу о том, что творится в тюремной больнице. Да, это мог взять на себя Джонс, а возможно, как раз его фирма за всем этим и стояла. Трудно сказать что-то наверняка, когда речь идет о теневых правительственных организациях.

— Я согласна с тем, что полиция просто обязана быть имунна к психическим манипуляциям — даже к моим. Это разумно. И я знаю людей, которые знают, какие амулеты помогают защититься от всех сирен. Но мне неохота делиться своей ДНК, поскольку я совершенно не уверена в том, что она будет использована *исключительно для этой цели*. И, честно говоря, у меня есть проблема, которую ты могла бы решить... или хотя бы помочь в ее решении. Так что — у меня предложение заключить сделку.

Алекс прищурилась, но кивнула.

— Я вся внимание.

— Беда в том, что я не могу рассказать тебе о своей проблеме все, не упомянув о других людях, которые совсем не хотят, чтобы о них упоминали.

Алекс снова кивнула.

— Я тебя слушаю. Мне это не нравится, но я слушаю.

— Для начала давай-ка положим диктофон на стол, чтобы мы с тобой обе видели, что я не собираюсь ляпнуть какую-нибудь глупость, забыв, что микрофон включен.

Тоненький серебристый с черным диктофон в следующее мгновение лег на крышку моего письменного стола. Устройство было пленочное, а не цифровое. Меня это не сильно удивило. Многие копы вернулись к кассетным диктофонам с тех пор, как не так давно, при расследовании преступления в Мичигане, цифровая запись была изменена с помощью несложного заклинания. Возврат к старой технике благоприятно воздействовал на местную экономику. Фабрика по производству кассет на окраине города, закрывшаяся в девяностые, снова заработала и, чтобы удовлетворить возросший спрос, стала работать в три смены.

Магнитофонная лента не двигалась, но для пущей убедительности Алекс вытащила из диктофона микрокассету и положила на стол рядом с диктофоном. Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула, а Алекс взяла серебристо-красную банку с водой и сделала большой глоток.

— В «Зверинце» заключенные и тюремщики одержимы демоном. Я хочу, чтобы полиция отправила туда священников. Пусть они там хорошенько поработают и очистят больницу от бесов, пока зараза не распространилась.

Алекс явно не ожидала услышать от меня что-то подобное. Она вытаращила глаза, захлебнулась колой, закашлялась, и часть напитка пролилась на стол. Мне удалось вовремя откатиться на кресле от стола, и брызги не попали на мой джемпер. Я набрала из коробки пригоршню салфеток и принялась вытирать кока-колу с полированного дерева, а также с кассеты и диктофона. Кашель Алекс в других обстоятельствах меня рассмешил бы. Но не сегодня. Наконец она овладела собой и проговорила:

— Прошу прощения. Почему ты так думаешь?

Я откинулась на спинку кресла. Мысли заметались у меня в голове. Так много было того, о чем я сказать не могла.

— Об этом я тебе сказать не могу. А могу сказать, что присутствие демона зарегистрировал сканер, а потом я получила визуальное подтверждение. — Я беспомощно подняла руки вверх и посмотрела в большие зеленые глаза Алекс. Я понимала, что многого от нее хочу. Для того чтобы детектив из городского отдела полиции затребовал сведения об учреждении, находящегося в подчинении властям штата, нужно было преодолеть порядка десяти уровней бюрократических барьеров. Да, я могла бы позвонить в один из боевых монашеских орденов, но тогда мне пришлось назвать себя и ждать, пока до проверки моего заявления дойдет очередь. Запрос от Алекс все-таки мог пойти в обход всяких очередей. — Боюсь, тебе придется поверить мне на слово. Ты же знаешь, я не стала бы просить, если бы не чувствовала, что это очень важно.

Алекс начала барабанить пальцами по столу. А я не знала, что она грызет ногти. Раньше я этого не замечала, а сейчас на некоторых пальцах ногти были отгрызены чуть не до крови. Алекс сильно нервничала. Я должна была убедить ее, но как?

— погоди! Вики тоже там побывала! Ты сможешь, если она подтвердит мои слова?

Алекс просияла. Законом давно было установлено и признано, что духи лгать не умеют.

Алекс пристально посмотрела на меня и перешла на восторженный шепот:

— Вики? Ты здесь, дорогая?

Ответа не последовало. В комнате не стало холоднее, и ветерок не пошевелил мои волосы. Я огорчилась, но не удивилась.

— Она ужасно устала. Она вчера вообще навещала тебя?

Алекс кивнула.

— Она явилась сразу после сумерек и слушала мой рассказ о том, как прошел день. Все не так... как было раньше, но хотя бы что-то. А потом она внезапно исчезла. Наверное, потому что ты ее позвала?

В голосе Алекс прозвучала боль, но я ничем не могла ей помочь. Я не знала, что Вики предпочтет помочь мне в беде, а не останется со своей страдающей и одинокой возлюбленной. Королевы сирен утверждают, что Вики — мой дух-хранитель. Я в этом ничего не понимаю. Я знаю только, что наша дружба была не только «до могилы», но и после. Мне этого достаточно.

— Может быть, она еще явится сегодня, попозже. Вот тогда и расспросишь ее обо всем, да и я не сумею дать ей никаких намеков. Если все подтвердится, ты согласишься действовать?

— Это — твое единственное условие? Если я это сделаю, ты пожертвуешь биологический материал?

Настала моя очередь задумчиво побарабанить пальцами по столу.

— Я еще должна выяснить, что собираются делать с помощью этих амулетов. И мне нужна гарантия, что будут приняты меры предосторожности, чтобы мои пробы не были использованы для других целей. Но к завтрашнему дню мы обе должны все прояснить. Договорились?

Алекс кивнула.

— Вот чем я могу помочь до тех пор, как появится Вики: я просмотрю всю поступавшую за последнее время информацию — не было ли сообщений о чем-то странном и непонятном в тюремной больнице. Я смогу это сделать скрытно. По работе нам всем полагается просматривать эти сведения, так что все будет в рамках моих обязанностей. — Алекс разгладила юбку и встала. — Если то, о чем ты говоришь, правда, я сделаю все, что сумею, для того чтобы туда отправились священники, даже если мне придется самолично их отвезти. — С этими словами она взяла кассету, вставила ее в диктофон, нажала клавишу записи и проговорила таким тоном, словно запись не прерывалась. — Плюс для тебя будет в том, чтобы сделать доброе дело. Для себя, для жителей нашего города, для всех, кто их оберегает.

Так все и было, и мне трудно было возразить. Я сделала подобающую паузу.

— Мне нужно поговорить со знакомым магом, чтобы кое-что уточнить насчет процесса... и *последствий*. Позвони мне завтра в это же время, я дам тебе ответ. Договорились?

Алекс протянула к диктофону правую руку и одарила меня взглядом, который на записи фигурировать никак не мог.

— Договорились.

После того как мы сказали друг другу еще несколько приятных фраз, призванных подтвердить, что был записан весь наш разговор целиком, Алекс ушла. А я еще долго сидела в кресле и размышляла о тысяче разных вещей.

Глава 6

К тому времени как я спустилась вниз, чтобы немного размяться и выбросить в главное мусорное ведро кучу пропитанных кока-колой салфеток (мусор из ведра, стоявшего в кухне, выбрасывали каждый день, в отличие от ведерка для бумаг в моем кабинете, которое я опорожняла лишь время от времени), прибыл детектив. Прежде я имела дело с Шоном Билом только один раз, но свое дело он сделал превосходно, а плату взял только за потраченное время. Когда ты сам себе хозяин, деньги — дело десятое, независимо от платежеспособности клиента. Моя цель состояла не в том, чтобы обманным путем присвоить себе имущество Вики. Мне нужна была правда — и мне было не важно, как она мне достанется — дорого или дешево. Но лучше бы подешевле, конечно.

Мы с Шоном поднялись ко мне в кабинет, и он сел в то самое кресло, где до него

сидела Алекс. Шон — из тех мужчин, на которых смотреть не очень приятно. Он похож на ботаника-компьютерщика... да он такой и есть. Но за его низкорослостью, растрепанными темными волосами и толстенными очками прячется пронырливый, почти криминальный ум, а сложен он на удивление атлетично. Он жилист и подвижен, как бегун на длинные дистанции. Добавьте к этому решительность питбуля. Просто-таки золотой стандарт для классного сыщика.

— Ну, что у вас есть для меня?

Шон достал из внутреннего кармана куртки конверт и протянул мне.

— Хотелось бы сообщить еще что-нибудь, но тупиков оказалось больше, чем прямых дорог. Поглядите. Я отвечу на все вопросы, на какие смогу.

Я открыла конверт и вытащила из него несколько листов бумаги.

Первый листок представлял собой досье некоего Майкла Мерфи, которого родные и друзья называли Мики или Миком. На фотографии Майкл выглядел в точности таким, каким я его запомнила на зачитании завещания Вики. Морковно-рыжие волосы аккуратно расчесаны на боковой пробор, лицо усеяно крупными веснушками. Зеленые глаза. Еще я помнила, что говорил Майкл с ярко выраженным южным акцентом, и этот акцент усиливался, когда он волновался от каких-либо неожиданностей. А неожиданностей в тот день было много. Единственным, кто удивился тому, что Вики оставила четверть своего многомиллионного капитала совершенно незнакомому человеку, сильнее родителей Вики, ее лучшей подружки и возлюбленной, был сам этот незнакомец.

И мне было поручено узнать, почему Вики так поступила.

Я все еще не очень понимала, как Вики могла настолько довериться своему дару ясновидения и составить завещание, которое наверняка будет оспорено. Нет, конечно, никто не говорил, что завещать деньги незнакомому человеку — преступление, но выглядело это довольно странно и могло вызвать доверие к заявлению матери Вики о том, что ее дочь была не в своем уме.

Итак, моя цель был в том, чтобы доказать, что у действий моей покойной подружки была веская и основательная причина, и сделать это было надо до того, как дело дойдет до суда. К счастью, адвокатская фирма, к услугам которой обратилась Вики, была одной из лучших в штате, и поэтому я почти не сомневалась, что успею провести расследование без дикой спешки.

У Мики была жена Молли и двое дочерей: двенадцатилетняя Беверли и восьмилетняя Джули. Они жили в уютном доме в городке Фулз Раш, штат Арканзас, и Мики там работал мелким чиновником в штате окружного судьи. Молли хозяйствовала в кафе, унаследованном ею от родителей, а девочки очень хорошо учились в школе.

— Что ж, люди как люди, и этим все сказано. — Я пробежала глазами двенадцать страниц. Мне совсем не хотелось читать все подробно под пристальным взглядом Шона. — Изложите мне сжатую версию.

— Конечно, — кивнул Шон. Он откинулся на спинку кресла, сложил руки на животе и сцепил пальцы, удобно устроив локти на мягких подлокотниках. — Первым делом я проверил все возможные связи. Вики по материнской линии англичанка, а по отцовской — несмотря на фамилию — немка. Родословная Кассандры Медоуз может быть прослежена вплоть до пассажиров «Мэйфлауэр», и, поверьте мне, тысячи фанатов уже сделали это вполне убедительно. Дед Джейсона Купера эмигрировал из Германии после Первой мировой войны, и фамилия его прежде была Браун. Никто точно не знает, почему фамилия была изменена непосредственно на острове Элис, но, судя по всему, к этому каким-то образом причастны власти. Нужно будет проверить более тщательно, но похоже, что Фран Браун был ученым-химиком, и нашему правительству очень захотелось занять какое-то из его изобретений.

Мне стало любопытно, и я начала задавать вопросы, но Шон предупреждающе поднял руку, отягощенную массивным обручальным кольцом.

— Сейчас это особого значения не имеет, поскольку у семейства Мики Мерфи

старинные ирландские корни. Молли — страстный любитель-генеалог, и она показала мне несколько блокнотов с результатами своих изысканий.

Поскольку просьба о проведении расследования была высказана в присутствии мистера Мерфи, было вполне логично то, что Шон открыто побеседовал с ним и его супругой.

— Прапрапрадед (сколько раз «пра» — точно сказать трудно) Мики прибыл в эту страну, чтобы помочь колонистам сражаться с англичанами. За труды ему заплатили, и на эти деньги он вывез в Америку жену и детишек. Ни в Германии, ни в Англии он не бывал, и я не могу найти никаких пересечений между Мерфи и Де Вересами (семейством Молли) с одной стороны, и Куперами и Медоузами — с другой. Конечно, я мог что-то упустить, поскольку я в таких делах не специалист. Надеюсь, вы не имеете ничего против того, что я передал эту часть работы компании, которая специализируется в изучении родословных.

Мне нравится, когда сыщики не пытаются изобретать колесо. Найди людей — спецов в своей области, заплати им деньги и работай себе дальше.

— Нет, я нисколько не против. Эти сведения можно передать адвокату?

Шон кивнул.

— Можно. И я хотел бы узнать, как вы порекомендуете мне действовать дальше? Я мог бы повременить и дожждаться ответа от экспертов по генеалогии, а мог бы заняться поиском того, что напрямую связывает мисс Купера с Мерфи. Все может оказаться очень просто. Возможно, они когда-то встречались, но она об этом забыла. Может быть, Мики помог ей подкачать колесо, а может быть, в кафешке Молли ее потрясающе вкусно накормили — кто знает? Для того чтобы это выяснить, придется много с кем побеседовать и немало поездить. И вполне может оказаться, что все старания будут потрачены впустую. В конечном счете, какую сумму вы готовы истратить на это?

Что тут скажешь. Вики порой бывала рассеянной. Это довольно характерно для ясновидцев: они могут так углубиться в будущее, что совершенно забывают о том, что происходит в настоящем. Да, все могло оказаться очень просто.

— Кстати, о поездках. Летом после окончания университета Вики отправилась в длительное путешествие, чтобы «найти себя», как она выразилась. Взяла напрокат машину и уехала из дома матери в Нью-Йорке в свой дом, в Калифорнию. Тогда мне показалось, что поездка получилась быстрой — она заняла всего несколько дней. Но может быть, дольше. Вероятно, как раз в это самое время случилось нечто такое, чего Вики потом не могла вспомнить пять лет и сотни видений спустя.

Шон склонил голову к плечу и вытащил из кармана блокнот.

— Странно. Я впервые слышу об этом, а я проговорил с родителями Вики пару часов. — Он задумчиво постучал кончиком ручки по страничке блокнота. — Из Нью-Йорка в Калифорнию, говорите? Немалый путь за несколько дней. Не помните ничего, что она вам рассказывала об этой поездке? Вы ведь и в то время были близкими подругами? Она чем-то хвасталась или возмущалась из-за чего-то?

— Нет. Я просто помню, что она назвала это путешествие «взрослой поездкой». Постараюсь подумать об этом до завтра. Может быть, что-то всплывет в памяти.

Шон снова постучал ручкой по бумаге и кивнул.

— Хорошо. Но это может оказаться ключом ко всей истории, так что вспоминайте хорошенько. Завтра можно снова встретиться. В это же время?

Я открыла следующий листок календаря и посмотрела на часы. Оставалось несколько минут до полудня. На завтрашнее утро у меня пока была назначена только одна встреча с клиентом, на десять утра.

— Как насчет одиннадцати утра? Во второй половине дня у меня все забито, и я боюсь опоздать из-за пробок.

Шон достал свой «Блэкберри» и несколько раз прикоснулся к экрану.

— Подходит, договорились. — Он встал и указал на меня ручкой. — Вспоминайте изо всех сил, — повторил он. — Может получиться так, что обнаружится разница между коротким поиском и расследованием на долгие годы.

С этим я не спорила.

— Напрягу мозги со страшной силой, — пообещала я.

Я отчаянно хотела верить в то, что не подведу Шона, но так могло случиться. Я знала пару людей, которые могли мне помочь, но и это был бы выстрел издалека.

Шон вышел, а я взяла сумочку и ключи. Через несколько минут я поравнялась со стойкой администратора, размышляя о десятках дел, намеченных на день. К примеру, нужно было не забыть поискать в машине «муху» Крида. Я выжидательно протянула руку, и, как обычно, Дона подала мне стопку распечаток с сообщениями.

Я рассеянно пробормотала:

— Спасибо, — и протянула руку к дверной ручке, но меня остановил голос Дотти:

— Крем от загара?

Дона добавила:

— Зонтик?

Черт. Я забыла намазаться солнцезащитным кремом перед выходом на улицу. Опять. Похоже, я еще не оправилась после ночи.

— Благодарю, дамы, — горько вздохнула я и отправилась обратно, к лестнице. В моей тональной пудре содержался фильтр ультрафиолета со степенью защиты «50», но пудрой было защищено только мое лицо, но не руки и шея. Да, сейчас была зима, но — зима в Калифорнии. Пока что я не превратилась в кучку пепла от солнечного света, как это бывает с большинством вампиров. Но обгораю я — как нечего делать. Утром после той ночи, когда меня укусил вампир, я еле успела добежать до своей машины — и получила ожоги второй степени. Они, конечно, быстро заживают, но кожу печет адски — так, словно ты заснул на пляже в полдень и проспал до вечера.

— Вот, возьми, — остановила меня Дона. — Я купила крем про запас, на всякий случай, чтобы держать его здесь.

Она протянула мне яркий оранжево-голубой тюбик. Как и моя тональная пудра, он имел максимальный уровень защиты от ультрафиолета.

Я облегченно вздохнула.

— Дона, ты — самая лучшая. Прости, что я доставляю столько забот.

Дона помахала мне рукой — дескать, не стоит благодарности.

— Забот ты всегда доставляла уйму, девочка моя. Просто в последнее время они стали другие.

Дотти хихикнула, не отрывая глаз от монитора компьютера.

— Но зато не скучно, — добавила Дона. — Как говорит моя бабушка: проводи время с теми, кто тебя будоражит.

Бабушка Доны — маленькая хрупкая вьетнамка, которая когда-то познакомилась с американским солдатом и влюбилась в него, а он неделю оборонял ее деревню чуть ли не одиночку после того, как погиб весь его взвод. Он женился на ней и привез к себе в Штаты, потому что, как он говорил, он варила самый вкусный суп «фо» по эту сторону от рая. Я была с ним согласна. Суп был просто невероятно вкусный. Язык проглотишь. А она говорила, что вышла за него замуж потому, что он был умнее ее. Вот с этим я согласиться не могла.

Я выдавила на ладонь немного белого крема и принялась смазывать им открытые части тела. Запах кокоса был очень приятен. Он унес меня в другие времена, когда переживать мне нужно было только о равномерности загара.

— Кстати, я ее поблагодарила за последнюю кастрюльку «фо»?

Дона вздернула брови и поджала губы.

— Не помню. Но не сомневаюсь, что я поблагодарила ее за тебя. Надо бы попросить ее, чтобы она снова сварила этот супчик для тебя. Она обожает стряпать, и ничто на свете не приносит ей большего счастья, чем когда ее об этом просят.

Я намазала кремом все, что только можно было намазать, включая уши, и отдала тюбик Доне.

— Спасибо. Теперь все в порядке. Или я еще о чем-то забыла?

Дона и Дотти переглянулись.

— Мне ничего в голову не приходит, — призналась Дона. — А что тебе Алекс сказала насчет того снайпера, который метил тебе в голову на чтении завещания Вики? Я знаю, что его поймали, но выяснили ли, с какой стати он стрелял в тебя или на кого он работает? Мне она на прямой вопрос не ответила.

Я мысленно выругалась, потому что я напрочь забыла спросить Алекс об этом.

— Нет. Но я спрошу ее об этом завтра. — Я бросила взгляд на мужчину, сидевшего в приемной. Видимо, он дожидался приема у Рона. При слове «снайпер» мужчина поднял голову. Мне совсем не хотелось говорить об этом происшествии при посторонних. — Спасибо, что напомнила.

Да... Печально, когда забываешь о снайпере, который пытался всадить три пули тебе в башку. Большинство людей думали бы об этом каждую секунду, а для меня это стало самым что ни на есть будничным событием.

Да, тоска. Хотелось бы жить повеселее.

По дороге до машины, держа одной рукой зонтик, я просмотрела сообщения, которые несла в другой руке. Прочитав очередное послание, я сжимала его в зубах. Большинство писем пришло от уже существующих клиентов, которые интересовались, смогу ли я поработать с ними в определенные дни в указанное время. Ответить я могла, только сверившись с календарем. Поравнявшись с машиной, я сунула прочитанные письма в карман пиджака. Открывая дверцу, я обратила внимание на одно сообщение... и чуть не выронила зонтик. А вот ключи от машины уронила.

Сообщение было от Джона Крида.

«Муху» могла бы и не возвращать, но отчет получился весьма содержательным. Спасибо. А предложение поужинать все еще в силе.

Что за чертовщина?

Не странно, что я не нашла «муху». Кто-то доставил ее Криду. Конечно, можно было порадоваться тому, что гаджет вернулся к хозяину, но это означало, что... черт побери!

Я подобрала с асфальта ключи и опрометью бросилась обратно. Когда я вбежала в приемную, обе секретарши вытаращили глаза. Я отчаянно помотала головой и прижала палец к губам. Дотти огляделась по сторонам с таким видом, словно ждала, что сейчас кто-то выскочит из угла. Я схватила ручку и быстро написала на листке блокнота:

«Позвоните Джастину. Пусть приедет и проведет ПОЛНУЮ проверку здания на наличие жучков. Таракашки с самыми большими ушами завелись, похоже, наверху».

Я повернула блокнот так, чтобы написанное мной увидели Дона и Дотти. Я повторила те же слова несколько раз одними губами. С виду могло показаться, что я прошу своих сотрудниц вызвать истребителей насекомых. Так оно и было. Вот только Джастин работал не в санэпидстанции. Он был нашим главным консультантом по безопасности. Беспокоившие меня «жучки» представляли собой микроскопические электронные подслушивающие устройства. В кабинете на тот момент, когда Крид вручил мне «муху» и попросил составить отчет о ее использовании, находились только мы с ним, а Джонсу я ни слова об этом не говорила. Ну, то есть... не исключено, что я что-то выболтала, напичканная обезболивающими, в конспиративном доме. Не исключено, но маловероятно. Те мерзавцы, которые пытали меня, говорили, что меня трудно расколоть. Те из них, которые живы, в

смысле.

И тут Дотти просияла и написала на ладони маркером слова «подслушивающие устройства». В глазах Доны зажглись радостные огоньки — она наконец поняла смысл того, что я написала в блокноте, но радость тут же сменилась возмущением из-за того, что все это означало. И я не могла винить Дону. Она еле заметно кивнула и сняла трубку телефона. Я снова направилась к своей машине. На сердце у меня немного полегчало. Джонс крут, но Джастин еще круче. Каких бы «жучков» ни наставил Джонс, Джастин их непременно разыщет.

Прекрасное голубое небо, пушистые белые облака. Все это почти кричало: «Рождество!» Было ужасно жалко, что нельзя открыть верх у моей «Миаты», но с открытым верхом я могла теперь ездить только по ночам. Парень с колокольчиком из «Армии Спасения», стоявший на углу, в темном пиджаке, резко выделялся из яркой разноцветной толпы прохожих. Но он напоминал людям о том, какое сейчас время, и они доставали бумажники, открывали сумочки и бросали монетки и купюры в красное пластиковое ведро.

Примерно на полпути до клиники Берчвудз я вспомнила, что вчера вечером не позвонила бабушке. Я включила радио, закрепила мобильник на подставке на приборной доске и включила устройство громкой связи. Вызвав номер бабушки из телефонной книги, я услышала ее ответ после первого же гудка.

— Привет, бабуля. Что новенького?

Я не услышала ни спокойного голоса, ни веселого щебетания. Гневное стаккато:

— Селия Калино Грейвз? Где тебя, хотела бы я знать, носит? Я уже два часа жду!

Черт! Она меня ждет? Но зачем?

— А-а-а... У нас были какие-то планы на сегодняшнее утро?

День был будний, так что речь не могла идти о церкви. О чем мы говорили, когда в последний раз созванивались?

— Сегодня девятое декабря, юная леди. Ты как думаешь, какие у нас планы?

О, Господи. Двадцать вопросов. Я терпеть не могла, когда бабушка брала такой тон. Поразмыслим... Девятое декабря. Не воскресенье, не праздник. Нет, минутку. Значит, все же был какой-то праздник, но я о нем забыла. С отчаянием и смущением я пробормотала:

— Мамин день рождения.

— А ты забыла, да? Ты хотя бы подарок купила?

В голосе бабушки прозвучал упрек. Отчасти я этого заслуживала, но со своими чувствами ничего поделать не могла.

Я фыркнула.

Не так просто вдохновиться выбором подарка, когда, чтобы ты ни купила, тебе это каждый год швыряют в лицо. В буквальном смысле. Или в мусорное ведро. А порой она продает мои подарки, чтобы купить выпивку.

Но, как и следовало ожидать, сочувствия я не дождалась.

— Это непростительно, и ты это знаешь. Важно не то, что она делает с твоими подарками. Ты сейчас же отправишься в супермаркет и купишь маме какой-нибудь милый подарок. А потом ты заскочишь за мной и мы поедем ее навестить.

— Навестить? В тюрьме? А ей уже разрешают принимать посетителей?

Боже милостивый, ну ладно, я съезжу к доброму, хорошему психотерапевту? Мне так не хотелось видеть мою мать в оранжевом комбинезоне и наручниках в день ее рождения.

— Подарки туда точно приносить нельзя.

— Да, оставить их там не получится, это верно. И заворачивать нельзя. Но я спросила, и мне ответили, что мы сможем отдать Лане поздравительную открытку, а подарки можно будет хотя бы показать — после того как они пройдут инспекцию. Она будет знать, что мы помним о ней.

Последние слова бабушка произнесла тихо, с надрывом. Я поморщилась и потеряла висок — голова вдруг разболелась.

Пожалуйста, не плачь, бабуля. Ты не виновата в том, что мама — пьянчуга и неудачница.

А на самом деле бабушка была до некоторой степени в этом виновата, но напоминать об этом ей не стоило. Я знала, как больно ей было, когда маму посадили. Бабушка дала ей свою машину и позволила сесть за руль без прав... а мама была пьяна. Это был уже третий случай, когда ее задержали за вождение в пьяном виде, и, на мой взгляд, судья был еще очень снисходителен, назначив всего три месяца тюрьмы. Причем в городской, а не в тюрьме штата.

— У Ланы есть проблемы, Селия, и ей помогают их решить. Но не говори о ней так грубо. Думаешь, ей сейчас легко? Имей к ней хоть каплю снисходительности. Она бы тебя пожалела.

Я прикусила язык чуть не до крови. Нет, она бы меня не пожалела. Ей не раз выпадала такая возможность, но бутылка для нее всегда оказывалась важнее собственного ребенка. Мне бы хотелось сказать, что она просто слаба, — но это было бы неправдой. На самом деле до ухода отца и смерти Айви она была потрясающей матерью. А потом она пристрастилась к выпивке и с тех пор с бутылкой не расставалась. Я не думала, что для нее мой визит в тюрьму мог что-то значить, но бабушку бы это порадовало. Вот это для меня было важно. Я со вздохом проговорила:

— Ладно, хорошо. Но у меня сегодня очень много дел, поэтому долго я там пробыть не смогу.

— Полчаса. Больше времени нам для первого свидания так и так не дадут.

Я мысленно подсчитала.

— ОК. Полчасика мне потребуется на магазин и чтобы доехать до тебя. Заеду в три. Как тебе это время?

Получалось напряженно, но все же до конца рабочего дня я к Гвен успевала. Но если хоть что-то сорвется, всем моим планам — хана.

Я скрестила пальцы.

Голос бабушки зазвучал веселее.

— Очень хорошо, милая. Тогда я сейчас перекушу с соседками и буду ждать тебя.

Я попрощалась с бабушкой и отключила громкую связь. Скажу честно и откровенно: в такие дни я жалею о том, что укус вампира не стер мою память окончательно и бесповоротно.

Все оказалось хуже, чем я ожидала. Намного хуже. Никак не думала, что изображение, передаваемое «мухой» из «Зверинца», окажется симпатичнее того, что происходило в обычной тюрьме. Я бывала в тюрьмах и раньше, но никогда у меня так часто не билось сердце и так не болела голова. Вопли заключенных женщин звучали как крики зверей. Прикосновения надзирателей, усаживающих меня за стол, были мне так противны, что захотелось броситься на них с оскаленными клыками.

Что за черт?

В молле я выпила две бутылочки калорийного коктейля и голода не испытывала. Я твердо настроилась на хорошее времяпрепровождение по пути к новой квартире бабушки в особом квартале для престарелых. Для меня было большим сюрпризом увидеть там Пили. Я познакомилась с ней на острове Безмятежности, легендарной родине тихоокеанских сирен. Пили была одной из главных пророчиц верховной королевы. Я не знала о том, что она решила уволиться и перебраться на материк. Я понятия не имела о том, что для сирен приемлемы такие понятия, как «уволиться» и «уйти на пенсию». Как бы то ни было, Пили и моя бабушка прекрасно поладили. Они играли в бридж и успели подружиться. Однако Пили посмотрела на меня с особой серьезностью, узнав о том, что мы собираемся навестить мою мать в тюрьме. Этот взгляд заставил меня занервничать. Пили — очень мощная ясновидящая, и такой взгляд был мне хорошо знаком. Мне частенько случалось видеть его у Вики и Эммы. Но Пили ничего не сказала, а я не стала допытываться. Возможно, она знала,

что должно произойти. Потому что теперь мне хотелось с испуганным криком выбежать из комнаты для свиданий. Или убить кого-нибудь.

Отчаяние и панический страх. От этих ощущений у меня защипало кожу так, словно я несколько недель не мылась. На мне был красивый желтый джемпер, а мне хотелось чесаться, будто по мне ползали кусачие блохи. Даже бабушка заметила, что я сжимаю и разжимаю пальцы и часто дышу.

— Селия? В чем дело?

Она прикоснулась к моему плечу. Я вздрогнула. На меня обратили внимание охранники. Похоже, они заметили меня, как человека, в чем-то виноватого и страдающего из-за этого.

— Не знаю, — пробормотала я, покачала головой и огляделась по сторонам в поисках источника своих неприятных ощущений. Зал для свиданий представлял собой большое просторное помещение со стенами, выкрашенными бледно-персиковой краской, столами и мягкими стульями. Ничего здесь не было такого, что могло бы вызвать у меня такие чувства.

А потом в зал вошла мама, и мне стало ясно, из-за чего я так странно себя чувствую. Ее волосы висели, будто палки. Она сильно похудела, осунулась, щеки у нее запали. Но испуганно ахнуть меня заставили ее глаза. Они стали безжизненными и отстраненными. Взгляд, наполненный тысячетлетней тоской. Я его хорошо знала, потому что порой смотрела такими глазами на себя из зеркала.

— Мама!

Я встала и пошла к ней навстречу. А она даже не посмотрела на меня. Я еще не успела поравняться с матерью, когда в зал ввели другую заключенную — женщину с косматыми желтыми дредами. Она прошла вперед, грубо оттолкнув мою мать. Мама, с которой рядом выросла я, ни за что не растерялась бы и хорошенько врезала бы любому, кто ее толкнул. А сейчас она пошатнулась и упала, ударившись о ближайший стол.

А потом одновременно произошли две вещи. Я бросилась к матери, чтобы помочь ей подняться, и температура в зале для свиданий упала градусов на тридцать. Все, кто присутствовал в этот момент в помещении, вздрогнули и начали оглядываться по сторонам. С губ у людей стали срываться облачка пара, окна запотели. Женщина, толкнувшая мою мать, внезапно оторвалась от пола. Кто-то невидимый отшвырнул ее на десяток футов через весь зал. Она рухнула грудой в углу, но проворно вскочила, ища взглядом обидчика. Никто из охранниц не подошел помочь ей, а та, которая стояла у двери, не без удовольствия наблюдала за тем, как она отряхивает свой оранжевый комбинезон.

Ясное дело: того, с кем следовало по квитаться, наглая баба не нашла, потому что призраки невидимы. С изумлением я поняла, что это не Вики, хотя энергии было истрачено немало. Призрак был гораздо более миниатюрен.

Мама встретилась со мной взглядом, и... ничего. Моя мать не узнавала меня. Ее взгляд напугал меня больше призрака, кружащего над нами. Ее словно заперли внутри себя. Я почувствовала ее страх и отчаяние. Они налетели на меня, как порыв ледяного ветра. Но ничто из этих чувств не отражалось в ее лице, в языке жестов.

— Айви? — прошептала я, помогая матери встать на ноги.

Лампы в светильниках мигнули один раз.

Желтоволосая баба, видимо, решила, что ее все-таки отшвырнула моя мать, потому что она решительно направилась в нашу сторону. Я была готова встать на ее пути, но невидимая сила снова отшвырнула ее в угол. И вновь никто не пришел ей на помощь, но на этот раз она злобно прищурилась и уставилась на мою мать — видимо, заподозрила, что та действует на нее телекинезом.

— Ты... *охраняешь* маму?

Свет снова мигнул, и все посмотрели вверх и по сторонам. Ух ты. Я не знала, что Айви способна истратить так много энергии за один раз. Но теперь стало ясно, почему Вики толком не смогла объяснить мне, как дела у Айви. В тюремной обстановке дух моей покойной сестренки, судя по всему, выбивался из сил на каждом углу. С одной стороны,

меня порадовало то, что рядом с моей матерью находится кто-то, кому можно доверять, но с другой — как ужасно было то, что маме явно требовалась помощь.

Я подвела маму к столу и усадила ее на стул. Бабушка, печально кивая головой, прикоснулась к руке дочери.

— Я хотела, чтобы ты увидела это, Селия. Не знаю, что с ней стряслось. Тут божатся, что не дают ей никаких лекарств, что никто ее не бьет. Но ты погляди на нее. Что они сотворили с моей девочкой?

В уголках глаз бабушки заблестели слезы. У меня тоже глаза заволокло слезами. Похоже, я понимала, что происходит, но это испугало меня больше, чем если бы мою мать кто-то бил. Я подвела пальцы под ее подбородок и повернула ее голову ко мне.

— С днем рождения, мама. Это я, Селия. Ты меня слышишь?

Я произносила слова вслух и одновременно отправляла их телепатически, в сознание матери. Но она молчала. Похоже, у нее в голове никого не было дома.

Взгляд матери был блуждающим, она смотрела куда-то в пространство, за мое плечо. А я устремила взгляд на мерцающее облачко под потолком.

— Может быть, кто-то причинил ей боль до того, как ты здесь оказалась? Ты здесь поэтому?

Флуоресцентные лампы под потолком мигнули раз... и еще раз.

Нет? Я недоуменно нахмурилась. В этот момент с другой стороны зала кто-то крикнул:

— Да почините вы чертов свет! У меня уже башка разболелась. Мигает и мигает!

— С кем ты разговариваешь, Селия? — спросила бабушка почти шепотом, будто боялась, что нас подслушивают.

— Это Айви, — ответила я с улыбкой так же тихо. — Она здесь и присматривает за мамой.

Я поняла, почему бабушка заговорила шепотом. Мы начали привлекать к себе излишнее внимание. Охранница, стоявшая у двери, шагнула ближе к нам, в нашу сторону повернулись две видеокамеры. А мне и так уже досталось от охраны на входе. Бледная кожа и клыки порядком напугали стражей порядка, хотя и приехала на встречу с матерью в разгар дня, при свете солнца, и благополучно миновала наружный и внутренний магический периметр. Я даже прошла испытание святой водой, и к моему запястью приложили распятие. Но, несмотря на это, охранники все равно психовали. А если теперь и дальше все будет идти в таком ключе, у меня было немало шансов оказаться в камере по соседству с матерью.

— Ох, детка, это не очень хорошо. Айви — ребенок. А здесь творится такое... чего бы ей не следовало видеть.

— Все нормально, бабуля. Она *помогает* маме. На самом деле она оберегает маму от других женщин. И я не думаю, что ей можно это запретить.

Я не стала говорить о том, что Айви и при жизни успела повидать много такого, чего ей видеть не следовало бы. После того как нас бросил отец, мама почти все время, пока мы были маленькие, пила, принимала наркотики и спала с кем попало.

В общем, я промолчала, встала и подошла к охраннице, стоявшей около двери.

— Прошу прощения. Скажите, как мне поговорить со здешним врачом или медсестрой? Мне кажется, что моя мать плохо реагирует на прописанные ей лекарства.

Я решила, что будет лучше сказать так, чем озвучить то, о чем я догадывалась. Скорее всего, моя мать страдала в тюрьме из-за своей сиренской крови. Здесь она не могла видеть океан. Решить эту проблему было не так-то просто. Но мне не хотелось публично заявлять о том, что в жилах моей матери течет сиренская кровь — особенно после суда надо мной, получившего большую огласку.

Охранница была средних лет, плечистая, темнокожая, с длинными волосами, собранными на затылке в пучок. Она была настолько ниже меня ростом, что ее глаза находились на уровне моей шеи, но я сразу поняла: она быстро покажет мне, кто в доме хозяин, если я перейду черту. Стоило ей разжать губы, и я виртуально переместилась из

Калифорнии строго на юг от линии Мэйсона-Диксона.⁷

— Остынь, — сурово посоветовала мне охранница. — Твоя мамочка начала это творить сама по себе. Все, что касается лекарств, в ее блоке контролирую лично я, и я гарантирую, что она не слопала ни одной таблетки. Но я тоже за нее тревожусь. Это место не для нее. Она сдает быстрее других. Я такого сроду не видела. Она словно тает на глазах и вот-вот присоединится к этой своей милой малютке на том свете.

Спокойствие охранницы и то, что она знала об Айви, испугало меня не на шутку.

— Вы видите призрака?

— Да, черт побери, вижу. Женщины в нашем роду — все до одной медиумы, еще со времен Северной Агрессии.

Признаться, я еще ни разу не слышала, чтобы так называли Гражданскую войну... правда, кажется, что-то такое нам говорили в университете.

— Вы-то, небось, видите искрящееся маленькое облачко, да?

Я кивнула.

— А я вижу худенькую малышку лет восьми с длинными волосами и грустными глазами. Но она очень решительная. Никому не даст в обиду свою мамочку. — Охранница кивком указала на бабу с желтыми дредами. — И я ей мешать не стану. В инструкции ничего не сказано про то, что я обязана мешать ангелу-хранителю охранять человека.

Несмотря на грубую речь, я была согласна с охранницей.

— Она много пила. Это могло как-то повлиять?

Охранница пожала плечами.

— По идее, за первую неделю весь алкоголь должен был выветриться. Я никогда не говорю «никогда», но я такого сроду не видела.

— А вы служите надзирательницей?..

— Уже двадцать три года. У меня за плечами две федеральные тюрьмы, две тюрьмы штата и вот теперь эта. Здесь лучше всего. Тут меньше всего отъявленных паршивок, кого бы из себя ни корчила наша Златовласка. — Охранница едва заметно зловеще усмехнулась. — Побывала на лопатках, засранка. Может, охолонет теперь. А мне весело глядеть, как ее отделявает эта девчушка. — Она покачала головой. — Вот только, к сожалению, я пока так и не поняла, что не так с твоей мамочкой. — Она устремила взгляд на мою мать. — Это место ее убивает, и я просто не знаю, кто бы с этим мог что-то поделать.

Я посмотрела на маму. Сердце разрывалось при виде ее осунувшегося лица и погасших глаз.

Глава 7

Лейтенант Роджерс, надзирательница из южного блока, пообещала отнести наши поздравительные открытки в камеру моей матери, когда та «будет лучше себя чувствовать». Потом я пообещала бабушке, что обязательно переговорю с начальником тюрьмы — сейчас его не было на месте, — и отвезла ее домой. Мы должны были добиться, чтобы для мамы что-то сделали. Для меня она, когда пила, была сродни нескончаемому геморрою, но уже лучше бы она пила, чем видеть ее такой.

Наконец я отправилась в Берчвудз — всего-то через час после того, как я позвонила Гвен и спросила, сможет ли она меня дождаться. Она согласилась подождать меня и даже не отчитала в завуалированной форме на предмет пунктуальности и уважения к чужому

---

⁷ *Линия Мэйсона-Диксона* (англ. Mason-Dixon Line) — граница, проведенная в 1763–1767 годах английскими землемерами и астрономами Чарльзом Мэйсоном и Джеремайей Диксоном для разрешения длящегося почти век территориального спора между британскими колониями в Америке: Пенсильванией и Мэрилендом. Линия четко определила границы современных американских штатов Пенсильвания, Мэриленд, Делавэр и Западная Виргиния. До гражданской войны линия Мэйсона-Диксона служила символической границей между свободными штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга.

времени — а она это умела. Значит, дело и впрямь было серьезное.

Бормоча молитвы, я подъехала к пропускному пункту. Ворота охранял не кто иной, как Джерри.

Вот уж везет так везет.

Он открыл дверь своей будки и знаком велел мне остановиться. Я не разговаривала с Джерри со времен появления Эйрены. Я не сомневалась, что он будет хотя бы смущен. Джерри был в то время начальником охраны клиники, а потом, после суда, он меня люто возненавидел. Вдобавок его понизили в должности, и он опять стал простым постовым на воротах. Но может быть, если бы мы с ним оба сделали вид, что ничего не было, мы смогли бы снова поладить. Я, по крайней мере, была готова попробовать.

Я опустила стекло в дверце. Солнце клонилось к закату, но кожу еще покусывало. Я постаралась не высовываться, чтобы не обгореть.

— Добрый день, Джерри. Меня ждет доктор Тэлберт.

Последовала настолько долгая пауза, что я была вынуждена посмотреть Джерри в лицо. Он поджал губы и скрипнул зубами.

— Селия...

Он произнес мое имя таким тоном, что мне стало не по себе.

— Послушай, Джерри. Ты не должен извиняться. Я понимаю, что тобой манипулировали. Но это не было...

— *Извиняться?* — В этом слове было столько гнева, что я вздрогнула в испуге. Извиняться перед *тобой*? — Он понизил голос и прошипел: — Чертова ты вампирша. Дрянь бессмертная. Тебе сердце надо осиновым колом проткнуть и башку отрубить.

У меня челюсть отвисла.

— Никто мной не манипулировал. Я сам вызвался помочь тебя прикончить. И снова это сделаю, если выпадет такая возможность.

Ничего себе... Я не ослышалась?

— Ты только что угрожал мне убийством? Я могу добиться, чтобы тебя за это арестовали. Я не бессмертная. Просмотрят запись с камеры — и ты под судом.

Джерри с маниакальным злорадством оскалил зубы.

— А я отключил запись.

Я рывком распахнула дверцу, выскочила из машины и оттолкнула Джерри к двери караульной будки. Я навалилась на него с нечеловеческой силой, но при этом оказалась полностью открыта для солнечных лучей. Из-за этого я слегка вспотела, но солнцезащитный крем пока еще действовал. Джерри начал вырываться и ругаться, но без толку.

— Значит, я тебе кажусь мертвецом?

Я схватила и крепко сжала в руке массивный серебряный крест, который Джерри всегда носил поверх синего форменного галстука. Ни дыма, ни запаха горелой плоти. Ни боли — для меня. Джерри выпучил глаза. Я отпустила распятие и показала ему ладонь.

— Либо я все еще человек, которого просто сильно укусил вампир, либо ты — не истинно верующий...

Джерри не мог пошевелиться, поэтому я просунула руку в окошко караульной будки и нажала кнопку, с помощью которой открывались ворота. И как только створка отъехала в сторону, я мигом нырнула в машину. А когда я нажала на газ, Джерри еще вспоминал, как люди дышат.

— Советую тебе почаще читать Библию. Следуй одному золотому правилу: не рой другому яму, сам в нее попадешь. И поверь мне: если ты попытаешься исполнить свою угрозу, я тебе задницу надеру по-настоящему.

Мне хотелось оскалить клыки. Близился закат, и нервишки у меня начали шалить. Но у меня были планы получше, поэтому я не пошла на поводу у Джерри и не стала делать то, чего он от меня ждал. Я выжала педаль газа, и «Миата» успела проскочить в ворота, уже начавшие закрываться. Еще бы чуть-чуть, и я бы оцарапала любимую машину.

Гвен вышла из административного корпуса в тот самый момент, когда я с визгом

тормозов остановила машину. Ее сопровождал охранник. Только теперь мне пришло в голову, что в отсутствие звука запись с видеокамеры могла выглядеть так, словно я напала на Джерри. Еще удивительно, что меня не встретил десяток охранников с винтовками и арбалетами, нацеленными на мое сердце. Но может быть, они просто где-то прятались?

Внутри у меня еще все кипело, но за время долгого подъема по извилистой подъездной дороге на холм я успела выпить бутылочку питательного коктейля. Я надеялась, что, утолив голод, буду выглядеть усталой, а не опасной. Гвен сердито скрестила руки на груди и нахмурилась.

— Будь так любезна, объясни, в чем дело.

Я не собиралась просить прощения за свое поведение. Плохим мальчиком тут была не я. Лучше того: я узнала мужчину, который вышел из корпуса вместе с Гвен. Это был местный «правдивец», Джесси Гарсиа. Он выслушает мой рассказ, потом выслушает рассказ Джерри, пустит в ход свою магическую интуицию, а затем доложит руководству охраны о том, что произошло на самом деле. Джесси был в десятки раз мощнее и точнее любого детектора лжи.

— Честно говоря, я решила, что разобралась с этой ситуацией неплохо, — сказала я и добавила: — Учитывая, что меня спровоцировали. За то, как он повел себя со мной, его следовало бы уволить или, по крайней мере, объявить ему выговор. Он мне угрожал. Грозил убийством. Мне стоит позвонить в департамент полиции.

— Он тебе угрожал?

Гвен изменилась в лице, ее плечи опустились. Она явно была изумлена.

Пока мы с ней шли к административному корпусу, я ей пересказала весь наш разговор с Джерри. Гвен вздрогнула, когда я дошла до слов Джерри о том, что он бы с радостью снова помог меня уничтожить. Она бросила взгляд на Джесси. Тот вздернул брови и поджал губы. Казалось, он пробует истинность моей истории на вкус.

После долгой паузы он кивнул.

— Я сейчас схожу к наружным воротам. Думаю, со мной следует отправить несколько вооруженных офицеров, мэ.

Гвен издала звук, настолько похожий на рычание, насколько может позволить себе женщина, возглавляющая крупную психиатрическую клинику. Затем она повернулась ко мне и произнесла громко, чтобы Джесси все слышал:

— Селия, от имени администрации и владельцев Берчвудз прими мои извинения за это... серьезное нарушение протокола. Заверяю тебя, этот охранник будет уволен.

Отчасти я была оскорблена и ранена, и меня порадовало то, что Джерри накажут. Но я вздохнула.

— Невозможно удержать людей от предубеждений. Добьешься только одного: они будут остерегаться высказывать вслух то, о чем думают на самом деле. Если вы его уволите, виновата в этом буду я, и он ни за что не успокоится, пока не уложит меня в могилу. Я ни разу не делала Джерри ничего плохого, и мне ужасно обидно из-за того, что я стала его врагом только из-за того, что на меня напал кровосос и чуть меня не прикончил. Просто жутко обидно.

Это я еще мягко сказала. Стычка с Джерри всколыхнула все чувства, которые я держала под замком со времени нападения вампира. В данный момент я была вампиром. Злобным. Бессмертным.

Проклятье.

Возможно, Гвен увидела это, заглянув мне в глаза. Я первой отвела взгляд.

— Я не против, — пробормотала я. — Приструните его. Задержите зарплату. Пусть немножко покусает собственный хвост. Но не увольняйте. Пожалуйста. Пусть у него останется такая работа, чтобы он был занят по уши, чтобы у него оставалось поменьше времени на размышления о том, как он проткнет осиновым колом мое сердце.

— Черт. А вы добрее меня, — вырвалось у Джесси. — Я бы ему хорошего пинка дал, а уж потом точно бы уволил.

Гвен положила руку мне на плечо. Надо отдать мне должное, я не вздрогнула.

— Селия Грейвз, ты удивительно повзрослела. Ты пережила тяжелую ситуацию и с честью вышла из нее. Единственно, что бы я тебе посоветовала: в дальнейшем избегай применения силы. Я последую твоему совету и сделаю так, чтобы Джерри знал: он остался на работе только благодаря твоему заступничеству. — Глаза Гвен сверкнули. С необычайным юмором она добавила: — Ему будет о чем подумать.

Джесси прыснул со смеху. Он явно был на моей стороне. Я надеялась, что все так и останется после его разговора с Джерри. Джесси направился к кабинету начальника службы безопасности. Видимо, для того чтобы собрать команду, с которой он хотел нанести визит Джерри.

Мы с Гвен пошли к ее кабинету по тихому коридору, где на полу лежал пушистый ковер. Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

— Ну вот, я приехала. Что вы хотели мне сказать?

— Давай поговорим у меня в кабинете. А пока давай отпустим наши мысли на волю.

Ах да. Я успела забыть про «отпускание мыслей на волю». Гвен всегда была поборницей идеи о том, что выводы и решения приходят к нам, если мы позволяем своему сознанию работать автономно, без влияния эмоций и намерений. В каком-то смысле она была права. Самые лучшие идеи ко мне приходили в «сумеречное» время, на грани бодрствования и сна. Именно в это время я порой находила решения проблем, терзавших меня весь день. У нас с Гвен бывали такие сеансы психотерапии, когда мы не делали ничего, а только смотрели на стены, молчали и лишь время от времени касались друг друга ладонями или пола ступнями, чтобы остаться «на земле».

Я запомнила один особый психологический прорыв, случившийся во время такого сеанса. Я пристально смотрела на картину в кабинете Гвен — натюрморт с изображением бутылки, стоявшей рядом с вазой с восковыми фруктами. В какое-то мгновение у меня вырвалась фраза, которая не дает мне покоя по сей день: «Мама ведь даже не понимает, что делает мне больно, да?»

Гвен ответила: «Нет, не понимает. Какие чувства у тебя это вызывает?»

С этого времени я осознала, что так же как бабушка, я влияю на поведение моей матери. Я никогда не говорила ей о том, что страдаю из-за ее пьянства. Я только молча злилась.

И я решила, что время сказать матери о моих чувствах.

Плохой шаг. Воспоминания о нем до сих пор преследовали меня. В своем роде это тоже было нечто вроде прорыва.

Некая маленькая частичка меня надеялась на то, что как только мама узнает, как мне больно, она сразу перестанет пить. Я верила, что я для нее важнее бутылки и что она выберет меня. Но этого не произошло. Я добилась только того, что напряженность между нами стала еще сильнее, потому что до этого момента мы обе обманывались насчет друг друга. Мать, судя по всему, считала, что я не имею ничего против ее пьянства. Как только она узнала, что это не так, мое осуждение начало ее смущать, и она стала пить тайком. В итоге мы отдалились друг от друга еще сильнее, и эту отдаленность нам еще предстояло преодолеть.

Вот с такими веселыми мыслями я шла вместе с Гвен к ее кабинету. Войдя, я поразилась изменениям. Колористика осталась такой же, как при докторе Скотте, — светло-коричневый, похожий на цвет песка, и приглушенные оттенки зеленого и синего. Но Гвен передвинула письменный стол ближе к входной двери, а другую мебель переставила так, что обстановка стала более... расслабляющей. И картины на стенах теперь висели другие. Столь же дорогие и изысканные — но другие.

Гвен обошла вокруг письменного стола и села в офисное кресло, некогда принадлежавшее доктору Скотту. Джефф был крупным мужчиной, поэтому Гвен в его кресле показалась мне маленькой и хрупкой, как ребенок, решивший поиграть во взрослого и забравшийся в отцовский кабинет.

— Спасибо тебе, что приехала. И еще раз прости за то, как тебя встретили.

Я откинулась на спинку гостевого кресла, кивнула и пожала плечами.

— Не надо извиняться. Слыхала я слова и похуже и, наверное, еще не раз услышу. Уж лучше я узнаю, кто из моих друзей в беде. Вы знаете, я словом «друг» не бросаюсь, и вы, видимо, тоже.

— Да, ты права. С тобой я очень старательно выбираю слова. Я сказала, что речь идет о твоём друге. Так оно и есть. — Гвен склонилась к столу и с самым серьезным видом сложила руки. — Пару дней назад мне позвонил коллега по работе и выразил тревогу за одну из своих пациенток. Этот доктор знает, что я когда-то лечила тебя, и ему нужно лучше разобраться кое в чем, что он считает угрозой успеху терапии.

Курс психотерапии в данный момент проходили две мои подруги — Дона и Эмма. «Угроза успеху терапии» — это не шутки.

— О ком речь?

Гвен едва заметно поморщилась. Явно не хотела говорить.

— Как же я смогу помочь, если не узнаю, кого вы имеете в виду, Гвен?

Гвен зажмурилась и кивнула.

— Ты права, конечно. Речь идет о Доне. Судя по словам ее лечащего врача, дела у нее идут неплохо. Она может самостоятельно водить машину и от здания до машины добирается одна, без сопровождения.

Эти новости меня очень порадовали. Лилит напала на Дону, когда та шла к машине, поэтому именно в это время у нее могли возникать панические атаки.

— Отлично! Я так рада за нее. Но в чем же тогда проблема?

— К несчастью, она была дома одна, когда ты убивала Лилит. Дона в то время была связана с ней и ощутила ее гибель.

О черт...

— Я знаю, что она страдала. Хотите сказать, что она стала *прислужницей* Лилит?

Гвен зажмурилась и кивнула. Отношения повелителя и слуги у вампиров необычайно сильны. Если просто убить повелителя, не совершив обряда очищения над слугой, последний будет долго страдать. Я просто представить себе не могла, каково было Доне переживать это, не имея поблизости священника и вообще никого, кто бы мог ее утешить.

«Какая же я идиотка!» — подумала я. Нечего теперь было удивляться тому, что Дона пыталась покончить с собой. А мне и в голову не приходило спросить, была ли она укушена. Правда, и я о том, что Лилит на нее напала, узнала поздно, но все равно — *могла бы спросить*.

— Черт. Даже не знаю, чем тут помочь. А что говорит ее врач?

Гвен вдохнула, медленно выдохнула и принялась постукивать по столу кончиками ногтей, обработанных французским маникюром.

— Он считает, что в данный момент Доне не стоит жить одной. Страх одолевает ее именно тогда, когда она остается одна. Но она до сих пор очень недоверчива и даже не помышляет о компаньонке. Врач считает, что Доне стоит жить рядом с тем, к кому она давно испытывает доверие, — и при этом этот человек не должен быть ее кровным родственником.

Ну да. Это я очень хорошо поняла. Дона обожает свою родню, но все они помешаны на том, чтобы руководить ею. Хотят доступа ко всем аспектам ее жизни — от одежды, которую она покупает, до еды на ее тарелке. Каждое решение должно быть *семейным*. Моя сверхнезависимая подружка от своих родственников попросту сбежала.

В мои мысли ворвался голос Гвен.

— Возможно, ей стоило бы пожить рядом с кем-то вроде... тебя.

Меня?

— Вы только что сказали, что это я убила ее повелительницу. Разве жизнь под одной крышей со мной для нее — разумный выбор?

Гвен мягко улыбнулась.

— Ты *освободила* ее от ее повелительницы. А это не одно и то же, Селия. По всей видимости, Дона сказала своему психотерапевту, что ты — единственный человек на свете,

кому она действительно доверяет. Именно поэтому она вернулась на работу в ваш офис еще до того, как врач счел, что она к этому готова. Единственное, что вызывает тревогу у доктора Дьюера, — не помешает ли переезд под одну крышу с Доной твоему курсу терапии и, что хуже того, не возникнут ли между вами созависимые отношения. То есть не займешь ли ты в сознании Доны место ее утраченной повелительницы.

Как первое, так и второе было чрезвычайно важно.

— Честно говоря, я не знаю, что сказать. То есть... конечно, какое-то время пожить вместе с Доной было бы здорово. Но мы с ней хорошо ладим потому, что не находимся рядом постоянно, с утра до ночи. Не могу предвидеть, что будет, если все изменится. — Я устало улыбнулась. — У меня не очень хороший анамнез в плане строительства долгосрочных отношений, как вы, наверное, помните.

Мы с Гвен дружно рассмеялись, но у меня смех получился немного нервный. Так все и было, и Гвен это отлично знала.

— Что ж, несмотря на твои отношения с родственниками и события личной жизни, у тебя есть крепкая компания друзей. Ты — верный товарищ, готова прийти на помощь, и, судя по тому что о тебе рассказывают, с тобой весело. Почему бы тебе не попробовать провести маленький эксперимент — ничего постоянного, к чему-то обязывающего. Можно отправиться куда-то на выходные, в какое-нибудь «девичье гнездышко». Остановитесь с Доной в одном номере отеля. Тебе и самой не помешает немного отдохнуть. И не думай, что я не заметила хирургическую повязку у тебя на плече.

Ой.

— Насчет этого...

Гвен отмахнулась.

— Мне не обязательно знать об этом. Если бы то было так важно, ты бы сразу об этом упомянула, а во время стычки с Джерри у наружных ворот повязка тебе вовсе не помешала. Но будь честна, Селия, — со мной и с самой собой. Когда у тебя в последний раз был настоящий *отпуск*? Не по работе, не для родственников — а настоящий отпуск?

Мне многое нравится в работе телохранителя, а в частности — возможность бывать в незнакомых местах и посещать особые мероприятия. И хотя в это время я работаю, оберегая своего клиента, я могу слушать музыку и знакомиться с интересными людьми. Но, с другой стороны...

— Наверно, это было тогда, когда Бруно повез меня к себе домой, чтобы познакомить с родней. Мы остановились в гостинице на Манхэттене и целых два дня осматривали достопримечательности.

Взгляд Гвен отразил искреннее удивление.

— Но это было несколько лет назад.

Я пожала плечами.

— Я люблю работать.

Гвен вздернула брови.

— Отдых пойдет тебе на пользу, как и Доне.

И тут Гвен склонила голову к плечу, и мне в глаза попали последние лучи закатного солнца.

Я почувствовала, что тени сгущаются. Самый первый закат после укуса вампира мне довелось пережить в этой комнате, и ничего веселого в этом не было. Теперь я гораздо лучше владела собой и все же ощутила, как напрягаются мои мышцы, готовясь к охоте за жертвой. Но мое человеческое сознание отказывалось повиноваться вампирскому инстинкту. Я вдруг заметила, что губы Гвен шевелятся — однако я не слышала ни звука.

— Пожалуйста, повторите последнюю фразу, — попросила я. — Я на миг отвлеклась, глядя на закат.

Мой голос зазвучал с хрипотцой, а на концах слов даже появилось еле заметное рычание.

— Я спросила, не беспокоит ли тебя закат и не стоит ли нам перейти в другое

помещение.

— Нет. Не имеет никакого значения — вижу ли я, как садится солнце. Я ощущаю это до мозга костей, в крови. Понимаете, Гвен, в этом — часть моих проблем. Как я могу уйти в отпуск, когда стоит мне ослабить контроль над собой всего на секунду — и я превращаюсь в хищника? За последние несколько недель один кризис шел за другим.

Я не стала вдаваться в подробности. Гвен не была моим лечащим психотерапевтом. Она сама дала мне это понять очень ясно. Я отнеслась к этому с уважением и твердо решила на нее не давить, чтобы не ставить ее в такое положение, когда ей придется либо начать лечить меня, либо переживать из-за того, что она меня не лечит.

Гвен кивнула. Мои слова ее явно не обрадовали. Но, похоже, она меня поняла.

— Я надеюсь, ты хотя бы подумаешь о том, что я тебе сказала — ради Доны. Даже если ты не можешь себе позволить расслабиться, ты могла бы пожалеть подругу. Дай ей маленькую передышку. Ты права: я не учла вампирского компонента твоей жизни, когда предложила идею пожить под одной крышей. Но у меня такое впечатление, что ты потрясающе хорошо владеешь собой. Вот ты сейчас сидишь передо мной, и у тебя кожа светится, и глаза горят, но при этом ты разговариваешь разумно и участливо.

Я опустила глаза, увидела свои руки и только тут поняла, что Гвен права. Я светилась. А когда я подняла голову и посмотрела на Гвен, то она тоже светилась — только для меня. Теплое и мощное свечение пульсировало в такт с ее сердцем. Мне стоило больших усилий слушать ее. На всякий случай я зажмурилась.

— Но ты не можешь цепляться за это владение собой руками и ногами, Селия. Что-то может сорваться, и я очень боюсь, что в этот момент произойдет катастрофа. Ты должна найти какой-то способ удовлетворять свои новые инстинкты в неразрушительном виде.

Это предложение вызвало у меня смех — невеселый, саркастичный. Я вновь открыла глаза — пусть Гвен увидит меня во всей красе.

— Мои новые инстинкты велят мне гнаться за вами по всему зданию, до тех пор пока вы не напугаетесь до смерти, а потом они велят мне наброситься на вас и повалить на пол. А потом я бы с удовольствием вонзила клыки в вашу шею и высосала кровь. Подскажите мне, если знаете, как превратить все это в нечто *неразрушительное*.

Гвен кашлянула и с трудом сглотнула. Ничего удивительного. У доктора Скотта была такая же реакция.

— Что ж... Я понимаю... насколько это может быть трудно.

Я улыбнулась, не пряча клыки.

— Только ради вас, Гвен.

У нее участился пульс. У меня тоже. По подбородку потекла струйка слюны.

Не говоря больше ни слова, я встала и быстро прошла к ванной комнате. Я знала, что дверь в нее скрыта за стенной панелью. Войдя, я закрыла за собой дверь. В зеркале я увидела налитые кровью глаза и клыки, перекрывшие нижнюю губу. Но хотя бы на этот раз я не была перепачкана кровавым мясным соком. Я открыла кран и трижды обрызгала лицо холодной водой. Нужен был шок — и я его добилась. Я наклонила голову и изо всех сил сжала пальцами края мраморной раковины. Я дождалась момента, когда послышался хруст камня. Подняв голову, я увидела, что волосы у меня мокрые, но, по крайней мере, исчез огонь в глазах и клыки почти целиком убрались внутрь верхней челюсти. Я промокнула лицо и при этом стерла часть косметики, но это можно было исправить, когда я вернусь в машину.

Я медленно выдохнула, готовясь вернуться к Гвен. Потом я открыла дверь. Гвен сидела на своем месте, и вид у нее был немного встрепанный. Я снова села напротив нее и встретила ее взгляд, не моргая.

— С тем, что вы только что видели, мне приходится сражаться каждый вечер уже несколько недель. Так что, как видите, моя жизнь слабо вписывается в рамки обычного туристического гостиничного номера на двоих.

Гвен кивнула.

— Да. Да, я вижу.

— Но никто не говорит мне, что произойдет со мной, если я напьюсь крови. Может ничего не случиться, а может быть, я перешагну черту и стану настоящим вампиром. Так что сейчас мне только одно и остается — держаться за свою человеческую сущность руками и ногами, Гвен. Еще помогает йога и качалка. Но ведь вы не о таком расслаблении говорили, правда?

— Нет, не о таком. Ты права: на уме у меня было нечто не настолько активное, как тренажеры и йога. Ты не думала о спа-процедурах? Маски для лица, сауна, быть может — массаж. Это на какое-то время поможет. Если к моменту заката солнца ты будешь расслаблена, возможно, твоя реакция станет менее... интенсивной.

Что ж, в этом был смысл. Я догадывалась, что сегодня так среагировала на закат из-за того, что все еще была зла на Джерри. Но слова Гвен зацепили меня и на человеческом уровне. Спа-процедуры... О... Я даже не помнила, бывала ли я хоть раз в жизни в спа-салоне. Я знала, что Дона и Эмма были фанатками спа-процедур, но я с ними никогда не ходила. Возможно, это могло повлиять на меня благотворно, потому что я действительно находилась в состоянии стресса. Меня не спасало даже плавание и ванны с пеной. Я перестала ловить кайф в воде, смягченной калгоном.

Беда была в том, что у меня работы было по горло. Я была занята почти каждый вечер. Но хотя бы на день-то можно было куда-то выбраться?

— Хорошо. Я должна просмотреть свой календарь. Работы полно, но если речь идет о здоровье Доны, я сделаю все, что в моих силах. — Я встала, потому что настала пора поесть, иначе я могла натворить что-то, о чем потом пожалею. — Скажите ее врачу, что я что-нибудь предложу Доне. Я хорошо знаю Дону. Если с предложением к ней обратится он, она заупрямится и будет утверждать, что ей ничего не нужно. И, — добавила я, поскольку меня вдруг осенило, — я ведь еще не придумала подарков на Рождество для Доны и Эммы. Вот и идея: отправимся куда-нибудь в долину Напа на денек. Может быть, на дегустацию вин.

Гвен улыбнулась. Большую часть ее нервозности как рукой сняло. Большую часть, но не всю. Это меня опечалило. Я ошибалась. Я думала, что для меня разочаровать Гвен хуже только, чем довести бабушку до слез. Но испугать Гвен — это оказалось страшнее. Намного страшнее.

— Прекрасно. Я ему передам.

Я прикоснулась к дверной ручке. Мне отчаянно хотелось поскорее уйти, пока у меня не заурчало в животе. Но Гвен проговорила:

— Кстати, Селия, я очень ценю твою выдержку. Большинство клиентов не желают показывать свою... истинную сущность психотерапевту. Я планирую изучить материалы по вампиризму, и мне хотелось бы провести с тобой несколько сеансов, как только будет обновлена моя лицензия.

Это была хорошая новость. Посмотреть на Гвен я не отважилась, но новость была очень хорошая. Я кивнула.

— Буду с нетерпением ждать, Гвен.

Я вышла, не дав ей больше сказать ни слова. У меня поплыло перед глазами, и мне захотелось как можно скорее оказаться в темноте и безопасности — в моей машине. Дело было не в том, что Гвен ошибалась. Да, мое владение собой в один прекрасный день могло дать сбой. Я просто должна была держаться изо всех сил и делать то, что мне помогало.

Я обязана была дать себе шанс добиться успеха.

Глава 8

Я вынырнула, сделала большой глоток воздуха и снова нырнула в набегающую волну. Раньше я плавала каждую ночь — так я снимала накопившийся за день стресс. С тех пор как Вики умерла, я не так часто бывала здесь — на участке берега, относившемся к поместью. Отчасти из-за ареста, наложенного следствием на недвижимость из-за того, что мать Вики опротестовала завещание дочери. Но одно из многих сообщений на телефонный

автоответчик, полученных за последние дни, было от моего адвоката. Он сообщил мне, что судья не продлил ордер на арест имущества. Я получила право вернуться на территорию поместья.

Я остановила машину перед гостевым домиком, который был моим домом несколько лет, вплоть до ухода Вики из жизни, и поспешила на пляж, захватив пару больших полотенец из шкафа. Одно — чтобы вытереться после купания, а второе — чтобы лежать на нем. Океан тянул меня к себе. Плеск волн и запах морской соли помогал мне успокоиться.

Я плыла брассом до тех пор, пока огни поместья Куперов не превратились в маленькую светящуюся точку на темном горизонте. Вода была холодная, но из-за стресса я так перегрелась, что мне было приятно. Я ощущала океан как живое существо. Каждая рыба и водоросль знакомилась со мной без слов и усилий. Так со мной было всю жизнь, а не только с тех пор, как я узнала, что в моих жилах течет кровь сирены. Возможно, я раньше должна была заметить, что моя любовь к воде серьезнее и глубже, чем у других купальщиков, но я долго доверяла результатам теста, проведенного еще в начальной школе, а эти результаты доказали, что я не наделена никакими паранормальными способностями.

Перевернувшись на спину, я устремила взгляд на мерцающие звезды. Я почувствовала себя в покое и безопасности впервые за много дней. Пулевая рана на плече затянулась и превратилась в еще один шрам из множества других. Я то лежала на воде без движения, то работала ногами. Напряжение покидало мое тело с каждым вздохом волны. Я подумала о том, что могла бы вот так проспать всю ночь.

— Я как раз собралась это предложить, но ты и сама додумалась.

Женский голос, послышавшийся слева, так испугал меня, что я вздрогнула и погрузилась по воду. Я вынырнула, отплевываясь и пытаюсь проморгаться.

Лопака, верховная сиренская королева, довольно весело наблюдала за тем, как я чуть было не захлебнулась от испуга.

Ты не тонула. Сирены не могут утонуть. Океаны этого не допустят.

Лопака заговорила со мной мысленно. Я попыталась ответить в том же духе.

Но ее голос звучал сладчайшим звоном хрустальных ветряных колокольчиков, а мой — как хриплые крики чаек.

Я была бы очень вам благодарна, если бы вы меня не пугали. Я не такая, как другие сирены. Ужасно не хотелось бы доказывать, что ваша теория насчет того, что сирены не тонут, ошибочна.

Лопака рассмеялась. Вода вокруг нас стала более оживленной. Я почувствовала, что к нам сплылось больше любопытных рыб, потянулись листья водорослей, которые не должны расти так далеко от берега. Лопака подцепила рукой узкие и длинные зеленые листья и принялась небрежно наматывать их на пальцы.

— Мне бы этого тоже не хотелось. Монархи никогда не должны ошибаться. Я не экстрасенс, но я связана с моим народом, настроена на моих подданных. Вот почему я здесь. Чем ты так огорчена? Чуть раньше сегодня я почувствовала, что твоя душа кричит в агонии. А сейчас, судя по всему, у тебя все не так плохо.

Вот это да. Она сумела ощутить мою боль? О, как же мне не хотелось раскрывать свою жизнь для кого бы то ни было.

— *Раньше* — это когда? У меня сегодня выдался напряженный день. Примерно в два часа ночи в меня стреляли и ранили, а около часа назад мне хотелось напасть на моего психотерапевта.

Лопака немного удивленно покачала головой.

— Я говорю не о физической боли. Я такие состояния умею различать. Боль была психологическая — паника, страдания и страх собрались воедино. Ощущение было настолько сильным, что я едва устояла на ногах, но некоторое время не могла обнаружить источник. Я искала — и словно бы натыкалась на преграду.

Руки Лопакки наконец перестали шевелиться под водой. Она подняла их, и я увидела, что она держит корону, сплетенную из водорослей и маленьких ракушек. Она надела корону

себе на голову, а я стала гадать, где она могла найти ракушки. Приглядевшись, я поняла, что это не просто раковины, а живые моллюски. В одном месте в листве морских водорослей даже сидела маленькая морская звезда.

Нас плавно сносило в открытое море, а значит, предстояло изнурительное возвращение на берег — если только не вернуться прямо сейчас.

— Во-первых, чтобы сплести такую корону, требуется особый талант. Во-вторых, нужно возвращаться, или я слишком сильно устану и не смогу добраться до берега. И наконец: ты сама можешь вспомнить, в какое время у тебя была паническая атака?

За последние двадцать четыре часа подобную панику я ощущала дважды — первый раз, когда стреляли в Кевина, а второй раз — когда побывала в тюрьме у матери. Оба раза я находилась внутри магических защитных барьеров.

— Это было вечером. Но не ночью.

Я поплыла к берегу на спине. Я выбрала этот стиль плавания потому, что так проще было разговаривать, а еще потому что на спине плыть легче. Королева Лопака плавно поплыла рядом со мной. Ее корона из водорослей начала сползать с головы, но два крошечных крабика забрались в пряди золотистых волос и закрепили корону.

— Если так, то это была не я. Я точно знаю, что вы чувствовали, ваше величество, потому что сама это ощутила. Это была моя мама.

Лопака повернула голову, и один ее глаз цвета грозовой тучи накрыло водой. Другой глаз приобрел цвет темной воды, и я ощутила в мерцающей глубине силу воли Лопакки.

— Расскажи мне.

И я рассказала. Я смотрела на звезды, плыла и говорила. Когда мы добрались до берега, я истощилась и физически, и умственно. Я не могла точно понять, почему я поверила королеве Лопакке свои самые интимные тайны, но я не жалела о том, что сделала это.

Выйдя на берег, королева сняла корону из водорослей и положила ее на воду. У меня на глазах вся морская живность соскользнула в воду. Я залюбовалась красотой океана. Лопака протянула мне одно из двух полотенец, которые я оставила на берегу, — ярко-синее, напомнившее мне о цвете неба над островом Безмятежности, родиной Лопакки. Сама она взяла красное полотенце, и на фоне этого цвета ее глаза стали серебристыми. Я наклонилась, чтобы вытереть волосы, и заметила в песке большую витую раковину — одну из самых красивых, какие я когда-либо видела. Я собираю раковины — но только те, которые нахожу сама. Я вытаскивала раковину из песка, прополоскала ее в набегавшей волне и стала рассматривать.

Королева Лопака подошла ближе ко мне и посмотрела на раковину, озаренную тусклым светом луны.

— Она подходит принцессе. Море считает тебя достойной.

Я не удержалась от смеха.

— Я всегда считала, что найти раковину — это удача, а не чей-то замысел.

Лопака улыбнулась. В ее улыбке я увидела глубину знания, которого я была лишена.

— Ты еще молода. Большая часть жизни и смерти — это замысел. Взять твою мать, к примеру. По замыслу она сирена. В ее жилах течет наша кровь. У многих людей есть примесь крови сирен, но не все привязаны к океану. Я думаю, она привязана, хотя внешне это и не проявляется.

Я завернулась в полотенце и села на песок. Королева села рядом со мной — легко и непринужденно.

— Что вы имеете в виду — *привязана к океану*? Я боялась, что это как-то воздействует на нее, но не очень понимаю, как это на самом деле получается.

Королева с обезоруживающей улыбкой протянула руки к океану.

— Ты чувствуешь океан, как его чувствую я. Он живет и движется внутри нас, трогает наши сердца. Теперь, когда твой дар проявился в полной мере, твои ощущения стали более сильными, но ты чувствовала океан всегда. Разлука с ним будет приносить тебе боль. Те психологические муки, которые ты испытала сегодня, — это разрыв связи между сиреной и

ее океаном. Я чувствовала такое раньше, поэтому и пришла к тебе. Я не знала в точности, достаточно ли у твоей матери сиренской крови, чтобы она была привязана к морю, но, судя по всему, привязанность есть. И вот теперь она находится в четырех стенах, вдали от воды, внутри заколдованных барьеров, за счет которых рвутся магические связи. На самом деле она испытывает смертельный голод, а почему — сама не знает.

О ужас. Значит, моя мать страдала не только от разлуки со спиртным. Ее словно бы физически отрезали от важного органа. Она подвергалась пыткам, хотя тюремщики тут были совершенно ни при чем. У меня стало больно в груди.

— Что же мы можем сделать? Можно ли как-то доказать судье, что ее надо освободить?

Лопака покачала головой.

— Я бы не стала предлагать просить о ее освобождении. Она нарушила закон, и, откровенно говоря, ее пьянству пора положить конец. Она угрожает безопасности людей и вредит себе самой. А можно поставить в ее камеру аквариум с морской водой? Это хотя бы отчасти восстановило ее связь с океаном.

Я покачала головой.

— Сомневаюсь. Даже если можно будет заклясть этот аквариум, чтобы он не разбился, другие заключенные начнут жаловаться на запах, или свет, или еще на что-нибудь.

Лопака понимающе кивнула.

— Возможно, ты права. Может быть, подойдет более тонкое решение. У нас на острове есть тюрьма. Центр временного содержания, если точнее. Я могла бы отправить в суд прошение о переводе твоей матери в тюрьму на острове Безмятежности по соображениям ее здоровья. Не сомневаюсь: состояние ее психики пагубно сказывается на всех, кто ее окружает. Если уже бывали стычки с другими заключенными или попытки самоубийства, судья обязательно решит, что в общих интересах будет лучше перевести твою мать в другое место. Но если откажут... — Лопака прикоснулась к моей руке и в ее взгляде отразилась глубочайшая боль, — она умрет. Долгой, мучительной смертью. И даже если ее освободят, когда станет ясно, что состояние ее плачевно, непоправимый вред будет причинен, и я не знаю, можно ли будет ее спасти.

Я устремила взгляд на безбрежный океан и почувствовала, как глаза заволакивает слезами.

— Я должна была что-то сделать.

Я не знала, что именно я могла сделать и как я могла узнать, что такое могло случиться с моей матерью, но я чувствовала себя в ответе за происходящее.

— Селия, нет. Ты к этому непричастна. На тебя и так уже легла ноша тяжелее той, которую можно нести в одиночку. Думаю, твоей маме можно помочь, можно вернуть душевное равновесие. Я бы хотела попытаться сделать это, если ты мне позволишь.

Могла ли я доверить Лопাকে душевное здоровье моей матери? О черт, конечно!

Лопака рассмеялась. По всей видимости, я невольно передала ей эту мысль.

— Да, я буду просто в восторге! Для меня это большая честь, если вы сумеете ей помочь.

А как обрадуется бабушка! Она наконец уверится в том, что ее дочь получит именно ту помощь, в которой нуждается, и окажется рядом с теми, кто поймет, почему она искала спасения в алкоголе.

— Утром я обращусь к представителям власти. А теперь мне пора. На борту моей яхты меня ждут.

Я вытаращила глаза. Королева прервала важную встречу, чтобы повидаться со мной? Она легко поднялась, хотя сидела почти в йоговской позе лотоса. В который раз я обратила внимание на то, что она прекрасно выглядит для своего возраста. Черт побери, да для *любого* возраста.

Но Лопака была не просто красавицей. Она была милосердна и добра. Со всей искренностью я прикоснулась к сверкающему золотому перстню с жемчугом на ее руке.

— Благодарю вас, ваше величество. Я не ждала от вас такой доброты к себе, а теперь — к моей семье.

Лопака улыбнулась почти печально и повела пальцы под мой подбородок.

— У тебя глаза моего брата Калино. Как же я могу видеть боль в этих глазах и не помочь?

Она опустила руку, отвернулась, вошла в воду и нырнула без малейшего всплеска.

Я сидела на берегу, чувствуя радость пополам с грустью. Я получила ответ на свой вопрос о матери, а грустно мне было потому, что она страдала. Я встала и почувствовала, как болят мышцы. На миг мелькнула мысль: а эту боль Лопака тоже почувствовала?

Я собрала свою одежду, оставленную на камне, и медленно побрела к гостевому домику. Уже несколько месяцев я не ощущала такой боли в мышцах и решила, что плавать надо чаще. Наверное, стоило вернуться в бабушкин дом — мысленно я продолжала называть этот дом бабушкиным, хотя теперь его хозяйкой стала я и жила там с тех пор, как бабушка переехала, но я была почти уверена в том, что за руль мне сейчас садиться не стоит.

В общем, я вошла в дом и заглянула в холодильник. Пусто. И в морозилке пусто, и в кухонных шкафчиках. О черт. Придется ехать в город за молочными коктейлями или идти в главный дом и просить, чтобы мне что-нибудь приготовили. Дэвид и Инес, конечно, возражать не станут. Мы с ними всегда были дружны. Но в последнее время я так закрутилась на работе, что виделись мы редко. Может быть, стоило для начала позвонить?

Никто не ответил. Что ж, нельзя было ожидать, что они дома каждый вечер всю неделю. Они бы, пожалуй, не стали возражать, если бы я открыла дверь своим ключом, но... это казалось мне диким теперь, когда Дэвид и Инес стали владельцами поместья. Процесс по делу о признании завещания Вики законным еще не был завершен, но ее бывшие работники получили поместье в долгосрочную аренду.

В общем, надо было перестать хныкать и ехать в город. Уезжая из Берчвудз, я допила в машине последнюю бутылочку коктейля. Я немного размялась, втиснула себя в одежду, разложила по карманам оружие и кое-как похромала к машине. Я оставила в салоне свой мобильник. Три пропущенных звонка. Все — с одного номера за последние несколько минут.

Алекс.

Нужно было срочно ответить. Я завела машину, с трудом нажала педаль сцепления и включила передачу. Ох... Вверх по бедру стрельнула острейшая боль, перед глазами сверкнули искры.

Телефон зазвонил. Я ответила сразу.

— Селия слушает. Что случилось, Алекс?

— О, слава богу!

Голос Алекс звучал негромко, в нем слышался панический страх. Все мои чувства и рефлексy пришли в состояние боевой готовности. Боль в ноге исчезла, как по волшебству. Адреналин — чудесная сила.

— Селия, я сделала то, что пообещала. Я привела священника в «Зверинец». Ты права. Здесь творится нечто дикое. Были сообщения о том, что некоторые работники исчезли. Прошло несколько недель — и никто их не искал. Не знаю, почему: то ли из-за бюрократических проволочек, то ли кто-то придерживал эти сообщения внутри департамента. Но... черт! Изнутри доносится крик. Меня внутрь не пускают, не дают посмотреть, как там отец Иосиф. Я вернусь в управление за подкреплением, но если за мной будет «хвост», я хочу, чтобы ты получила фотографии, которые я тебе сейчас отправлю с мобильного, и передала их моему лейтенанту. А он соберет нужных людей.

«Если за мной будет „хвост“, мать честная!»

— Не играй там в героя, Алекс. Я еду.

Алекс заговорила хриплым шепотом:

— А ты чушь не пори, Селия. Тебя будут поджидать с распростертыми объятиями. Я

геройство разыгрывать не собираюсь. В данный момент я уезжаю от «Зверинца». Не хочется бросать тут священника, но он — воин второго разряда. Сумеет себя защитить. Будем надеяться. Но если до утра от меня не будет вестей, передай файлы лейтенанту Бланшару. Он поймет, что делать.

Лейтенанта, о котором шла речь, я знала не слишком хорошо, и мне стало немного не по себе от перспективы разговора с ним. Мы однажды встречались, и эта встреча мне не понравилась. Совсем не понравилась. Но Алекс такая же упрямая, как я. А может, и упрямее меня. Если она сказала «не приезжать», надо было с этим считаться.

— Позови Вики, — сказала я. — Если дела пойдут худо, позови ее. Обещай мне, что позовешь Вики. Хорошо? Обещай.

Я ни на мгновение не сомневалась, что, как бы ни устала Вики, она обязательно выручит Алекс. Со вздохом облегчения Алекс отозвалась:

— Не думаю, что это потребуется. Я уже миновала наружный защитный периметр. По идее, должна добраться до дома без помех. Но утром нам нужно поговорить. Первым делом я поеду в управление, доложу обо всем этом и оформлю официальный запрос на проведение расследования. Поспи немного, подруга. Со мной все будет нормально.

— А ты не могла бы повисеть на трубочке, пока не доедешь до города? Мне в тех краях доводилось нарываться на засаду. Хоть обкричись — никто не услышит. Если с тобой что-нибудь случится, призрак Вики будет всю жизнь меня преследовать.

Повисла долгая пауза. Были слышны только потрескивание разрядов статики да свист ветра в просвете между двумя едущими друг за другом машинами. Наконец Алекс ответила:

— Ладно. Ты права. Это разумно. Сейчас включу зарядник и громкую связь.

И мы стали говорить. Минут двадцать мы говорили об обнаруженных Алекс сообщениях об исчезновениях надзирателей и побегах. Причем ни одно из этих сообщений не попало в выпуски новостей.

— Потом я копнула глубже, — продолжала свой рассказ Алекс. — Мне хотелось понять, поступали ли жалобы и требования компенсации от работников на частную корпорацию, которая управляет тюремной больницей. Если люди начали пропадать, значит, следующий пункт программы — производственные травмы. За последний год таких жалоб поступило десятка полтора. Я не нашла никаких упоминаний об увеличении бюджетных ассигнований, но охранников здесь явно больше, чем их число, указываемое в зарплатных ведомостях. Я их видела несколько десятков, а на веб-сайте больницы пишут, что в ночную смену там трудится всего пятнадцать надзирателей. Если служба безопасности теперь нанимает столько охранников, значит, какие-то проблемы определенно есть.

У меня родилась страшная мысль. Сказать Алекс об охраннике с горящими глазами? Он передвигался... уж как-то слишком ловко. Ну просто, как будто...

— Может быть другое объяснение, но оно тебе не понравится?

Алекс с опаской спросила:

— Какое?

— Когда в последний раз кто-нибудь там считал по головам *заклученных*?

Алекс не ответила. Я молча вела машину. Вскоре мне пришлось остановиться на красный сигнал светофора, и это дало мне возможность подключить свой мобильник к Интернету. Я ввела в поисковике запрос: «*Бесовское одержание и оборотни*». Выпало шесть страниц результатов, включая три от представителей главных конфессий.

— А что, если... подчеркиваю — только *если*... демоны овладевают администраторами тюремной больницы и узниками, но при этом они *не трогают* надзирателей?

Алекс погрузилась в раздумья, а я начала быстро просматривать сайты. Но загорелся зеленый, поэтому на чтение мне времени не хватило.

— Охранников слишком много, и если бы они начали вести себя странно, поднялся бы шум, — задумчиво произнесла Алекс. — Но пара-тройка администраторов могла бы распорядиться освободить заключенных...

— Которые затем вернулись в качестве новеньких надзирателей. Никаких документов,

потому что официально они не зачислены и зарплату не получают. Хитрее не придумаешь.

Это была теория заговора высочайшего порядка. Дело нешуточное. Но тот демон, который пытался завладеть мной, был терпелив и умен, и поскольку диск с заклинанием, с помощью которого его вызывала Эйрена, потерялся во время нашей с ней схватки, я никак не могла утверждать, что он еще не переместился в наш мир.

— Точно. Нам нужно срочно отправить туда кого-нибудь. Немедленно. Так... Я проехала «Quai Mart» на Терранс-Драйв. Отсюда доберусь без проблем. Спасибо тебе, Селия. Правда. Ты дала мне толчок для размышлений. Я поговорила с тобой — и мне стало легче.

Мы с Алекс никогда не были особо близки. Скорее, мы с ней соревновались за время, проведенное с Вики, но тесной дружбы между нами не было. Правда, я всегда надеялась, что мы могли бы подружиться. Я считала так: если уж моя лучшая подруга любит Алекс, то мне стоит попытаться узнать ее получше и проникнуться к ней теплыми чувствами. Однако наши отношения всегда оставались поверхностными.

До сегодняшнего дня.

— Мне тоже, — сказала я. — А фотки мне можешь не отсылать. Передашь их своему лейтенанту лично. Да, и пока я не забыла: что там появилось по делу снайпера, который пытался прострелить мне башку во время чтения завещания Вики?

Алекс тогда была рядом со мной и видела, как Джон Крид с помощью чертовски впечатляющего магического приема остановил пулю и не дал ей меня прикончить. В тот день я ему мысленно начислила немало очков.

— Черт! Ты права! Я же тебе ничего об этом не рассказывала. Этого мерзавца зовут Селик Махрейн. Профессиональный киллер, его несколько лет разыскивал Интерпол. Они жутко обрадовались возможности его заполучить. Последнее, что я о нем слышала, вот что: он сидит в турецкой тюрьме и ждет суда за убийство шиитского лидера. Он был нанят королевой с греческого острова, чтобы убрать тебя до твоей встречи с верховной королевой сирен.

— Ах да. Милейшая Стефания. Я тебе говорила, что она была матерью Эйрены и что это она наложила на меня и Айви смертельное проклятие, когда мы с сестрой были маленькие?

Алекс негромко фыркнула.

— Милашка. Это та, которую ты прикончила?

— Нет. Я убила Эйрену, ее дочь. А душку-мамочку отправила на тот свет королева Лопака. Ее вывело из себя то, что Стефания пыталась убить единственную внучку ее брата. То есть — меня.

— Так... я подъезжаю к управлению. Поезжай домой. Отдохни, поспи, а завтра поговорим. Доложусь начальству, а потом продолжу поиск информации.

Получилось так, что вскоре после окончания разговора с Алекс я подъехала к одному из своих любимых ресторанов. «Ешь и пей» — маленький мексиканский ресторанчик у черта на рогах, любимое местечко нашей девичьей компании — я, Вики, Эмма и Дона. Именно тут мы поминали Вики. Здесь готовили самую вкусную еду на свете. В тот самый момент, когда я въехала на парковку, основное освещение в ресторане погасло. Который час? Я посмотрела на наручные часы, на дисплей мобильного. Десять вечера. С какой же стати ресторан закрывался? Обычно они работали до полуночи, а то и позже.

Я вышла из машины и постучала в парадную дверь. Из кухни высунула голову женщина. Она увидела меня, и ее лицо озарилось улыбкой. Она поспешила ко мне, вытирая руки неизменным белоснежным барным полотенцем, и открыла дверь нараспашку.

— Селия! Что ты тут делаешь в такое время? А? Входи и садись. Идем-идем.

Барбара была одной из владельцев ресторана. Она торопливо впустила меня — так, словно на улице бушевал ураган, — и снова заперла дверь и опустила жалюзи.

— Желаеть поздний ужин? Да? Пабло приготовит тебе «Закатный коктейль».

О-о-о-о... Это звучало заманчиво. Напиток с таким названием для меня здесь стали готовить после того, как на меня напал вампир. И если только я не думала о том, что одним

из ингредиентов напитка является говяжья кровь, он мне казался божественно вкусным. Но хотя бы кровь была не сырая. В общем, что-то вроде жидкой фахиты.⁸

— Конечно. Буду рада. А что случилось, Барбара? Где все? Я так удивилась, что дверь заперта.

Барбара оглянулась назад с таким видом, словно чего-то боялась.

— Кровососы. Целая банда. Один старый вампир появился неделю назад и покусал троих местных ребят. Парни были так себе: кражи, наркотики. Но они никогда ни на кого не нападали, пока эта тварь их не превратила в вампиров. Теперь люди боятся. Не заходят к нам после темноты, и я их не виню. Если бы мне нужно было тут прибираться, и мы бы не задерживались так поздно. Но для тебя... мы сделаем исключение. В любое время. Днем или ночью. Приходи, и мы накормим тебя ужином.

Это меня порадовало, но я терпеть не могу, когда терроризируют хороших людей. Ресторанчик — это все, что было у этой семьи. Я невольно нахмурилась и почувствовала, как закипает злость.

— Приготовьте мне коктейль, — сказала я. — А я сейчас вернусь.

Я встала. Барбара схватила меня за рукав.

— О нет, Селия. Не ходи туда. Они не такие, как ты. Они плохие, гадкие вампиры. Я не хочу, чтобы ты пострадала.

Наверное, моя улыбка получилась зловещей.

— Барбара, я еще до своего превращения ставила кровососов на место. А теперь ранить меня им стало намного труднее, и к тому же я куда умнее их. Мне приходится сохранять рассудок. — Я похлопала Барбару по руке. — Все со мной будет нормально.

С опаской во взгляде Барбара выпустила меня на улицу и заперла за мной дверь. Каждый третий уличный фонарь не горел. Я слышала, что в некоторых районах так делают, экономя электроэнергию, но из-за этого длинные участки тротуаров лежали во тьме.

Я пошла прочь от ресторана, помахивая связкой ключей, и ожидала, что в самом скором времени за мной кто-нибудь пойдет. Долго ждать не пришлось. Их было четверо, и они прятались в темноте. Я их смогла разглядеть только благодаря своему вампирскому зрению. Двое парней зарычали, и волосы у меня на шее встали дыбом. Может быть, мое решение было не таким уж правильным. Одно дело было — убрать одного-двух кровососов, но сцепиться с четверкой... это мне было не по зубам. Может быть, одного из них можно было уговорить.

Не смейтесь. Такое возможно.

Я зашипела и довела свечение своей кожи до максимума.

— Добрый вечер, джентльмены.

— Добыча!

Один из парней взлетел в воздух и приземлился по другую сторону от меня. Я только один раз делала такой прыжок. Штука зрелищная, но я терпеть не могу, когда меня окружают.

— Не хотелось бы вас обидеть. Но вашей шайке лучше отсюда удалиться. Я охраняю этот квартал.

Я не знала, к кому из вампиров обращаюсь, но после продолжительной паузы один вампир полетел вперед. Да-да, именно *полетел*. А в этом никогда нет ничего хорошего. Такое умеют делать только очень старые вампиры.

— От твоего района это очень далеко, Селия. Так что тут не ты диктуешь правила.

О черт. Голос кровососа мне не был знаком, но он назвал меня по имени. Он летел, пользуясь своей магической энергией, и светился и изнутри, и снаружи. Он был убит молодым, очень-очень давно. Его черные глаза были древними, безжалостными и беспощадными. Формой носа и высокими скулами он мне напомнил испанского гранда.

---

⁸ Мексиканское мясное блюдо с использованием лепешек «тортильяс».

— Я тебя знаю?

Вампир улыбнулся — точнее говоря, оскалился.

— Люсьен был прав. Ты в самом деле милашка. С Лютером и Лилит тебе повезло. Но Эдгар тебе доверяет зря. Вот почему я решил завести свою шайку. А мы никому не доверяем.

С этими словами он медленно двинулся вперед, а его подручные последовали его примеру и начали меня окружать.

Видимо, это означало, что имени старого вампира я не узнаю. Я выхватила из ножен ножи. Вампир резко остановился и уставился на клинки-близнецы.

— Это те кинжалы, которые убили Лютера? Они заколдованы?

— Лучше них ты никогда не видел. Черный прикончил Лилит. Хочешь рискнуть и узнать, что я проворней тебя?

— Она не блефует, Марко.

Голос донесся издалека и эхом пронесся между домами. Казалось, он слышится отовсюду одновременно.

В тот самый момент, когда с неба спикировал Эдгар, Марко зашипел и оскалился, обнажив острые зубы.

— Никто тебя не звал на эту вечеринку, Эдгар. Нам всем будет лучше, если я просто позволю своим подручным взять ее. Она — «недоделок». Мои ребятишки довольно злобные, и, если нападут все разом, она с ними не совладает.

К несчастью, скорее всего он был прав. Трое на одного — не лучший вариант. Если я потеряю хотя бы один нож, пожалуй, мне конец.

Эдгар посмотрел на меня, и в его глазах я увидела нечто, чего прошлой ночью не было. Желание.

Оно не было сексуальным, но присутствовало.

— Зачем убивать ее совсем? Из нее получится роскошная вампирша. Крутая, свирепая, умная. Такая, с мощью которой будут считаться.

Он улыбнулся, и от его улыбки у меня мурашки побежали по коже.

Марко ухмыльнулся. Плохо дело.

— Можно будет назвать ее Лилит в честь погибшей. А она никогда не узнает разницы, потому что память у нее пропадет.

Пятеро против одного. А я видела, как дерется Эдгар.

— Я помогла тебе спасти Кевина, — сказала я. Я была вынуждена начать торговаться, пытаясь найти какую-нибудь стену, чтобы прижаться к ней спиной.

Эдгар сделал еще один шаг вперед. На нем были плотные хлопчатобумажные штаны, серая рубашка и блестящие черные кожаные туфли. В таком наряде резоннее было появиться на заседании совета директоров, чем затевать убийство на темной улице.

— Верно. И я не сомневаюсь: он тебе благодарен. Но ты не представляешь, какую безопасность ты обрела, когда я поверил, что ты — его Васо. А сейчас он понятия не имеет, где ты находишься. И если на тебя нападут трое злобных новообращенных, а я *спасу тебя*, превратив в вампира, он вряд ли сумеет тебе помочь. Правильно я говорю?

Марко облизнулся. Слюни у него повисли до самой земли.

— Я слышал, что вкусней сиренской крови ничего на свете нет, но сам ни разу не пробовал.

Я сделала еще шаг назад и наступила каблуком на осколок бутылки. Мгновение — я не удержалась на ногах, и они набросились на меня. В следующий момент они с такой силой рванули меня за руки, что чуть не вырвали их из плечевых суставов. Оба моих ножа исчезли. От Эдгара пахло дорогим одеколоном и ополаскивателем для зубов, а от Марка несло потом и запахом кожаной одежды. Они встали по обе стороны от меня — так близко, что каждый из них мог прикончить меня одним ударом.

Лицо Эдгара метнулось ко мне с быстротой молнии, и я была готова ощутить боль. Но не ощутила. Я услышала его голос рядом с моим ухом — голос, похожий на прикосновение бархата к стали:

— Что ты дашь за свою жизнь, Селия Грейвз? Я могу положить конец этому прямо сейчас.

Мне не хотелось отвечать, но я услышала собственный голос, хриплый от страха:

— Что тебе нужно?

— Убей ее, — прошипел Марко.

Я не стала его слушать. Все козыри были на руках у Эдгара.

— Мне нужен артефакт. Если поклянешься, что принесешь его мне, я отпущу тебя и твоя любимая забегаловка снова станет уютным местечком для туристов. А если нет — я превращу тебя в вампиршу, и ты *все равно* принесешь мне артефакт, вот только при этом ты станешь такой же, как я, — начнешь охотиться на друзей, клиентов, на свою бабуся-святошу. И на этот раз твоим повелителем стану я.

У меня вскипела кровь, и я попыталась вырваться из рук молодых вампиров. Дикая боль пронзила мои мышцы, но я заставила себя не думать о боли. К сожалению, я понятия не имела, что это за артефакт, о котором вел речь Эдгар. Я владела одним-единственным артефактом — старинным гадательным набором под названием «Ваджети», который мне был преподнесен... о черт. «Ваджети» мне подарили Эйрена и Стефания. И если шкатулку мечтал заполучить Эдгар, значит, она представляла собой нечто большее, чем я думала.

Я сгруппировалась, готовясь к схватке, и Марко отпрыгнул назад, а Эдгар не сдвинулся с места и расхохотался.

— Ты и вправду злючка. Но ты проиграешь. При таком раскладе сил победить невозможно.

— Можно, если маленько помогут! — прозвучал мужской голос с сильным мексиканским акцентом. За словами последовал резкий треск выстрела из дробовика.

Стрелявший попал одному из юных вампиров в физиономию. Чем бы ни был заряжен дробовик, вампир обхватил лицо руками и метнулся в темноту, но тут же упал и замер в неподвижности на краю ближайшего круга света.

Это был Пабло, вооруженный двуствольным дробовиком. Но Марко уверенно взмыл в воздух.

— Я позабочусь об этом коротышке, — заявил он. — А ты возьми на себя девчонку.

— Трус! — поддразнила я вампира, не очень понимая, чем могу помочь другу.

Но в следующий момент я поняла, что помощь ему не нужна. Позади него из ресторана вышла Барбара, также вооруженная дробовиком, а за ней — Хуан, их старший сын. Он сурово и ловко передернул затвор помпового ружья.

Неподалеку открылись еще две двери, вышли еще люди с дробовиками. Кто-то потянул спусковой крючок. Молодой вампир, стоявший справа от меня, попытался отскочить в сторону, но грянул выстрел — и его грудь буквально взорвалась. Он вскрикнул, и пламя прожгло его насквозь. Следующим подстрелили того кровососа, который стоял слева от меня. Я подобрала с земли дробинку, отскочившую от земли, и сжала пальцами. Разрази меня гром... Вот не знала, что есть дробинки, начиненные святой водой. Получалось что-то вроде пейнтбола высокой мощности. Человека такой дробинкой убить было невозможно — разве что синяк остался бы. А если выстрелить в вампира... Мгновенная агония.

Третьему новообращенному хватило ума развернуться и броситься наутек, а вот с Марко справиться было не так-то просто. Он спикировал на Пабло, словно орел. Полы его длинного кожаного плаща развевались, словно крылья. Белели длинные, как когти, клыки. Не раздумывая, я оттолкнула в сторону Эдгара, бросилась вперед и сбила Марко на землю, не дав ему напасть на моего друга. Хуан и Барбара начали обстреливать Эдгара. Он, судя по всему, понял, что уже не может управлять ситуацией, но все же он высоко подпрыгнул и приземлился прямо мне на спину. Я ударила подбородком об асфальт, а Эдгар схватил одной рукой Марко и взвился в небо.

Он обернулся только тогда, когда оказался там, где его не могли достать заряженные святой водой дробины, а народ палил по вампирам уже почти из каждого окна.

— Дело не кончено, Селия! Мое предложение в силе. Ты не можешь бодрствовать

вечно, а я знаю, где ты живешь.

Кровь полилась у меня из носа и рта. Барбара бросилась мне на помощь и помогла встать. Люди подняли с земли тела вампиров — ребят из этого района. С гордостью и печалью некоторые из них срубили сук с ближайшего дерева, и кто-то принялся его затачивать, чтобы превратить в кол. Вампир, которому дробь угодила в лицо, был еще жив и начал метаться, когда сильные руки вогнали кол ему в сердце. Двое мужчин едва удержали взывшую от горя женщину, а еще трое прикончили вампира. Наконец он замер, и тогда женщине — наверное, это была его мать — разрешили подойти и оплакать сына, которого она потеряла много ночей назад.

— Селия, — проговорила Барбара со страхом и робкой гордостью, — я же тебе говорила, что он жуткий. Но разве ты стала меня слушать?

Она отряхнула пыль с моей одежды и протянула посудное полотенце, чтобы я вытерла кровь с лица. Я услышала всхлипывание, подняла взгляд и увидела, что глаза Барбары полны слез.

— Ты меня не послушала. И поступила очень храбро. Нам всем стало стыдно за то, что мы раньше не выступили против них.

Я этого не хотела, но я была рада тому, что все так получилось. Черт побери, но как у меня болели губы. Вряд ли у меня был сломан нос, но в зеркало посмотреть стоило — что с губами.

— Тувалетш, — прошамкала я, зажав рот полотенцем, и указала на открытую дверь ресторана.

Барбара удивленно вскрикнула и поспешно повела меня внутрь. За нами в «Ешь и пой» вошло человек десять. Они радовались и выкрикивали мое имя — так, будто я была героиней-победительницей.

Вот только герой — это не тот, кого надо спасать. Я чувствовала себя полной идиоткой. Я восприняла врагов, как нечто само собой разумеющееся, и едва уцелела, а была на волосок от гибели.

Я вошла в женский туалет и включила свет. Нижняя губа у меня была порвана в двух местах — там, куда вонзились клыки. Вот откуда взялась кровь. Кроме того, два передних резца и один клык были выбиты. Их можно было покачать, и это было больно. Я понятия не имела, что может со мной случиться, если я сломаю клык. Наверное, стоило спросить об этом у кого-то. Через несколько минут губу у меня должно было разнести по полной программе, но я надеялась, что ненадолго.

Когда я вышла из туалета, меня снова приветствовали радостными криками. Барбара и Пабло бросились ко мне и проводили к столу. На столе лежали мои ножи, и я с благодарностью убрала их в ножны. Вот уж чего мне совсем не хотелось — так это того, чтобы эти ножи попали в руки Эдгара.

От высокого стакана исходил аппетитный запах зиры, острого красного перца и лука. Ням-ням. «Закатный коктейль». Вкуснятина. Я сжала губами соломинку и... О-о-о... В общем, получилось очень больно. Но кто знал, что соломинку так больно будет держать расшатанными зубами? Все глазели на меня, а я выпила содержимое стакана, как молоко.

Было так вкусно, что я заказала добавку. Двое авантюристов заказали и себе такой напиток. А кто знал? Это странное блюдо запросто могло стать хитом в «Ешь и пой»!

Час спустя я покинула ресторан, и мой бумажник не похудел ни на одну купюру, потому что Пабло настоял: еда за счет заведения. Я наелась до отвала, но жутко устала. Я не сомневалась, что Марко и Эдгар где-то поджидают меня. Только в одном месте я могла ощутить себя в безопасности — там, где я проснулась утром.

После того, как сменил все коды сигнализации, естественно.

Ночь мне предстояла еще более долгая, чем я думала раньше.

Глава 9

Я проснулась от воя сирены у парадной двери. Хотелось бы сказать, что я вскочила на ноги, будучи готова действовать. Но на самом деле я скатилась с дивана на пол, пытаюсь протереть заспанные глаза. Но все же за пару секунд я доковыляла до двери и выскочила в холл, держа наготове кольт и стреляя глазами по сторонам в поисках угрозы.

— Набирай код! — прогремел голос Рона на фоне завывания сирены.

Я услышала, как Дона нажимает кнопки, а потом Рон оттолкнул ее.

— Ой, я тебя умоляю. Давай я наберу.

Я не удержалась, вернулась в кабинет и выбежала на балкон, чтобы пару секунд понаблюдать за тем, как Рон вводит старый код раз, другой. А потом он начал нажимать на кнопки как попало и наконец в сердцах заехал кулаком по панели.

— Черт побери, Рон! Не расколоти панель.

Я опрометью сбегала вниз по лестнице, на бегу сунула пистолет в кобуру и выскочила за дверь. После этого я набрала новый код, и сигнализация отключилась.

Дона изумленно покачала головой, а я объяснила:

— Ночью на меня напали вампиры. Двое из них смылись, а один из них знает, где я работаю. Мне хотелось, чтобы он не смог проникнуть сюда без моего ведома. Простите меня. Я думала, что проснусь раньше, чем вы придете. Дона судорожно вздохнула.

— Я позвоню в полицию и охранную компанию. Черт бы тебя побрал, Селия. Могла бы отправить мне эсэмэску или голосовое сообщение. Мало мне работы с отчетами, так теперь у меня еще и голова раскалывается.

Судя по тому, как выглядела Дона, она спала не больше меня.

— Прошу прощения, — повторила я.

Рон сердито ушел, бормоча под нос что-то насчет того, что он поднимет вопрос насчет смены кода на ближайшем собрании арендаторов.

— Тебе плохо? — спросила я, заметив темные круги под глазами у Доны — такие темные, что даже самая лучшая тональная пудра не смогла их скрыть. — Правда. Скажи.

Дона уставилась на телефон, держа в руке снятую трубку. Она закрыла глаза, ее губы дрожали.

— Просто мне нужен отпуск. Жизнь сейчас... в общем, *перебор*.

Я почувствовала себя законченной свиньей. Она была права. Вампиры, демоны — да что угодно! Дона была моей ближайшей подругой. Я должна была проявить больше участия к ней. К чертям Марко и Эдгара. Гвен была права. Доне нужно было отдохнуть, и мне тоже.

Но сначала — важные дела.

— Джастин вчера приезжал?

Дона кивнула.

— Ты оказалась права... как всегда. Два «жучка» он нашел наверху. Один — в холле, рядом с твоим кабинетом, а второй — в светильнике около твоего письменного стола. Да... и еще он сказал, что у него есть идея, как быть с твоим сейфом после того, как *ты разродишься*.

Дона улыбнулась, и это меня порадовало.

— Знаешь что? На всякий случай — если Джастин что-то пропустил, давай выйдем и где-нибудь быстренько перекусим. У меня есть новости, которые тебе будут интересны. Подожди меня десять минут, я причешусь. Я действительно только что глаза продрала.

Дона поморщилась.

— Рон расписхуется. У него клиенты на подходе, да и у тебя самой встреча через полчаса.

Я перегнулась через перегородку и накрыла руку Доны своей рукой. А потом я пристально посмотрела на нее и сжала ее руку.

— К чертям Рона. К чертям его клиентов и моих тоже. Нам нужно выйти на десять минут. Это очень важно.

Только Дона разжала губы, чтобы ответить мне, как в приемную вошли первые клиенты. Она беспомощно подняла руки вверх. Я ничего не смогла поделать. Мне так

хотелось с самого утра сказать ей про поездку, про спа-процедуры, чтобы она могла заранее построить планы на выходные, — но, увы, с этим нужно было подождать.

Однако в сложившейся ситуации были и свои плюсы. У меня появилось время, чтобы привести себя в порядок перед началом рабочего дня, а может быть, я даже могла успеть выйти в Интернет и подыскать хороший спа-салон. Я решила зарезервировать места для троих. Я не сомневалась, что и Эмме не помешает небольшая разрядка после стресса, связанного с задержанием Кевина. Я надеялась, что мне удастся убедить Гвен отпустить Эмму. Правда, ее первый месячный курс лечения в Берчвудз только начался, и в это время пациентов не отпускали из клиники даже на один день, а Эмма уже отпрашивалась — в тот день, когда мы ходили по магазинам.

Миновало двадцать минут. Не сосчитать, сколько раз за это время я кликнула клавишей «мышки», прежде чем нашла подходящее место. Там делали маски, массаж и даже обертывание морскими водорослями. Ничего подобного я себе раньше никогда не позволяла, но по какой-то причине мне этого очень захотелось.

— Селия, — послышался голос Доны из динамика селектора. — К тебе... *клиентка*. Кажется.

Это прозвучало странно и интересно.

— Хорошо. Пусть поднимется ко мне.

Я сделала последний глоток молочного ванильного коктейля, бросила пустую бутылочку в корзинку для бумаг и заглянула в календарь. Клиентку звали Мария Бустаманте, но это имя была записано не моей рукой и не почерком Доны. Скорее это записал *Рон*.

Неужели?

У нашей команды арендаторов есть один милый прием — мы свободно перебрасываем друг дружке клиентов. Между тем у меня в календаре время от времени возникало несколько человек, переправленных ко мне Баббой, но никогда не было ни одного — от Рона.

В дверь постучали — но так тихо, что я бы могла и не расслышать, если бы не ждала клиента.

— Войдите.

Я встала и быстро окинула себя взглядом. Темно-синие брюки, небесно-голубой топ с рисунком, качественный макияж, неплохо лежащие волосы. Пиджак надеть было довольно сложно — мешала боль в суставах после вчерашней драки. Ну да ладно, хотя бы зубы не болели. Правда, когда бы я ни смотрела на свое отражение в зеркале в последние недели, я видела одно и то же: белую, как мел, кожу и темные, как кровоподтеки, круги вокруг глаз. Добавьте к этому клыки. А уж если я мало спала, то людям казалось, что я пробуюсь на роль в фильме ужасов.

Дверь открылась. Вошла женщина... да нет, какая женщина — девочка. Стеснительная и испуганная. Похоже, ей кто-то угрожал или охотился за ней. Она пугливо стреляла глазами по сторонам. Она скованно пошла ко мне, но при этом ее большие карие глаза смотрели то туда, то сюда. Она не пожала протянутую мной руку, а быстро села в большое гостевое кресло и мгновенно подтянула коленки к подбородку.

Та-а-а-ак...

— Мария?

Девочка кивнула и наконец осмелилась посмотреть мне в глаза. А ее глаза были, можно сказать, выпучены. Она дышала часто и неглубоко.

— Да.

Она едва шевельнулась и стала похожей на птенчика, который знает, что за ним следит коршун и только ждет от него промашки.

— Тебе хотя бы пятнадцать есть? — спросила я.

Меня ни разу не нанимал никто младше пятнадцати. Большинство моих клиентов-подростков были актерами или певцами, осаждаемыми фанатами, а порой им требовалась защита от членов своей семьи.

Еще одно робкое движение — на этот раз девочка покачала головой. Мой решительный

голос напугал ее и отчасти успокоил.

— В марте будет тринадцать.

Двенадцать. Господи боже. Значит, я была права — передо мной ребенок. Я начала представлять себе отца-насилльника или мать-наркоманку. Тут телохранитель — не помощник. Но, по крайней мере, я была готова выслушать девочку.

— Ладно. Расскажи мне, какие у тебя проблемы.

Девочка каким-то непостижимым образом ухитрилась еще сильнее выпучить глаза.

— Мне нужен телохранитель.

Да ну?

— Я так и поняла. Но почему ты первым делом пошла к адвокату и почему он отправил тебя ко мне?

Я никак не могла найти ответа на этот вопрос. Что она такое сказала Рону, что он понял, что сам ей не поможет? Каким бы поганцем я его ни считала, адвокат он был чертовски хороший. И даже если он сам не мог ей помочь, он бы переправил девочку к кому-то из своих коллег. Но зачем понадобился телохранитель?

— Он сказал, что вы сумеете меня защитить. А я просто хочу, чтобы меня защитили.

Неужели? Рон так сказал? Ух ты.

Хотелось верить, что челюсть у меня отвисла не слишком заметно.

— Кто тебе угрожает?

Девочка опустила глаза.

Ой-ой-ой. Плохо дело.

— Никто особенно.

Ну уж это наверняка вранье. Так не бывает, чтобы человек, охваченный таким жутким страхом, сквозившим во взгляде и движениях, не знал, кто ему угрожает.

— Не пойдет. Попробуй еще разок.

Мой голос прозвучал чуть грубее, чем мне хотелось. Не стоило так резко с ней себя вести. Ведь она совсем ребенок.

Но мои слова вывели девочку из себя. Взгляд из испуганного стал гневным.

— Как вы сказали? Вы не должны со мной так разговаривать. Это я вас нанимаю.

Тест на реальность юная барышня прошла успешно. Я предостерегающе подняла указательный палец. Девочка немного успокоилась и опустила ноги на пол. Она выпрямилась впервые с того момента, как вошла в мой кабинет. Я наконец смогла ее толком рассмотреть. Длинные, темные блестящие волосы, немного по-детски полноватая талия. На вид здоровая, с хорошим мышечным тонусом — а значит, не беглянка.

— Давайте-ка хорошенько проясним один момент, мисс Бустаманте. Я рискую жизнью ради абсолютно незнакомых людей. Мне приходится сталкиваться с неведомыми опасностями. — Я приподняла верхнюю губу и показала Марии свои клыки. Она снова вытаращила глаза — только теперь причина страха была другая. — Это я заработала, выполняя свою работу. Все, что только можно продумать, я стараюсь продумывать, но я рассчитываю на то, что мои клиенты ведут себя со мной абсолютно честно и откровенно. Если есть *известные* опасности, к которым мне нужно подготовиться, я бы желала о них знать заранее.

Вы явно в беде, мисс Бустаманте. Это у вас на лице написано. Вам двенадцать, и вам требуется личный телохранитель? Что, черт побери, вы сделали кому-то или кто-то сделал вам, из-за чего вам стала нужна охрана?

Девочка начала нервно переплетать пальцы. Я заметила, что ее ногти, покрашенные бледно-розовым лаком, отгрызены почти «до мяса». Потом Мария подняла одну руку и начала накручивать на палец прядь волос. На миг она встретилась со мной взглядом. Как же напряжено было ее тело... оно словно была готова взорваться, а я не понимала, в какую сторону будет направлен взрыв. Я сжала ладонь над девочкой и проговорила мягче, чем прежде:

— Мария... одна из причин, почему люди нанимают телохранителя, в том... чтобы наконец... наконец суметь кому-то сказать всю правду. Тому, кто все поймет, примет это

всерьез и никогда, ни за что на свете никому не расскажет.

Последние слова я произнесла шепотом, который в тишине кабинета показался мне самой громким.

Получилось, что я протянула девочке соломинку. Пружина разжалась. Мария откинулась на спинку кресла. Прочная раковина рассыпалась на миллион осколков. Глаза девочки наполнились слезами.

— Он убьет меня, мисс Грейвз. Он уже убил моего брата, Мануэля, а потом убьет меня, и тогда уже никто не поможет маме с папой. О господи, пожалуйста. Я не хочу умирать.

Она втянула голову в плечи, закрыла лицо руками и зарыдала.

— Кто?

— Хорхе Энкарсион.

О Матерь Божья! Ну и ну. Хорхе «Гадюка» Энкарсион был самым жутким из жутких наркоторговцев в этой части штата. Он действовал в основном по системе «зажигай и приручай» — то есть распространял магические наркотики: усиленные версии обычной коки и «экстази», создававшие у наркомана физический и психологический кайф. За счет временных иллюзорных чар потребитель наркотика под кайфом мог сделать что угодно и мог *стать кем угодно*. Стать на один день супермоделью — да пожалуйста. Вообразить себя актером на вершине карьеры — одна таблетка, и вперед. Но для людей, родившихся на свет без каких-либо магических способностей, похмелье оказывалось поистине ужасным. Наркотик пожирал тело человека, после его приема оставались шрамы, человек страдал судорогами и доходил до паралича. Так действовала система «зажигай». А вот прием «приручай» был полной противоположностью. Этот наркотик представлял собой валиум нового тысячелетия. Неудачный день на работе или кошмарная трагедия в жизни забывались после маленького укола в вену. Но привыкание развивалось стремительно быстро, и могла произойти остановка сердца или дыхания.

Но боялись «Гадюку» не из-за наркоты, а из-за его дикой жестокости. Аморальность или полное отсутствие всякой морали — это одно дело. Среди наркодилеров это очень распространено. Но для того, чтобы править миром, требуется способность уничтожать что угодно и кого угодно, кто продемонстрирует хотя бы толику слабости.

Включая двенадцатилетнюю девочку.

— Что ты ему сделала?

Мария всхлипнула и потянулась за бумажным платочком. Я держу коробку с платочками на столе, поближе к клиентам. Если платочек нужен мне, приходится тянуться через стол.

— Я должна была что-то отнести для него. Доставить в молл и передать клиенту. Это было просто. Все говорили, что это так просто и деньги хорошие.

— Но оказалось непросто. Да? Что случилось?

Девочка покраснела так сильно, что я подумала: «Сейчас она загорится».

— Они были в воздушных шариках. Ну, знаете... чтобы не унюхали датчики запаха на входе в торговый центр. Вечером я их проглотила... и должна была... не знаю, как сказать... сходить по большому, а потом отмыть шарики и передать.

Ох. Вот это да. Ужас. На самом деле я никогда особо не задумывалась о том, как именно все выглядит, когда наркотики прячут внутрь надувных шариков. Но если рассуждать логически, в кишечнике резиновый шарик разложиться не мог, но зато легко проходил по изгибам кишок. И все-таки... Ужас-ужас.

— Понятно. В общем, ты прошла в торговый центр, нашла клиента, потом пошла в туалет, и... — Я не договорила. Мне пришла в голову жуткая мысль. — А какой торговый центр?

Мария кивнула. Поняла мой вопрос.

— «Пальмы-близнецы».

Я невольно прижала руку к губам. Но я сама не поняла, что хотела сдержать — крик или смех. И девочка, похоже, сражалась с той же смесью чувств.

— Этой весной там туалеты переоборудовали, — выдавила я.

Мария кивнула и снова залилась слезами.

— Я там очень давно не была. Наша семья не может себе позволить такие дорогие магазины. И я никогда не видела туалет, где все смывается автоматически.

Полное дерьмо. В прямом и переносном смысле. Она покакала шариками, а они... *п-ш-ш-ш-ш!* — смылись. Вместе с дурью.

— Стало быть, у тебя теперь ни наркотиков, ни денег и... А что дальше было? Ты убежала? Ты с кем-то объяснилась или просто убежала?

Марии пришлось основательно высморкаться, а потом она ответила:

— Я убежала. А к Хорхе пошел Мануэль. Он с ним раньше работал. Он пытался уговорить «Гадюку», чтобы тот дал еще шанс. Объяснял, обещал, что мы вернем деньги. Но этот... *ублюдок* не стал его слушать. — Голос у девочки стал хриплым, слушать ее было больно. — Он застрелил моего брата и бросил тело перед нашим домом, а к груди Мануэля приколол записку.

Я почему-то догадалась, что записка была приколот к *груди* в буквальном смысле.

Я вздохнула.

— И ты — следующая.

Мария кивнула. У нее дрожала нижняя губа.

Беда была в том, что ей действительно грозила смерть. «Гадюка» славился тем, что в злобе слов на ветер не бросал. Я не могла находиться рядом с девочкой каждую минуту круглые сутки. Судя по тому, что я читала об этом мерзавце, в данный момент Мария для него стала личной мишенью. В отличие от боссов итальянской мафии он не доверял грязную работу своим подручным. Любил сам испачкать руки в крови. Но если в ближайшие дни он не заполучит Марию, очень может случиться так, что потом ему это надоест, и он даст своим людям поручение убрать ее. Тогда за ней начнут охотиться десятки, если не сотни убийц. И она умрет.

— Когда это случилось? Когда погиб твой брат?

Мне больно было смотреть на девочку.

— Два дня назад. И тогда я пошла к мистеру Рону. Он помог моей маме купить наш дом, и я подумала: может быть...

Но Рон был адвокатом по недвижимости, а не по уголовным делам. И даже адвокат по уголовным делам мало чем мог бы помочь — ну разве что попытался бы уговорить Марию сделать то, о чем ей сказала я:

— Ты в полицию звонила? Ты им рассказала, что тебе известно о «Гадюке»?

Мария замотала головой — сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Она словно хотела вытряхнуть самую эту мысль из головы. А значит, она об этом думала. Может быть, даже телефон набирала.

— Нет. Не могу. Полицейские его боятся. Они никогда не появляются в нашем районе. Он их тоже убьет, и они это знают.

Я старалась никогда не думать плохо о городской полиции. Они делали потрясающую работу. Но что да, то да: сообщений о кровавых преступлениях на Федеральном бульваре поступало куда больше, чем об арестах и передаче дел в суд. То ли Энкарсион вправду так талантливо скрывал улики своих преступлений, то ли копы его побаивались. Мне казалось, что таланта тут было больше, чем страха. А значит, если я возьмусь за эту работу, жизнь моя может очень сильно укоротиться.

— Ты могла бы где-то пожить какое-то время? Уехать из города?

Эти мои вопросы, скорее, имели отношение не к реальности, а к признанию поражения.

Мария не стала возражать, а значит, была не такой уж храброй — что в данном случае было ей на пользу.

— У меня есть тетя в Айове. Так, значит, вы считаете, что надежды нет? А как же мои мама с папой?

— Надежда есть всегда. — Я в это верила и всеми силами старалась убедить в этом

Марию. — И если бы ты была не просто доставщицей, надежда была бы больше. Если бы ты знала что-нибудь важное, что можно было бы обменять у властей на защиту...

Я подвесила фразу в воздухе, молясь о том, чтобы Мария пришла ко мне не с пустыми руками.

Она уставилась на мой перекидной календарь, кусая нижнюю губу. Я взволнованно наблюдала за ней. Мне так хотелось, чтобы она выкарабкалась из этой жути — ведь ради нее уже пожертвовал собой ее брат. Хоть бы эта жертва не оказалась напрасной!

— Я знаю, что Хорхе в субботу ночью будет в порту, в Смоллмаут-Харбор. Он будет забирать там груз кокаина из Южной Америки. Он собирается убить капитана и затопить яхту, чтобы не платить за товар.

Ух ты. Я ждала лишь малой толики, а тут такое...

— Ты уверена? Откуда ты знаешь?

Мария пожала плечами. Она снова смутилась и стала растерянной.

— Я шарики долго глотала — трудно было. Наверное, он думал, что я уже ушла, когда говорил с кем-то из своих подручных. А вот подружка у него добрая. Она долго была со мной в ванной — пока я не проглотила все шарики. А меня то и дело тошнило.

Нечего было этого стесняться. Я почти не сомневалась, что меня тоже бы наизнанку выворачивало. Ну да ладно. Сведения были колоссальные. Событие еще не произошло, и можно было действовать. Но кому позвонить?

Я откинулась на спинку кресла и прижала к губам кончики пальцев. Я могла позвонить Алекс. Но если она продолжала заниматься тем делом, на которое ее навела я, то в данный момент она собирала отряд для похода в тюрьму. Это было чертовски важно, и мне не хотелось этому мешать. Но все же Алекс была моим единственным реальным контактом в местной полиции. Я была знакома еще с помощниками шерифов, потому что это ведомство позволяло своим сотрудникам работать по совместительству — потому я и знала кое-кого из этих ребят, подрабатывавших телохранителями. Но заварушка с наркотой в порту не входила в компетенцию шерифов. Очевидно, мне следовало познакомиться еще с кем-то в местной полиции, а поскольку городские копы отхожим промыслом не занимались, действовать нужно было по старинке: заехать в участок и поговорить. Я отложила эту мысль для обдумывания в ближайшем будущем.

Краем глаза я заметила, что Мария разжала губы, и подняла руку.

— Дай мне минутку. Мне надо подумать.

В следующее мгновение у меня мелькнула мысль, и я наклонилась вперед так резко, что напугала бедную девочку.

— Придумала! — поспешно воскликнула я, чтобы Мария не вскочила с криком.

Я быстро порылась в картотеке, нашла раздел на букву «Р» и нашла визитку, прикрепленную скотчем к каталожной карточке. Другой рукой я сняла трубку телефона.

Два гудка — и трубку сняли. Женский голос:

— Федеральное бюро расследований. Кабинет специального агента Риццоли.

Обломчик. Когда я звонила ему в последний раз, трубку он снял лично.

— Он на месте? Мне надо срочно поговорить с ним.

— Мне очень жаль.

Да уж. Вовсе ей не было жаль. Голос был усталый и нетерпеливый.

— Он на задании. Кому он мог бы перезвонить?

Это могло занять десять минут, а могло — неделю. Стоило ли рисковать? Я вздохнула.

— Да, пожалуй, вы могли бы передать ему сообщение. Попросите его позвонить Селии Грейвз. Это срочно. То есть *очень-очень* срочно.

— Как правильно пишется ваше имя?

Неужели так сложно сообразить, как пишется «Селия Грейвз»? Как бы то ни было, я произнесла имя и фамилию по буквам — медленно и вежливо, на всякий случай: вдруг мне ответила большая начальница. Ведь если я буду говорить с ней грубо, она запросто может выбросить мою записочку для Риццоли в корзинку для бумаг. Из стратегических

соображений я добавила:

— Пожалуйста, скажите ему, что речь о Хорхе Энкарсионе. Повторяю: очень срочно. Молчание. Наверное, повесила трубку.

— Алло? Вы меня слышали?

— Да, мэм. — Голос зазвучал иначе. Заинтересованно. — Позвольте, я уточню номер. — Женщина повторила цифры моего телефона. Назвала правильно. — Я передам ему, чтобы он вам перезвонил как можно быстрее.

Может быть, я попала в точку, назвав имя Энкарсиона? Господи, хотя бы так и было! Я положила трубку и медленно выдохнула.

— Так... Теперь нам нужно найти место, где ты была в безопасности несколько дней, пока я буду ждать ответа от человека, которому я только что звонила.

В обычных обстоятельствах я бы просто отвезла ее домой и велела бы сказаться больной и несколько дней не ходить в школу. Но Хорхе знал, где она живет, поэтому такой вариант исключался. Нельзя было поручить Марию и никому из тех, кому доверяла. Тех, кому я доверяю, я еще и забочусь, и не все эти люди привычны к той жизни, которую веду я. Марии же был нужен такой опекун, который и сам за себя мог постоять. Кто-то такой, кто вывел бы ее на путь истинный и сумел разубедить в том, что торговля наркотиками — удачный выбор карьеры. Кто-то такой, кто уберег бы ее не только от внешних угроз, но и от нее самой.

Воин.

Или... воин-священник.

— Скажи, какую религию ты исповедуешь?

Мария нахмурила брови — будто мой вопрос был глупым.

— Я католичка.

— Как смотришь на то, чтобы ты вместе со своей семьей пожила несколько дней в семинарии? А еще точнее — у местных монахов из боевого ордена?

Это могло стать ответом на все вопросы. Очень многие наркоторговцы с юга от границы были католиками. Они бы хорошенько подумали, прежде чем пристрелить кого-нибудь на Святой земле. Под присмотром монахов-воинов Мария могла бы продолжать учебу, а ее родители были бы надежно защищены. Эти монахи — крепкие ребята. Они одинаково хорошо владеют как боевыми искусствами, так и борьбой с демонами. Мало кто отваживался с ними связываться. Но те из них, кого я знала, все до одного были люди замечательные и заботливые, и я не сомневалась, что они проявят заботу о девочке.

В глазах Марии снова возник страх, но к нему примешалось что-то еще. Может быть, надежда.

— Думаю, мама вправду обрадуется. Она ни разу не была знакома со священником-воином. Но только она ничего про это не знает. Я ей не сказала, что Мануэля убили.

Не сказала? Никак не думала, что меня можно чем-то удивить, но Марии этой удалось.

— Ты же сказала, что тело Мануэля подбросили к вашему дому!

Мария крепко сжала губы. Черт. Ну и попала же я. Что она могла сделать с трупом брата?

Стоп. Это не моя работа. Ее брат умер. Я ему уже ничем не могла помочь. Я могла понять, какого страха натерпелась Мария, увидев труп Мануэля. Я согласилась ее защищать. Самое лучшее сейчас было в том, чтобы вывести ее из-под огня. Да, ее определенно нужно было окружить священниками. Хотя бы ради того, чтобы она исповедалась и рассказала правду родителям. Рано или поздно за дело возьмется полиция. Мария совершила преступление, спрятав труп человека, убитого кем-то другим, но вряд ли ее будут судить, если она поможет полиции поймать крупную рыбу.

Я решительно отодвинула кресло от стола и встала.

— Поехали в семинарию. По пути я туда позвоню и попрошу одного из священников съездить к вам домой и забрать твоих родителей.

Похоже, Мария обрадовалась и тому, что я не стала больше ничего спрашивать о трупе

Мануэля, и тому, что я собиралась позаботиться о ее отце и матери. До прихода девочки я успела спрятать под одеждой ножны с ножами, но когда я стала надевать наплечную кобуру, Мария выпучила глаза. Я пожала плечами.

— Мало ли, — сказала я, — а вдруг нас кто-то поджидает снаружи. Хочу живой дойти до машины и довезти тебя до семинарии.

Спустившись на первый этаж, я собиралась сказать Доне, что нужно перейти на первый уровень безопасности. Переход осуществлялся нажатием кнопки под крышкой письменного стола Доны. В результате создавался дополнительный невидимый защитный периметр. Как только к нему подходил кто-то, вооруженный чем-нибудь металлическим, срабатывала сигнализация. Дверь при этом закрывалась, все посетители оказывались запертыми внутри здания, и вдобавок, если кто-то приближался к входной двери снаружи, включался анализатор нитратов. Мы бы то и дело переключались на такой уровень, если бы анализатор не улавливал так много всякой дряни, когда ветер дул со стороны военной базы. Поначалу мы сходили с ума и никак не могли понять, почему у нас то и дело воет сирена.

Надев пиджак, я взяла сумочку и знаком велела Марии встать.

— Поедем по федеральному шоссе. Будет больше возможностей для маневра, если...

В этот момент прозвучал сигнал селектора. Я посмотрела на телефон так, словно аппарат мог меня видеть.

— Селия? Прости, если помешала. Трубочку взять можешь?

Дона никогда не дергала меня во время встреч с клиентами, если только дело было не суперважное, поэтому я перегнулась через стол и взяла трубку.

— Что стряслось?

— Помнишь парня-фэбээровца, который заходил к нам пару месяцев назад? Он на второй линии.

Риццоли? Вот это да! Похоже, я вправду попала в точку.

— Ясно. Спасибо.

Я знаком велела Марии сесть, обошла вокруг стола и при этом натянула провод телефона до предела. Нажав кнопку, я услышала характерный треск статических помех.

— Риццоли? Это вы?

В первый момент я не услышала ничего, кроме шумов многолюдной улицы.

— Давайте поскорее, Грейвз. И уж лучше пусть это будет что-то чертовски важное, поскольку я сейчас работаю под глубоким прикрытием.

Ух ты. Я раньше ни разу не слышала, что он чертыхался.

— Вы о Хорхе Энкарсионе слышали?

— Я поэтому и звоню. Я же сказал: дайте мне что-то ценное, иначе я немедленно повешу трубку и начну снова разыгрывать пьяного бомжа.

Я бы дорого заплатила, чтобы это увидеть. Риццоли был итальянцем до мозга костей, завзятым гурманом и чистюлей, поэтому я с трудом могла представить его в грязном тряпье, посасывающим дешевую бормотуху из горлышка.

— Что вы мне дадите за свидетельницу, которая поднесет тебе Энкарсиона на блюдецке с голубой каемочкой?

Последовала долгая пауза.

— Не пытайте меня, Грейвз. Вам это не идет.

О-о-о. Почти комплимент. Но я слышала, как сердито звучит его голос.

— Она малолетняя. Мне нужна гарантия того, что вы защитите ее и ее семью до того, как я сведу ее с вами. «Гадюка» уже убрал брата этой девочки. Говоря «гарантия», я имею в виду бумажку с красивыми федеральными водяными знаками.

Послышалось неразборчивое приглушенное ругательство. Но я могла догадаться о чувствах Риццоли. Свидетели невероятно важны для суда, но выправлять бумаги, связывающие фэбээровцев с программами защиты свидетелей, никто из агентов не любит. Однако слово «малолетняя» на Риццоли подействовало. Он вздохнул.

— Заметано. Задницу мне, пожалуй что, оторвут, но я готов что угодно отдать за

горячий душ и хорошую еду после недели, что провел здесь.

Неужели он решил покинуть пост засады ради того, чтобы взять Энкарсиона? Тогда неудивительно, что он позвонил.

— Позвоните ко мне в офис. Мои подчиненные устроят все, чтобы забрать свидетельницу и получить у нее сведения, а потом ее отвезут в конспиративный дом.

Я издала звук, который почти любой воспитанный человек счел бы неприличным.

— Без обид. Но мне как-то мало везло с народом из вашего ведомства. *Вам* я доверяю. Я отвезу девочку в семинарию боевого монашеского ордена и проинструктирую монахов, чтобы ее передали только вам лично. И я хочу, чтобы ее держали подальше от операции, пока она не будет закончена.

Я услышала в трубке свирепый стон, а потом злобное шипение Риццоли.

— Вы меня тут просто убиваете. Должен же я что-то показать начальству, *прежде* чем смогу защитить эту малявку.

О! Пожалуй, тут он был прав. К несчастью, эту проблему можно было сформулировать печально известным вопросом «Что раньше — курица или яйцо?». Риццоли не желал ответственности без информации. А я не желала предоставлять ему информацию без гарантии ответственности.

— Скажите мне, где вы находитесь. По телефону не хочу говорить. Передам вам сведения лично.

Риццоли молчал так долго, что если бы не шум на улице, я бы решила, что он повесил трубку.

— Ладно. Я торчу около бургерной «У Сэма» на Федеральном бульваре. Придумайте какое-нибудь местечко поприличнее, где бы вы могли тут побывать. Оружейный магазин или еще что-то в этом роде. Вы меня не узнаете, так что я вас сам найду. Я клянчу деньги все более агрессивно, поэтому к тому времени, как вы сюда придете, будет выглядеть вполне нормально, что я к вам подвалю. А вы меня оттолкните, а потом я у вас попрошу двадцатку, и вы мне ее дадите. Записку с информацией вложите внутрь свернутой купюры. Как только я все проверю и передам сведения по инстанции, я вам сразу перезвоню.

Ничего себе. Столько деталей продумал за считанные минуты. Но, судя по всему, его замысел должен был сработать.

— Я буду на месте в...

Я посмотрела на наручные часы. Уже одиннадцать? Проклятье. Придется отменить встречу с Шоном. Если только он уже не ждет меня внизу. Я посмотрела на хорошенькую девочку, которая глядела на меня с вниманием и надеждой.

— В час или час тридцать. Далеко ли мне придется уйти от машины, чтобы, вернувшись, я увидела, что колеса у меня не сперли?

Риццоли сдавленно фыркнул.

— Когда выйдете из машины, оскальте свои клыки. Вряд ли кто-то захочет с вами связываться. Клыки покажите и еще эти ваши ножички знаменитые — и вся улица будет ваша.

«Конечно, пустая улица, — подумала я, — это лучше, чем литр святой воды в физиономию».

Или того хуже — арбалет.

Глава 10

Было двадцать минут второго, когда я увидела впереди вывеску забегаловки «У Сэма». Этот квартал Федерального бульвара не был одним из лучших. На проезжей части и тротуарах лежали кучи мусора. Судя по граффити, тут постоянно шла борьба за передел сфер влияния между бандами. Откровенного вида проститутки и наркоманы сильно преобладали над людьми, пытавшимися просто жить — тихо и мирно.

Как и следовало ожидать, моя машина произвела настоящий фурор. Надо было поехать

на автобусе. Будь все как обычно, я бы просто припарковалась прямо перед нужным мне магазином, быстро вошла бы и так же быстро вышла. Но поступи я так, я бы не смогла пройти прогулочным шагом вдоль фасада бургерной «У Сэма». Самое лучшее, что я могла предпринять, — объехать квартал по кругу несколько раз, сделать вид, что я заблудилась, а потом спросить, как пройти к оружейному магазину, — причем спросить, находясь с неправильной стороны от забегаловки, чтобы мне неизбежно пришлось бы пройти мимо нее по пути к магазину. Местоположение оружейного магазина и каталог товаров я заранее узнала в Интернете, поэтому у меня имелись кое-какие идеи. Там и в самом деле продавалось кое-что интересное, а я никогда не против пополнить свой арсенал классными гаджетами.

Песенка по радио отзвучала, и начался выпуск новостей, хотя время для него было неурочное.

«В эфире новостной центр KSML.⁹ Передаем новое сообщение о развитии событий. Только что нам стало известно о том, что сегодня утром в пустыне за городом, в неглубокой песчаной могиле было обнаружено тело священника-воина из миссии „Виехо“. Судя по информации от начальства полиции, отец Иосиф Триер отправился с проповедью к узникам, отбывающим заключение в больнице для осужденных с паранормальными способностями штата Калифорния. Официальные представители БОПС на просьбу дать интервью не откликнулись, но источник, пожелавший остаться неизвестным, из департамента полиции Санта-Мария де Луна сообщил, что планируется совместная операция, в которой помимо полицейских примут участие также агенты ФБР. Во время операции будут проверены факты всевозможных нарушений, имевших место в больнице. В администрации губернатора штата нас заверили в том, что они работают в тесном контакте со всеми сотрудничающими сторонами и держат ситуацию под контролем. В случае необходимости будут задействованы отряды национальной гвардии. Вы слушали специальное сообщение KSML. Оставайтесь на нашей частоте. Мы будем информировать вас обо всех изменениях ситуации».

Итак, началось... Только теперь, когда мои мышцы немного расслабились, я поняла, как они были напряжены. Наконец я смогла лучше сосредоточиться на теперешней задаче. Мария находилась в безопасности, в духовной семинарии. Один из священников поехал за ее родителями.

Небольшие стайки подростков, которым, по идее, следовало бы сейчас находиться в школе, глазели на меня, пока я медленно ехала вдоль квартала. Почти все в этом районе имели кожу темнее скорлупы кокосового ореха, так что моя бледность тут была заметна особенно.

Я вдруг поняла, что положение у меня рискованное. Была середина дня, а я не могла выйти из машины с зонтиком, потому что обе руки у меня должны были остаться свободными — мало ли что. Но без крема от загара и зонтика моя кожа обгорит за считанные минуты.

Какая жалость, что я не могла позвонить Риццоли и попросить его изменить план. Не могла, потому что у настоящих бомжей редко бывают сотовые телефоны. К тому же я почти не сомневалась в том, что после нашего разговора Риццоли свой телефон выключил. И как я ни вглядывалась в физиономии попрошайек, колеся вдоль квартала, я никак не могла его узнать.

Блеск. Что ж, придется пойти трудным путем. Я остановила машину рядом с мини-маркетом — одним из немногих магазинов с навесом над витриной. Магазины были настолько плотно набиты продуктами, что между рядами контейнеров остался только один узкий проход. От упаковок с дешевым фастфудом и множества столь же дешевых побрякушек рябило в глазах. Единственный продавец был втиснут в крошечное пространство за кассовым прилавком, а прилавок почти до потолка был завален товарами, не

---

⁹ Техасская радиостанция, вещающая на средних волнах.

поместившимися в контейнерах. Пространство тут использовали на всю катушку.

— Привет, — проговорила я с улыбкой, постаравшись получше спрятать клыки. — Я тут немножко заблудилась. Ищу оружейный магазин Ала. Я уже близко?

— Нет. Ала тут нету. Покупать что?

Глаза у продавца были по-птичьи ясные, улыбка лучистая, а акцент такой густой, словно он только что сошел на берег с корабля, приплывшего из Индии.

— Я понимаю, что тут Ала нет. Я разыскиваю его магазин. Он в этом квартале?

Я поводила в воздухе руками, как бы очерчивая квартал. Я прекрасно знала, где находится магазин, и понимала, что толку от этого продавца — ноль. Но если бы кто-то у него спросил обо мне, он бы меня вспомнил, а это и было самое главное.

— А-а-а! «Аль»!

Продавец с радостным видом протянул мне пакетик с жевательной резинкой. Как он ухитрился извлечь именно этот пакетик из горы жвачек, для меня осталось тайной. Но я сунула руку в карман и достала пару долларовых купюр. Продавец просиял, взял купюры и дал мне несколько монеток сдачи. Может быть, я еще могла жевать резинку. Не пробовала с тех пор, как у меня появились клыки.

Вооружившись упаковкой жвачки со вкусом корицы, я направилась к выходу из магазина. Но тут кое-что попало мне на глаза, и я достала из сумочки бумажник. В следующую минуту у меня на голове красовалась бейсболка с эмблемой «Angels». За счет козырька я могла хотя бы лицо немного защитить от солнца. Выйдя из магазина, я немного постояла под длинным навесом и обвела взглядом длинную, залитую солнцем улицу. Почему-то мне вспомнилось, как я ушибла коленку, когда в школе играла в софтбол. Недолгий путь вокруг бейсбольной площадки и до кабинета медсестры показался мне длиной с десяток футбольных полей. Я не могла думать ни о чем, кроме жуткой боли в колене. Вот на какие мысли навела меня эта улица.

Хватит хныкать, Грейвз.

На всякий случай я еще раз проверила, надежно ли заперта машина, и пошла по тротуару. С каждым шагом мне становилось все жарче. Тусклое зимнее солнце опаляло мою нежную, чувствительную кожу с такой же силой, как в пустыне в августе. Внешне это было незаметно, но ощущение было такое, словно кисти рук и шея ниже волос покрываются волдырями. «В следующий раз, — сказала я себе, — не забудь надеть блейзер *с карманами*, хоть будет куда руки сунуть». Я постаралась шагать быстрее, но не так быстро, чтобы привлечь к себе внимание. Я распустила волосы, чтобы закрыть большую часть шеи, и подняла начавшие краснеть руки к вискам, чтобы спрятать их в тень от козырька бейсболки.

Порядком взмокнув, я поравнялась с самой людной частью улицы. Я шла быстро, и люди на меня внимания не обращали. Весь мир для меня сосредоточился в красно-белой вывеске «Оружейный магазин Ала» в дальнем конце квартала.

— Мелочью не выручите, мисс? — услышала я голос попрошайки, но слова дошли до меня только тогда, когда он схватил меня за руку. Я обернулась, попыталась оттолкнуть руку бомжа и шарахнулась в сторону от отвратительного запаха мочи и пота. — Я уж столько дней не ел, дамочка. Ну, пожалуйста?

Жалобный голос бомжа не соответствовал силе его руки. Его хватка, по крайней мере, отвлекла меня от того, как болела моя обожженная кожа. Светло-карие глаза как-то особенно ярко горели на фоне чумазой физиономии, поросшей трехдневной щетиной. Я пригляделась к фигуре бродяги и наконец признала в нем крепкого итальянца, который пару месяцев назад сидел у меня в кабинете в безупречном черном костюме и рубашке с серым галстуком. Я подняла глаза... ну точно, я стояла прямо под вывеской бургерной «У Сэма». Похоже, Риццоли заметил что-то неладное, потому что его взгляд стал озабоченным. Но мне не хотелось задерживаться, поэтому я просто порылась в сумочке и нашла свернутую в трубочку двадцатку, в которую была вложена записка, для надежности прикрепленная скрепкой.

— Вот, возьми. Не еда тебе нужна. Пойди где-нибудь помойся за деньги.

Я постаралась, чтобы мой голос звучал, как у брезгливой туристки. Отчасти так оно и было, поэтому я попятилась назад.

Лукавая усмешка бомжа показала мне, что я не ошиблась адресом.

— Спасибочки, дамочка.

Не сказав больше ни слова, он развернулся и сразу вошел в бургерную. А я почти бегом ринулась к оружейному магазину, где, на мое счастье, работал кондиционер.

Мне нужно было пополнить запас «бомбочек», поскольку я почти все израсходовала при потасовке в тюремной больничке. «Бомбочки» в магазине Ала имелись и к тому же стоили дешевле, чем в лавочке Исаака Леви. Правда, изделия были выпущены фирмой, название которой я увидела впервые, поэтому было непонятно, как эти «бомбочки» покажут себя в деле. Как правило, я настаиваю на том, чтобы мне дали возможность их испытать, что я обычно и делала в полуподвальном тире под лавкой Исаака Леви. В магазине у Ала не было ни тира, ни демонстрационных испытаний. К тому же в магазине работал единственный продавец, и был он, на мой взгляд, довольно-таки глуп. Но это было дело не мое, и мне хотелось как можно скорее вернуться к своей машине.

Пока парень-продавец выписывал копию товарного чека на приобретенные мной боеприпасы, я наблюдала за улицей через окно витрины. Прилавки и грязь на стекле немного мешали, но все же я более или менее сносно видела троицу уличных артистов на противоположной стороне улицы. Двое парней — один играл на гитаре, а второй — на барабанчиках «бонго», а еще танцовщица — весьма пылкая афроамериканка в ярко-желтом национальном балахоне и тюрбане с черно-оранжевым геометрическим рисунком. Артисты появились на улице только что. Воздух наполнился заводной латиноамериканской мелодией. Музыканты играли очень хорошо, танцовщица тоже была неплоха, и вскоре вокруг троицы начала собираться толпа. Женщина грациозно вертелась на месте, изгибалась и делала красивые па. Гитарист и барабанщик старались вовсю. Вперед вышел четвертый человек из группы и пошел по кругу со шляпой. К моему изумлению, несмотря на очевидную бедность района, многие бросали в шляпу монеты.

Продавец оружейного магазина проследил за моим взглядом и негромко рассмеялся.

— Как вижу, вернулась Гвинет со своей командой. Значит, уже два часа. Каждый день они выступают в одно и то же время. Не знаю, чем они занимаются по утрам, но после полудня собирают неплохие денежки.

С этими словами продавец протянул мне пакет с моими покупками, и я подошла ближе к окну. Меня зачаровали стремительные и изящные движения танцовщицы. Зачаровали настолько, что я чуть было не пропустила знакомую фигуру, промелькнувшую в нескольких шагах от витрины.

Что за черт?

Я прижалась к стеклу и скосила глаза в ту сторону, куда ушел замеченный мной мужчина. Неужели «El Jefe»? Но что, скажите на милость, могло понадобиться отцу Кевина и Эммы в этом захудалом районе города? Мне было любопытно, но я все еще была сердита на Уоррена за его предательство. Когда Эйрена похитила Эмму. Уоррен и Кевин решили использовать меня в качестве выкупа. Они накачали меня наркотиками, связали и уложили на заднее сиденье машины. Только потом они объяснили мне, что происходит. Меня чуть не убили тогда и Эмму тоже. С тех пор я не разговаривала ни с Уорреном, ни с Кевином.

С другой стороны, я ничего не знала о самочувствии Кевина после побега из тюремной больнички... а когда-то мы с ним были лучшими друзьями. Я открыла дверь и высунулась наружу. Прикрыв рот ладонью, я крикнула:

— Уоррен! Эй, погоди!

Я не была уверена в том, что мне удастся перекрычать музыку, но Уоррен обернулся. Я увидела, как изменился его взгляд. В первый момент он был радостным, потом стал озадаченным и наконец — испуганным и виноватым. Не вымолвив ни слова, Уоррен развернулся и побежал.

Что за чертовщина?

Без малейших раздумий я бросилась за ним вдогонку. Какие секреты у Уоррена могли быть здесь, в гангстерском районе? Он прекрасно знал, что теперь я наделена вампирскими способностями. Я могла догнать его за долю секунды, но, конечно, не хотела привлекать к себе внимание толпы, вооруженной осиновыми колами и гирляндами чеснока. Нет, против чеснока я, в принципе, ничего не имею, но остроконечные деревяшки в последнее время я начала недолюбливать.

Уоррен мчался во все лопатки — видимо, его подогревал адреналин. Чего он так боялся? Не меня же.

Но своей цели можно достичь разными способами. Вперив взгляд в затылок Уоррена, я попыталась передать ему свои мысли:

Уоррен! Ты не мог бы помедленнее, пожалуйста? Да что с тобой такое?

Мой мысленный голос подействовал на Уоррена резко и немедленно. Он пошатнулся на бегу и ухватился за фонарный столб, чтобы удержаться на ногах. Повернувшись, он уставился на меня, раскрыв рот. Несколько шагов — и я поравнялась с ним. Его взгляд был таким изумленным, что я смутилась, но все объяснил его вопрос:

— С каких пор ты владеешь телепатией?

— Видимо, это у меня по сиренской линии. Недавно появилось. Я думала, что Кевин или Эмма тебе сказали.

Уоррен покачал головой.

— Об этом речь не заходила. Мы были... очень заняты.

Эти слова и то, что его взгляд снова стал виноватым, многое мне сказали.

— Значит, я так понимаю, что тебе известно про Эми, Кевина и «зверинец»?

В вытаращенных глазах Уоррена отразилось еще больше изумления. Но он был не просто удивлен. Он был измучен. На его нестареющем загорелом лице залегли морщины, которых несколько месяцев назад не было, а его серебряные волосы поредели.

— А *ты* откуда знаешь?

Стало быть, Джонс не упоминал о моем участии. Ну ладно, и я пока помолчу.

— Просто знаю. С ними все в порядке?

Вместо прямого ответа Уоррен указал на мои руки.

— Ты обгораешь на глазах. Давай уйдем в тень.

Я сложила руки на груди и спрятала под полы пиджака. При этом пакет с боеприпасами ударил меня по бедру.

Я кивком указала назад.

— Моя машина — за этим...

Но Уоррен повернулся, крепко взял меня под руку и повел в противоположную сторону. Вскоре мы подошли ко входу в старинное кирпичное здание, в котором раньше находилась аптека, судя по выцветшим красным буквам на стене: «Rx».¹⁰

Уоррен отпер дверь и провел меня внутрь.

Я услышала приглушенные голоса — откуда-то снизу, словно из подвала.

— Кто еще здесь?

— Кевин и Эми. Ты же спросила, как они себя чувствуют.

Голос Уоррена прозвучал с хрипотцой, и даже в тусклом свете, пробивавшемся сквозь тусклые окна, было заметно, что он сильно встревожен. Он повел меня вниз по скрипучей деревянной лестнице, наверняка такой же древней, как само здание. Но если на первом этаже все было старое и дряхлое, внизу меня ожидал суперсовременный интерьер. Передо мной предстали последние новинки из области ограничения свободы. Вдоль одной стены стояли две камеры из сплава серебра со сталью. За пультом управления сидел Джон Джонс и наблюдал за двумя одинаковыми экранами, на которые, судя по всему, выводилось изображение с видеокамер, установленных внутри металлических комнат. В воздухе пахло

---

¹⁰ Данная аббревиатура означает «лекарства по рецептам».

химикатами.

— Привет, Джонс.

Услышав мой голос, Джонс резко обернулся и устремил сердитый взгляд на Уоррена, а тот пожал плечами — раздраженно и беспомощно.

— Она увидела меня на улице и погналась за мной. Что я был должен делать? И какого черта ты не сказал мне, что она работала с тобой, Джон?

Джонс покачал головой и издал звук, выражавший смесь раздражения и удивления.

— У тебя поразительная способность появляться в нужное время, Грейвз. Больше ничего не скажу.

Это было сказано с издевкой, поэтому я ответила в том же тоне:

— Что ж, если бы ты не насажал «жучков» в моем офисе так лажово, что я их сразу нашла, ты мог бы подслушать, что я направляюсь в этот район. А может быть, я здесь, потому что ты у меня на прослушке.

Джонс не обернулся, но я увидела его отражение в мониторе. Он нахмурил брови и задумался.

Решив больше не нагнетать напряжение, я подошла ближе к экрану. В углу комнаты на кровати лежала Эми. Кровать была широкая, домашняя, со спинкой и изножьем — не смотровой стол и не больничная койка. Эми свернулась калачиком под простыней и стеганым одеялом. Она мирно спала. Ее медно-рыжие волосы разметались по подушке. Насколько я могла судить, она не была привязана к кровати.

— Значит, ее наконец подвергли обряду экзорцизма? Она выглядит мирно. Зачем же понадобились камеры из сплава стали с серебром?

Мало из-за чего цена драгоценных металлов в мире поднималась так высоко, как из-за потребности сплава стали с серебром. В этот сплав входили высокопрочная сталь, титан и серебро такой чистоты и силы, что в итоге в контейнере из этого металла можно было удерживать почти любое существо, обладающее демонической силой.

Уоррен наклонился к пульта и вздохнул.

— Внешность может быть обманчива. Она разговаривает, ведет себя и двигается, как Эми. Но датчики демонической энергии до сих пор на нее реагируют. Я не могу понять, то ли мы имеем перед собой двойника, то ли ее обработали настолько глубоко, что сохранилась остаточная энергия, которую регистрируют детекторы. В данный момент она накачана снотворным, а мы ждем прибытия экспертов.

— Судя по моему опыту, демоны способны затаиться так, что их невозможно распознать. — Я, например, не заметила, когда демон прицепился ко мне, и при этом я миновала все датчики — как нечего делать. — Почему не отвезти ее в университетскую лабораторию?

Уоррен покачал головой.

— Она остается оборотнем. Мы не должны привлекать к себе излишнее внимание. Ликантроп, одержимый демоном, мгновенно станет новостью номер один.

Сказать им или нет? Собственно говоря, после выпуска новостей это уже не имело значения. Но вряд ли стоило сообщать им, что я к этому причастна.

— Скорее всего, об этом уже известно. Насколько я понимаю, новости вы не слушаете.

Уоррен и Джонс обернулись и встревоженно посмотрели на меня. Уоррен спросил:

— Новости?

Я пожала плечами с таким видом, словно решила повторить только то, что я слышала по радио.

— Я слышала по KSML, что около «Зверинца» найден труп священника-воина. Местная полиция и фэбээровцы объединились для штурма тюремной больницы.

Джонс молниеносно выхватил из кармана мобильник и кликнул иконку Интернета. На его домашней страничке тут и там были раскиданы разные сообщения. По всей видимости, новость успела приобрести национальные масштабы.

— Что за черт?

Джонс вскочил и опрометью взбежал вверх по лестнице, прижав телефон к уху.

Я невинно пожала плечами.

— Если я правильно понимаю, он об этом не слышал.

Я села на табурет, который освободил Джонс, и посмотрела на второй монитор. Кевин ходил по тесной комнате, как зверь по клетке, и это с такой силой напомнило мне об обитателях «зверинца», что я испытала отвращение пополам с яростью — ведь я ничем не смогла помочь тем, кто там томился.

— У Кевина такие же проблемы? Демоны им тоже овладели?

— Нет, — ответил Уоррен устало. — Не демоны. В действительности, он сам виноват в том, что нам приходится его до сих пор держать в клетке. Ему нужен его Васо, но он не желает нам говорить, кто это.

Я отодвинулась от пульта на табурете и посмотрела на «El Jefe».

— Почему он не говорит? Это тайна, которую нельзя раскрывать?

Уоррен негромко застонал и сжал в кулак руку, лежавшую рядом с моей.

— Нет. В социальных правилах оборотней ничего не сказано о том, что это должно быть тайной. Обычно оборотень сообщает о своем Васо ближайшим родственникам, чтобы в случае острой необходимости с ним могли связаться. Мы думали, что это ты, но если это не так... в общем, я не понимаю, почему Кевин нам не говорит. По крайней мере, не говорит *мне*.

На самом деле у меня по этому поводу были весомые соображения — если судить по тому, что говорил мне Эдгар около молла. Он заявил, что меня не тронут именно из-за моего предполагаемого статуса Васо Кевина, но я почти не сомневалась в том, что роль играло еще и то обстоятельство, что я почти всегда вооружена. Кто бы ни являлся Васо Кевина, он явно не хотел подвергать этого человека опасности. Я указала на монитор.

— Там есть переговорное устройство? Я могу с ним поговорить?

Уоррен кивнул и щелкнул клавишей на пульте.

— Кевин? Селия пришла. Хочешь с ней поговорить?

Кевин замер на месте и неестественно медленно повернулся к видеокамере, установленной под самым потолком.

— Селия? — Кевин говорил тихо и хрипло. Казалось, он с колоссальным трудом сохраняет человеческое обличье. — Приведи ее. Пришли ее сюда.

— Кого? Твою Васо? Я же не знаю, кто она такая.

— По крайней мере, теперь мы знаем, что это «она», — еле слышно вымолвил Уоррен. — Это уже больше, чем мы имели десять минут назад.

Глаза Кевина были подобны двум звездам, заряженным дикой энергией, двум сверхновым, готовым взорваться. Это совсем не радовало.

— Поймешь, если подумаешь хорошенько. Она — единственный логичный выбор. Пришли ее сюда немедленно и позаботься о том, чтобы за ней не было «хвоста». Будет нужно — отвлеку преследователей. Сделай все, что в твоих силах, чтобы уберечь ее.

Что? Меня опять собрались использовать в качестве приманки? Опять мне нужно было продумать операцию и рискнуть своей жизнью? Я ответила Кевину, слыша в собственном голосе жуткую злость:

— Да с какой стати, черт побери? Ты мне даже «спасибо» не сказал за то, что я тебя выволокла из тюрьмы. А я, между прочим, пулю в плечо получила. И теперь ты меня снова на смерть посылаешь? Да пошли вы оба куда подальше!

Моя тирада немного отрезвила и Кевина, и его отца.

Кевин изумленно попятился, а Уоррен вытаращил глаза. Он испуганно выговорил:

— Селия...

— Нет. Я серьезно. Кто меня назначил жертвенным агнцем?

Все мои потаенные обиды и злость вырвались на поверхность. Конечно, день клонился к закату, и это был не лучший вариант. А я ничего не ела с утра. Но, так или иначе, я говорила чистую правду. Неожиданные слезы защипали глаза. Мои дальнейшие слова

уподобились отравленным клинкам:

— Я вам *верила*. Я вас уважала. Черт, да я молилась на тебя со студенческих времен, Уоррен. — Я отодвинулась на табурете еще дальше, чтобы видеть шокированное лицо Уоррена. — В ту ночь вы предали меня и убили все теплые чувства, которые я к вам питала. А в ответ не получила ни единого «прости», или «спасибо», или хотя бы признания в том, что вы поступили неправильно. Не знаю, смогу ли я вас когда-нибудь простить, и не могу вообразить, с какой стати я должна вам еще помогать — вам обоим! Сами выкарабкивайтесь из этого дерьма!

С этими словами я встала и стремительно зашагала вверх по лестнице — точно так же, как несколько минут назад Джонс.

Меня остановил рокочущий голос Кевина.

— Ты бы на нашем месте поступила точно так же.

Я обернулась и ошеломленно уставилась на экран монитора, понимая, что меня Кевин не видит.

— Что? Похоже, ты сбрендил.

Его глаза все так же ярко горели, но эмоции в них теперь было больше, чем магической энергии.

— Если бы ты знала меня в те годы, когда была похищена твоя сестра, ты бы точно так же рискнула. Ты бы знала, что я постоянно бросался в бой с превосходящими силами и одерживал победу тогда, когда все предрекали мне поражение. Ты бы знала, что я способен продержаться так долго, как нужно, — лишь бы всех вывести из боя живыми. Да, признаюсь, моя сестра, которую я дал клятву защищать умирающей матери, для меня важнее, чем ты. А если ты не можешь признаться в том, что такое же место для тебя заняла бы твоя сестра, будь она жива, то ты просто солжешь себе самой. Я поблагодарю тебя, Селия, но просить прощения не стану, потому что это был самый лучший комплимент, которым я мог бы тебя одарить.

Он припел к делу Айви, а это был удар ниже пояса. Если Кевин хотел поразить меня в самое сердце, он этого добился. Но если быть честной... Если бы я была знакома с талантливым оборотнем, который мог бы мне помочь тогда... и теперь Айви была бы жива... как бы я поступила? Кого бы я смогла подвергнуть опасности ради спасения Вики — причем так, что человек об этом понятия бы не имел? Или ради спасения Боба Джонсона, умершего у меня на руках в ту ночь, когда я чуть было не стала настоящим вампиром? Слова сами слетели с моих губ. Они прозвучали так тихо и спокойно, что в первый момент я сама не осознала, что произношу их:

— Ты ошибаешься.

Уоррен стоял поодаль. Он дал возможность нам с Кевином выяснить отношения. Я видела в его глазах сожаление и боль. Скорее всего, Уоррен не понимал, что в тот ужасный день лишился моего доверия, и последствия случившегося начали до него доходить только теперь.

Кевин только покачал головой и фыркнул.

— Нет. Не ошибаюсь. Ты много кого толкнула под огонь ради собственных планов. И не надо кормить меня этим дерьмом типа «Ты гад, а я святая».

Я вернулась к монитору, но потом передумала и решила подойти к двери камеры. В дверь, изготовленную из сплава стали с серебром, было вставлено пуленепробиваемое окошко. Для того чтобы заглянуть в камеру, мне пришлось встать на цыпочки, но мне хотелось посмотреть Кевину прямо в глаза, чтобы он поверил моим словам.

Я произнесла громко — на случай, если микрофон был слабоват и не мог донести мой голос до Кевина:

— Верно. Я подвергала опасности людей компетентных. В этом я честно признаюсь. Но эти люди были согласны мне помогать. Вот в чем разница. Я не подвергала их риску против их воли. Я не притупляла их сознание. Я бы не поступила так, как поступили вы, и люди бы не погибли.

По саркастичному взгляду Кевина я поняла: в последнее он не верит.

— Ну хорошо. Люди могли погибнуть. Ты говоришь, что сделал мне комплимент, веря в мои таланты. Но ты решил, что не стоит доверять моему уму. А это обидно. И больно. Посмотри фактам в лицо, Кевин. Тот план провалился из-за твоего самомнения. Ты посчитал, что продумал все, что нет никого умнее и лучше тебя. Ты никак не мог подумать, что подруга твоей младшей сестры — сестры, нуждающейся в твоей защите — могла придумать полезную стратегию. Что она — то есть я — могла оказаться такой же умной и опытной, как ты. Так скажи мне теперь, с чего это вдруг теперь я стала такой опытной и компетентной? Из-за того, что ты торчишь здесь и сам не способен ничего сделать? Вынужден поручить дело мне, потому что нет другого выбора? А знаешь что? Пожалуй, у тебя выбора и вправду нет. Зато у меня есть. Поэтому — нет.

Я заметила, как мой финальный удар угодил в цель. Глаза Кевина из злых и самоуверенных вдруг стали изумленными. Да, он был шокирован не на шутку. Я отвернулась. Уоррен даже не смог посмотреть мне в лицо. Я успела одолеть половину ступеней деревянной лестницы, когда услышала негромкий голос, нарушивший сдавленное безмолвие:

— Прости. Мне очень жаль.

Извинения Уоррена прозвучали искренне, но я была не в настроении их выслушивать.

— Еще бы.

На верхней ступени лестницы я столкнулась с Джонсом.

— Напомни мне, — проговорил он, вздернув брови, — чтобы я больше никогда тебя не злил. Но ты ведь понимаешь, что он лишится рассудка, если мы не разыщем его Васо. И если это случится, Фирма его уничтожит.

Я об этом не знала. Правда, для меня это мало что меняло, потому что проблема по-прежнему в основном заключалась в упрямстве и самомнении Кевина.

— Если так, то ему стоило бы назвать вам ее имя. Тогда вы скорее ее разыщете.

Усталая усмешка скривила губы Джонса. Веселья в этой усмешке было ровно столько, сколько гнева.

— Он мне не доверяет.

Я пожалала плечами и поправила бейсболку. Мне предстоял неблизкий путь до машины.

— Я тоже. — Я уже взялась за дверную ручку, когда внезапно кое-что поняла. Джонс смотрел мне в спину. Я видела его отражение в стекле. В его взгляде смешались смятение и задумчивость. — Но... я не бессердечна. Я готова найти его Васо. — В ответ на то, что Джонс снова вздернул брови, я добавила: — Но не просто так.

Джонс опустил брови и, глядя на меня с подозрением, гневно произнес:

— На торговку ты не похожа.

Я обернулась и спокойно посмотрела на него.

— Нет. Не похожа. Но я склонна к самосохранению.

После этих слов я рассказала Джонсу о своей маленькой стычке с Эдгаром прошлой ночью. К концу моего рассказа Джон начал свирепо рычать, а в его глазах зажглись огоньки магического пламени.

— Итак. Ты мне скажешь, что от меня пытается получить Эдгар, а я найду Васо Кевина. Ты откажешься — я тоже откажусь.

Джонс поджал губы. Я почти что увидела, как крутятся шестеренки у него в голове. Да, он был очень хитрым переговорщиком.

— А с чего ты взяла, что я знаю ответ на твой вопрос?

Я хмыкнула.

— Дам подсказку. Ему не нужны мои ножи, хотя они имеют полное право именоваться магическими артефактами. Единственная из моих вещей, которая еще может представлять интерес для Эдгара, — это Ваджети — гадательный набор, подаренный мне сиренами. Он хочет Ваджети?

Джонс покачал головой.

— Вряд ли. Наверное, он думает, что ты владеешь Тысячелетним Рогом. Вот это имело бы смысл. Мы его разыскать не сумели, а ты — отчасти сирена.

Тысячелетний Рог? Это мне о чем-то говорило, но значение этого термина я вспомнить никак не могла. Джонс, похоже, заметил мою растерянность — он нетерпеливо фыркнул и продолжал:

— Чему тебя учили в универе? Окончание первой эпохи сирен было отмечено сражением с невероятно могущественным демоном.

О! Погодите, погодите... Я начала припоминать.

— Ну да, конечно, теперь вспомнила. Все сиренские королевы собрались вместе, чтобы заделать брешь между нашим миром и Демонским. Тысячелетний Рог...

— Роги, — поправил меня Джонс. — Их было два. Если в них подуть одновременно, то этот сверхъестественный, магический звук мог разрушить преграду между двумя мирами. Сирены, будучи хранительницами океанов, решили, победив демона, что ни в коем случае больше нельзя рисковать и дать возможность демону разыскать эти роги.

Я слушала Джона и кивала. Я хорошо вспомнила древнее предание.

— В общем, роги были спрятаны, и больше никто их никогда не видел.

Джонс поднял руки, повернул ладонями ко мне и пожал плечами.

— Фирма их уже много лет разыскивает.

Почему мне пришла в голову мысль: «Уж точно не для того, чтобы их уничтожить?»

Я поежилась.

— Но если Эдгар ушел из Фирмы...

Джонс снова нахмурил брови и положил руку на перила.

— Значит, он работает на кого-то другого. На кого — не знаю. Но тебе предлагаю вот что: если ты где-то прячешь старый-престарый рог, храни его понадежнее.

— Никто никогда не видел Тысячелетние Роги, — возразила я. — Нет ни фотографий, ни рисунков, даже их словесных описаний не сохранилось. Сирены уничтожили записи, чтобы ни следа не осталось. Узнать их смог бы только тот, кто видел их своими глазами в первый раз, когда они были использованы...

И вот ведь забавно... Я ведь была знакома кое с кем, кто это видел. Королева Лопака. Пожалуй, стоило порасспрашивать ее — особенно если Эдгар знал об этом больше меня.

— Ну что ж, — прервал мои раздумья Джонс. — Пожалуй, теперь тебе самое время отправиться на поиски Васо.

Я вздохнула. Что делать? Условия я назначила сама, и хотя я понятия не имела, где и как я буду искать Васо, теперь я обязана была согласиться.

— Пожалуй, да.

Глава 11

Порой лучший способ думать о чем-то — *не думать* об этом. Но сейчас был не тот случай. Мой разум пытался ответить на два вопроса: кто мог быть Васо Кевина и зачем Эдгар разыскивал Тысячелетние Роги. Беда заключалась в том, что я не знала, какой вопрос важнее. Приближался вечер, а значит, Эдгар уже вышел на охоту и будет меня искать. Но как долго мог продержаться Кевин, не имея источника, которому он мог передать энергию? Насколько я понимала, он и так уже просуществовал в этом состоянии почти сутки. И как часто он должен был сбрасывать энергию своему Васо? И надо ли было совершать эту процедуру лично? Я ведь что-то такое помнила насчет дистанционной подпитки из курса изучения поведения ликантропов. Но, вероятно, в данном случае такой возможности не существовало, а Кевин явно не желал, чтобы Джонс и кто бы то ни было еще узнали о том, что является его Васо. Если эта женщина отправится к нему — прости-прощай ее прикрытие.

Наконец я добралась до машины. Украшение с моего капота исчезло. Проклятье. Наверное, кто-нибудь уже нацепил его на цепочку и надел на шею. А у меня совершенно не было времени шастать по району и искать. Я решила, что закажу новый фирменный

хромированный знак в сервисном центре или через Интернет. Нужно было радоваться, что все четыре колеса на месте и шины не проколоты. Просто удивительно.

Держать обгоревшими на солнце руками руль было не так-то просто. Руки распухли и болели так, словно я обварила их кипятком. Я была почти уверена в том, что кожа заживала не так быстро, как обычно, потому что я сегодня слишком мало ела. У меня не было возможности прикупить еды для себя. Несмотря на то что в индийском мини-маркете полки были завалены продуктами, я не увидела там ни одной бутылочки молочного коктейля.

В итоге к тому времени, как я вернулась к себе в офис, меня просто трясло от голода. У меня кровь стучала в висках, и все люди на улице виделись мне светящимися и аппетитными.

Я остановила машину на своем обычном месте и заперла дверцы. Я должна была взять свой голод под контроль, прежде чем войду в здание. Я чувствовала, как дневная жара расплзается по прохладным тенистым уголкам... медленно и плавно. Так разгоряченное тело погружается в бассейн. Это было настолько чувственно, что моим мышцам захотелось размяться и за кем-нибудь погнаться. Поохотиться и поесть.

Мои веки резко разжались от робкого стука в стекло. Рядом с машиной стояла Дона, но я не могла разглядеть ее лицо за яркой пульсирующей полосой энергетического свечения, исходившего изнутри ее тела. Дона что-то прижала к окошку, и этот предмет тоже светился и пульсировал.

— Ты превращаешься в вампира, Селия. Возьми это и попей.

Мне очень даже хотелось попить, но только не того, что находилось в этом пластиковом стакане. Но все же мне удалось удержаться за ощущение себя как личности достаточно долго для того, чтобы опустить стекло в окошке. Я выхватила стакан из руки Доны и прижала к губам. На счастье, я не отстегнула ремень безопасности.

Дона быстро отбежала назад, вошла в здание и заперла входную дверь. Я расслышала, как клацнули засовы замка.

Умница.

В первый момент я не совладала с крышкой, которой был закрыт пластиковый стакан, и это подсказало мне, что состояние у меня — хуже некуда. Я вонзила в крышку клыки, и она наконец поддалась. В мою глотку хлынули восхитительные теплые кровяные соки. Стакан был большой, но я понятия не имела, что туда налила Дона и как она узнала, насколько мне это нужно. Но — хвала небесам за это. Потому что нужно мне было именно это. Прикончив не меньше кварты напитка, я почувствовала себя значительно лучше. То есть почти нормально. Я ухитрилась даже рубашку не забрызгать.

Потом я довольно долго еще сидела в машине. Небо стало похожим на черный бархат. Руки у меня перестали трястись, и с мира спала кровавая пелена. Когда я встала, ноги у меня не дрожали, а когда я вошла в офис, Дона выглядела как Дона, а не как ужин. Она работала со счетами, что было типично для этих дней месяца. Как все мы ни старались подбить свои счета к пятому числу, все равно никак не получалось одобрить их раньше десятого и приготовить к отправке.

— Ну, тебе лучше? — спросила Дона, когда я подошла к ее столу.

— Не знаю, где ты раздобыла этот мясной сок, но он был идеален. И теплый, и специи — что надо. Ням-ням.

Дона посмотрела на меня и улыбнулась.

— Я нашла новый источник питания для тебя. Ресторанчик, где готовят барбекю, — на Третьей авеню. Позавчера я зашла туда поужинать, а они как раз вынимали из гриля здоровенную сковороду, наполненную соком, который стек с мяса во время жарки. Там скопился сок от говядины, курятины и свинины — и они собирались просто вылить его в раковину. Так что не пришлось долго уговаривать их слить сок в стаканы. Это стоило всего несколько баксов. Теперь стаканы стоят в морозилке, и всего за несколько минут их можно разогреть в микроволновке. Только не забывай кроме этого пить еще молочные коктейли. Мясной сок очень питателен, но все витамины в нем убиты, а тебе они нужны.

Это она хорошо подметила. Я зашла в нашу маленькую кухню и открыла холодильник. О-о-о! Шоколадный коктейль с карамелью! Что-то новенькое. Я откупорила бутылочку и, сделав глоток, вернулась к Доне.

— Извини за то, что я так спешно уехала днем. Дело было срочное. И спасибо за то, что ты позаботилась о моем питании.

Дона кивнула, не отрывая глаз от монитора.

— Мы не в первый раз пропускаем ланч, — сказала она и рассмеялась. — Звонили из монастырской семинарии. Они забрали родителей Марии, и все в порядке. А что происходит?

Дона — член моей команды, поэтому я, ничего не скрывая, рассказала ей о девочке, шариках с наркотой и унитазах с сюрпризом.

— О Господи! Ты шутишь! — застонала от хохота Дона, а я наконец смогла улыбнуться. — Ох, бедняжка. Представляю, какого страха она натерпелась. Но теперь все в порядке?

— Да нет, все еще и наполовину не в порядке, увы. Но пальцы скрестить стоит. — Я подняла руку и показала Доне, что именно это я и сделала. В подробности я вдаваться не стала — на тот случай, если все же не все «жучки» в офисе были убраны. — Послушай, а ты не хочешь отсюда убраться на ночь? Мне обязательно нужно поговорить с кем-то, поделиться кое-какими идеями, а после визита Джастина мне все еще немного не по себе.

Дона негромко фыркнула.

— Не только тебе. Рон хочет вызвать еще одного эксперта. Грозит, что выедет отсюда, если домовладелец не обеспечит ему конфиденциальность переговоров с клиентами. И его трудно винить, верно?

Я вздохнула.

— Блеск. А ты знаешь, кто домовладелец?

Дона нахмурилась, склонила голову к плечу. Из красивого пучка ее темных волос на затылке выскользнула прядь и легла на плечо.

— Корпорация «C & S». У тебя с ними есть какие-то контакты?

Я указала пальцем на себя.

— Я домовладелец. Moi.¹¹ «C & S» — это была Вики, а я стану новым владельцем, как только завещание вступит в силу. А ты еще не получила письмо от адвоката?

— Ты шутишь! Она завещала тебе все это здание? Ух ты. Ну да, я получила письмо, в котором говорится, что Вик мне что-то оставила, но завещание опротестовано ее мамочкой, так что пока — тишина. Я думала, что там немножко денег. Надеюсь, хватит, чтобы погасить долги по кредитам.

Я улыбнулась. Мы с Доной вправду давно не говорили по душам.

— Может быть, с кредитами ты и не рассчитаешься, но за съём квартиры платить перестанешь. — В ответ на вопросительный взгляд Доны я сказала: — Дом, в котором ты живешь, также являлся собственностью Вики. Он и есть твое наследство. Примерно через год ты станешь владелицей этого многоквартирного дома, и тогда — прощай твоя головная боль. И у меня все так будет.

Дона так широко раскрыла рот, что туда бы птичка могла залететь, не помяв крылышки. Когда она наконец овладела собой, в моей бутылочке остался последний глоток коктейля.

— Но в этом... моем доме почти сорок квартир! Как же я, черт побери, о них всех буду заботиться?

— Поздравляю с вступлением в клуб. По крайней мере, Рон у тебя там ничего не арендует.

Дона уперлась локтями в стол и опустила на ладони подбородок. В этот самый момент

---

¹¹ Я (фр.).

дважды мигнул свет и похолодало настолько, что я увидела облачко пара, сорвавшееся с моих губ. Запрокинув голову, я уставилась на мерцающую тучку под потолком.

— Привет, Вик. Я рада, что тебе лучше. Спасибо за помощь прошлой ночью. Кевин в порядке. — Я покачала рукой. — Почти.

Нет проблем. А в чем дело?

Эта надпись появилась на запотевшем стекле конторки.

— Мне нужно разыскать его Васо. Кевину плохо. Ему нужно сбросить энергию. Есть идеи?

Нее-е-ет. Но...

Я ждала, пока Вики размышляет. А потом стекло выгнулось от резкого скачка температуры, и по нему снова поползли буквы, написанные от руки:

Работал, спал, ел. Больше он ничего не делал.

— Это правда, — добавила Дона и кивнула. Она заметила, что у нее растрепались волосы, и поправила пучок с помощью красивых зубочисток, которыми пользовалась вместо шпилек. — Если мы куда-то ходили вместе, нам приходилось вытаскивать его из-за компьютера. Чаше он никуда с нами не ходил, потому что в половине случаев оказывалось, что где-то в кампусе у кого-то накрылся комп. Думаю, его Васо — это кто-то из тех, с кем он был знаком в студенческие времена. Он больше нигде не бывал.

— Звучит разумно. Но университет огромен. Это может быть кто угодно из нескольких сотен людей.

Нет, — написала Вики на стекле. Днем и ночью?

Слова были написаны поспешно. Казалось, у призрака нашей подруги возникло предположение.

Я так мало знала про этих Васо. Я указала на экран компьютера.

— Войди в Интернет. Узнай, существует ли у оборотней конкретное время суток, когда они сбрасывают энергию. Думаю, Вики права. Она обычно права.

Несколько кликов «мышки» — и я уже читала текст, стоя за плечом Доны, чувствуя холодок рядом с моей шеей: значит, наша покойная подруга тоже читала.

— О-о-о, посмотри-ка. Написано, что лучшее время — перед сном. Но Кевин всегда ложился спать поздно. Что в кампусе работает поздно ночью?

— Медпункт, — сказала Дона.

Охрана, — появились буквы на стекле.

Но до верного ответа первой додумалась я и написала это слово на страничке блокнота, лежавшего на письменном столе Доны.

«Библиотека».

Я написала это слово, не произнося его вслух, чтобы никто не услышал и не подсмотрел — как того и хотел Кевин. Университетская библиотека была открыта до полуночи все дни недели, кроме воскресенья.

Васо Кевина могла быть только Анна — библиотекарьша из отдела литературы по метафизике. Она трудилась в университете больше десяти лет и была умной и могущественной колдуньей, которая, на мой взгляд, могла без труда справиться с излишками магической энергии. Мне случалось хотя бы раз в неделю видеть, как она разговаривает с Кевином, но я особо об этом не задумывалась, потому что с Анной разговаривали все, так как библиотеку она знала вдоль и поперек.

Дона восторженно ухнула и ударила ладонью по холодному воздуху.

— Слушай, ты же сама знаешь, что права. Кто еще это может быть? Кевин там всю дорогу пропадал.

Самым лучшим в высказывании Доны было то, что если наш разговор все-таки подслушивал Джонс, он ничего не понял и, можно не сомневаться, жутко психанул.

Так что теперь мне следовало уговорить Анну, чтобы она сделала что положено. Хотелось верить, что она сама знает о том, что она — Васо Кевина. Страшно было думать о том, что Кевин мог совершить сброс энергии без ее ведома, но, с другой стороны, со мной он

поступил просто ужасно, так что — кто знал?

Зазвонил мой мобильник. Телефон не опознал номер, но, судя по длинной череде цифр, звонок был международный. Я нажала клавишу приема вызова.

— Селия Грейвз слушает.

— С тобой будет говорить моя мать.

Я узнала голос. Принцесса Адриана была дочерью королевы Лопакки, но не являлась ее наследницей. Наши с ней отношения начались не слишком хорошо — если точнее, то Адриана вызвала меня на дуэль. В поединке победила я, но Адриана пережила поражение достойно. Я бы не стала называть нас с ней подругами, но я не думала, что она снова станет пытаться убить меня.

— Добрый вечер, Адриана. Как ты поживаешь? Что новенького?

Последовала пауза. Было такое впечатление, что Адриане никто никогда не задавал таких вопросов.

— Я помолвлена. Наверное, это и есть новенькое.

Помолвлена? Вот это да! Вот уж новость так новость.

— Господи! Это же волшебство! А где вы познакомились? Он тоже из рода сирен? Или он человек? Кто? Ты вне себя от счастья?

Наступила новая пауза. Похоже, мой вопрос смутил Адриану.

— Все... сложно. Думаю, я буду счастлива. У нас много общего. И я наконец стану королевой — пусть и не для своего народа.

Королевой? Это означало, что Адриана выходит замуж за короля. Но холостых монархов было не так уж много. Но, правда, существовало некоторое количество принцев, способных в один прекрасный день занять престол.

— Какая страна? Я о ней слышала?

— Думаю, да, — немного удивленно отозвалась Адриана. — Это Руслундия.

Она выходила замуж за короля Дальмара? У меня отвисла челюсть.

— Но он... он же *старый*!

Да, король Дальмар был весьма хорош собой и элегантен. Но при этом совершенно седой — он годился в дедушки, а не в мужья.

Смех Адрианы прозвучал подобно звону колокольчиков под струей воды.

— Он моложе меня, Селия. На много лет. Ты забываешь, как стара я. Он потерял двоих сыновей и не имеет наследников. У меня нет никаких надежд править этой страной, но там я смогу стать королевой и обрести могущественного союзника для моей матери. К тому же Дальмар очень привлекателен. Мы оба одиноки, а я всегда... мечтала иметь детей. — Похоже, это откровенное признание немного испугало Адриану, и тон ее голоса сменился с восторженного на деловой. — Безусловно, ты будешь приглашена на свадьбу. Но сейчас с тобой поговорит моя мать. Спасибо, что ты спросила о том, как у меня... в общем, просто спасибо тебе.

Вот это да... Я никогда по-настоящему не задумывалась об обстоятельствах такой долгой жизни и долге особ королевской крови. Заботиться о том, чтобы обрести сильных союзников и наследников, только ради того, чтобы найти супруга. За все время разговора с Адрианой я ни разу не услышала слова «любовь», хотя она совершенно явно была счастлива. Но король Дальмар был хорошим человеком — сильным, умным, преданным своему народу. Он и вправду чем-то был похож на Адриану. Из них могла получиться хорошая пара... и может быть, со временем они полюбят друг друга. Такое случалось.

— Селия? — послышался в трубке голос королевы. — Похоже, ты смутила мою дочь. Она выбежала из моего кабинета покрасневшая, со странной улыбкой.

Я негромко рассмеялась.

— Бывает, я так действую на людей. Надеюсь, у вас хорошие новости для меня, ваше величество. Ваши люди поговорили с судьей?

— Я говорила с судьей лично.

Я невольно поморщилась, и Лопакки словно бы увидела это.

— Клянусь, никакой неподобающей манипуляции не было. Прежде чем войти в кабинет, я позаботилась о том, чтобы судья был защищен от моего психического воздействия.

О! Я вдруг вспомнила о своем разговоре с Алекс. Боже, неужели это было только вчера?

— Кстати, пока я не забыла: начальство местной полиции просит меня дать им образцы моих тканей, содержащие ДНК, чтобы они могли изготовить амулеты для своих офицеров. Могут, например, мои волосы уберечь от *всех* сирен или только от меня?

— Гм-м-м... Что ж, скорее всего, при том, что сиренской крови у тебя не так много, такой амулет убережет мужчин только от тебя. Я понимаю, почему местным властям потребовалась противосиренская защита. Скорее всего, время от времени тебя будет посещать кто-то из королевских особ.

Черт. Ничего хорошего, потому что остальные королевы меня просто ненавидели.

— Я прикажу людям из моей службы безопасности связаться с руководством полиции, чтобы они скоординировали свои действия и смогли изготовить эффективные амулеты. После того фиаско в суде, которое тебе довелось пережить, я уверена, полиция не станет грубо обращаться с тобой, потому что они тебя побаиваются.

Что касается твоей матери, то в данный момент она находится в пути к острову Безмятежности, где будет отбывать заключение согласно приговору. Находясь здесь, она получит курс лечения, направленный на ее телесное и душевное исцеление. Безусловно, на протяжении этого курса не может быть речи об условно-досрочном освобождении. Вероятно, ей придется пробыть здесь даже несколько дольше срока, определенного приговором. Тем не менее я надеюсь, что твоя мама вернется на материк здоровой. Должна сказать тебе, Селия: я едва не расплакалась, увидев, во что она превратилась внутри этих сухих каменных стен. Но ей стало лучше уже на борту яхты.

Этот день был просто создан для вздохов облегчения.

— Как рада будет моя бабушка! И я очень рада. И благодарна. Вы даже не представляете как. Спасибо вам самое огромное, ваше величество.

— Пожалуйста, Селия. И пожалуйста, называй меня «тетя Лопака», если хочешь. Это так и есть, и к тому же может помочь возвысить твое положение в глазах других.

Ух ты. Неслабо. Сирены просто помешаны на родственных связях. Мне вообще пришлось отстоять свое право на существование, а когда королева признала меня членом семьи, это вызвало сильнейшее недовольство других правительниц.

Но «тетя» — нет, это было бы слишком.

— Пока, ваше величество, я откажусь от вашего предложения. Я вам очень признательна, но и так уже предостаточно тех, кто готов отсечь мне голову за прыжки выше себя.

Второй раз Лопака мне предлагать ничего не стала, не стала и убеждать в том, что я ошибаюсь. Мне было приятно, что она прислушивается к моему мнению, хотя мы познакомились сравнительно недавно.

— Как пожелаешь, — сказала королева.

Но у меня еще оставалось несколько важных вопросов, ответы на которые очень хотелось получить сегодня.

— Но... есть один исторический вопрос. Может быть, вы могли бы на него ответить для меня.

— Вопрос касается истории нашего народа? Конечно, отвечу. Если сумею.

— Что вы можете рассказать мне о Тысячелетних Рогах? Они существуют до сих пор?

Молчание на другом конце провода затянулось настолько, что я уже была готова поинтересоваться, слышит ли меня королева. Но она заговорила, и в ее голосе я услышала неожиданный для меня гнев.

— Как ты смеешь спрашивать об этом?! Родственница ты мне или нет, но разговор окончен.

Из трубки донесся щелчок. Вот так. Лопака мне даже «до свидания» не сказала. Наверное, шок и озадаченность были написаны у меня на лице, потому что Дона откатилась от меня на кресле так, будто у меня выросла вторая голова. Черт... Я потом и кровью добилась расположения Лопакки, и вот теперь все пошло прахом... из-за одного-единственного вопроса? Черт, черт, черт! У меня противно засосало под ложечкой.

— О боже. Похоже, я только что жутко вляпалась. А я даже не поняла, что я такого сказала.

— С какой стати этот вопрос — такой ужасный? — искренне удивилась Дона. — Даже я слышала про *эти роги*. Это предание изложено в школьных учебниках истории.

Резкий порыв морозного ветра заставил меня устремить взгляд на окно.

Истинное предание?

Под ложечкой засосало еще сильнее.

— О, я об этом не подумала. А вдруг в учебниках истории все написано неверно? А вдруг в действительности случился какой-то жуткий скандал или еще что-то в этом роде?

Но что сейчас можно было поделать? Нужно было придумать, как извиниться за свою промашку.

— Что ж, я думаю, лучше всего теперь будет узнать все, что только можно, об этих рогах.

Дона лукаво улыбнулась.

— Похоже, я знаю, куда тебе придется отправиться за поиском информации.

Я улыбнулась в ответ. Двух зайцев одним выстрелом, как говорится.

— Хочешь со мной?

Дона пожала плечами и положила руку на мышку.

— Конечно. Дел у меня особых нет, а мне тебе нужно кое о чем рассказать. Погоди только, я выключу комп.

Да, и мне тоже было о чем ей рассказать. Правда, я пока не понимала, стоит ли затрагивать тему возможности жизни под одной крышей. Пока что Дона вела себя храбро по части моего вампиризма, но ей хватало ума вовремя прятаться за стену или стекло. Меньше всего мне хотелось причинить ей травму.

Нет, не так. Меньше всего мне хотелось стать причиной ее *смерти*.

Глава 12

Перспектива посещения университетской библиотеки меня немного тревожила. Несмотря на то что университет я закончила, я до сих пор числилась студенткой — для того чтобы сохранять медицинскую страховку, я посещала пару курсов в семестр. В данное время я имела отметку «D» по орнаментальному садоводству, поскольку пропустила уйму занятий и не удосужилась появиться на экзамене в середине семестра. Ну что делать — моя жизнь, мягко говоря, *слегка* осложнилась. Думаю, преподаватель не поставил мне «неуд» по одной простой причине: он вел этот курс потому же, почему я его как бы посещала, вот и не решался лишать меня благ медицинского страхования. Но между тем он меня предупредил о том, что после зимних каникул я обязана засесть за учебники по ландшафтному дизайну и основательно поработать секатором, иначе он больше не сможет меня покрывать.

Лечение от вампиризма продвигалось кое-как, но тем не менее мне совершенно не хотелось, чтобы кто-то вторгнулся в мою жизнь и смог оставить меня без лечения и страховки.

Как бы то ни было, невзирая на мой статус студентки, из библиотеки меня могли выгнать запросто. Собственно говоря, не так давно Анна именно так со мной и поступила. Она сочла, что я представляю угрозу для читателей. Обычный вампир, безусловно, представлял бы угрозу, и Анна выставила меня как типичного кровососа вскоре после того, как меня укусили. Отчасти по этой причине я позвала с собой Дону. Она могла пройти через магические барьеры в полуподвальное помещение библиотеки, если не удастся мне, и

сообщить Анне адрес, где находится Кевин. И все же я надеялась, что Анна эти барьеры в последнее время не укрепляла.

Судя по всему, Дона думала о том же самом. Мы сели в мою машину и поехали к кампусу. По пути Дона спросила:

— А давай первой пойду я. Я передам ей записку и узнаю, сможешь ты войти или нет. Ты меня просто высади рядом, а сама поколеси вокруг — на случай, если за нами следят. А я тебе через пару минут перезвоню.

Мне совсем не улыбалась мысль о том, что я никогда не смогу воспользоваться услугами библиотеки, потому что это было одно из моих любимых мест, но осторожность помешать не могла. Возможно, мои старания связать Анну с Кевином и забота о его здоровье могли помочь мне снова наладить контакт с библиотекаршей.

— Звучит неплохо. И знаешь что? Если у тебя все получится, я тебе рождественский подарок преподнесу раньше времени. А подарок *потрясающий*.

На самом деле я и не могла сделать Доне подарок иначе как раньше Рождества. Путевки на спа-курорт я зарезервировала на выходные.

Дона вздернула подбородок и хитро улыбнулась.

— Но не такой потрясающий, какой тебе приготовила я, готова об заклад побиться.

Ого! Конкуренция.

— Ты так думаешь? А как тебе предложение провести уик-энд на спа-курорте «Оушен Вью»? Процедуры для волос, ногтей, маски, массаж? Ты, я, Эмма. Оторвемся по полной.

Дона восхищенно взвизгнула и запрыгала на сиденье. Такой радостной я ее не видела несколько месяцев.

— О господи! О боже! Но это же просто самое лучшее место! В журнале «Курорты» ему дали пять звезд! И когда?

Я улыбнулась.

— В ближайшие выходные. Если я верно понимаю, у тебя других планов нет.

Сверкающие глаза Доны стали еще радостнее.

— Это же в долине Напа, да?

Я кивнула.

— В самой серединке. Понятия не имею, почему заведение назвали «Оушен Вью»,¹² но на сайте картинки просто роскошные.

Дона снова запрыгала.

— Ой! Красота! Знаешь, мы с тобой, наверное, телепатки, потому что... ты только посмотри на свой подарок!

Дона сунула руку в сумочку в тот самый момент, когда мы подъехали к стоянке около библиотеки. Я нашла место под одним из больших сдвоенных фонарей, и флуоресцентный свет озарил салон машины. Дона протянула мне конверт из прессованной льняной бумаги с золотым краем. Роскошь невероятная.

Я открыла конверт. В нем лежало три открытки с золотым тиснением. Повернув одну из них к свету, я...

— Нет, не может быть! Неужели я вижу это своими глазами! — Я от изумления раскрыла рот. Каким-то образом Доне удалось сделать совершенно невероятное. Я держала в руках именной билет на событие года!

— Но как, черт побери, тебе удалось раздобыть билеты на эту презентацию?

Дона лукаво улыбнулась и покачала головой. Не пожелала отвечать.

Калифорния — винный штат, поэтому всякий раз, когда появляется новое вино, это становится событием. Почти два года назад сестры-близнецы, прежде виноградарством не занимавшиеся, открыли свое дело. Купили небольшой частный виноградник, засадили его

---

¹² «Ocean View» (англ.) — «Вид на океан».

новой лозой. Все делалось слишком быстро, и никто не пророчил им успеха. Все считали, что им придется долго и нудно добиваться внимания прессы. Но, как ни удивительно, внимания сестры не думали искать. Они даже отказывались давать интервью ведущим винодельческим журналам. Было много шума по поводу того, что на них наседадут виноградарская ассоциация штата и агентство по защите окружающей среды. Почти каждую неделю какая-нибудь скандальная газетенка считала своим долгом разразиться какими-нибудь грязными новостями на предмет вина, производимого сестрами.

А потом они начали участвовать в европейских винных конкурсах... и маленькое калифорнийское хозяйство отхватило золотые медали как за белое, так и за красное вино. Но никто не написал ни слова о самом вине — молчали даже судьи, оценивающие продукцию на конкурсах. Пара французских и итальянских групп виноделов возмутились, так же как и консорциум австралийских компаний, грянули судебные разбирательства. Компания, возглавляемая сестрами-близнецами, настояла на том, чтобы судебные материалы не разглашались — в интересах сохранения тайны производства. Суд их ходатайство удовлетворил. В прессе вспыхнул откровенный бунт. Никто из обычных граждан не пробовал вина. Никто его не мог выпросить, взять взаймы или украсть.¹³

Так что субботний вечер превращался в потрясающее событие — официальное, невероятно эксклюзивное. Публичный дебют. Вино было названо «Ведьминым зельем», и на его презентации должны были присутствовать все самые-самые. Если верить Интернету, то эксперты по всему миру были готовы приобрести билеты за цену, достигшую уже шестизначных цифр, но при этом билетов было не достать. И на каждом из настоящих билетов, как тот, который я сейчас держала в дрожащих руках, было выгравировано имя приглашенного.

— Ой, пока я не забыла... — Дона взяла у меня билет, перевернула его и сняла с одного уголка полоску целлофана. — Нужно приложить большой палец правой руки вот сюда и несколько секунд подержать.

Как интересно... Я сделала так, как сказала Дона, и испытала странное ощущение: подушечку пальца закололо, будто мелкими иголочками. Сосчитав до пяти, я отняла палец от бумаги, и на золоченой фольге остался четкий отпечаток — будто выгравированный.

— Биометрия?

— Ее магическая разновидность, — ответила Дона. — Они хотят по-настоящему позаботиться о том, чтобы на вечеринку не проник никто посторонний. Ни сканировать, ни сфотографировать билет невозможно. Получается пустой лист бумаги.

Ух ты. Ничего себе...

— Кого тебе пришлось убить или соблазнить, чтобы заполучить эти билеты?

— Никого не убивала, никого не соблазняла. Прости, но сказать не могу. — Дона показала мне язык и отстегнула ремень безопасности. — Ухожу и принесу тебе гору книжек. А ты любуйся этими красивыми золотыми буквами и думай, что наденешь на презентацию.

— А-га, — задумчиво отозвалась я.

Я и вправду не могла оторвать взгляд от билета. Я любила хорошее вино и целых три года следила за развитием этой истории — с того самого дня, как прочла первую небольшую заметку на десятой странице «Таймс». Я просто обязана была попробовать это вино. Я давно оставила заказ на него в ближайшем магазине — как только оно появится в продаже. И вот теперь у меня появилась возможность выпить бокал этого вина до того, как это сумеют сделать остальные жители планеты. Ничего себе...

Я осознала, что Дона ушла из машины, только тогда, когда я увидела ее на середине стоянки. Она направлялась к входу в библиотеку.

---

¹³ Немного измененные слова из известной песни британской группы «New Seekers» «Beg, Steal or Borrow». («Выпроси, укради или одолжи».)

Так... Я могла, конечно, сидеть и таращиться на вожаемый билет до тех пор, пока из глаз не хлынет кровь, а могла сделать что-нибудь полезное. Первым в списке был звонок бабушке.

К несчастью, ее не оказалось дома. После переезда она стала гораздо реже бывать дома, но я была рада тому, что она проводит время с друзьями. Я дождалась сигнала и проговорила:

— Привет, бабуля. Прости, что не позвонила раньше. У меня потрясающая новость. Королева Лопака сказала, что мамина беда в том, что она отделена от океана. Королева уговорила судью, и маму перевели в тюрьму на остров Безмятежности, где она и отбывает положенный по приговору срок. Там ее полечат от алкоголизма и отнесут к ней с участием. Разве не радость? — Боже, я так надеялась, что бабушка обрадуется. — В выходные я с Доной и Эммой уеду из города, но ты мне позвони. Мобильник у меня будет включен.

Закончив звонок, я услышала сигнал. Кто-то звонил мне, пока я начитывала сообщение на автоответчик. Я решила, что это бабушка, потому что чаще всего у нас с ней именно так все и происходило. Но номер оказался незнакомым. Судя по коду, он был даже не калифорнийским.

Я нажала значок голосовой почты и услышала:

— Мисс Грейвз? Это Мик Мерфи. — Он горько вздохнул. — Я знаю, что вы так стараетесь ради нас, но мы тут с Молли поговорили... Знаете, мы начинаем думать, что... в общем, может быть, было бы лучше все это прекратить. Это расследование разрушает нашу жизнь. Правда. Я не знаю, какие в Калифорнии законы, но думаю, что есть способ отказаться от наследства, если оно оспорено. У нас в Арканзасе это сделать можно. В общем, я хотел до вас дозвониться и сказать вам об этом. Мы созвонимся с адвокатом и решим, какие понадобятся бумаги. Еще раз спасибо вам. Мы очень вам признательны.

О черт. То есть я поняла, что Мик имел в виду. Для меня самой полученное наследство уже стало геморроем. Подумать только: я домовладелец! Значит, надо заботиться о стрижке газона, о протечках крыши и обо всем прочем, чего я обычно требовала от хозяина дома. Мик унаследовал только деньги, но денег было *много*.

И никто из нас не знал, почему Вики завещала семейству Мерфи эти деньги. Сама Вики не знала причины, хотя была убеждена, что причина существует.

Я нажала клавишу принятых вызовов и набрала номер Мерфи. Он снял трубку на первом же сигнале.

— Алло?

— Мик? Это Селия Грейвз.

Мерфи коротко, сдавленно рассмеялся.

— Знаете, я даже немного обрадовался, когда услышал автоответчик. Не очень-то хотелось отстаивать наше решение.

Но я не собиралась отступать так просто.

— Послушайте, это нелегко. Я понимаю. Я представляю, как вас достала вся эта история с деньгами. Голова кругом.

Звук, который издал Мерфи, был немного похож на смех, но больше — на ослиное ржание.

— Не только у меня голова кругом. Трезвонят круглые сутки — с тех пор, как новость попала в местную прессу.

— В прессу? Какую прессу? Никто не должен был знать о наследстве, пока идет судебное разбирательство по заявлению матери Вики.

— У нас маленький городок, мисс Грейвз. В Фулз-Раш ничего — понимаете, ничего! — утаить нельзя. С утра является кто-нибудь вроде вашего сыщика, и еще до обеда все всё узнают.

Я поморщилась. Мне ли не знать, что такое дурацкие статейки в газетах и надрывающийся телефон.

— Небось, уже все соседи позвонили и попросили займы?

— Ну да. Или пытались всучить мне что-нибудь такое, что мне совсем не нужно. Сначала люди за нас радовались, а теперь завидуют и злятся. Понимаете... я, конечно, очень хотел бы дать моим девочкам хороший старт в жизни — университет, трастовый фонд, скажем. Может быть, мы могли бы купить новый дом, расширить ресторанчик. Но у нас и так все неплохо. А если все будет так продолжаться, станет только хуже. Я точно знаю...

Рядом с Мерфи начался какой-то шум, и окончание фразы я почти не расслышала.

— Извините, — сказала я. — Не разобрала последние слова. Какой-то странный звук там рядом с вами. Как будто кот воет на заборе.

Мерфи в который раз сдавленно хихикнул.

— Печально, но именно так это и звучит. Я в школе, на рождественском спектакле. Я решил не разговаривать по телефону в зале и вышел в коридор. Вы только что слышали, как солировала моя дочь Беверли. Я обожаю свою девочку, но ей на ухо, как говорят, медведь наступил. Я понимаю, что хормейстер старается и хочет дать шанс всем, но слушать ее пение — это сушая мука.

У меня запыхали щеки: именно так говорили о моем пении бабушка и мама.

— Не могу ничего вам сказать в утешение, поскольку сама страдаю тем же самым недостатком и помню, почему учительница пения так хотела быть ко мне добра. Но лучше бы она была не добра, а говорила мне правду. Но, может быть, вам станет немного легче, если я скажу, что Беверли все же поет лучше меня. А ваша младшая дочь... Джоди, кажется? Она поет лучше старшей?

Послышался скрипучий звук, музыка зазвучала тише. Похоже, мистер Мерфи закрыл дверь, ведущую из зала в коридор.

— Ее зовут Джулия. Да, голосок у нее получше. На самом деле она в нашей семье самая талантливая. Я их обеих очень люблю, но девочки у меня совсем разные. Беверли ужасно стеснительная, и на стандартном тестировании на наличие паранормальных способностей она показала чуть выше ноля. А Джулия, наоборот, открытая, умница, умеет петь и танцевать, а еще она общается с духами.

У меня по спине побежали мурашки.

— Она — некромантка?

— Нет-нет, — ответил Мерфи и негромко вздохнул. — Она только немножко их понимает. Помните, я сказал на чтении завещания, что дух моей бабушки оставался в доме после ее смерти, Чтобы показать нам, где лежит составленное ею завещание?

Да, я это слышала, поэтому кивнула.

— Джулия общалась с духом бабушки, чтобы узнать эти сведения. Она тогда была совсем малышка, но наблюдать за ней было страшновато. Но теперь она повзрослела и реже этим интересуется.

У меня зародилась странная догадка — почему Вики выбрала это семейство. Две дочери. Одной двенадцать, второй восемь. Первая — странная, нелюдимая и не умеет петь. А вторая — одаренная и умеет общаться с духами умерших... Уж слишком все похоже...

— Мистер Мерфи, вы не могли бы дать мне еще несколько дней, прежде чем свяжетесь с адвокатом и откажетесь от наследства? Я вот с вами сейчас разговариваю — и у меня вдруг появилась мысль о том, почему Вики могла оставить вам деньги. Но мне надо кое с кем переговорить. В выходные я уеду за город, но в понедельник я вам обязательно позвоню. Вы могли бы подождать до понедельника? Пожалуйста!

Последовала пауза. Было слышно только, как дети поют «O Christmas Tree»¹⁴ высокими голосами, в унисон. Ноты звучали чисто и радостно. Беверли, по всей видимости, только раскрывала рот. Наконец Мик Мерфи вздохнул.

---

¹⁴ «О, елочка» — рождественская песенка немецкого происхождения (по-немецки она называется «O Tannenbaum»).

— Думаю, ничего страшного не случится, если мы подождем еще несколько дней. Хорошо. Поговорю с Молли. До понедельника ничего предпринимать не станем. Но позвоните вы или нет — в понедельник мы свяжемся с адвокатом.

В это мгновение открылась дверь библиотеки, и оттуда вышли двое: Анна, торопливо поправляющая на плече ремешок сумки, и Дона, придерживающая подбородком высокую стопку книг.

— Я все понимаю, — сказала я. — Я задам несколько вопросов моей подруге, и потом мы еще поговорим с вами. Спасибо и вам, и вашей жене. Я понимаю: это дело не мое, но мой вам совет: позвольте Беверли пожаловаться вам на учительницу музыки по дороге из школы домой. Я уверена: сама она прекрасно понимает, как ужасно она пела, и ей надо избавиться от этого отчаяния, которое просто разрывает ее грудь. Я помню, как я ненавидела жалость в глазах людей, когда кто-то просил меня спеть.

Я слишком хорошо помнила, как бабушка уговаривала меня «вести себя хорошо», не огрызаться и не жаловаться. А мне было стыдно, и из-за этого я злилась и жутко жалела о том, что не могу объяснить всем этим взрослым, как это ужасно, когда тебя так мучают.

Мистер Мерфи ответил мне задумчиво, даже немного встревоженно:

— А знаете, что я сейчас вспомнил? Я вспомнил, как однажды она примерно так и сказала после одного концерта. А я никогда этому особого значения не придавал. Но тут я заметил в глазах руководителя хора жалость, и мне это совсем не понравилось. Я обращаю на это внимание, я дам дочке выговориться и скажу Молли, чтобы она перестала ей внушать насчет вежливости и хорошего поведения. Порой не мешает лошадке дать разок закусить удила. Спасибо вам, мисс Грейвз.

То, как Мерфи рассуждал о чувствах Беверли, заставило меня улыбнуться. Жаль, что у меня не было такого отца.

— Не за что. Надеюсь, у вас все получится. На следующей неделе еще поговорим.

Я закончила разговор в тот самый момент, когда с машиной поравнялась Дона. Я перегнулась через правое сиденье, чтобы открыть ей дверь. Ремень безопасности при этом туго натянулся. Дона подхватила край дверцы локтем, а потом — бедром. Она снова показала мне язык и сказала:

— Могла бы помочь, между прочим. Путь через стоянку был не близкий.

Она была права.

— Прости. Я говорила по телефону с мистером Мерфи, загадочным наследником.

— Ладно, все нормально. Я не заметила, что ты говоришь по телефону. Черт, но какие же они тяжеленные!

Дона опустила спинку переднего сиденья и начала складывать книги на пол позади него.

Анна подошла к своей машине — маленькому серебристому седану. Автомобиль ей очень подходил — надежный, прочный. На краткий миг Анна встретила взглядом со мной и склонила голову. Может быть, она так хотела выразить свою благодарность.

А потом одновременно случились три вещи: Анна повернулась, чтобы открыть дверцу и сесть в машину, Дона уложила последнюю книжку, подняла спинку сиденья и села, а я заметила тень, метнувшуюся к серебристому седану. Тень двигалась слишком стремительно... это не мог быть человек. Я отстегнула ремень безопасности и распахнула дверцу быстрее, чем сообразила, что делаю. Мышцы моих ног напряглись, и я прыгнула вперед. Мои руки уперлись в крышу седана Анны с такой силой, что оставили после себя вмятины. Я развернулась по кругу и оторвала от крыши правую руку.

Я ударила ногами вампира, собравшегося схватить Анну, по виску. Он запрокинулся назад и упал.

— Дверцу захлопни! — гаркнула я Анне, соскользнув на асфальт. — Запись!

Анна все сделала, как я сказала. В этот же момент вампир вскочил на ноги. Видимо, он погиб, когда ему не исполнилось еще и двадцати. Он двигался неуклюже — это свойственно для тех, кого смерть настигла недавно, — поэтому, по идее, с ним можно было довольно

легко справиться. Он обнажил длинные клыки и зашипел на меня. Я зашипела в ответ, и это на миг испугало кровососа. Видимо, он посчитал меня просто храбрым человеком.

— Убирайся немедленно, тогда тебе не придется умереть. — Я выхватила оба ножа и сложила перед собой их лезвия крестообразно. — Ты играешь не в своей лиге, парень.

— А может, ты не в своей... *Селия*.

Вот это номер.

В лицо я этого вампира не знала, а вот голос узнала точно... Он был знаком до боли, так же как и адский смешок, последовавший за словами.

Да-да, именно адский, потому что таким он и был. Правда, я ни разу не слышала о вампире, устами которого вещал могущественный демон, но не так уж это и странно. Не зря же и тем и другим противостоят освященные предметы.

Бывают случаи, когда с плохими парнями имеет смысл завести разговор — потянуть время. Это дает возможность подумать, выстроить план. Но у этого демона был такой голос, который был способен заставить мое тело реагировать сексуально, а разум — отключиться. В последний раз я едва сберегла и тело, и душу.

— Иди ко мне, Селия.

Голос зазвучал в полную силу, и я почувствовала, как он проникает мне в живот — через одежду и кожу. Ну уж нет. Вернее — я к нему пойду, но не так, как хочет он.

Я рванулась вперед, пригнув голову, чтобы вампир не смог вонзить клыки мне в шею. Я понятия не имела, что случится, если меня снова укусят, но уж конечно, в вампире, одержимом демоном, не могло быть ничего хорошего.

Вложив в движение всю силу, я врезалась кровососу головой в живот и одновременно нанесла удар ножом в сердце. Он схватил меня за руку и попытался выдернуть нож, но я этого ждала. Моя цель заключалась в том, чтобы вывести его из равновесия и застичь врасплох, поэтому когда вампир отшатнулся назад, он напоролся на второй нож, который я вонзила ему между лопаток.

Кровосос выпучил глаза и раскрыл рот в беззвучном крике. Зачарованные клинки легко проткнули его сердце.

— Ступай в преисподнюю, засранец. — Я попятилась назад, не забыв выдернуть оба ножа. — И на этот раз оставайся там.

Вампир как подкошенный рухнул на асфальт. Он не мог говорить, потому что изнутри его начали пожирать языки голубого и золотого пламени. Когда вот так, умирая, изнутри пылала Лилит, я думала, что это просто случайность. Но, видимо, нет, поэтому что этот кровосос горел точно так же. Между тем я понимала: вампир сгорит дотла, но от демона этого ждать не приходится. Могущественного демона вообще убить невозможно. Я добила только того, что в очередной раз прервала его связь с нашим миром. Теперь ему придется искать новый портал. Он совершил ошибку, выбрав новообращенного. Мне следовало теперь вести себя еще более осторожно, потому что стало ясно: демон снова пытается подобраться ко мне. Особенно это касалось ближайших нескольких дней.

Потому что невзирая на потопа, ночных вампиров и адский огонь — я твердо решила побывать на презентации нового вина!

Глава 13

Изумление в голосе Доны можно было расслышать на фоне музыки и дорожного шума.

— Не могу *поверить*, что ты отказала Джеффи Бенсону! Он же первый в чартах «Билборда» со времен Майкла Джексона!

Я скосила глаза на Дону и увидела, что выглядит она так же шокировано, как звучит ее голос. Я тут же перевела взгляд на дорогу.

— Я же тебе говорила, как серьезно я отношусь к нашему отдыху. Я еще от двух предложений работы отказалась. Чем же Бенсон такой особенный?

Тут даже у Эммы, лицо которой я видела в зеркальце заднего вида, взгляд стал

изумленный.

— Но он... *Джеффи* Бенсон.

— У него уже четыре телохранителя, причем двое из них — бывшие стартеры из «*Raiders*».¹⁵ Марлон Брейвертон играл лайнбекером в матче «*Pro Bowl*».¹⁶ Он такого роста, что я, когда стою с ним рядом, смотрю на его пупок. Зачем я сдалась Бенсону?

— Ну... О тебе уже столько всего написали, подруга. Ты теперь — хитовая телохранительница. Погоди, вот мы вернемся, и посмотришь, сколько у тебя будет предложений поработать в календаре.

Я с трудом распрямила спину.

— Вряд ли это поможет мне расслабиться, Дона.

— Ох. Да. Верно подмечено. Ну... что ты думаешь насчет цветов от Бруно?

Вопрос Доны прозвучал лукаво, но одновременно с вызовом. Она решила меня подколоть.

Я вздохнула. При всем том мне очень хотелось улыбнуться. Мы уже были на пороге — собрались уезжать на курорт, и вдруг является посыльный с вазой, в которой не меньше двух десятков алых роз. Розы были прекрасны. Нет, больше того: они были великолепны. Но они никак не могли поместиться в нашей машине — минивэне, взятом напрокат и битком набитом нашими сумками и моим рабочим чемоданом. Я всегда беру с собой целый арсенал, тяжелые ботинки и смену одежды. Потому что, невзирая на самые лучшие планы, жизнь моя порой выкидывает непредсказуемые фортели. Чемодан, о котором я говорю, изготовлен из тяжелой прочной стали и имеет три замка. Поднять его могут только двое крепких мужчин — или одна хрупкая женщина, наделенная вампирской силой. Дона пыталась уговорить меня оставить чемодан дома.

А я, в свою очередь, пыталась уговорить ее оставить хотя бы одну из трех объемистых косметичек. Тупиковую ситуацию разрешила Эмма. Она предложила мне отвезти цветы моей бабушке, чтобы они не завяли и не помялись за время долгой дороги до спа-курорта. Предложение было хорошее, но теперь, когда мы ехали к дому моей бабушки, Эмма то и дело плевалась листьями, потому что ваза с розами заняла почти половину заднего сиденья.

Квартал для пенсионеров «Глейдз» на Парк-Роуд не был типичным многоквартирным комплексом. Это было сочетание дорогого дома для престарелых и отдельных групп элегантных бунгало для инвалидов. Тут имелось даже небольшое поле для гольфа, посещаемое еще более богатыми пожилыми людьми. Повсюду виднелись бассейны, фонтаны и сады.

Бабушка жила в бунгало для инвалидов... но не потому, что она та уж нуждалась в посторонней помощи, а потому что хотела жить рядом со своими знакомыми. Там жила Ань Лонг, *ba nui* ¹⁷ Доны — то есть бабушка по отцовской линии, а еще — несколько прихожанок из церкви, которую посещала бабушка. В каждом из соединенных между собой одноэтажных таунхаусов было две спальни и маленькая кухня. По всем помещениям дома было легко перемещаться тем, кто пользовался ходунками или инвалидными колясками. Бабушкин дом был значительно меньше того, в котором она жила долгие года, но ей здесь нравилось. Мы с подругами пошли к дому по гладким бетонным дорожкам, вившимся среди зелени. Бабушка встретила нас улыбкой.

— О! Какие красивые цветы, куколка. От кого они?

— От Бруно. Похоже, он подлизывается.

---

¹⁵ «*Los Angeles Raiders*» — команда из высшей лиги американского футбола.

¹⁶ «*Pro Bowl*» — выставочное соревнование по американскому футболу, «матч всех звезд» Национальной футбольной лиги.

¹⁷ Бабушка (*фр.*).

Бабушка вздернула брови и снова залюбовалась розами.

— Еще бы. Начало неплохое. Но ты его помаринуй несколько дней и только потом дай знать, что цветы получила. Пусть знает, что тебя не так-то легко купить.

У меня отвисла челюсть. В буквальном смысле. Это было так не похоже на все советы, которые бабушка давала мне прежде, что ее слова меня ошеломили. Когда ребята дарили мне цветы в школе, бабушка ворковала и кудахтала, какие они красивые, и настаивала, чтобы я немедленно звонила мальчику и благодарила.

— А у меня от этой карточки до сих пор мороз по коже, — заметила Эмма, и я не стала с ней спорить. Она извлекла маленькую белую карточку из высокого пластикового зажима, спрятанного среди цветов, и прочитала вслух с театральным утрированием, прижав руку к сердцу:

— *«Селия, прости меня за все. Я так виноват. Теперь я понимаю, почему ты была так обижена. Ты была права. А я ошибался. Сможешь ли ты когда-нибудь меня простить? Я приезжаю в Калифорнию и хотел бы с тобой повидаться. Прошу тебя. Позвони мне. Бруно».* — Эмма вздохнула. — Ну просто предпоследняя сцена из мелодрамы. Ах-ах.

Да, когда я читала эту карточку, сердечко у меня слегка затрепетало, и мне захотелось сразу же позвонить Бруно и прокричать в трубку: *«Да! Конечно, я хочу тебя увидеть!»* Но потом реальность взяла свое.

— Не так все просто, Эм.

Я зажмурилась, пытаюсь не обращать внимания на то, как сосет под ложечкой. То ли настала пора выпить очередной коктейль, то ли до меня начала доходить вся серьезность проблемы.

Похоже, бабушка поняла мои чувства.

— Эмма, милая, жизнь не всегда похожа на киношные мелодрамы. Я, так же как и ты, видела все отношения Селии с этим мужчиной. Они были помолвлены, поэтому я следила за ними внимательно. Слова он говорил правильные, но его поступки слишком часто расходились со словами. Хотелось бы верить, что он изменился. Очень хотелось бы, потому что я думаю, что он действительно любит Селию. И эти розы — очень хороший первый шаг. Он пишет, что все понимает. Но кто знает, долго ли продлится его *понимание*? Именно это и должен теперь доказать. Что он способен принять Селию такой, какая она есть.

Эмма осунулась. Дона шагнула ко мне и сжала мою руку.

— Мне так жаль, Селия. Я знаю, как больно он тебя ранил.

Вот в этом и была суть проблемы. Боль не ушла по сей день. Мне так хотелось, чтобы все у нас сложилось хорошо... отчаянно хотелось. Но Бруно был самим собой, и я не могла уповать на то, что он изменится. Он был старомодным итало-американцем, свято верившим в такие понятия, как дом и семейный очаг. Женщина должна была наполнить его дом детьми, смехом и любовью. Для Бруно это было важнее всего на свете. Он вырос в такой атмосфере и желал этого для себя. Я уважала его стремления, но для себя видела в жизни не такую роль. По крайней мере, сейчас.

В данный момент моя цель в жизни состояла в том, чтобы оберегать людей. Это моя профессия, я этим зарабатываю на жизнь, и более того: мне нравится подвергать себя опасности. Когда это необходимо, я с легкостью забываю о доме и семейном очаге. Эти два мировоззрения не слишком хорошо сочетаются. На самом деле, я не хотела, чтобы Бруно менялся. И я знала, что он питает ко мне точно такие же чувства. Наши отношения всегда строились на нелегком мирном договоре, как бы нам обоим ни хотелось в этом признаваться.

— Кто угодно может измениться, — произнесла Эмма после долгой паузы. — Я в это искренне верю. Если этого очень хочешь и будешь изо всех сил стараться, сможешь стать другим.

Эти слова она выговорила тихо, но страстно. В них было что-то глубоко личное. Даже немного странно было их услышать.

Эмма говорила не только о Бруно, и мы все это понимали. Когда тебя запятнал демон, от этого не так просто избавиться — как мне никуда не деться от своих клыков. Главным,

почему мы решили отправиться в это путешествие, была попытка убежать от своих столкновений со смертью и кое-чем похуже смерти.

Моя бабушка подошла к Эмме и крепко ее обняла.

— Конечно, люди могут меняться, детка. Просто нужно время и желание. Нужно так этого хотеть, чтобы все прочее стало не важно. А еще важно, чтобы люди помогали тебе, не давали сбиться с пути.

Я поняла, что теперь бабушка говорит не о Бруно и даже не об Эмме. Она говорила обо всех нас, но, как мне показалось, больше всего — о моей матери.

Господи, ну и компания у нас подобралась.

— Ладно, — проговорила я после долгой паузы. — Я ему позвоню. Обещаю. Но на следующей неделе, хорошо? А сейчас нам предстоит уик-энд под девизом «Мужчинам вход воспрещен».

Эмма высвободилась из объятий бабушки и просияла, а бабушка улыбнулась мне полупечальной улыбкой, которая яснее всяких слов сказала мне: «Я всегда буду с тобой, что бы ни случилось». Бабушка была единственной константой в моей жизни, единственным человеком, на которого я по-настоящему могла рассчитывать.

Дона тряхнула руками, стараясь сбросить напряжение.

— А скажите, Эмили, как вам уроки «тай-чи»?¹⁸ *Ba nui* говорит, что у вас большие успехи.

Что? Бабушка Доны взялась обучать мою бабулю гимнастике «тай-чи»? А она мне ничего не говорила.

Бабушка рассмеялась и грациозно шевельнула рукой. Она закончила движение, повернув ко мне ладонь.

— О да. Уже несколько недель. Насколько же лучше у меня стали гнуться суставы! Ань — прекрасный учитель. — Бабушка прошла мимо меня и направилась к двери своей квартиры. — Но нам нужно унести эти розы подальше от солнца. Прошу вас, входите.

Я была удивлена, увидев Пили, которая сидела на бабушкином диване с чашкой чая. А я знала, что бабушка чай недолюбливает. По журнальному столику были разбросаны яркие буклеты с картинками, изображавшими разные экзотические места. Дона радостно хлопала в ладоши.

— О! И вы тоже собираетесь куда-то ехать? Не сомневаюсь, вы чудесно проведете время.

Вот как? У меня вдруг возникло неприятное ощущение, что от меня что-то скрывают. Я вымученно улыбнулась и подтолкнула Дону плечом.

— Пожалуйста, помоги мне с этими розами. Пойдем в кухню, хорошо?

Дона непонимающе глянула на меня, а я одарила ее патентованным взглядом типа: «*Мне надо с тобой поговорить. Срочно*».

— О! Конечно. Да, надо обязательно подрезать кончики, а то ведь розы уже давно в вазе.

Она всегда отличалась понятливостью.

Бабушка села за столик и взяла чашку.

— Садись, Эмма. Выпей чаю. Селия, ножницы для обрезки цветов — в ящике рядом с плитой, а мусорное ведро — под раковиной.

— В чем дело? — тихо спросила Дона, когда мы с ней принялись обрезать стебли роз под холодной проточной водой. — Ты из-за чего-то расстроилась?

Я шумно выдохнула и прошептала в ответ:

— Не знаю. Пытаюсь понять, что происходит. Я про «тай-чи» ни сном ни духом, а ты знала. Вдобавок, похоже, тебе все известно про туристические буклеты. Пожалуй, это я должна спросить, что происходит.

---

¹⁸ Китайская оздоровительная гимнастика.

Дона пожала плечами.

— Ты в последнее время была занята по уши, а ей одиноко. Порой она звонит в офис просто для того, чтобы поболтать. Я предложила своей бабушке поучить ее «тай-чи». Эмили нужно было чем-то заняться, поскольку большее из того, что тут происходит, ей не очень нравится. С ней дружит Пили и моя бабушка. За последние недели они очень сблизились. Я так думаю, что Пили не только ясновидящая, но еще и эмпат. Она внушает Эмили, что надо думать о будущем, строить планы, а не только жить прошлым.

Я начала ставить обрезанные розы в вазу.

— Почему она мне ничего об этом не говорила?

Дона вздохнула, обернулась и облокотилась о стол.

— Честно? Тебе стоит об этом поговорить с Пили. Она знает гораздо больше, чем я. Пусть твоя бабушка покажет мне и Эмме сады. На самом деле я их уже видела, но я схожу за компанию. А у тебя будет время поговорить с Пили.

Не дав мне ответить, Дона вернулась в гостиную.

— Эмили, вы не могли бы показать мне и Эмме розовый сад? Мне кажется, Селии и Пили будет приятно немного поболтать и повспоминать о жизни на острове сирен.

Вот так мы с Пили остались наедине. Я села на красивую гобеленовую диванную подушку и устремила взгляд на хрупкую старушку-полинезийку.

— Ну... Пили. Как вам нравится жизнь пенсионерки?

Она улыбнулась так спокойно и ласково, что у меня непроизвольно расслабились мышцы.

— Не стоит тратить время на пустые разговоры, Селия. Я знаю, ты думаешь о бабушке — гадаешь, что происходит, и это можно понять. Она не хотела волновать тебя, потому что знает, что у тебя своих забот по горло. Ты так мало говоришь о своих проблемах, что и у других пропадает желание рассказывать тебе о своих бедах. Прошу тебя, только не считай, что я тебя осуждаю. Но ты должна помнить, что твоя бабушка тяжело пережила смерть своего духовника, весть о смертельном проклятье и все, что произошло с тобой и ее дочерью. Вдобавок недавно ей пришлось покинуть единственный дом, в котором она прожила всю свою сознательную жизнь. Ей нужно было время привыкнуть. Время, чтобы начать жить по-другому — как начала ты.

У меня вспыхнули щеки, засосало под ложечкой. Я не могла поверить, что все это мне самой не пришло в голову. Бедная моя бабуля!

— Не знаю, что сказать. Думаете, мне стоит отменить поездку и побыть с ней какое-то время?

Пили снова заботливо улыбнулась и прикоснулась к моей руке.

— Нет-нет. Тебе самой нужно время на восстановление, как и Эмили. Меня немного встревожило то, как сильно она привязалась в последнее время ко мне и Ань, вот я и предложила, чтобы она немного занялась собой — завела новые знакомства, позанималась чем-то таким, чего никогда не делала прежде. У нее прекрасное здоровье, она переживет многих своих сверстниц. Но она потеряла так много друзей и близких, что потери можно восполнить только за счет новых знакомств, нового опыта. — Пили похлопала меня по руке, но я не утешилась. — Ты только не волнуйся. Я изо всех сил стараюсь отправить ее туда, где ей не будет нужно постоянно переживать за тебя и Лану. Чтобы у нее полегчало на сердце, мы должны чем-то занять ее ум и руки.

«Она потеряла столько друзей и близких». Ох.

Глава 14

Эмма и Дона рассмеялись. Мы дружно подняли стаканы с коктейлем «Маргарита». Я почувствовала, как порыв холодного воздуха заключил нас в объятия. Дона чокнулась сначала со мной, а потом с Эммой, сидевшей по другую сторону от нее.

— За девочек! Мальчики не допускаются. Хотя... — Дона опустила на кончик носа

темные очки в черепаховой оправе. В этот момент к нам направился официант с подносом, уставленным стаканами с дольками лайма на краешках. — *Хорошенькие* мальчики допускаются всегда!

Я со вздохом откинулась на спинку стула и устремила взгляд на витражное окно и резной карниз над лампой-обогревателем, а потом облокотилась о стол и посмотрела на трех моих подруг, устроившихся рядом со сверкающим бирюзово-голубым бассейном.

Да-да, троих, потому что кроме Доны и Эммы с нами была Вики: на пушистом белом махровом полотенце, лежавшем на пустом шезлонге, четко отпечатывались контуры тела. Эмма и Дона приобретали бронзовый загар под специальными лампами, а у меня была аллергия на искусственный ультрафиолет, так же как на настоящий. А вот обогревательная лампа ультрафиолет не излучает, и хотя не было особенно холодно, мне хотелось разделить с подругами удовольствие. Лампа-обогреватель, четвертый шезлонг и зеркало в раме для общения с нашей умершей подругой — все это поначалу повергло персонал курорта в шок, но довольно скоро они к этому антуражу привыкли.

Я отбросила свои тревоги — по крайней мере, на выходные. Я пообещала Пили, что всеми силами постараюсь расслабиться, а она поможет в этом моей бабушке. Тогда позже мы с бабушкой, возможно, могли бы вернуться к тем теплым, любовным отношениям, которые сохраняли много лет. Я мечтала поближе познакомиться с Пили. Я не просто доверяла ей. Она мне нравилась. Найти новую родственницу, мудрую и удивительную — это стало для меня одним из лучших побочных эффектов нескольких последних недель. Официант, обслуживавший пляж перед бассейном, заметил оценивающий взгляд Доны и ответил ей в том же духе. Его лукавая, уверенная улыбка заставила меня сделать большие глаза и покачать головой. «Случится чудо, — подумала я, — если Доне в эти выходные не повезет». Эмма тоже поглядывала по сторонам, а мне меньше всего сейчас был нужен в моей жизни еще один мужчина. Если на то пошло, и я не знала, как быть с теми, которые у меня уже имелись.

После того как официант подал нам новые коктейли, я попросила официанта принести мне молочный напиток и улеглась на шезлонге, наслаждаясь прикосновениями теплого воздуха.

— Так что вы думаете насчет таинственного наследника? Вы со мной согласны?

Вики пока не высказалась определенно насчет моей догадки — что она выбрала Мика Мерфи в качестве наследника из-за того, что его дочери были копиями меня и Айви, а еще из-за того, что если бы у нашей матери были деньги, чтобы откупиться от похитителей, Айви могла остаться жива.

— Я думаю, что это возможно, — через несколько секунд проговорила Дона. — Но, как правило, в видениях перед ней предстало нечто другое — верно, Вик? Если она что-то видела, то это было настоящее похищение. С какой стати в видении ей явилась счастливая семейка без каких бы то ни было травм?

На зеркале, стоявшем на пюпитре рядом с шезлонгом Вики так, чтобы ей не нужно было вставать, появились слова «*Без понятия*». Мне было забавно то, что сразу после смерти Вики постоянно писала только очень короткие фразы — одно-два слова. Теперь довольно часто она писала по пять-шесть слов. Мог ли призрак обрести силу? Или она просто лучше овладела этим навыком?

— Между прочим, в этом есть смысл, — заметила Эмма. — Если Вики помнила, почему сделала это, она не стала бы просить тебя провести расследование.

— Верно. Но я почти уверена, что нам нужно установить, зачем столько денег. А их просто *чертова куча*. Почему Вики не оставила семейке Мерфи сто тысяч? Ну, пусть миллион? Но — четверть всего капитала?

«*Да. Про деньги*», — появилось на запотевшем стекле зеркала. Наконец-то! Первое подтверждение того, что я — на верном пути. «*Ему нужно купить...*»

— Нужно купить... что? — взволнованно спросила я.

Но Вики исчезла. Вокруг нас вдруг стало теплее, а от обогревательной лампы пахло

настоящим жаром. Я села и стала смотреть по сторонам в поисках мерцающего облачка. Но Вики пропала.

— В чем дело? Куда она девалась?

Дона пожала плечами, села и опустила ноги на пол.

— Может быть, у нее возникла какая-то идея. Она вернется. А нам, между прочим, пора в салон. Через пятнадцать минут у нас стрижка и стайлинг. А потом — маска и макияж. Дамы, сегодня вечером мы взорвем эту презентацию!

Все шло к тому. Кто мог знать, что на этом курорте окажется такой потрясающий бутик? Мне подходило по размеру и шло почти все из того, что там продавалось. А это о чем-то говорило.

— Ну, какие же потрясающие платья мы купили! Надеюсь, там будут фотографировать, потому что я хочу наши фотки для своего альбома.

Эмма кивнула.

— Честно говоря, до того как тебя укусили, я бы ни за что для тебя не выбрала ничего серебряного и голубого — эти цвета были слишком бледными. Но в примерочной ты смотрелась просто восхитительно. Жду не дождусь, чтобы увидеть тебя... и себя, и Дону тоже. Это как раз то самое, что мне было нужно.

Я попыталась улыбнуться. Мне очень хотелось этой улыбки, потому что Эмма выглядела такой счастливой. Когда-то она бывала такой все время. Не то чтобы она все время визжала и прыгала от радости, но была довольна самой собой. Мы обе были такими. Раньше. А теперь вид у Эммы был... затравленный. И в том была моя вина. Хуже того: я не знала, как это исправить.

— Мне очень хочется, чтобы ты получила то, что тебе нужно, Эм. Это была не твоя битва. — Вот так я без всяких мостиков перескочила с вечерних платьев на нападение демона. Я понимала, что стоит говорить об этом мягче, но я не смогла сдержать серьезности и боли. Эти чувства вырвались из меня вместе со слезами, хлынувшими из глаз. — Это я виновата в том, что тебе приходится так страдать, и как же я себя за это ненавижу! Если бы я могла, я бы все исправила. Эйрена пыталась навредить мне. Ты просто угодила меж двух огней. Это несправедливо.

Я почувствовала, что у меня дрожит нижняя губа.

Эмма нахмурила брови, торопливо встала и при этом задела маленький столик, на котором стоял стакан с коктейлем. Стакан упал на пол и разбился, но никто из нас не испугался.

— О, Селия! Нет! Ты ни в чем не виновата! — Эмма пробежала несколько футов до моего шезлонга и обняла меня. Меня удивило то, как крепки ее объятия. — Ведь я согласилась работать у Эйрены. Я могла отказаться. Отец мне говорил, чтобы я отказалась, чтобы не уходила из университета. — Она отстранилась и положила руки мне на плечи. — Это не твоя вина. И все будет хорошо. Вот увидишь. Мне просто замечательно помогают в Берчвудз.

К счастью, с этим заявлением Эммы была согласна доктор Гвен. Мне, правда, пришлось истратить некоторое время для того, чтобы уговорить ее отпустить Эмму из клиники на выходные, но в итоге Гвен решила, что Эмме неплохо предоставить возможность позаниматься какими-то «нормальными делами». Обычно на протяжении первого месяца терапии пациентов из Берчвудз никуда не отпускают. Все должны носить серые спортивные костюмы, чтобы «сравняться» с остальными пациентами по социальному классу и статусу. В конце концов, алкоголик — он же глава семьи среднего класса, которому реабилитация предписана судом, не ровня в глазах заваленной деньгами модели с «алкогольной зависимостью». Но в Берчвудз к ним относятся одинаково... и они должны друг к другу одинаково относиться.

Берчвудз — элитарная и дорогая клиника. Результаты там достигаются за счет строгих стандартов и благодаря высочайшей квалификации персонала. Берчвудз — не только реабилитационный центр, и на самом деле Эмма находилась там не потому, что страдала

какой-то пагубной зависимостью. Ей нужно было оправиться от психической травмы, а кроме того, ее часто посещали священники, которые проводили необходимые ритуалы для очищения Эммы от демонической энергии и для того, чтобы прервать ее связь с демоном, пытавшимся завладеть ее душой.

Дона обняла нас обеих, и мы долго плакали, а потом рассмеялись. Дона стерла со щеки длинную струйку растаявшей туши.

— Ну теперь стилисты заработают кучу денег, пытаясь привести нас в божеский вид.

Я хрипловато рассмеялась и всхлипнула.

— Я-то точно отвалю немало. Пойдемте. Пусть нас сделают похожими на кинозвезд.

— Нет, до конца презентации фотографировать со вспышкой не разрешено. Простите.

Охранник-здоровяк у ворот, за которыми начиналась долгая извилистая тропинка, и вправду, похоже, сожалел об этом запрете. Бордово-красная ковровая дорожка и фонарики, развешанные вдоль изгибов тропинки, выглядели так красиво, что мне не терпелось попасть в зал.

— Хозяйки хотят, чтобы все было посвящено вину, а не гостям.

Наверное, в этом был смысл, но это было грустно. Мы выглядели чудесно. Бронзовый загар Доны и ее зеленое платье с искристыми блестками явно запали в душу охранника, а юная красота блондинки Эммы смотрелась еще более ярко за счет черного с золотом платья, облежавшего все изгибы ее фигуры. А я и вправду выглядела прекрасно в своем голубом с серебром платье. Оно имело вшитый бюстгальтер, за счет которого декольте выглядело просто потрясающе. Стилист удлинил пряди моих волос, нарастив их серебристо-белыми кончиками. Я думала, что это будет выглядеть дешево, а получилось потрясающе.

Дона уставилась на охранника большими карими глазами и захлопала ресницами, а охранник не мог отвести глаз от ее длинных ног. Дона поставила одну ногу так, чтобы обнажить еще больше кожи, и протянула охраннику свой билет.

— А вы не могли бы сфотографировать нас... здесь? Ведь так мы не нарушим никаких правил, верно? Нам просто хотелось бы иметь фотографию на память о том, как хорошо мы выглядели.

Я не додумалась захватить фотоаппарат, а Дона об этом не забыла. Ее пальцы, обтянутые перчаткой, вытащили крошечную цифровую камеру из сумочки, которая была ненамного больше фотоаппарата.

— Пожалуйста!

Рядом с нами никого не было, поэтому никто ничего не мог узнать. Представители прессы остались на четверть мили позади, где дожидались окончания презентации. Не знаю, какую магию использовали сестры-виноделы для того, чтобы сдерживать натиск репортеров, но те не могли подойти ближе *в буквальном смысле слова*. Мы даже заметили одного репортера, который пытался перескочить через магический барьер с помощью шеста для прыжков в высоту. Думаю, все, кто это видел, думали об одном и том же: «Ох, и больно же он навернулся».

Мы немного опоздали из-за того, что Эмми непременно нужно было сделать мелирование. Охранник, нахмутив брови, уставился на Дону и ее фотоаппарат. Дона склонила голову набок едва заметно, только для того, чтобы продемонстрировать свою дивную шею. Мы все победно улыбнулись, а охранник наконец обреченно вздохнул и протянул Доне мощную ручищу. Она радостно взвизгнула, подпрыгнула на месте, и мы быстро выстроились втроем под вывеской на воротах винодельческого поместья «Двойняшки». Охранник сделал два снимка и показал их нам на экране фотокамеры, после чего убрал ее в карман куртки.

— Сможете забрать *на обратном пути*. Я тут буду, пока все не уйдут. Но если я пропущу кого-то внутрь с фотиком, я потеряю работу, а я знаю, что вы этого не хотите.

Не только Дона умела читать настроение по выражению лица. Охранник стал так похож на грустного щенка, что у нас не осталось иного выбора, как только замурлыкать по-

матерински и потрепать его по щеке. А потом он достал рацию и сказал:

— Тут еще трое у меня. Заберите их, и запрем ворота, Дейв. Все приглашенные прибыли.

Ух ты, а мы и вправду опоздали. Вот это да. Но всего через минуту мы услышали урчание электромотора. Гольфмобиль, превращенный в подобие конной повозки (без лошади), подкатил к воротам. Охранник открыл их массивные серебряные створки и с поклоном пропустил нас. Я пошла к гольфмобилю и на миг ощутила сопротивление магического барьера. Это чувство было до странности знакомым, но почему — я не смогла понять. Через пару мгновений меня пропустили, но все время, пока я шла по дорожке, волоски у меня на руках стояли торчком.

— Ты замерзла? — спросила у меня Эмма, наклонившись ко мне, когда гольфмобиль повез нас по дорожке. — Ты все время руки потираешь.

— Просто у меня какое-то странное ощущение. У вас кожу не покалывало, когда вы миновали барьер?

Мои подружки переглянулись, пожали плечами и покачали головой.

— Нет. — Дона посмотрела на свою руку. — Вроде бы нет. Ощущение барьера было, но никакого покалывания. Может быть, у тебя просто вампирская реакция. Наверняка сегодня тут повышены меры безопасности.

Скорее всего, так оно и было. К счастью, я захватила с собой пару бутылочек с молочными коктейлями. Я нисколько не сомневалась, что шоколадный коктейль в сочетании с вином будет ужасен на вкус, поэтому взяла ванильные. Не самый мой любимый вкус, но с «шабли» ваниль должна была сочетаться лучше шоколада. Я поспешно выпила коктейль и бросила пустую баночку в маленькое, почти незаметное ведерко для мусора рядом с подножкой гольфмобиля.

Мы опоздали к началу сбора гостей, и, может быть, хорошо, что опоздали. Я даже не представляла себе, как много тут окажется моих клиентов. От кинозвезд до певцов и кое-кого из политиков — ну просто домашний круг. У очень многих глаза удивленно вспыхнули, когда я вошла. На презентацию вина телохранители не допускались, а это означало, что я — ах-ах! — *гостья!*

Дона тоже кое-кого узнала среди приглашенных — в основном это были ее прежние кавалеры. Она так успешно посещает великосветские тусовки, что, наверное, половина красавцев в Лос-Анджелесе считает ее богатой наследницей, и никому в голову не приходит, что она всего-навсего секретарша, еще не доучившаяся в университете. Правда, теперь она действительно стала богатой наследницей, так что все сходилось. Эмма, судя по ее разочарованному взгляду, не увидела ни одного знакомого лица.

Я взяла ее за руку и повела вперед. Когда она попыталась высвободиться, Дона догадалась, в чем дело, и сжала другую руку Эммы.

— Пойдем, Эм. Я знаю, с кем тебя нужно познакомить.

Я задумалась, кто на уме у Доны, и принялась обшаривать взглядом толпу. Заметив знакомое лицо, я улыбнулась, потому что Дона была права. Он был просто идеален. Эмма на миг заартачилась, но почти сразу увидела, как один из гостей сдвинул брови. Я склонила голову к подружке и прошептала:

— Не волнуйся. Мы не хотим тебя смущать, Эм. Просто дай нам шанс.

В университете Эмма посещала множество вечеринок. Она была хорошенькой и популярной. Рядом с ней я себя ощущала гадким утенком. Теперь все так разительно переменялось, что я испытывала странное чувство. Но мои слова достигли цели. Эмма выпрямилась, расправила плечи и одарила нахмурившегося мужчину улыбкой, достойной вернувшейся домой королевы. Мужчина коротко рассмеялся и вернулся взглядом к своей компании.

Нашей целью был красавец, стоявший в углу зала. Высокий, с экзотичной внешностью — в противоположность Эмме, американке до мозга костей. Я его охраняла по пути на церемонию вручения научных наград, а Дона пыталась назначить ему свидание, потому что

он ей очень приглянулся. Но она сдалась после единственного ужина, во время которого он говорил исключительно о расщеплении генов.

Ну, а я что сказала? Идеальный вариант!

— Ремир? Как поживаешь?

Как только Эмма поймала на себе взгляд прекрасных сапфировых глаз, она изумленно раскрыла рот. Я ее не винила. Впечатление было такое, будто кто-то вставил драгоценные камни в оправу из старинной медовой сосны. Роскошно.

Ремир сжал мою руку двумя руками.

— Селия Грейвз. Какой чудесный сюрприз. У меня здесь так немного знакомых. — Он сделал большие глаза. — Видимо, я провожу слишком много времени в лаборатории.

— Ремир, я хотела бы познакомить тебя с Эммой Лэндингэм. Думаю, у вас много общего.

Ремир повернул голову, посмотрел на Эмму и взглядом словно бы спросил: «Правда?»

Как я и ожидала, глаза Эммы сверкнули.

— Вы действительно Ремир Сандроу? Мне очень понравилась ваша статья в «*Scientific American*» в мае прошлого года. Неудивительно, что вас выдвинули на Нобелевскую премию.

Я никак не ожидала, что Эмма узнает Ремира в лицо, а ведь я могла бы догадаться. В каждой области есть свои рок-звезды, а Ремир определенно был такой звездой. Они с Эммой незамедлительно завели дискуссию о прокариотических клетках и ДНК, и через несколько секунд мы с Доной были забыты. Они даже не заметили, как мы ретировались.

Наше внимание привлек негромкий, но при этом звонкий звук хрустального колокольчика, и я повернулась, чтобы не встретиться взглядом еще с кем-то из знакомых. Мое сердце забилося чаще, и я мысленно воскликнула: «Ура!» Нет ничего лучше общения с людьми в неформальной обстановке для того, чтобы укрепить будущие рабочие отношения. Но мне хотелось добраться до вина. Дворецкий в ливрее, позвонивший в колокольчик, выглядел так, словно явился сюда напрямик из Букингемского дворца.

— Прошу вашего внимания, дамы и господа. Будьте так любезны, прошу вас пройти в соседний зал. Мы готовы начать презентацию.

Я улыбнулась Доне, и мы вместе с гомонящей толпой двинулись к соседнему помещению. Оглянувшись, я увидела, что Эмма и Ремир о чем-то увлеченно дискутируют, не замечая, что толпа в зале рассосалась. Позвать ее? А вдруг она на меня жутко разозлится за это? Похоже, Ремир полностью сосредоточился на Эмме. Я его охраняла почти целую неделю и ни разу не видела, чтобы он на кого-то так смотрел. А может быть, Эмма возненавидит себя, если пропустит дегустацию? Я спросила у Доны, стоит ли это делать.

Дона обернулась и охватила взглядом происходящее — руку Ремира, прикоснувшуюся к стене рядом с плечом Эммы, ее горящие глаза.

— Не надо. Она нас проклянет. Пусть им настроение испортит кто-нибудь другой.

Я спорить не стала и вошла в дегустационный зал, находившийся за украшенным драгоценными камнями занавесом. О! У стены возвышался небольшой подиум, на котором стоял стол, покрытый мерцающей золотистой тканью. Все моменты томительного ожидания были продуманы до мелочей, и я наслаждалась каждой секундой.

Погас верхний свет, и на сцену, освещенную софитом, вышли две женщины. Они выглядели зеркальными отражениями друг друга, но цвет волос у них был разный. Женщины улыбнулись гостям и взяли со стоек микрофоны. Светловолосая сестра произнесла:

— Дорогие гости, добро пожаловать в наш дом. — Она изящным мановением руки обвела зал. — Меня зовут Пэм.

Рыжеволосая женщина поднесла микрофон к губам.

— А меня — Сэм. И мы...

— Близняшки Дарби, — произнесли сестры в унисон, и все зааплодировали. Пэм опустила микрофон, а Сэм продолжала говорить:

— Вы были приглашены сегодня сюда, чтобы разделить с нами радость презентации вина, которое является первым в своем роде в мире. Вы станете первыми дегустаторами «Ведьминого зелья».

Что за?.. «Первым в своем роде»? Они вывели новый сорт винограда? В Калифорнии растет не так много сортов. Я услышала, как другие гости еле слышно задают друг другу тот же вопрос. У меня слегка кружилась голова от ароматов дорогих духов и одеколонов, наполнивших тесное помещение, но я не могла отвести взгляд от сестер.

Пэм продолжила представление:

— У нас с Сэм в роду многие владели магией. Наша мать — колдунья. Наш отец — маг. Энергия земли наполнила нашу жизнь, и нам хотелось поделиться с вами этим волшебством. Мы пытались найти способ поделиться тем, что мы умеем, с другими, и после долгих опытов и тестов мы обнаружили, что способны вносить магию в саму почву, на которой растет наш виноград... и что ягоды могут впитывать эту магию.

Шепот мгновенно прекратился.

— Прошу прощения? — Стройный мужчина с белоснежно-седыми волосами, стоявший в первом ряду, поднял руку. — Вы сказали, что в этом вине есть *магия*? — Он огляделся по сторонам. — Разве это легально?

Сэм весело, без напряжения рассмеялась.

— О, это вполне легально, и мы можем заверить вас в том, что за последние два года было проведено бесчисленное число всевозможных тестов и проверок на чистоту и безопасность. На каждой бутылке имеется печать Управления по охране окружающей среды и сертифицированная эмблема органического продукта, а также символы Управления по контролю за продуктами и лекарствами и Комиссии по надзору за магией. Вот почему мы так долго шли к презентации этого вина. Нам не хотелось рисковать ни аллергическими реакциями, ни какими бы то ни было другими проблемами.

Вот это да. Ничего себе. Волшебное вино. Я обменялась взглядом с Доной. Ей, как и мне, теперь явно еще сильнее захотелось отведать этого вина.

Микрофон снова взяла Пэм.

— А теперь нам хотелось бы представить вам того человека, который стоял за магией. Мы долго и упорно разыскивали того, кто воплощал бы тот дух, который мы хотели придать вину. Гордый, уверенный в себе, но при этом утонченно-мягкий. Он известен всему миру своим мастерством и силой, и мы просто вне себя от счастья из-за того, что он проделал с нами этот путь. Дамы и господа, встречайте... Джона Крида!

Будь у меня место для этого, я бы упала в обморок. Овация сотрясла стены зала. У меня загрохотало в ушах. Я резко обернулась, чтобы посмотреть на Дону, и ее хитрая ухмылка подсказала мне, откуда взялись наши билеты. Крид вышел на подиум, улыбнулся, помахал рукой и обнял близняшек поочередно. На нем был классический фрак и брюки с золотым поясом, что соответствовало убранству зала.

Не говоря уже о пламени, которое горело в его глазах. Ох...

Пэм протянула Криду микрофон, и он шагнул к столу. По его знаку Пэм и Сэм подняли золотистую ткань и подбросили ее вверх. Мановением руки, достойным любого уважающего себя иллюзиониста, Крид заставил покрывало исчезнуть.

Толпа гостей снова разразилась аплодисментами. Я тоже захлопала в ладоши.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь. Когда Крид повернулся лицом к гостям, он встретился со мной взглядом. В первый момент он смутился и раскрыл рот от удивления, но через пару секунд пришел в себя, снова улыбнулся и начал свою речь:

— Благодарю всех вас за то, что вы приехали к нам. Было на самом деле очень интересно сотрудничать с сестрами Дарби в этом предприятии. Как известно многим из вас, магам необходимо использовать свою энергию. Ее нужно на что-то тратить. Чем могущественнее маг, тем больше выброс энергии.

Об этом я знала, поскольку несколько лет жила рядом с Бруно. Мои ножи были из разряда этих самых «выбросов».

— Как многие другие практики, в прошлом я в основном занимался созданием необходимого для моего бизнеса оружия и продажей заколдованных дисков. — Крид развел руками, и его взгляд отразил нечто вроде искреннего блаженства. — Но здесь, на виноградниках, я обрел возможность возвращать энергию самой природе, которая дарит мне магию. Эта магия наполняет почву, лозу и грозди винограда. Малая часть магии, благодаря которой существует мир, находится повсюду, куда бы вы ни пошли. Прошу вас, подходите и угощайтесь. — Крид снова взмахнул рукой — и все увидели длинные столы по обеим сторонам зала. А я все гадала — почему все жмутся посередине, когда зал не так уж мал. — Мы надеемся, что вы получите от этого вина такое же наслаждение, как те, кто отведал его до вас. — Крид подмигнул гостям и прошептал в микрофон: — Я имею в виду тех, кто дал нам золотые медали в Европе.

Меня окружил взволнованный ропот, и я поняла, что Криду удалось еще больше наэлектризовать атмосферу. Он ни разу ни словом не обмолвился об этом при мне за все время, что мы были знакомы. Мне стало очень интересно, что он причастен к такому тонкому делу, как изготовление вина. Мне нравится, когда у моих знакомых открываются неожиданные таланты.

Я попыталась подойти поближе к подиуму, но толпа гостей ринулась к столам, и меня увлекли в сторону одного из них. Я могла бы применить свою сверхъестественную силу и протолкаться к подиуму, но оно того не стоило. Я не сомневалась в том, что через десять минут Крид еще будет здесь. Поэтому я позволила, чтобы меня подтолкнули к бокалу «шабли». Дона оказалась у противоположного стола, где подали «бургундское».

Два года ожидания, два года чтения отрывочных новостей, поиска хоть каких-то новых сведений в Интернете — и вот наконец мечта сбылась. Я подняла бокал и глубоко вдохнула носом и ртом. Сначала вкус коснулся моего языка — ваниль, шоколад и едва заметный клубничный тон. Но носом я уловила розы и апельсины. Как удивительно.

Бокал словно бы самой собой накренился, и нежная прохладная влага наполнила мой рот. Вкус разлился по языку, и он был наполнен всеми ароматами, которые я успела почувствовать, но к ним добавился привкус дыни канталупы и свежего белого винограда.

И тут я услышала, как женщина рядом со мной, держащая бокал этого самого вина, говорит:

— Вишни с древесным полутонком. Вино крепче, чем я ожидала. Оно более вяжущее, но это идеально. Обычно мне белые вина не нравятся.

Я уставилась на свой бокал, сдвинув брови. Мы пили одно и то же вино? Я прикоснулась к плечу женщины, и она обернулась. Она не уставилась на мои клыки — значит, я их удачно спрятала.

— Простите, я случайно подслушала, но в моем вине я уловила вкус шоколада и клубники. — Я подняла бокал. — Может быть, поменяемся? Просто интересно — может быть, у нас разные варианты вина?

Изящно подкрашенные брови женщины чуть-чуть приподнялись.

— Интересно. Я люблю клубнику. Хорошо.

Мы обменялись бокалами, и я повернула бокал к себе тем краешком, на котором не было отпечатка помады. Женщина вздернула брови. Я тоже.

— Все равно — вкус вишен и дерева.

— Нет, клубники и шоколада.

Остальные гости тоже принялись обмениваться бокалами. Довольно скоро все были обескуражены.

А потом на фоне всеобщего гомона мы расслышали голос Крида, и все повернулись к его горящим золотистым глазам.

— И вот теперь вы узнали, что особенного в «Ведьмином зелье». Оно не похоже ни на какое другое вино, потому что оно уникально для каждого, кто его пьет. Каждый почувствует свой любимый вкус. Больше никогда вам не удастся подать к столу плохое вино. Пино «нуар» будет хорошо к креветкам и стейку. А «шабли»? Великолепно — к

палтусу и гамбургерам. Всегда к месту... точно так же, как магия.

С этими словами Крид щелкнул пальцами, и они с сестрами исчезли. Гостям хотелось аплодировать, но это трудно, когда держишь бокал. Ограничились тем, что постучали по стеклу бокала кончиками ногтей.

Через пару мгновений сестры торжественно вошли в дегустационный зал через дальние двери, проем которых заполнился дождем блесток и огоньков. Они улыбнулись и разошлись в разные стороны по залу, чтобы приветствовать гостей. Как мне ни хотелось поговорить с ними об искусстве виноделия, я мечтала обсудить это с Кридом. Как ему удалось присовокупить магию к виноделию? Сама я колдовать не умела, но поговорить об этом любила. Бруно зачаровал меня разговорами о технике применения заклинаний.

А еще... ну да, мне хотелось поблагодарить Крида за билеты.

Но я его не видела. Я обводила взглядом море оживленно беседующих людей, но на глаза мне никак не попадались знакомые золотистые кудряшки. Наконец мне удалось подняться на подиум, и я снова окинула взглядом толпу. Но народ успел рассосаться по разным комнатам. Скорее всего, я просто упустила Крида. Я нашла взглядом Эмму и Ремира. Они чокнулись бокалами с красным вином. Дона проталкивалась через толпу к звезде латиноамериканских мыльных сериалов Фернандо Гомесу.

— Мисс? Могу я вам чем-то помочь?

Я обернулась и увидела молодого человека с наушником и клипбордом. Я поняла, что выгляжу довольно глупо, стоя на сцене.

— Простите. Я ищу Джона Крида. Он мой... — А кстати, кто он мне? Сотрудник? Друг? Коллега? Всего понемногу — но при этом не то, не другое и не третье. Но, черт побери, какая разница? — Друг, — выпалила я. — Вы его видели?

Молодой человек, глядя на меня с интересом, покачал темноволосой головой.

— Голубушка, сегодня все тут — друзья мистера Крида. Его на кусочки рвут. Но всех его друзей я знаю, а вас — пока нет.

«Ага. Меня решили поставить на место».

— Меня зовут Селия Грейвз.

Распорядитель вытаращил глаза и раззявил рот. Он смерил меня взглядом с головы до ног и откровенно поискал взглядом клыки.

— О боже! *Вы* — Селия? Вот это да. Он вас описывал не так... Гм-м-м... Скажем так: в моем представлении вы должны выглядеть более обычно, а не как модель.

Я решила, что когда вечером приду в спа-салон, непременно отвалю стилисту и визажистке по сто баксов за их работу. То, как глазел на меня этот малый, того стоило.

Впервые за несколько недель я почувствовала нечто вроде радости.

— Ну, так вы его видели?

Распорядитель опустил брови и задумался.

— Знаете, я его не видел с того момента, как в зал вошли сестры Дарби. Он должен быть где-то здесь.

Я направилась к ступеням. Молодой человек поспешил подать мне руку. Я воспользовалась его помощью, поскольку около лестницы перил не было, а шагать по ступеням на трехдюймовых шпильках было не очень-то удобно. Как только я ступила на пушистый восточный ковер, молодой человек постучал по дужке наушника и произнес:

— Джон? Ты меня слышишь?

Я стояла рядом, но, видимо, распорядитель не дождался ответа. Он пожал плечами.

— Извините. Он не отвечает. — Он протянул мне руку. — Между прочим, меня зовут Эндрю. Я личный помощник Джона. Я работаю в «Миллер и Крид» еще со студенческих времен. Джон — потрясающий практик. Я многому у него учусь.

Я пожала руку Эндрю. Рукопожатие у него было хорошее — не слишком крепкое, но при этом я ощутила характерное покалывание. Передо мной стоял маг, но ему, правда, было далеко до Крида и Бруно. Возможно, он имел четвертый уровень.

— Приятно познакомиться. Я, пожалуй, похожу тут и, надеюсь, где-нибудь его разыщу.

Эндрю вздохнул.

— Я знаю, он бы хотел вас увидеть. — Неожиданно он щелкнул пальцами и хлопнул себя по лбу. — Кажется, я знаю, где он. Наверняка повел кого-нибудь, чтобы показать грот.

— Грот? Что за грот?

Эндрю открыл чистую страничку на клипборде, взял из-за уха ручку и начал рисовать.

— О, вы должны его увидеть! Именно там происходит вся магия. Там потрясающе красиво. Вот, держите. Следуйте по этой карте, не заблудитесь.

На листке бумаги, который протянул мне Эндрю, я увидела помеченный крестиком кружок, который, судя по всему, обозначал то место, где мы находились сейчас. Карта была так себе. От кружка тянулась извилистая синяя линия к еще одному крестику.

— Далеко? — спросила я, опустив голову и глянув на свои туфли на шпильках, с тоненькими ремешками. — Эти ботинки не для прогулок,¹⁹ Эндрю.

Эндрю положил руку мне на плечо. Я вздернула брови и опустила подбородок. Я не люблю, когда ко мне прикасаются. Эндрю мгновенно отстранился.

— Простите. Я забылся, да? Джон мне говорит, что в нашем деле важнее всего *дистанция*. Я должен научиться работать, не прикасаясь к людям. Отвечаю на ваш вопрос: нет, это недалеко. Примерно ярдов сто отсюда. Просто идите по дорожке направо, вниз. Дорожка ровная, мощеная. Там вы тоже можете попробовать новые вина. Кругом бумажные фонарики, красота невероятная.

Что ж, погода была прекрасная, а моя подружки были при деле. Какого черта?

— Хорошо, спасибо.

Я взяла у Эндрю листок с картой, прошла через зал и похлопала Дону по плечу.

— Скоро вернусь.

Она кивнула и вернулась к беседе со своим новым фаворитом.

Эндрю был прав. Дорога оказалась недолгой, и к гроту вела единственная тропинка. Японские фонарики, развешанные по сторонам дорожки, освещали виноградные лозы, подвязанные к невысоким шпалерам, и это выглядело очень изысканно. Но как только фонарики закончились, закончилась и мощеная дорожка — так, словно здесь полагалось остановиться. Но впереди был виден мерцающий свет, и казалось, словно он озаряет вход в пещеру.

О. Вот оно что. Грот. Пещера.

Света, лившегося от входа в грот, было достаточно. Земля под ногами была сухой и хорошо утоптанной, так что идти было нетрудно. Приближаясь к гроту, я начала слышать доносящиеся изнутри негромкие голоса, поэтому я постаралась ступать тише — не хотелось помешать. Я думала, что в пещере окажется прохладнее, чем снаружи, а оказалось теплее. Я спустилась по крутому склону, ощущая легкое прикосновение магии. Вот почему звуки были приглушенными — работала магия. Как только я оказалась внутри, я услышала единственный голос, и он зазвучал громче, но слов я разобрать не могла.

Стены и потолок покрывали цветущие лианы, и там, где ожидала увидеть темный камень, передо мной предстали вспышки цвета. Я ощутила удивительный аромат — нежный и сладкий, но не приторный. Несмотря на то что я не выделяла запаха конкретных цветов, вместе они источали аромат, какой бывает в саду в самый теплый весенний день.

— Эй, — негромко проговорила я.

Никто мне не ответил.

Но почти сразу я заметила впереди более яркий свет и услышала ревущий звук. Казалось, где-то в далекой комнате наполняют ванну. Воздух стал более влажным, прохладным и сильнее насытился магией. Сочетание, ощущений и ароматов было просто

---

¹⁹ Перефразированная строчка из песни Ли Хэзлвуда «Эти ботинки — для прогулок» («These Boots are Made for Walking»), наиболее известной в исполнении Нэнси Синатры.

поразительным. Я вошла в главный зал грота. Потолок здесь был таким высоким, что я не смогла его разглядеть, а водопад, звук которого донесся до меня, низвергался с высоты трехэтажного дома. Меня так зачаровало это зрелище, что я не заметила, что в самом центре пещеры, в середине круга, очерченного белой краской, на коленях стоит человек в балахоне с капюшоном.

О черт. Он произносил заклинание. Как не вовремя я пришла.

А ведь я могла сразу все понять по свечам, расставленным по сторонам света, и непонятным словам. Сколько раз за годы жизни с Бруно я слышала, как он бормотал заветы на неведомых языках. Я замерла на месте, вспомнив строгий наказ Бруно: *«Никогда не прерывай заклинателя. Ничего не говори, неходи в круг и не пугайся ничего из того, что увидишь»*. Насчет последнего Бруно не шутил. Мне случалось видеть, как из колдовского круга поднимаются вверх самые настоящие могучие смерчи. Я видела демонов, закованных в цепи и выхватываемых изнутри людей, которыми они завладели. Демоны изрыгали уйму всякой гадости и адской лавы, но маг в итоге их изгонял.

Я посмотрела по сторонам и увидела скамью, вырезанную в каменной стене рядом с массивным корнем белого дуба, крону которого я заметила еще с дороги, когда мы приехали к поместью. Я могла посидеть тихо, и к тому же мне было очень любопытно понаблюдать за мастерством Крида. Я видела его могущество во время боевой схватки. Я знала, что он умеет действовать не просто умело, но и тонко. Но увидеть заклинателя в работе — это означало заглянуть в душу мага.

Это было не просто серьезно. Мое волнение не поддавалось описанию.

Я уподобилась церковной мыши, неподалеку от которой находилась голодная кошка. Я бесшумно села на скамью и замерла. Руки Крида начали двигаться. Он словно бы сжал перед грудью невидимый волейбольный мяч. Я разглядела его щеку и нос под капюшоном. Чары стали мощнее, голос Крида зазвучал громче. Над его ладонями возник наполненный энергией ком. Ком не имел ни формы, ни цвета. Он представлял собой нечто наподобие средоточия перемещения воздуха, марева, поднимающегося от раскаленного асфальта.

Крид поднял руки, и крошечные свечки подняли свое пламя так высоко, что его языки достигли высоты плеч Крида.

— *Removie il parse... et parse... et natur!*

Сгусток энергии ожил. Из кожи Крида начала выделяться магическая энергия, она переливалась через его голову, и наконец, энергетический шар стал больше школьного глобуса, а очень скоро — больше автомобиля.

А когда Крид резко распрямил руки и протянул их вперед, у меня напряглись все мышцы до одной.

— *Dispersei!*

По приказу Крида энергия рванулась вперед и заполнила круг целиком. Было такое впечатление, что круг вот-вот взорвется. Свечи наклонились, языки пламени принялись лизать края энергетического сгустка, и в итоге он превратился в огненный шар. Я немного испугалась — вдруг он все-таки взорвется, и встала, чтобы в случае чего успеть спастись бегством.

И шар таки взорвался.

Силой энергетической волны с головы Крида сорвало капюшон, а его глаза стали похожими на звезды-близнецы, слишком большие для его лица. От круга начали распространяться концентрические кольца магической энергии. Эти волны понеслись ко мне со скоростью и мощностью цунами.

Я поняла, что убежать не успею.

Глава 15

Нельзя мешать заклинателю? Вот как? Ну уж нет!

— Черт! Кри-и-и-ид!

Я попятилась к выходу из пещеры, но навстречу мне рванулся выброс энергии, и я помчалась со всех ног.

Только тогда Крид поднял голову, увидел меня и снова воздел руки.

— Dispersei!

В это слово он вложил и страх, и силу. Обернувшись, я увидела, как из его глаз вырвался ослепительный белый свет, но его лучи мчались не слишком быстро и далеко не улетели.

Удар магической энергии угодил мне прямо в грудь, и я упала на колени. Я ощутила прикосновение ледящего холода, но при этом он словно обжег мою кожу. В это мгновение все мышцы моего тела ожили, и я встретилась взглядом с Кридом. Между нами образовалась связь. Магия Крида сковала меня по рукам и ногам, и я замерла, словно муха в янтаре. Я видела пещеру и Крида, но словно бы сквозь пелену золотого света. Я покрылась пупырышками «гусиной кожи». Казалось, вставшие торчком волоски хотят вылезти из меня.

А потом холод и жар превратились в теплую волну... чего-то такого, от чего я ощутила сладостную боль внизу живота. Мне показалось, что кожа у меня набухает. Дыхание стало неглубоким и частым. Ничего более эротичного я ни разу в жизни не испытывала. И скорее всего, такое же ощущение охватило Крида. Он блаженно застонал и зажмурился. Энергетическая волна отхлынула от меня, и я смогла дышать ровнее. А потом волна вернулась, и вновь я испытала эротическое блаженство. Мы с Кридом оказались в замкнутом кругу. Мы перебрасывались сексуальным ощущением, словно мячиком. И чем сильнее ударяла по мне магическая энергия, тем скорее она ко мне возвращалась, а потом не осталось ничего, кроме жара и света и чувства, что к моей коже и груди прикасаются тысячи пальцев, что они проникают внутрь меня. Это была пытка и радость одновременно.

Наконец напряжение стало невыносимым, и мое тело больше не смогло терпеть. Я повалилась на бок, испытала мощнейший оргазм, и с моих губ сорвался крик. Да, я давно не была с мужчиной, но тем не менее ничего подобного я никогда не испытывала. Мою кожу словно прошибало током с головы до ног. Я поняла, что с Кридом произошло то же самое. Он не вскрикнул, а застонал — я уже слышала раньше и этот негромкий стон, и произнесенное шепотом ругательство. Ощущение у Крида было никак не слабее моего.

Магия таяла медленно. После нее оставалось удовлетворение и полное изнеможение. Я не сразу вспомнила о том, что нужно нормально дышать, а когда открыла глаза, увидела рядом со своей ногой две босых ступни.

Черт...

— Селия?

Я подняла голову. Глаза Крида выглядели нормально. Он слегка покраснел.

— Все нормально?

— Кажется, да. — У меня запыхало лицо, я отвела взгляд. Встать с пола, будучи в коротком платье и туфлях на высоченных шпильках, было трудно, поэтому я ухватила за протянутую руку Крида. — А что это было только что?

Крид ответил с ноткой юмора:

— Тебе стоило бы научиться стучаться, прежде чем входить.

Я посмотрела на него. Едва заметная улыбка тронула его губы.

— Двери не было.

— Ах да, — кивнул Крид.

Я все еще держала его за руку. Я попыталась высвободить пальцы, но Крид меня не отпустил, а другой рукой приподнял мой подбородок. Я старалась не краснеть и уставилась на длинную полоску обнаженной груди, исчезающую под мягким белым балахоном заклинателя. Невозможно было отрешиться от мускусного аромата, наполнившего воздух.

— Крид...

Я осознавала, что прервала произносимое им заклятие, но понятия не имела, каков мог быть его результат. А то, что случилось только что, было слишком... личным, слишком интимным. И честно говоря, ощущение было более чем приятное.

Крид прижал палец к моим губам.

— Не думай лишнего, Селия. Пусть будет, что будет.

Я едва различала его голос за шумом водопада. Наконец я посмотрела ему в глаза. Это было ошибкой. Он притянул меня к себе, и я ему это позволила. Когда его губы слились с моими, я утонула в его объятиях, и мои руки сами заскользили вдоль его тела.

Первый поцелуй должен быть мягким, робким — словно только лишь намек на вкус всего, что может произойти потом. А этот поцелуй стал таким, какие бывают после занятий любовью. В нем была нежность, сохраняющаяся тогда, когда тело еще горит от удовольствия. Крид прижал меня к себе еще крепче, и я позволила ему опытные, неторопливые ласки, в которых было больше обладания, нежели изучения. Моему телу хотелось того, что мое сознание не в силах было охватить. Мои руки начали повторять движения Крида. Я словно бы закладывала себя в память мышц его тела. Я запоминала, какие прикосновения вызывают у него довольные звуки. Его язык без страха прикоснулся к моим клыкам.

Мне было невероятно хорошо. Я расслабилась и прижалась к Криду. Мышцы размякли, голова закружилась.

Это было неправильно. По целому ряду причин. Но я не могла остановиться.

Крид наконец прервал поцелуй и нежно прижал губы к моему лбу. Взъерошив мои волосы, он прижался щекой к моей щеке.

— Ты пугаешь меня, Селия Грейвз.

Я судорожно рассмеялась и расслабила руки, обхватившие мускулистую спину Крида. Мне хотелось зарыться в теплую силу, которой пульсировала его кожа, и это испугало меня.

— Ты меня тоже.

Тогда Крид отпустил меня и отвернулся так резко, что я едва удержалась на ногах.

— По коридору налево есть ванная комната. Если хочешь, пойди туда первой, а я пока уберу свои инструменты.

Ванная? В пещере? Но я была более чем рада хотя бы ненадолго уйти из грота. Закрыв за собой дверь ванной, я включила свет. Ванная оказалась самой обычной. Здесь даже стояла ванна с душевой стойкой. «Если уж магия сотворила пещеру, — подумала я, — почему бы заодно не ванную?» Может быть, тут даже кухня имелась?

Зеркало над раковиной открыло мне правду. Я выглядела великолепно. Проклятье. Последствия хорошего секса скрыть трудно. Этому могло помочь только время, а от прозорливых подруг вроде Эммы и Доны я не смогу этого скрыть еще целую неделю.

Я хорошенько умылась, а когда обернулась в поисках полотенца, на глаза мне попала вешалка, на которой висел фрак, в котором Крид был на презентации. Значит, под балахоном он был *голый*? О черт. Да, я знала, что маги так делают — «чтобы быть как можно ближе к природе», да и его босые ноги я видела. Я снова почувствовала, что краснею. Ну, может быть, все же нижнее белье на нем было. Оставалось на это надеяться.

Негромкий стук в дверь вызвал у меня испуганный вскрик.

— Ты там закончила? Мне надо бы одеться.

— Прости. Да. Я закончила.

Я отперла и открыла дверь, решительно опустив глаза и пытаясь проскользнуть мимо Крида.

Он устало вздохнул и загородил мне путь рукой.

— Селия, пожалуйста, посмотри на меня.

Я смотрела в упор на вампиров, наемных убийц и даже демонов. А теперь мне было страшно взглянуть в глаза магу-красавцу только потому, что он мне нравился чуть больше, чем следовало? Я заставила себя расслабить плечи и поднять голову.

Взгляд Крида сказал мне о том, что наши с ним отношения резко изменились, как бы сильно мне ни хотелось вернуться обратно. Понимание этого отразилось на лице Крида. Мы вдруг увидели друг друга. Я чувствовала его руку совсем рядом со своей талией, и мне не хотелось, чтобы он убирал руку. Если мне чего-то и хотелось, так это того, чтобы он меня

обнял. С одной стороны, возникло некое новое напряжение, которого не было тогда, когда я в последний раз виделась с Кридом, но, с другой стороны, никакого напряжения не было. Все казалось естественным и нормальным. В голосе Крида, когда он со мной заговорил, смешались уверенность и тревога:

— Не обязательно заходить дальше, понимаешь? Мы можем вернуться к тому, как все было раньше.

Я сдавленно рассмеялась.

— Я тебя умоляю. Ты все прекрасно понимаешь, Крид. Мы все время будем гадать, нам все время будет хотеться узнать, было ли это самым лучшим или просто намеком на нечто большее.

Он улыбнулся. Легко, не натужно. Такую улыбку я видела у него в самый первый раз, когда мы только познакомились. Эта улыбка делала его реальным, достижимым и откровенно... таким, с которым можно встречаться. И не было в этом ничего хорошего, если учесть, что дома у бабушки меня ждал роскошный букет роз.

— Вряд ли я сумею добиться большего. Ты понятия не имеешь, какие были ощущения.

О, я очень даже имела понятие. Я поспешно чмокнула Крида в щеку и убрала его руку с дверного косяка.

— Одевайся. Увидимся на вечеринке.

— Я бы попросил тебя задержаться. Побудь здесь несколько минут, осмотри грот. Я включил свет. Это одно из лучших моих творений. Кто знает — может быть, ты больше никогда здесь не окажешься. Я быстро. Обещаю.

Я была готова вежливо отказаться, но непроизвольно кивнула. Только после десятка шагов моя походка стала уверенной. Но когда я вернулась в большой зал пещеры, колени у меня снова подкосились — но по другой причине. Это было... потрясающе. «Включенный свет» оказался миниатюрным солнцем, расположенным высоко под сводами. К счастью, это был просто мощный светильник, и он не мог обжечь мою кожу.

Крид создал рай — тропический дождевой лес посреди виноградника. На ветвях деревьев, которые некогда были всего-навсего их корнями, щебетали и перекликались птицы. Пахло свежей травой, эвкалиптом и цветами.

— Тебе нравится? — послышался голос Крида позади меня, совсем рядом. Значит, он подошел ко мне, пока я, широко раскрыв глаза, любовалась всей этой красотой.

Крид успел снова облачиться во фракную пару, и пахло от него исключительно хорошим одеколоном. Если бы сейчас в грот вошла экскурсия, люди вряд ли бы заметили что-то необычное.

Я улыбнулась и кивнула, глядя на проносящихся над моей головой воробьев.

— Роскошно. А пещера тут вообще была, когда ты приступил к делу?

— Изначально тут протекал ручей. Раньше здесь вообще ничего не сажали и почву не обрабатывали. Вот почему эту землю не приобрело ни одно из крупных винодельческих хозяйств. Я понял: если идея сестер сработает, то мне нужно насытить почву магией снизу, из-под земли. Теперь бывший ручеек стал водопадом, и часть воды из подземного озера перекачивается по трубам в цистерны для полива виноградников, а другая часть поддерживает растительность в гроте.

В голосе Крида зазвучала вполне оправданная гордость.

— У тебя все прекрасно получилось. Никогда не видела ничего подобного.

Крид широко улыбнулся.

— Пожалуй, нам стоит вернуться. Помощник разозлится, если я задержусь.

Мы повернулись и пошли к выходу. Наши каблуки негромко постукивали по каменному полу, и эти звуки были едва слышны на фоне других.

— Эндрю? Так ведь это он и послал меня сюда. Сказал, что ты проводишь тут экскурсию.

Крид испустил звук, похожий на удивленное мычание.

— Вот не знаю: то ли дать ему хорошего пинка... то ли повысить в должности. Он

чертовски хорошо знал, что я не провожу никаких экскурсий в гроте. А также он прекрасно знал, чем я здесь на самом деле занимаюсь.

— И чем же? Какому заклятию я помешала?

— Это было не заклятие. Это был ритуал очищения. — Видимо, Крид заметил мои нахмуренные брови, потому что когда мы шли по сумрачному туннелю к выходу, он добавил: — Как бы это ни выглядело со стороны, я не слишком хорошо справляюсь со своей ролью на публике. Вот почему лицом компании всегда был Джордж Миллер. А у меня жуткая боязнь сцены.

Это удивило меня.

— Ты выглядел там совершенно естественно. Уверенный, обаятельный. Правда.

Крид прикоснулся к моей пояснице, чтобы помочь мне взойти по крутой тропе, выводящей из пещеры. От руки Крида исходило приятное покалывание, и мне пришлось употребить кое-какие усилия для того, чтобы не отвлечься от разговора.

— Спасибо, но это все актерство. Я этого добиваюсь с помощью ритуала очищения. Первый раз я провел его как раз перед тем, как выйти на сцену. С помощью ритуала я избавляюсь от всех негативных эмоций — страха, раздражения, агрессии, и я могу действовать и выглядеть спокойно. Уже несколько месяцев я растворяю эти чувства в почве, поэтому работники винодельческого хозяйства даже не догадываются о том, каким чудищем я был после того, как погиб Джордж. Растениям все равно, какая энергия их питает — отрицательная или положительная. Так телу безразлично, что поступает в него: сахар или мед и даже фрукты или овощи. Все распадается абсолютно одинаково.

— И сразу же после того, как ты выступил, тебе потребовался новый ритуал очищения? Вот это да. Значит, у тебя действительно есть боязнь сцены.

Крид рассмеялся — негромко и нервно, но в этом смехе я почувствовала удовлетворение, и из-за этого у меня мурашки по коже побежали.

— На самом деле этот конкретный ритуал предназначался для эмоций другого сорта. Я увидел тебя в этом платье и вдруг утратил всякую способность ясно мыслить. Я тебе уже сказал, что ты потрясающе выглядишь?

Гм-м-м... О. Хорошо, что нас окутывала темнота. Я покраснела и не хотела, чтобы Крид это заметил.

— Моя речь должна была продолжаться еще минут пять. К счастью, я заранее предупредил Пэм и Сэм о том, что могу сорваться, если нервишки сдадут. И они сделали так, что все выглядело естественно.

— Стало быть, ты избавлялся от...

Крид договорил за меня:

— Похоти. Да. И когда предмет, на который направлена конкретная эмоция, входит в круг... ну, словом, результат ты видела сама. Хорошо еще, что это был не гнев. Тогда мы сровняли бы грот с лицом земли.

— Но я не *входила* в круг. Я старалась вести себя как можно более осторожно.

Мы подошли к главному зданию поместья, и Крид открыл для меня дверь.

— *Грот* представляет собой круг. Малый круг — это всего-навсего «яблочко», потому что мне неохота каждый раз ходить по всему залу и всюду зажигать свечи.

О, вот оно что.

— Прошу прощения.

На лицо Крида упал свет, и я увидела, что он улыбается.

— Не извиняйся. Эффект получился... куда более приятным.

Я не знала, что сказать, поэтому легонько шлепнула Крида по бицепсу. Мы вошли в дом, ожидая увидеть вечеринку в полном разгаре. Ведь нас не было всего минут пятнадцать. Но у главного входа царила полная тишина, а из соседнего зала доносились крики и завывание сирен. Мы с Кридом в страхе бросились к дегустационному залу.

Люди сгрудились перед плоским телевизором. Они смотрели выпуск новостей. Камера показала дальним планом место взрыва, и на экране возникло лицо репортера.

— Разрушения колоссальные, Чет. От стен периметра не осталось ничего, разрушены и две внутренние стены. Уже подтверждены сведения о пятерых погибших среди объединенных сил полиции и спецназа ФБР, но власти полагают, что число жертв увеличится, как только отряды проникнут внутрь.

При словах об «объединенных силах полиции и спецназа ФБР» у меня мерзко засосало под ложечкой. Я вцепилась в руку Крида. У меня по спине поползли ледяные щупальца страха. Новостной эпизод вернулся к началу сюжета. Камера показала серьезную женщину в желтом пиджаке.

— Для тех, кто только что к нам подключился: произошла серия взрывов на окраине Санта-Мария де Луна, в психиатрической больнице штата Калифорния для лечения заключенных, наделенных паранормальными способностями. Есть сообщения о том, что оттуда сбежали вампиры и оборотни. Местным жителям рекомендовано запереть двери домов и квартир и перейти в помещения без окон. Губернатор задействовал все бригады «Скорой медицинской помощи», магов седьмого уровня и выше и всех держателей карт «П и К». Всем свободным священникам-воинам предписано явиться в свои монастыри для получения инструкций. Для служащих Национальной гвардии и полицейских отменены отпуска и больничные. Телеканал «Новости-Двенадцать» располагает эксклюзивными видеозаписями взрывов благодаря нашему репортеру, который сопровождал местную полицию на место происшествия. Боб, мы снова на связи с тобой. Что ты можешь нам рассказать?

Крид начал отстраняться от меня.

— Мне нужно идти. Оставайся здесь и будь осторожна.

Он торопливо поцеловал меня в губы. Я заметила, как Дона многозначительно вздернула брови, но тут же вернулась взглядом к экрану.

Я пошла за Кридом и схватила его за руку.

— Куда ты должен идти? Что случилось?

— У меня карта «П и К». Если я немедленно отсюда не уберусь, я могу лишиться лицензии практикующего мага.

А я даже не имела понятия о том, что это такое — карта «П и К». Видимо, Крид прочел это по моему лицу.

— Маги шестого уровня и выше, желающие получать доход от магии, обязаны регистрироваться в государственных органах. Точно так же, как парамедики в случае чрезвычайных ситуаций от нас требуют «помощи и контроля». «П и К». У меня восьмой уровень, и я близок к девятому. Поэтому я должен идти.

— Я пойду с тобой.

Крид вздохнул и опустил голову.

— Нет, не пойдешь. У тебя нет такой карты, зато у тебя есть клыки. У хороших ребят клыков не бывает. А там будет слишком много сердитых копов.

Все, что он говорил, было правдой.

— А я все равно пойду. С тобой или за тобой. Помимо всего прочего, скажи: ты действительно готов ехать в своем «Феррари» на место происшествия? Мы можем поехать на арендованной тачке. Я даже дополнительную страховку купила.

Крид поманил меня пальцем и отвернулся.

— Пошли со мной.

Я зашагала в ногу с Кридом чуть позади него, и мы вышли на воздух. Ночь была тихая и прохладная. Тут было так красиво, что мне ужасно не хотелось уезжать. Между тем выброс адреналина подсказывал, что, с другой стороны, мне не терпится уехать. Вот такой я странный человек.

— Ты знаешь, что я права.

— Нет, — с негромким смешком отозвался Крид, — я знаю, что ты просто слишком упряма и отговаривать тебя бесполезно. Мы не можем воспользоваться твоей арендованной тачкой, потому что у моей машины — специальные номера. Я имею право превышать

скорость и запросить для себя эскорт. Но ты права: мне совсем не хочется оставлять там свою машину — мало ли что с ней может случиться. Поэтому ты поедешь со мной, а потом перегонишь машину сюда. А как только с кризисом разберутся, я смогу вернуться с полицией.

Если Крид и понимал, как мала вероятность того, что я все сделаю согласно его плану, у него хватило ума не сказать об этом вслух.

— Позволь, я по пути захвачу свои вещи. Эти туфли меня просто убивают.

Приземистый красный спортивный автомобиль Крида стоял в гараже рядом с главным зданием, где разместилось немало личного транспорта. Я подождала, пока Крид выедет из гаража задним ходом, и села в машину. Нам предстояло очень срочное дело, но я не могла не оценить роскошь и мощь «Феррари». Крид завел двигатель и, постукивая пальцами по рулю, проверил количество бензина в баке.

— Напомни мне, чтобы я заправился, когда мы будем ближе к цели.

Я кивнула. Крид включил зажигание.

Но прежде чем он успел нажать на газ, открылась дверь главного здания, и оттуда выбежали Дона и Эмма.

— Куда это вы собрались? — в панике выкрикнула Дона — наверняка она сама догадалась, куда мы направлялись.

Я опустила стекло в дверце и пожала плечами.

— Куда же еще? В самую пасть катастрофы, как обычно.

Эмма схватила меня за руку.

— Тебе туда нельзя, Селия! Ты не досмотрела сюжет до конца. Это не просто место происшествия. В результате взрыва образовалась брешь между мирами. И через этот прорыв в наш мир проникают мелкие бесы.

Крид скрипнул зубами и прищурился.

— Если так, то мне лучше поспешить. Выходи, Селия. К чертям машину. Будь что будет.

Я повернула голову к Криду и прикоснулась к его напряженно подрагивающей руке.

— Джон. В данный момент с моими ножами и моей силой я могу дать мелким бесам более чем достойный отпор.

Крид долго смотрел на меня. Я услышала, как он скрипнул зубами. Мгновение, когда он почувствовал, что в моих словах есть истина, я определила по тому, как его мышцы едва заметно расслабились. Я осторожно отодвинула от себя руку Эммы и протянула ей запасные ключи от взятой нами напрокат машины. Понятия не имею, почему на брелоке было два ключа, но я проверяла: оба прекрасно отпирали дверцу и включали зажигание.

— Здесь, на курорте, тебе бояться нечего. Позвони Уоррену и убедись в том, что они снабдили клетки Кевина и Эмми усиленными системами безопасности. Если кем-то из них двоих все еще способен завладеть демон, они в опасности.

Дона бережно отвела Эмму от машины. Глаза у нее были испуганные, но она решительно кивнула.

— Поезжай. Делай, что должна делать, и постарайся вернуться целой и невредимой.

Я заметила слово «постарайся». Только это любой из нас и мог делать. Я бросила взгляд на Эмму, лицо которой было искажено страхом, и мы с Кридом под оглушительный рев мотора умчались в ночную тьму. Сейчас я ничем не могла помочь Эмме. Оставалось только надеяться, что если она все еще не одержима, значит, демоны до нее не добрались. Пока. Теперь все зависело от того, удастся ли локализовать демонов в окрестностях тюрьмы и залатать прореху между мирами.

В рекордное время мы поравнялись с арендованной машиной, стоявшей за главными воротами, и я открыла багажник, где лежало мое оружие и одежда. Я попыталась придумать, как бы переодеться, не выходя за рамки приличий, но вдруг вспомнила, что не стоит так уж миндальничать. Крид видел меня почти обнаженной на палубе яхты во время сражения с демоном средней руки. Я повернулась спиной к «Феррари» и стащила платье через голову,

чувствуя на себе взгляд Крида. Я видела его лицо в зеркальце заднего вида. В его взгляде было больше тревоги, чем желания. Это было и хорошо и плохо. Значит, я не зря боялась. Все изменилось. Между нами возникло нечто большее, чем просто влечение, и я не знала, как с этим быть.

Когда я вернулась к машине Крида, полностью вооруженная и одетая в джинсы, черный свитер, носки и кроссовки, он стоял на коленях на сиденье и рылся в багажнике. Как только я скользнула на пассажирское сиденье, Крид сел и бросил мне на колени маленькую коробочку в подарочной упаковке.

— С Рождеством.

Он купил мне рождественский подарок? До того, что только что произошло? Ну и ну. Если мы уцелеем, придется мне походить по магазинам.

— Спасибо. Вернемся — положу под елочку.

Крид покачал головой и включил первую скорость. Под колесами машины зашелестел гравий, вскоре мы выехали на шоссе, и «Феррари» рванул вперёд.

— Открой сейчас. Они тебе могут понадобиться.

Они? Ну ладно. Любопытство взяло верх. Я распаковала подарок еще до того, как Крид перешел на четвертую скорость. В маленькой шкатулке, на подкладке из тонкой шелковой ткани, лежали пять керамических дисков. По краю в глине были выдавлены крошечные буковки «ПОП». Ух ты. Оружие. Угодил так угодил.

— Что это такое?

— Ты же хотела получить диски, которые вызывали бы общий паралич всего тела. Вот они. Владей. Только имей в виду: заклятие получилось невероятно сложным, поэтому не трать их попусту. Это не просто обездвиживающие чары. Это действительно *полный общий паралич*. Если через день-другой заклятие не снять, человек может погибнуть от жажды.

— А диски с освобождающим заклятием имеются?

Крид поджал губы и покачал головой. Я поежилась.

— Нет, поэтому будь с этими дисками осторожна. На адекватное контрзаклятие у меня не было времени.

Вот как. Немного сложнее, чем я думала.

— Спасибо, Джон. Правда, спасибо.

Крид негромко рыкнул. Крутой парень дал мне понять, что благодарить его не следовало.

— Какой твой любимый цвет? — спросила я.

Крид сдвинул брови. Мы вылетели на федеральную трассу.

— Зеленый. А что?

— Ничего. Просто так.

Но он все понял. В конце концов, он телепат. И хотя он ничего не сказал, я заметила, как сверкнули его зубы в свете, исходящем от приборной панели.

— Жаль, что у нас нет «мухи». Могли бы хоть что-то узнать о том, что происходит в этой психушке.

Крид указал большим пальцем назад.

— Она там. Но у меня пока что не было время исправить те недочеты, о которых ты говорила.

Я отстегнула ремень безопасности в самое неподходящее время — в этот момент Крид резко крутанул руль, чтобы обогнать медленно едущую машину, и я чуть было не упала к нему на колени. Я выставила руку, чтобы опереться, и уткнулась лицом в грудь Крида. Он, не говоря ни слова, смахнул мои волосы со своего лица. Если бы мы так не торопились, я бы решила, что он сделал этот трюк намеренно.

Я немного порылась в вещах, сваленных в багажнике (в том числе там было немало оберток от шоколадных батончиков), и нащупала знакомую шкатулочку со сканером. Мне понравилось то, что Крид не помешан на здоровом питании. Трудновато ужинать с тем, кто всегда критикует меню. А вот задача с приобретением подарка сразу упростилась.

— Нашла.

— Только не коробку конфет. Пожалуйста. Это будет выглядеть дико.

Я изумленно вздернула брови и застегнула ремень безопасности.

— А знаешь, влезать в чужие мысли невежливо.

Крид постучал пальцем по виску и пожал плечами.

— Понимаешь, это не выключишь, как радио. Мне приходится очень стараться, чтобы *не слышать* чужие мысли. А когда я в стрессе, это еще сложнее.

С этим было трудно спорить. Я вспомнила, что у Айви было куда больше трудностей с призраками и зомби, когда она злилась или чего-то боялась.

— Тогда, может быть, ты хотя бы не будешь комментировать то, что услышал?

— Постараюсь. Порой просто с языка слетает.

Видимо, лучшего от него я вряд ли могла добиться.

— Кстати, а что сказано в отчете насчет того, что у «мухи» не работало?

Крид скосил глаза на меня и подозрительно прищурился.

— Тебя послушать, так вроде не ты сама этот отчет писала.

Я покачала головой и открыла шкатулку. Миниатюрный сканер выглядел совершенно обычно, но почему-то мне расхотелось им пользоваться.

— Не я. Ты когда-нибудь слышал о «Фирме»? Они гонятся за паранормальными «крепкими орешками».

— Сложно пробыть столько лет в моем бизнесе и ни разу о них не слышать. Хочешь сказать, что они сцапали мою «муху»? — невесело осведомился Крид. — Дерьмово. Прости-прощай, мой патент.

Ой-ой-ой. Вот об этом я даже не подумала.

— Прости, пожалуйста. На задании со мной был человек из «Фирмы». Он себя называет Джоном Джонсом.

Крид резко и хрипло выдохнул. Я поняла, что Джонса он знает даже слишком хорошо.

— О да. Джонса я знаю. Какой меч он занес над твоей головой, что ты согласилась ему помогать? Как правило, один меч всегда имеется, а то и два. Плавали, знаем.

— Мой друг Кевин Лэндингом попал в беду. Но следует отдать Джонсу должное. Мы все остались целы и более или менее невредимы — благодаря ему. К тому же он кое-кого нанял, чтобы из моего плеча вынули пулю. Я машинально прикоснулась к плечу. Я до сих пор удивлялась тому, что рана так быстро зажила. Боли совсем не было.

Я думала, что Крид недовольно рыкнет на меня, но он наклонился, сжал мою руку и с искренней заботой произнес:

— Постарайся сегодня не угодить под пулю, ладно? Ты просто невероятно везучая, но это не может продолжаться вечно.

Он мог бы мне об этом и не говорить. Я сама прекрасно понимала, что беда ходит за мной по пятам, но все же думать об этом так не хотелось.

— Пожалуйста, расскажи мне, что за отчет ты получил.

Можно сказать, что я почти не разглядела полицейскую машину, сверкнувшую фарами и уступившую дорогу «Феррари». Такое происходит, пожалуй, только в видеоиграх. Но наконец мы увидели во всей красе ярко-оранжевое зарево, от которого меня мутило за много миль. Путь, который обычно занимает семь с лишним часов езды по федеральной трассе, которую местные жители обычно именуют «пятеркой», отнял у нас всего четыре с половиной часа. Ничего себе. Просто находиться в этой машине — это уже было чудо само по себе. Если верить Криду, то номера на его машине магическим образом светились зеленым светом, когда он действовал согласно предписаниям карты «П и К». Видя позади странный свет, водители, как я понимала, непроизвольно перестраиваются и дают машине Крида дорогу. А спроси, почему они так поступили, — никто не скажет.

Крид остановил «Феррари» около машины дорожного патруля. Патрульный руководил движением на месте происшествия. Крид посмотрел на меня.

— Отговорить тебя не получится, да?

Я уже отстегивала ремень безопасности.

— Пф-ф-ф-ф! А ты сам как думаешь?

Патрульный полицейский направил на нас луч фонарика. Крид опустил окошко и сверкнул зеленой карточкой.

— Кто здесь главный маг? — спросил Крид таким тоном, словно ему не раз случалось задавать этот вопрос.

Я предпочла промолчать.

— Особый агент Томас Бранч, сэр. Поезжайте по главной огороженной дороге и сверните налево. — Он направил на меня фонарик, а я старательно накрыла клыки верхней губой. — А ваша карточка где?

Крид произнес:

— Она со мн...

— Детектив Хетер Александра просила меня приехать. — Я показала свое государственное удостоверение, старательно прикрыв пальцем слово «телохранитель». Карточка была очень похожа на те, которые выдают полицейским консультантам-фрилансерам. Я уже несколько раз в жизни проделывала этот трюк, и если патрульного еще никогда таким способом не обманывали, тем лучше для меня. — Где она?

Крид не произнес ни слова. Я заметила, какого труда ему стоит не улыбнуться.

— По главному проходу, второй поворот направо, мэм.

Офицер убрал фонарик, а я положила удостоверение в нагрудный карман. Я понимала, что этот фокус мне придется проделать еще несколько раз, прежде чем я доберусь до Алекс — если вообще смогу ее найти. Мне действительно хотелось поговорить с ней и узнать, что, черт побери, тут стряслось.

Потому что тут воцарился сущий ад. Когда мы вышли из машины, истинный масштаб ситуации предстал перед нами с ужасающей ясностью. За истовыми латинскими песнопениями священников почти не было слышно рычания и жутких воплей, от которых с меня готова была слезть кожа. Из-под земли доносился приглушенный рокот — как перед землетрясением, но только было намного страшнее. Спазм сковал мои мышцы. Я попыталась пошевелиться, но не смогла. Крид взял меня за руку и повел вперед. Сделав несколько шагов, я вдруг почувствовала себя лучше.

— Это был наружный магический барьер, чтобы отгонять зевак. Ты как, выдержишь? Может быть, ты хочешь вернуться в машину? И уехать? Не бойся, я не стану думать о тебе хуже.

Я уже разжала губы, чтобы ответить, когда вдруг услышала голос слева от меня.

— Селия? Ради всего святого, что ты здесь делаешь?

Мы с Кридом обернулись и увидели отца Маттео де Лука. Младший брат Бруно размашисто шагал в нашу сторону.

— Рад видеть вас, святой отец, — проговорил Крид и протянул руку.

Матти рассеянно пожал его руку, не спуская глаз с меня.

— Мне потребовалось пять часов, чтобы очистить твою душу от бесовского мрака, Селия Грейвз. И такова твоя благодарность? Ты опять готова броситься туда, где бесчинствует зло?

Если Маттео рассчитывал на то, что меня охватят угрызения совести... но он знал меня достаточно давно, чтобы так думать.

— Если я не ошибаюсь, потребовалось четыре часа, чтобы очистить *вашу* душу после укуса одной вампириши, святой отец. Однако же вы здесь.

Крид с трудом удерживался от улыбки.

— Очень хотелось бы узнать, — сказал он, — кто победит в этом перетягивании каната, но мне пора.

Не успел Крид пройти и двух футов, как чуть было не налетел на Бруно. О нет. Я могла сражаться с вампирами, я могла биться с демонами, но мне совсем не хотелось стоять перед

священником в компании с Кридом и Бруно.

Мой бывший жених просиял, увидев меня, и бросился ко мне бегом. Чуть не сбив меня с ног, он заключил меня в объятия. Его запах и та энергия, которая потекла по моей коже, — это было так хорошо, так правильно. Он был так же хорош собой, как всегда. От его близости мое сердце забилося чаще.

— Слава богу, ты жива, Селия! Я чуть с ума не сошел. Ты не звонила, дома никого.

Он побывал у меня дома? В то время, когда я нежилась на курорте и... развлекалась на дегустации? Я не удержалась и через плечо Бруно бросила взгляд на спокойного и серьезного Джона Криада, стоявшего скрестив руки на широкой груди. Он следил за каждым моим движением. Неужели я должна была выбрать между ними здесь и сейчас?

Нет. Сначала — главное.

— Цветы были превосходны, Бруно. Правда. Их принесли как раз перед тем, как я уехала из города.

— Ты уезжала? По работе?

Бруно пытался выудить у меня правду, но я ему ничем не была обязана и не собиралась смущаться и что-то скрывать.

— Нет. Я была на спа-курорте в долине Напа с Доной и Эммой. Я преподнесла им предрождественский подарок.

В это мгновение воздух разорвал жуткий, нечеловеческий по своей ярости и боли вой. Бруно резко отпустил меня, и я пошатнулась и чуть не упала. Матти обернулся, и все мы увидели, как из-под земли вырвался язык пламени и взлетел почти на сто футов вверх. Нас обдало волной жара такой силы, что удивительно, как у меня не загорелись волосы. Я оттолкнула Бруно.

— Делай свое дело, а я займусь своим. Потом поговорим.

Бруно коротко кивнул и так крепко прижался губами к моим губам, что у меня по спине мурашки побежали. Он взял меня под руку, и мы пошли по огороженному полицейскими турникетами проходу.

Джон сделал шаг в сторону. Совсем небольшой шаг. Я удивилась и испугалась, когда он обхватил меня за талию и отвел от Бруно. От страстного поцелуя Джона к мурашкам добавилась дрожь. Он вложил мне в руку брелок с ключами от своей машины.

— Будь осторожна. Если понадобится — смывайся.

Он не посмотрел ни на Бруно, ни на Матти.

Просто ушел решительной пружинистой походкой и быстро затерялся в толпе чародеев и волшебниц.

Матти вздернул брови. Бруно практически лишился дара речи и побледнел. Его шок был так велик, что я, взяв с места в карьер, промчалась мимо него ко второму повороту направо, где рассчитывала найти Алекс. Сейчас мне крайне необходим был рядом вооруженный полицейский. На бегу я сунула ключи от машины в задний карман джинсов.

В море черных курток, подсвеченном мигающими красными фарами и адским пламенем, было не так уж трудно разыскать невысокую светловолосую женщину в форме нашей местной полиции.

— Алекс! — прокричала я, но она не услышала меня — шум стоял ужасный.

Я протолкалась через толпу офицеров полиции и детективов, которых мне случалось встречать на улицах города, и поравнялась с Алекс в тот самый миг, когда она нырнула под желтую оградительную ленту. Земля под ногами так нагрелась, что мне казалось, что подошвы моих кроссовок того и гляди расплавятся. Я потянула Алекс за рукав, и она обернулась.

— Господи, Грейвз. Наконец ты здесь, черт побери.

Слава богу. Как мне не хотелось, чтобы она встретила меня словами: *«Кто-нибудь, уведите ее отсюда»*.

Алекс на удивление сильна при ее внешней хрупкости. Схватив меня под руку, она оттащила меня в сторону. Только тогда, когда мы с ней оказались в машине с запертыми

дверцами и поднятыми стеклами, она снова заговорила со мной, опустив голову на руль.

— Я понятия не имела, что все обернется таким ужасом. Наверное, эти твари знали, что мы явимся сюда. Они дождались момента, когда мы расставили всех людей по периметру забора. Тогда они взорвали здание с помощью автомобильных бомб с другой стороны забора. В новостях сообщают, что мы потеряли пятерых. Я так думаю, истинная цифра ближе к пятидесяти. А потом открылся разлом и... помоги нам бог, Селия. Я понятия не имею, как мы сумеем закрыть эту дыру.

— Какие меры вы уже попытались принять? — спросила я.

Безусловно, я вряд ли могла предложить что-то лучше того, что предлагали эксперты, но — попытка не пытка.

Алекс оторвалась от руля и устало покачала головой.

— Священники-воины взяли здание больницы в кольцо и проводят координированные ритуалы изгнания бесов. Маги работают засучив рукава, чтобы выработать заклятие, с помощью которого можно будет мгновенно воздвигнуть защитную стену вокруг бреши между мирами. По крайней мере, тогда демоны окажутся внутри этой стены. Несколько злых духов уже успели проникнуть в наш мир через щели во временном барьере, но снайперы, вооруженные пистолетами с посеребренными пулями, начиненными святой водой, не пропускают никого за второй периметр. Если только, конечно, сами могут уцелеть и не погибнуть от перегрева.

О боже. Пожалуй, к этому я не могла добавить ничего полезного. Здесь уже собралось столько магов и волшебниц, сколько я никогда в жизни в одном месте сразу не видела.

— Как насчет беглых? Известно хотя бы приблизительно, скольким удалось скрыться?

Алекс поморщилась.

— Точно пока не известно. А может быть, мы этого никогда не узнаем из-за взрыва и выброса лавы. Похоже, теперь все будет как одиннадцатого сентября, когда эксперты пытались идентифицировать фрагменты тел по анализу ДНК.

В окошко с той стороны, где сидела Алекс, постучали. Мужчина в форме ФБР, которого я узнала в лицо, знаком велел Алекс открыть окошко. Она потянулась к ручке и начала опускать стекло. Проблема была в том, что я была знакома только с одним ФБРовцем — Риццоли, и это был не он. Это был один из тюремных надзирателей, и почему он меня не узнал — не знаю. А может быть, узнал и собрался докопаться до меня через Алекс. Полицейская машина должна была быть магически обработана, чтобы никто — в том числе и этот тип — не мог проникнуть внутрь. Но если Алекс откроет окошко...

— Алекс! Ложись!

Я схватила Алекс за волосы, рванула вниз, к сиденью, в тот самый миг, когда надзиратель через окошко влез в машину. Я выхватила один из своих ножей и, накрыв собой Алекс, вонзила нож в живот надзирателя. Он закричал. Многие услышали этот крик. С десяток человек бросились к машине. Но было уже слишком поздно. Будь он обычным человеком, он бы рухнул на землю с жуткой раной в животе... но с такой раной медики из неотложки справились бы. А я бы отправилась за решетку.

Но все вышло иначе. Полицейский, бежавший первым, расставил руки в стороны, чтобы остановить своих товарищей, когда увидел, что из раны в животе «надзирателя» вырываются языки пламени и сжигают его заживо. Очень скоро ветер унес прочь почти все, что осталось от этого существа, — обрывки черного нейлона.

Я сползла с Алекс. Она села и выпрямилась. Из носа у нее потекла кровь, и она утерла ее тыльной стороной ладони. Она не посмотрела на меня, не поблагодарила и вышла из машины.

— Дэвис, — распорядилась она, — ступай, найди кого-нибудь из священников. Я хочу, чтобы все присутствующие прошли испытание святой водой. Барнс, убери тут все, пока никто не заразился. С этого момента пусть все надевают полную магическую броню. Среди нас есть пришлые. Ла Фуэнте, разыщи главного представителя ФБР на месте происшествия. Пусть придет сюда и посмотрит, пока мы тут не прибрали. — Она посмотрела на меня и

вздохнула: — Грейвз... а ты иди, куда собиралась идти. Я даже знать не хочу, как ты это сделала.

— У меня нужных документов нет, — сказала я, выйдя из машины, и положила руки на капот. — Меня отсюда вышвырнут. Мне нужно держаться рядом с тобой. Ты меня хотя бы знаешь.

— И я знаю. Там, где вы, — жди беды.

Я улыбнулась, услышав знакомый голос. Следом за мужчиной, которого Алекс назвала Ла Фуэнте, к нам приближался Риццоли. Он легко перешагнул через кучку дымящегося праха и, перегнувшись через капот, протянул мне пластиковую карточку.

— Прицепите этот бейджик и приступайте к поиску плохих ребят. У вас есть таланты, которых мы лишены. Примените их.

Я посмотрела на бейджик, который он мне принес. С одной стороны на карточке стояла печать ФБР. На другой под пластиковым ламинатом я с изумлением увидела: *Селия Грейвз, специальный консультант.*

— Как круто! — воскликнула я и прикрепила бейджик к нагрудному карману рубашки, точно не зная, какая сторона карточки должна быть сверху. — Спасибо, Риццоли.

— Нет, — очень серьезно ответил он. — Это вам спасибо. Один капитан в бухте Смоллмаут очень нас благодарил за то, что мы появились там прошлой ночью.

У меня челюсть отвисла. Я напрочь забыла о проблемах Марии с наркодилером.

— Вы его взяли?

Риццоли зловеще усмехнулся.

— С поличным. Теперь он долго пробудет за решеткой. Судья решил, что он может скрыться от следствия. Никакого залога.

Блеск!

— Риццоли, вы лучший. За это вас и назначили командующим на месте происшествия? Этот вопрос Риццоли, похоже, не слишком понравился. Он нахмурил лоб.

— Это решилось прямо здесь. Я заменяю двух ребят, которые были выше меня по званию. Их разорвало на куски. И вот теперь я стал везунчиком на линии огня.

Ох.

— Простите. Я могу чем-то помочь?

— Да. Можете. — Риццоли отошел в сторону, чтобы пропустить бригаду в костюмах противохимической защиты с мешком для трупа. — Более странных контактов, чем у вас, я никогда не встречал. Позвоните им. Выясните, почему это происходит. Как заделать брешь, я знать не хочу. Здесь тысяча человек, способных это сделать. Я хочу знать, почему все произошло здесь — в этом месте, в это время. С этой тюремной больницей еще никогда не было проблем. После пятилетнего изучения отчетов территория получила одобрительный акт от Комиссии по надзору за психиатрическими лечебницами. Я хочу знать, не случится ли нечто подобное на следующей неделе где-то еще после того, как мы тут заделаем дыру между мирами.

Риццоли мыслил на редкость предусмотрительно — что называется, на опережение. Я была польщена тем, что с такой просьбой он обратился ко мне. Правда, о том же самом он мог попросить еще девятьсот девяносто девять человек, но все равно было приятно.

— Договорились. Хотите, чтобы я приступила к делу прямо сейчас? Потому что тогда мне придется уехать.

Я сама не знала, хочу я этого или нет. Здесь находились люди, которые мне были безразличны. Алекс и Риццоли, Матти, Бруно и Джон.

Стоп. С каких пор я начала называть его *Джоном*? Я попыталась вспомнить и поняла, сразу после того, что произошло в гроте. Неудивительно, что я по-дурацки улыбалась в машине. Черт побери. И это в то время, когда где-то совсем рядом шастали демоны и вампиры с оборотнями. Таились в тени, могли напасть на любого полицейского, отошедшего в сторонку, чтобы помочиться.

Риццоли рассеянно кивнул. Бригада людей в костюмах противохимической защиты,

пользуясь обычными с виду метелкой и совком, собрали с земли все, что осталось от одержимого бесом надзирателя, аккуратно ссыпали в черный мешок и застегнули «молнию».

— Побудьте пока здесь. Оставайтесь с теми, кто будет проводить испытания святой водой. Любой, кто не пройдет проверку, поступит к вам.

— То есть вы поручаете мне... убивать людей?

— Нет, — без тени юмора ответил Риццоли. — Я вам поручаю не выпускать демонов за пределы оцепленной зоны. Если вам известен какой-то способ, как это лучше сделать — при том, что здесь уже собраны все священники Южной Калифорнии, то я открыт для предложений.

Я прикоснулась к карману куртки и нащупала керамические диски.

— Ну... если таких людей будет не больше пяти, решение у меня есть.

Я обошла вокруг машины и шепотом рассказала Риццоли о зачатых дисках, изготовленных Джоном.

Проклятье. Никаким не Джоном. Кридом. *Кридом*.

— Мне нравится, — кивнул Риццоли. — Устройте им испытание. Можно будет потом изолировать этих типов и не дать им убежать до прибытия священника.

В этот момент в воздухе вдруг раздался негромкий гул. Звук был легкий, невесомый, очень похожий на пение детского хора, которое я слышала, когда говорила по телефону с мистером Мерфи. Звук привлек общее внимание. Все дружно повернулись в ту сторону, откуда он донесся. В небо, словно луч маяка, устремился голубоватый свет. Довольно скоро сноп этого света стал выше изливавшегося из недр земли фонтана раскаленной лавы. Воздух сразу охладился, и я наконец смогла сделать глубокий вдох, от которого мои легкие не вскипели. Все взволнованно ждали. Наконец светящийся круг начал по краю загигать вниз. Некоторые демоны умеют летать, поэтому «крышка» не могла быть ровной. Она должна была накрыть и запечатать дыру в пространстве.

— Поднажмите, ребята, — вырвалось у меня. Я обратила эти слова к тем двум магам, которых знала, и еще к сотням незнакомых, чтобы они постарались изо всех сил.

Мало-помалу голубой щит начал накрывать собой невидимый цилиндр магического барьера. Несколько злых духов бросились на стену и отлетели от нее, после чего мгновенно растаяли. Замечательно. Видимо, кто-то добавил к заклинаниям магов пару-тройку слов молитвы.

Гул утих. Все дружно выдохнули. Горели фары машин. Мерзкие вопли начали постепенно затихать, и вот наконец вспыхнул ослепительный свет, и тюремная больница оказалась под магическим колпаком.

Округа огласилась радостными криками, но я услышала и два крика боли. Женщина-офицер, стоявшая всего в нескольких футах от меня, вдруг начала сквернословить, упала на землю и стала биться, словно в приступе эпилепсии. Все расступились. Не менее ста человек выхватили пистолеты. Я не стала раздумывать. Вытащив из кармана один из парализующих керамических дисков, я размахнулась и бросила его. Диск попал в женщину, взорвался, и она буквально окаменела — как будто я облила ее жидким азотом. Риццоли протянул руку, и я положила на его ладонь еще два диска. Он со всех ног бросился туда, откуда еще доносились дикие вопли, и мгновение спустя все стихло. Я никак не ожидала, что демоны поднимут такой крик, будучи отрезанными от своих сородичей. Век живи, век учись.

— Откуда у вас такие штуки? Сколько стоят? — возбужденно спросил молодой коп, озадаченно и восхищенно глядя на парализованную бывшую сотрудницу.

— Найди мага по имени Джон Крид. Он где-то здесь. Он тебе расскажет. — Как только полицейский убежал, я повернула голову и крикнула: — Эй, Алекс! Иди сюда.

Алекс посмотрела на меня, жестом попросила замолчать человека, который с ней разговаривал, и подошла ко мне.

— В чем дело?

— Ты могла бы узнать у священников, нормально ли это, чтобы демоны кричали и метались, когда они отделены от себе подобных? Если это так, то по крайней мере будет

довольно легко выследить беглых, одержимых бесом.

Алекс в задумчивости выпятила нижнюю губу.

— Будет довольно хлопотно, но, конечно, я могу позвонить диспетчеру ближайшей службы 911, чтобы они проверили, не обращался ли кто-нибудь с подобными симптомами. А может быть, стоит и с больницами связаться. — Алекс помолчала и кивнула: — А знаешь, это может сработать.

Алекс резко развернулась, пробормотала что-то неразборчивое, вернулась к своей команде и начала быстро произносить инструкции. Я нашла двух полицейских и попросила их поднять с земли окаменевшую одержимую женщину. Они понесли ее, я пошла рядом с ними в поисках священника. Первым на моем пути попался Матти. Я объяснила ему ситуацию и рассказала, каким образом была парализована одержимая. На Матти мой рассказ о заклятом диске произвел большое впечатление. Он порылся в своей сумке.

— Не знаю, сумею ли я изгнать беса из парализованного тела. Никогда не пробовал делать такого. Если получится, будет просто замечательно. Каждый монастырь в мире с радостью купит такие диски. Но боюсь, что демон может оказаться таким же парализованным, как и тело одержимого.

— А если ты попробуешь изгнать беса, ей будет больно?

Женщина с виду была как женщина, ничего жуткого. Я заметила, что многие копы были в ужасе от того, что им приходится целиться в нее. Матти достал из сумки стихарь и надел на грудь большой серебряный крест.

— Не должно. Но на всякий случай нам следует подготовиться. А кто заклинал эти диски? Бруно много лет пытался этого добиться, но ему так и не удалось. — Маттео посмотрел на меня, а я вздрогнула и опустила глаза. Маттео вздохнул. — Что ж, было бы лучше, если бы ты нашла этого заклинателя. Мне может потребоваться его помощь, чтобы снять паралич во время ритуала и быстро начертать магический круг.

Я уже зашагала прочь, но вдруг услышала, как Маттео кашлянул и окликнул меня:

— Селия!

Я обернулась. Маттео указал в другую сторону:

— Лучше ступай вон туда. Иначе первым делом наткнешься на моего брата.

Я последовала совету Маттео и пошла в указанном им направлении. Считайте меня трусихой, если вам так хочется. Еще неделю назад мне было бы все равно. Но у меня до сих пор слегка сосало под ложечкой, и мне никому не хотелось ничего объяснять. Я обошла голубой периметр почти целиком, и путь получился неблизким, потому что тюрьма вместе с больницей занимала немалую территорию. Как бы то ни было, это дало мне возможность оценить масштабы бедствия и увидеть разлом. Даже не знаю, как описать то, что предстало перед моим взором. Небо над пораженным участком местности почернело — но не совсем. На нем были видны низко нависшие звезды и переливающаяся радуга, больше похожая на северное сияние. И это выглядело одинаково со всех сторон, что было очень странно. Может быть, физик смог бы это как-то объяснить, а я не могла. Я так сосредоточилась на странном зрелище, что чуть не налетела на Крида. Он сидел на песке и пил воду из бутылки. Вид у него был совершенно изможденный.

— Ох. Ну и видок у тебя.

Крид поднял голову и вымученно улыбнулся. Свет в его глазах совсем погас. Они стали совершенно обычными, светло-карими. Если бы я его не знала и кто-то сказал бы мне, что он — маг, я бы не поверила.

— Спасибо. А самочувствие еще хуже того.

Он залпом допил воду. У меня для него кое-что было. Для таких вот срочных случаев я держу несколько штук в карманах своего «грузового» жилета. Я протянула Криду батончики «Херши». Он радостно улыбнулся и взял у меня шоколадку.

— Вода и шоколад. Ужин для чемпионов.

Он даже смог негромко рассмеяться.

Я не стала говорить ему о том, что в последнее время запасаясь молочными

коктейлями. Последний из них я допила не так давно. Я решила, что здесь не время и не место сходить с ума от вампирского голода.

Я легонько поддела ногой лодыжку Крида.

— Ну, пошли, чемпион. Мне нужно, чтобы ты снял с одной дамочки паралич. Все диски сработали отлично, но Матти не знает, сумеет ли провести обряд изгнания беса у магически парализованного человека.

Крид рухнул на спину, раскинул руки в стороны и принялся пережевывать шоколадку. Доев ее, он ругнулся:

— Черт. Честно говоря, даже не знаю, хватит ли у меня сил на это, Сел. Правда. Я как выжатый лимон.

Он впервые назвал меня каким-то уменьшительным именем. Получилось мило и ласково. Мне понравилось.

— А кто-то другой может снять это заклятие или только ты? У нас там еще пара человек есть парализованных твоими дисками.

Крид закрыл глаза. Я подумала, что он заснул. Я долго смотрела на лежащего на спине и ровно дышавшего Крида, но вот наконец он открыл глаза и с трудом приподнялся и сел.

— Ладно. Похоже, никуда мне не деться. Думаю, снять парализующее заклятие смогу только я. Я так привык все делать сам, что мне и в голову не пришло добавить слова насчет того, что снять заклятие может и другой маг.

Я протянула Криду руку, и он за нее ухватился. Ему явно нелегко было подняться. Только со второй попытки он встал и сохранил равновесие. И похоже, он не притворялся.

— Ты вложил немало своих сил в этот «колпак», да?

— Угу. Больше, чем следовало. Но нам очень трудно было закрыть прореху.

Я пошла медленнее, чтобы не обгонять Крида. А он буквально еле волочил ноги. Вряд ли он смог бы пройти весь тот путь, который проделала я. Нет. Надо было максимально сократить дорогу. А значит, нам предстояло наткнуться на Бруно.

Что ж, надо было вести себя по-взрослому. Я ведь не спала с Джоном — в буквальном смысле слова. У нас не было свиданий, но если на то пошло, так ведь это Бруно *меня бросил*, а не я его.

Однако Бруно нам не встретился до тех пор, пока мы не подошли к Маттео. Мой бывший бормотал какие-то заковыристые слова. Парализованная полисменка оторвалась от земли и переместилась в центр начертанного магического круга, оставшись, однако, скованной по рукам и ногам. Джон шагнул вперед и вежливо отстранил Бруно.

— Послушай. Позволь мне. А ты подготовь круг.

После этого Джон начал делать руками в воздухе сложные движения, сделавшие бы своим изяществом честь пианисту или художнику. По мере того как он произносил слова заклинания, потускневшие глаза женщины наконец просветлели.

Бруно тоже совершал руками пассы и произносил слова, но это были другие слова и другие движения. Его жесты были полностью выверенными и по-военному четкими, и это тоже выглядело по-своему элегантно. Как только тело женщины расслабилось, она вскочила и начала кричать. Но вычерченный Бруно круг не выпустил ее. Матти начал произносить слова молитвы по-латыни. Женщина умолкла.

Джон сделал глубокий вдох и прикоснулся к плечу Бруно. Мой бывший жених ответил ему гневным взглядом, но Крид этого словно бы не заметил.

— Думаю, нам надо сделать то же самое с еще тремя одержимыми, — сказал он, — и тогда мы сможем отправиться по домам и немного отдохнуть. Не сомневаюсь, завтра мы снова понадобится здесь для подзарядки барьера. — Затем он посмотрел на меня спокойно, даже небрежно, но то, что он сказал, было рассчитано до последнего слова. Меня это слегка разозлило, но, с другой стороны, Бруно это заслужил. — Сел, поезжай, отведи машину в Напа. А я подыщу себе тут какой-нибудь мотель на пару дней. Ключи у тебя, да?

Я кивнула — без особой радости. В сложившейся ситуации победителей быть не могло и, скорее всего, следовало поступить так, как посоветовал Крид. Между тем мне не хотелось,

чтобы у Бруно сложилось ложное впечатление.

— Хорошо. Я отведу машину на спа-курорт. В конце концов, там мои вещи и мои подруги. Сможешь забрать свой «Феррари» там. Не сомневаюсь, Дона и Эмма сходят с ума и гадают, что со мной стряслось.

Мой ответ немного улучшил настроение Бруно, а Крид слегка помрачнел.

От идеального компромисса все всегда несчастны.

Включая меня.

Глава 16

— Ты шутишь, что ли? — выкрикнула Дона.

Мой рассказ заставил обеих моих подруг широко раскрыть рот. Дона первой обрела дар речи.

Я перекрестила сердце.

— Богом клянусь.

Было три часа утра, и адреналин у меня начал потихоньку выветриваться. В минуты больших потрясений меня всегда подташнивает, и раньше чуть ли не единственным средством от этого для меня был апельсиновый шербет. К счастью, в баре нашего отеля этот десерт имелся, и мне его согласились подать в такой неурочный час. Что лучше того: шербет на вкус оказался в точности таким, каким помнился мне в детстве. Я и раньше давала шербету немного подтаять во рту, прежде чем глотать, поэтому он стал еще одним из немногих блюд, которые я могла себе позволить. Ура.

Я проглотила еще одну ложечку шербета и испустила блаженный вздох, когда у меня во рту взорвался яркий вкус апельсина.

— Ну, и, — наконец проговорила Эмма, — хорошо было? В смысле... лучше, чем с Бруно?

Я покачала головой. Как только последняя капля прекрасного напитка скатилась по моему пищеводу, я ответила:

— Все равно что сравнивать яблоки и апельсины. Это была чистой воды магия, а не обычный секс.

Мои подруги этот ответ встретили недовольным ворчанием.

— Ну, а поцелуй-то? — спросила Дона. — Давай, колись.

Да... Вопрос, конечно, интересный.

— Тут, пожалуй, ничья. Бруно получает очко за силу, а Крид — за технику. Что-то, а целоваться он мастер. И машина у него крутая.

Мои последние слова вызвали у подруг понимающие улыбки.

Наконец я вернулась к теме, начатой мною два часа назад, когда я разбудила Дону и Эмму.

— И вот теперь мне надо разыскать специалиста по двухмерным разрывам пространства. Это твоя область, Эмма. Что скажешь?

Эмма замахала руками.

— Нет-нет. Это не ко мне. Спроси меня про обычные измерения — я тебе все расскажу. Но это из области метафизики. Лучше всего такие моменты описаны в религиозных текстах. Но что касается истории... — Эмма откинулась на грудку подушек, которые она принесла на диван. — Лучше всего тебе связаться с Аароном Слоуном. Он — один из лучших экспертов в демонологии.

Я рывком села.

— Это тот самый доктор Слоун, с которым знаком твой отец? — Когда Эмма кивнула, я испустила вздох облегчения. — Я с ним встречалась. Он действительно дока в этой области, а еще он кое-что рассказал мне о смертельном проклятии, наложенном на меня Стефанией.

У голосовой почты есть один плюс: ей все равно, который час. Я оставила Слоуну

долгое послание и продиктовала номер моего мобильного, чтобы он позвонил мне в понедельник.

Потом я приступила к прослушиванию сообщений на автоответчике, и Дона с Эммой ушли. Дона была права. Поступила просто уйма звонков от людей, желавших меня нанять. Это должно было бы меня обрадовать, но я слишком сильно устала. До утра осталось совсем немного, а мне еще нужно было составить список дел. Зевая, я включила свой лэптоп.

После этого я ничего не помнила.

Я проснулась от стука в дверь и оторвала голову от клавиатуры лэптопа. Ой! Мало того, что я заснула на клавишах, я еще их слюной измазала. Хоть бы только комп не сломался!

— Кто там?

— Дона. Ты уже собрала вещи? Разве ты не должна вернуться вовремя, чтобы повезти бабушку в церковь?

У меня стучало в висках, как после трехдневной пьянки, а во рту ощущался странный металлический привкус. Я с трудом встала и увидела свое отражение в зеркале над комодом: бледная, с зеленоватым оттенком кожа, налитые кровью глаза в обрамлении темных кругов, а на щеке — квадратные вмятины, из-за чего она стала похожей на шахматную доску. Блеск. Я схватила телефон, чтобы посмотреть, сколько эсэмэсок мне успела отправить бабушка, но оказалась, что в мобильнике полностью сел аккумулятор.

Я уже начала догадываться, что утро у меня будет то еще. Я решила, что никому не покажусь на глаза до тех пор, пока не буду выглядеть... более по-человечески. Я подошла к двери и, заглянув в глазок, увидела раздражающе улыбающееся лицо Доны. Я произнесла громко, чтобы Дона расслышала меня через дверь:

— Ты не могла бы ей позвонить? Пожалуйста! Спроси, не согласится ли она поехать на автобусе. А я смогу отвезти ее на вечернюю службу. Я проснулась только что, от твоего стука. Мне нужно душ принять, а сейчас я почти ничего не соображаю.

— Конечно. Я с радостью.

По голосу Доны я поняла, что моя просьба ей никакой особой радости не доставила, но по дружбе она все сделает.

Под душем я согрелась и окончательно проснулась. Я обшаривала свою косметичку в поисках тонального карандаша, чтобы замазать синяки под глазами, когда в дверь постучали снова.

Я запахнула пушистый белый махровый халат и снова подошла к двери.

— Кто там?

— Ну, ты там шевелишься, подруга? Или ты еще под душем?

Я озадаченно сдвинула брови. Это была Дона. Опять.

— А ты моей бабушке позвонила?

— С какой стати я должна звонить твоей бабушке? Что-то случилось?

У меня зазвенело в ушах, сердце забилося чаще.

— Разве ты не стучала мне в дверь пять минут назад и не просила поторопиться?

— Черт побери, нет. Я была внизу с Эммой. Мы пытались что-нибудь заказать тебе на завтрак.

Я выглянула в глазок и увидела, что Дона держит бутылку молока и стакан с питательным коктейлем.

— У них коктейль был только банановый, но ты все равно выпей. Ночка у тебя выдалась долгая.

— погоди секундочку. — Я пулей промчалась через номер и порылась в сумках. А когда я возвратилась к двери, то отперла замок и повернула ручку одной рукой. В другой я держала пистолет, заряженный святой водой. — Входи.

Как только Дона переступила порог, я выстрелила. Струя воды угодила Доне прямо в лицо. Она захлебнулась и начала отплевываться.

— Что на тебя нашло, Селия? Сбрендила?

Я проговорила тихо, но скороговоркой:

— Дона, ты только что приходила ко мне. Несколько минут назад. Ты сказала мне, что я должна везти бабушку в церковь.

Дона нахмурилась.

— Не было этого.

— Нет, ты здесь была. — Я кивнула и подбежала к прикроватной тумбочке. Черт с ней, с зарядкой. Некогда было заряжать мобильник.

Я набрала бабушкин номер со стационарного телефона. Она ответила сразу.

— Алло?

— Бабуля, это Селия. Не говори ни слова. Тебе Дона только что звонила?

Я вытянула руку с телефоном, чтобы настоящая Дона услышала, что ответит моя бабушка.

— Да, звонила. Ты хочешь, чтобы я сегодня на утреннюю службу поехала автобусом, потому что ты опаздываешь. И я так и сделаю, не стану ждать до вечера. Мне не нравятся те певчие, что поют на вечерне. Уж слишком они... современные.

Дона в шоке раскрыла рот и зажала его рукой. Она поняла, что все это значит.

— Бабушка, уходи из дома. Немедленно. Ступай в главный офис, оттуда вызови такси и поезжай в церковь. Ты в опасности.

— Селия? — произнесла бабушка негромко и встревоженно. — Что случилось?

— Дона стоит сейчас рядом со мной. Она тебе не звонила. Ее обличье принял демон... скорее всего, он бежал из тюрьмы прошлой ночью. Поезжай в церковь и оставайся на святой земле до тех пор, пока я за тобой не приеду. Договорились? Пообещай!

На счастье, моя бабушка — великий прагматик. Она была рядом со мной, когда Лилит пыталась уничтожить мою мать. Она стала свидетельницей убийства преподобного Ала приспешником Эйрены.

— Прямо напротив моего дома есть католическая церковь. Это не моя церковь, но туда я дойду пешком быстрее, чем за мной приедет такси.

— Отлично. Позови с собой подруг — на случай, если на тебя попытается напасть демон.

— Пили уже встала. Она собиралась со мной на службу. Мы и Ань с собой позовем. Ну все, кладу трубку. Береги себя, детка. За меня не волнуйся. Это тебя будет отвлекать.

В номер снова постучали. Дона бросилась к двери. Выглянув в глазок, она произнесла одними губами:

— Эмма.

Я бросила Доне мой последний водяной пистолет. Дона медленно открыла дверь, а как только вошла Эмма, Дона брызнула ей в лицо святой водой.

Существо, принявшее обличье Эммы, взвизгнуло и бросилось на Дону, а та резко пригнулась, кувыркнулась на ковре и вскочила, пока демон был ослеплен. Я бросила телефон и схватила пистолет, лежавший поблизости. Он был заряжен серебряными пулями. Я дважды выстрелила в грудь демона, и его разорвало на миллионы клочков. Ух ты. Никогда раньше такого не видела.

Вязкая красная жижа расплескалась по стенам и полу. Даже на потолок попало и начало капать оттуда. Я представила, во что обойдется ремонт гостиничного номера, и поняла, что компания, обеспечивающая баланс моей кредитной карточки, будет очень мной недовольна.

Дона свернулась калачиком на диване, а я спокойно села на кровать и снова сняла трубку стационарного телефона. Я набрала два нуля. Мне ответил звонкий голос:

— Главный администратор.

— Здравствуйте. Я вам звоню из номера восемьсот девять. Нам нужно... О, нам столько всего нужно... Наверное, надо вызвать вашего штатного детектива и священника для начала, а потом пусть придет уборщица и захватит побольше полотенец.

Даже у работников самых лучших на свете спа-курортов есть предел терпения.
— Гм-м-м... Я посмотрю, что можно сделать.
— А где Эмма? — затравленным голосом спросила Дона.
— Ты к ней заходила или она к тебе?
Взгляд Доны немного просветлел.
— Она зашла ко мне. Так ты думаешь?..
Попытаться стоило. Я позвонила в восьмьсот четырнадцатый номер. Мне ответил заспанный голос:
— ...ло?
Я испустила громкий вздох облегчения. От радости я чуть не лишилась сил.
— Эм? С тобой все в порядке? Скажи, что с тобой *все в порядке!*
Голос Эммы прозвучал приглушенно, как из-под подушки.
— Господи, я тебя умоляю. Все со мной нормально. Я спала. Мы выпили столько вина, что у меня голова раскалывается.
Дона разрыдалась — почти истерически, и Эмма это услышала, и ее голос стал более встревоженным:
— Что случилось? Селия, скажи мне, *что происходит?*
Я прижалась затылком к стене и шумно выдохнула.
— Не отпирай двери и включи магический барьер — если ты уже этого не сделала. И держи наготове пистолет со святой водой. Кто-то принял твое обличье. Но он уже мертв.
Голос Эммы вдруг задрожал. Похоже, я до нее достучалась. Она зашмыгала носом, а потом расплакалась.
— Мне нужно вернуться в Берчвудз. Скажи, что мы сегодня возвращаемся.
Одна моя подруга плакала в телефонную трубку, вторая рыдала на диване. Вот тебе и расслабляющие выходные.
В это самое время в дверь постучали, и мужской голос возвестил:
— Штатный детектив. Мисс Грейвз? Могли бы вы открыть дверь?
Отлично. Прибыл сотрудник, отвечающий за правопорядок в гостинице, а на мне был только заляпанный кровью банный халат.
Ох... Таким образом начинался чудесный день. У меня было полное чувство, что меня засасывает топкая трясина.

Глава 17

— Вы меня простите, но мне действительно все равно, что сказал ваш корпоративный офис! Я говорю, что из-за вашего дефектного барьера мы чуть не погибли. — Я стукнула кулаком по конторке администратора и швырнула на мраморный пол полотенце, не так давно бывшее белоснежным. Полотенце ударилось об пол с тяжелым стуком, поскольку насквозь пропиталось кровью и комями слизи демонического существа. — И я сама могла погибнуть, не будь я профессиональным телохранителем, у которого под рукой оказалось нужное для уничтожения этой твари оружие.

Да, я позаботилась о том, чтобы полотенце освятили, прежде чем я решилась выйти с ним из номера. Но мне хотелось, чтобы дирекция курорта четко и ясно поняла, что я едва не отправилась на тот свет... в номере их гостиницы. Веселым отдыхом это никак нельзя было назвать. Мало того: обеим моим подругам теперь требовалась помощь психотерапевта.

Молодая девушка-администратор, на бейджике у которой значилось имя «Синди», побелела как плат и бросилась к двери офиса, зажав рот рукой. Темнокожий менеджер по имени Леонард брезгливо поморщился, услышав, как его коллегу стошнило за стеной. Он вытащил из-под стола ведро для бумаг, взял полотенце за относительно чистый уголок и положил в ведро.

— Мисс Грейвз, — изрек он, — это была ненужная вульгарность. Нет никакой необходимости так травмировать моих сотрудников.

Я вскинула руки и указала на двери кабины лифта.

— Может быть, обменяемся любезностями? У меня наверху две подруги с психической травмой, и мне хотелось бы знать, что вы собираетесь с этим делать. Демон *не должен был* проникнуть в здание гостиницы. Когда вы в последний раз вызывали специалистов для обслуживания магического барьера?

Менеджер посмотрел на меня, задрал нос, и мне это не понравилось. Детектив хотя бы разговаривал со мной, как с потерпевшей. Он разрешил мне одеться, прежде чем опечатал номер для проведения расследования.

— Как я вам уже объяснил, мы регулярно заботимся о поддержании уровня эффективности нашего магического барьера. Штатный детектив уже работает. С минуту на минуту сюда прибудет полиция для проведения расследования, и как только от них поступит отчет, мы сразу же сообщим вам о результатах.

— А, как я вам уже объясняла, существуют различные уровни эффективности магических барьеров. В этом месяце барьер подновляли? Или в этом квартале? Да хотя бы в этом году? Это не имеет никакого отношения к полицейскому расследованию. Наверняка у вас имеется какой-то сертификат обследования барьера, который вы могли бы мне продемонстрировать. У вас есть подобные сертификаты для лифта и кухни. Разве это не является общедоступной информацией? Или мне стоит позвонить репортерам, охочим до сенсаций? Посмотрим, что им удастся накопать?

Я достучалась до менеджера. Он всеми силами старался держать лицо, но его глаза яснее всяких слов сказали мне, что он совсем не хочет огласки в прессе — точно так же, как не хочет показывать мне сертификат об обследовании барьера.

— В этом нет необходимости, мэм. Спа-курорт «Оушен Вью» всегда рад удовлетворить потребности наших клиентов.

Так начались наши переговоры.

Прошло почти пятнадцать минут, прежде чем были проведены расчеты за номера и спа-процедуры, на мою кредитную карточку поступила сумма компенсации, а мне было вручено приглашение на курорт, дабы, как выразился менеджер: «Дать им возможность попробовать еще раз».

Я пожала руку милейшего менеджера, готового, как я понимаю, к этому моменту палить в меня из всех орудий и плохо скрывавшего эту готовность, и вдруг из лифта выбежала Дона. Паника окутывала ее, словно облако. Она прокричала:

— Селия, ты должна поторопиться! С Эммой что-то страшное творится!

Дона вернулась в кабину и придержала двери. Она просто дрожала от волнения.

Она обрела дар речи. Но не таких слов я от нее ждала.

О черт.

— Я же ей говорила — не выходить из номера!

...Господи, если она увидела этот ужас в моем номере... Наверное, ее придется запирать в «резиновой комнате». Послышался звон, дверцы кабины попытались закрыться, но Дона удержала их. Вытаращив глаза, менеджер сунул мне подарочный сертификат. Не сомневаюсь: он был готов выскочить за дверь, пока не случилось еще чего-нибудь.

В кабине лифта я на несколько секунд обрела покой. Тихая музыка, приглушенный свет, красивые деревянные панели. Дона стояла рядом со мной, зажмурившись. Наверное, изо всех сил старалась сохранить здравый рассудок.

А потом двери кабины открылись, и на меня хлынула волна звуков и движений. Два уборщика в униформе гостиницы пытались удержать Эмму на полу, а штатный детектив фотографировал «место преступления». Пастор унитарийской церкви, по всей видимости, уже ушел.

Эмма кричала, делая перерывы только для вдохов. Хорошенькая девушка-латиноамериканка бросила взгляд на меня, с трудом прижимая к коврику руку Эммы, чтобы та не поранила себя. Уборщице пришлось изрядно напрячь голосовые связки, чтобы перекричать Эмму.

— Мой менеджер пошел звонить в службу «девять-один-один». Может быть, парамедики ей вколют успокоительное или еще что-то. Бедняжка билась головой о стену. Мы так боялись, что она поранится!

Я встала на колени рядом с Эммой и прижала к себе ее голову. Я попыталась заставить ее посмотреть на меня, пока две уборщицы пробовали удержать ее на полу.

— Эмма! Ну давай, девочка. Посмотри на меня. Это я, Селия. Тебе нужно успокоиться.

Я попыталась добиться, чтобы Эмма увидела меня, остановила взгляд на моем лице, но я сразу поняла, что она почти ничего не видит. Возможно, уборщица была права и ей нужен был укол успокоительного средства. Но еще больше ей нужно было вернуться в Берчвудз. К несчастью, отсюда до клиники езды было никак не меньше семи часов, и я боялась, что если мы как можно скорее не повезем ее туда, ее могут упечь в какую-нибудь местную психушку.

Детектив раздраженно буркнул:

— Хорошо бы ее поместить в какое-нибудь звуконепроницаемое помещение, пока неотложка едет сюда. А еще лучше было бы куда-нибудь телепортировать ее рот.

Он и уборщицы захихикали, а я, услышав о телепортации, вскочила так резко, что уборщицы, похоже, испугались, как бы я тоже не подняла крик.

Мало что быстрее телефонного звонка. Одна из таких вещей — телепортация. Если соединить одно с другим — вот и способ помочь Эмме.

Я опрометью проскочила мимо детектива, на бегу пробормотав извинения, и подбежала к телефону. От воплей Эммы у меня звенело в ушах. Я не сомневалась, что за этот международный звонок денежки с меня сдерут в любом случае.

А возможно, заставят расплатиться и за то, что я еще больше наследила в номере, растащив на своих подошвах разбрызганную по полу кровь. Ох...

Я включила основательно подсевший мобильник на несколько секунд, чтобы пролистать список недавних вызовов. Едва я успела записать нужный номер, как мобильник умер окончательно. Зарядное устройство валялось в одной из моих сумок, но мне не хотелось тратить время на его поиски.

Гудок, второй, и наконец:

— Дворец Каналаи, — произнес спокойный, неторопливый голос со знакомым акцентом. — Чем могу помочь вам?

— Это... — Я запнулась, искоса глянув на детектива, который явно приготовился слушать мой разговор, хотя виду не подавал. Мне не хотелось представляться в его присутствии королевской особой, но иначе меня никто не стал бы слушать на острове сирен. Я отвернулась от детектива и понизила голос. Уж если он собрался подслушивать, пусть попробует что-то разобрать на фоне воплей Эммы. — Принцесса Селия. У меня срочное дело здесь, где я нахожусь, и я хотела узнать, нет ли поблизости Окалани, чтобы она переместила кое-кого к врачу.

— Мы вызвали неотложку, — заметил детектив, вытянув шею и пинцетом уложив в пакет для вещдоков нечто окровавленное. — Нет никакой необходимости в другой бригаде.

Я вздернула брови и прикрыла трубку ладонью.

— Это будет побыстрее неотложки.

На другом конце провода немного помолчали, но я догадывалась, что секретарь с кем-то связывается телепатически.

— Конечно, принцесса. Она будет с минуты на минуту. Я определила ваше местоположение. Прошу вас, никуда не уходите.

Окалани была девочкой-подростком с острова Безмятежности. Хорошенькая, печальная, резковатая. Ничего в жизни она не желала так сильно, как того, чтобы перебраться на материк. Мне предстояло очень пристально следить за ней, чтобы еще сильнее не разгневать королеву Лопакку. Если, конечно, Окалани переместится сюда.

Окалани ухитрилась телепортироваться так ювелирно точно, что не задела ничего из мебели, а также меня и останки демона. Адриана отпустила руку девочки, которую до этого момента крепко сжимала, и едва улыбнулась мне. Вид у Окалани был не самый счастливый.

Трудно было судить почему: то ли она, как всякий подросток, злилась на то, что к ней приставили сопровождающую, то ли тут было что-то посерьезнее.

Если что-то посерьезнее — жди проблем. А мне нужно было доверить Окалани Эмму. Я улыбнулась девочке, с которой познакомилась, сев на нее верхом и приставив нож к ее горлу. Она прокралась в мою каюту, и я сочла ее... ну, скажем так, *интервенткой*. Какая теперь разница. Пришлось прокричать во весь голос:

— Привет, Окалани! Спасибо, что пришла так быстро!

Окалани разжала губы, чтобы ответить мне, но Адриана ее опередила. Она протянула перед собой руку с таким видом, словно я должна была поцеловать ее перстень. Не дождется.

— Добрый день, Селия. Могу я поинтересоваться, что за катастрофа здесь произошла?

Я обвела взглядом гостиничный номер, гадая, неужели так трудно догадаться.

— А ты криков не слышишь, Адриана?

Окалани робко подняла руку.

— Принцесса, эта женщина ранена?

Возможно, говорить мне стоило только с Окалани. Адриана была какая-то... рассеянная. При внезапном появлении темнокожей девочки в камуфляжных штанах и черной майке и женщины, перед чьей красотой померкла бы любая кинозвезда, детектив вытаращил глаза и шагнул вперед.

— Мисс Грейвз, я не могу позволить этим людям...

Я поняла, что он хочет сказать. Посторонние не должны присутствовать на месте преступления. Мне совсем не хотелось, чтобы у детектива возникли хоть какие-то сомнения в моей добропорядочности.

— Они здесь только для того, чтобы доставить мою вопящую подругу в клинику Берчвудз. Не возражаете?

Детектив растерялся.

— Будут дополнительные отпечатки.

Я прекрасно понимала, что он думает обо всем этом.

— Окалани, ты не могла бы вместе с Адрианой переместиться в коридор? Мою подругу зовут Эмма, и ей надо попасть в Берчвудз. Ты представляешь хотя бы приблизительно, где это находится?

Адриана вступила в разговор:

— Я прикоснусь к сознанию твоей подруги и узнаю, где находится это место. Окалани переместит нас туда.

О! Точно! При мне такое уже проделывали.

— Отлично. Спасибо вам огромное. Правда. Предупреждаю: у них там сильнейший магический барьер, так что за него вам Эмму переместить не удастся. Оставьте ее у ворот, и ее впустят внутрь.

Адриана коротко кивнула и поправила черную холщовую сумку на плече с таким видом, что я поняла: она хочет показать мне, что в сумке лежит нечто очень важное.

— Пожалуйста, побудь здесь, — попросила она меня. — Нам надо поговорить. Это важно.

Они исчезли, прежде чем я успела вымолвить хоть слово. И крики Эммы затихли мгновенно. Мы с детективом даже не успели обойти вокруг кровати и выглянуть в коридор.

В коридоре мы увидели только Дону, окаменевшую от шока, сковавшего экзотические черты ее лица. Она озадаченно посмотрела на уборщиц, поднимающихся с пола. Вид у них был такой же ошеломленный, как у Доны.

— Черт побери, что это было? — пролепетала она.

Я довольно потеряла руки. О лучшем даже мечтать не приходилось.

— Эмма вернулась в Берчвудз. Я попросила кое-кого об услуге.

— То есть как — вернулась? — ошарашенно спросила Дона. — Как — в Берчвудз? В смысле... *прямо сейчас*?

Я кивнула.

— Если ты сейчас позвонишь на пост у наружных ворот, то, скорее всего, тебе ответят, что ее пропускают через магический барьер.

На самом деле мне самой стоило позвонить Гвен и сообщить ей о случившемся.

Я прекрасно понимала, что разговор у нас получится невеселый.

— Я понимаю, что в этом не было никакого умысла, Селия. И ситуацию в тюрьме тоже никто не мог предвидеть.

Я почувствовала, что сейчас Гвен скажет: «Но».

— Но...

Ну, что я говорила?

— Но было бы намного лучше, если бы ты привезла ее сюда прошлой ночью, вместо того, чтобы возвращаться на курорт.

Я не собиралась спорить. Честно — не собиралась. Но кое-что я все-таки должна была втолковать Гвен.

— Гвен, я сопровождала мистера Крида, а ему пришлось четыре часа гнать двухместную машину со скоростью сто миль в час. Вам не кажется, что это само по себе *немножко* напряженно? Да, я совершила ошибку, предположив, что магический барьер в гостинице спа-курорта соответствует обещанным пяти звездам. Но я думаю, на моем месте любой поступил бы точно так же. Если бы не этот момент, я так думаю, ничего не случилось бы.

Последовала долгая пауза. Я услышала шепот рядом с Гвен:

— Эмма в своей палате. Ей ввели успокоительное, и она перестала кричать. Но нам придется ограничить ее движения, чтобы мы имели возможность ее обследовать.

Гвен испустила протяжный вздох. Я представила, что она закрыла глаза, стараясь сосредоточиться.

— Вся ситуация сложилась неудачно, но у меня нет никаких причин винить в случившемся тебя. Спишем все на невезение.

Я вздохнула и покачала головой. Дона, сидевшая рядом со мной, прикоснулась к моей руке и погладила ее. Она старалась меня утешить как могла. Да, пожалуй демоническое смертельное проклятие можно было назвать *невезением*. Треклятые демоны слетались ко мне как мухи на мед.

— Селия, мы должны срочно поговорить.

Я перевела взгляд на свою кухню, стоявшую около дивана в вестибюле. Я покачала указательным пальцем и закончила разговор по телефону:

— Гвен, если можно, давайте поговорим об этом позже. Меня вызывают наверх.

— Конечно. Я понимаю. Мы обсудим это после твоего сеанса психотерапии с доктором Хаббард в следующий четверг.

Черт. Я совсем забыла об этом. Наверняка дата сеанса была записана у меня в календаре, но я специально в него не заглядывала — вернее, заглянула только для того, чтобы отменить все на выходные.

— Отлично. Так и сделаем. До свидания.

Я положила трубку и подвинулась на диване, чтобы дать место моей кухне. Ее изящно выгнутые брови едва заметно приподнялись.

— Присаживайся. У меня, например, после телепортации всегда кружится голова. Где Окалани?

Адриана садиться не стала. Она стояла передо мной с очевидной неловкостью и крепко прижимала к груди черную сумку на «молнии».

— Я отправила ее домой. Когда она понадобится мне снова, я позвоню.

Ох. Бедная девочка. Всего-то пятнадцать минут пробыла на материке, и ее тут же отправили домой.

— Разве ты не могла хотя бы отвести ее в аквапарк, или в кино, или еще куда-нибудь?

Адриана не дрогнула.

— Мы и так уже с трудом удерживаем ее от тайных визитов сюда. Если она будет тут развлекаться, она станет еще более непослушной и дерзкой.

— Послушай, а у меня противоположное мнение. Если вы позволите Окалани время от времени оказываться на материке, она перестанет упрямиться, потому что будет знать, что ей позволят следующее путешествие.

Адриана небрежно пожала плечами.

— Не ты же ее мать. И не я.

Что верно, то верно. Не мое дело было судить о воспитании девочки.

— М-м-м... Селия? — В наш разговор вмешалась Дона. — Ты собиралась нас познакомить?

Ой. Как неловко.

— Это Дона Лонг. А это Адриана, верховная принцесса клана тихоокеанских сирен. — Я перевела взгляд на Адриану. — Хотя очень скоро тебя нужно будет представлять как королеву Адриану, да?

Дона вздернула брови.

— Вот это да. Вы вступаете на престол? Как мило.

Адриана едва заметно покраснела и произнесла раздраженно и чуть испуганно:

— Свадьбы не будет, если мы не поговорим. Немедленно. А здесь не место для бесед.

Ничего хорошего эти слова не предвещали.

— Я должна узнать у полиции, можно ли нам уехать. Если да, то мы сможем поговорить в машине по пути домой. Дорога неблизкая. У нас будет полным-полно времени и возможности поговорить приватно.

Адриана скосила глаза на Дону.

— А твоей служанке можно доверять? Она не проболтается?

Надо было видеть Дону в этот момент. Всем своим видом она сказала: *«Ну уж нет!»* К сожалению, мой мобильник до сих пор был мертв, поэтому я не смогла ее сфотографировать. Дона разжала губы, готовясь выпалить возмущенный ответ, но я остановила ее смехом и накрыла своей рукой ее руку. Не стоило нагнетать атмосферу. Адриана тоже была крайне вспыльчивой особой.

— Все в порядке, Дона. Не забывай, Адриана — принцесса, и все остальные для нее слуги и подданные. — Я перевела взгляд на мою кузину. — Дона — моя ближайшая подруга и сотрудница моей фирмы, занимающейся вопросами охраны безопасности. Она не служанка в том смысле, который ты вкладываешь в это слово. Между тем язык за зубами она держать умеет.

По крайней мере, Адриане хватило ума и любезности после секундной паузы едва заметно кивнуть Доне.

— Примите мои извинения. Я не привыкла к тому, что у принцесс могут быть... *сотрудницы*.

«И подруги тоже», — мысленно добавила я. Дона чуточку сменила гнев на милость:

— Да... А я никак не привыкну к тому, что Селия — принцесса. Нам всем стоит делать скидки. Давайте я схожу и спрошу у полицейских, можно ли нам уехать? Я буду ждать вас в машине.

Я как раз об этом хотела Дону попросить, но она взяла это на себя, и это выглядело более естественно, не *по-принцесски* с моей стороны.

— Спасибо. Если я им еще нужна, крикни.

На самом деле меня удивляло то, что представители полиции до сих пор не вызвали меня, чтобы я сделала заявление. Я не совсем понимала, что происходит.

Я еще не успела открыть дверцу машины, когда вернулась Дона. Взгляд у нее был обескураженный.

— Никаких заявлений не нужно. Сказали, что *«не хотят больше никому причинять неудобств»*. Мы можем ехать. — Дона покачала головой и потянулась к ручке задней

двери. — Они себя вели очень странно. Сплошные улыбки и извинения. Совсем не по-полицейски.

Это сообщение вызвало у меня отчаянный стон. Я посмотрела поверх крыши машины на ослепительную рыжеволосую красотку, ждавшую, когда я наконец открою двери.

— Ты ими манипулировала?

Я сама этого точно не делала.

Адриана небрежно пожала плечами.

— Как тебе известно, такой уровень манипуляции психикой мне недоступен. — Она улыбнулась. — Но я принцесса, а скоро стану королевой. Они же не дураки.

— Я вернусь и сделаю заявление. Я хочу, чтобы факт того, что я пристрелила этого демона, был изложен в протоколе.

Адриана рассердилась. Казалось, ее вывело из себя мое ненужное упрямство.

— Они не примут у тебя заявление, Селия. В данный момент они считают твои действия совершенно оправданными... а это так и есть. А вот в данный момент ты ведешь себя странно и глупо. Если это заставит тебя мыслить здраво, то я скажу тебе, что я явилась сюда из-за кризиса, который так же опасен, как недавний. Мир действительно на грани гибели.

Глава 18

Вот как. Адриане удалось меня заинтересовать. Дона взяла меня под руку.

— Гм, Селия. Возможно, она права. Давай-ка уедем отсюда подобра-поздорову и найдем место, где можно будет переждать беду.

Я повернула голову.

— Дона, я уверена, что «переждать беду» вряд ли получится при глобальном кризисе.

— Вот именно, вряд ли, — выговорила Адриана тоном, сухим, как песок в пустыне.

Я намазала лицо и руки кремом от загара. Я наконец научилась определять нужное количество этого средства по запаху. Запах должен быть такой, будто ты сидишь на куче кокосовой стружки. То есть задохнуться можно. Но зато при таком аромате крем точно работает.

Как только мы сели в машину и направились к федеральной трассе, Адриана спросила у меня:

— Много ли тебе известно о первой эпохе сирен?

— Не так уж много. Знаю, что это были дни процветания Атлантиды, верно? А когда она затонула и опустилась на морское дно, после битвы между сиренами и демонами, вы все нашли пристанище на маленьких островах по всему миру.

Дона, разместившаяся на заднем сиденье, проговорила:

— Я всегда думала, что легенда об Атлантиде очень интересна. Наверняка это была потрясающая страна. Но она погрузилась так глубоко на дно Атлантического океана, что никому не удалось ее разыскать. — Она немного наклонилась вперед, чтобы встретиться взглядом с Адрианой. — А правда, что в Атлантиде было электричество?

Адриана покачала головой.

— Об электричестве судить не могу, хотя могу предположить, что атланты могли укротить море и использовать его в какой-то разновидности аккумуляторов. Но у того, почему Атлантиду не удалось обнаружить, есть одна веская причина: Атлантида лежит не на океанском дне.

Это заявление заставило меня на миг отвести глаза от шоссе.

— Как-как?

Взгляд Адрианы стал растерянно-испуганным.

— Атлантида стала местом последнего разлома пространства между мирами. И что хуже того, этот разлом вызвали сирены.

Дона от изумления широко раскрыла рот и отстегнула ремень безопасности, чтобы

наклониться вперед.

— Пстой. Я думала, что сирены спасли мир.

Адриана невесело вздохнула.

— И то, и другое. Нам ничего не оставалось, как спасти мир. Ведь это мы чуть не погубили его. Вернее, — добавила она, нахмурив брови, — некоторые сирены.

— Типа Стефании?

Краем глаза я заметила, что Адриана кивнула. Я перестроилась в другой ряд, и наша машина влилась в поток движения по федеральной трассе.

— Королева Эрис имела плохое потомство. Ее дочери относились к детям мира — людям — свысока. Принцессы Крайстал и Эвана полагали, что суша станет лучше, лишившись человечества. Но в то же самое время сирены опасались уходить слишком далеко в глубь материков, и потому им было трудно истребить человечество. Поэтому они стали искать... помощи.

— У демонов. — Меня начало мутить. — И вот теперь все началось вновь, и я уверена: Стефания и Эйрена как-то связаны с этим новым разломом.

Адриана кивнула, но мне и такого ответа было достаточно. С минуту мы ехали молча. Я попыталась сформулировать свои мысли.

— Так зачем же понадобилось переписывать учебники истории? Почему просто не сказать миру о том, что среди сирен были предательницы и что вам удалось все исправить?

Адриана пожала плечами.

— Эго? Гордыня? У меня нет ответа. Но я знаю, что даже теперь моя мать просто рассвирепела бы, узнай она о том, что я рассказала тебе об этом.

О! Вот как?

— Так вот почему она так разгневалась, когда я спросила у нее о Тысячелетних Рогах. Потому что это напоминание о глупости целого народа.

Адриана тяжело вздохнула.

— Нет. Ее огорчила *вторая* глупость сирен. Мы оказались совершенно не готовы к этому, потому что королевы отказались поверить, что прошлое способно повториться.

Я ждала продолжения, и Дона тоже. Наконец Адриана сделала глубокий вдох и заговорила вновь:

— Когда королева Эрис осознала, что натворили ее дочери, она стала искать помощи у величайших умов мира. У мудрейших людей. Чтобы донести до своих дочерей мысль о том, что сиренам следует научиться сосуществовать, она вела переговоры о том, как можно заделать разлом, с теми, кого эти дочери считали низшей расой. Насколько мне известно, один греческий философ и изобретатель предложил использовать звуковые волны.

Я знала о том, что в древности жили люди величайшего ума и таланта — в конце концов, мы до сих пор пользуемся многим из того, что придумали древние римляне и египтяне.

— Я не знала, что в те времена проводились эксперименты со звуком.

Адриана кивнула.

— Проводились. Островные цивилизации давно пользовались спиральными раковинами и рогами для передачи звука на дальние расстояния. Люди отличались любопытством. В то время как сирены были готовы пользоваться любой раковиной для того, чтобы подать сигнал кораблю в море или другу через весь остров, люди стремились усовершенствовать это орудие. Они придавали рогам и раковинам ту или иную форму, меняли высоту звука с помощью изменения размера отверстия, в который вдувался воздух. Королева Эрис нашла талантливых людей и собрала их в одной комнате, чтобы они обменялись идеями о том, какая форма и размеры источника звука подойдут лучше. Затем она послала лучших воинов на поиски как можно большего числа нужных раковин, а своих дочерей в качестве наказания заставила выбрать из этих раковин ту, которая залечит рану в пространстве.

Дона высказала то, что было на уме у меня:

— Похоже, они все работали без перекуров.

Адриана поджала губы. То ли ей не понравился комментарий Доны, то ли ее страшила собственная участь.

— Воины послушно выполняли поручение королевы, а в это время разлом медленно поедал остров, а людей терзали демоны. Старшая дочь королевы, Крайстал, через четыре дня умерла от истощения. После того как исчезла половина острова, Эвана нашла раковину, от звука которой мрак поколебался и заискрился. Но этого самого по себе было мало для того, чтобы заделать разлом.

Боже милостивый. Наверняка это было просто ужасно. Для всех.

— Что же произошло? Как же удалось заделать дыру?

Адриана беспомощно всплеснула руками.

— Честно говорю — не знаю, а я обшарила все наши библиотеки. Мы знаем, что существовало два рога и что разлом в конечном счете был закрыт. Мы знаем, что Атлантиду затянуло внутрь разлома при невероятно мощном взрыве. Никаких следов не нашли, потому что в этом измерении Атлантиды больше нет. Я нашла записи одного писца, в которых говорится о том, что способ закрытия разлома был изложен письменно и спрятан — как и сами роги. После того как стало ясно, как много сирен стояло за этим скандалом, королевы решили, что будет лучше, если об этом будет забыто, чтобы не вызывать искушений у будущих поколений.

Я раскрыла рот и заговорила раньше, чем следовало бы.

— Ничего тупее в своей жизни не слышала! Они, что, *идиотки*?

— Селия, — на грани гнева ответила Адриана, — ты говоришь о моей *матери*. Плохо или хорошо, но она — как и другие сирены — пыталась защитить человечество.

Я вздохнула.

— Прости, но если она в ту пору была на престоле, она и все прочие поступили невероятно глупо. Сохранить человечество способна только информация. Люди лечат болезни, получая подсказки от изучения мертвых тел. Изобретения нарождаются на руинах провалившихся экспериментов. Можем мы хотя бы *спросить* ее о том, что ей известно?

Адриана покачала головой.

— Она ничего не знает. Я спрашивала. Я не шутила, когда сказала, что воспоминания об этих событиях исчезли. Они сознательно стерли память о них и только велели летописцам сохранить знания на будущее. Но то ли летописцы ослушались приказа, то ли их записи пропали. В некоторых книгах, как я поняла, не хватает страниц. Но я говорю об очень древних текстах. Возможно, страницы выпали случайно.

От отчаяния я сильнее нажала педаль газа, и стрелка спидометра ушла за цифры «70».

— Итак, у нас нет ни рогов, ни инструкций. У нас есть только горстка магов, которые скоро погибнут от упадка сил, пытаюсь залатать разлом, а разлом будет только бесконечно увеличиваться?

Адриана кивнула. Дона от отчаяния издала стон, близкий к рычанию.

— Близко к этому. Очень близко. Но из всего сказанного абсолютно точны только два момента. — Моя кузина положила на колени черную холщовую торбу и вытащила из нее... массивную витую раковину — из тех, которые обычно именуют «рогом Тритона». — У нас есть один из двух рогов. Наши воины нашли его во дворце Стефании после ее смерти. На раковине имеется гравировка, выполненная древней клинописью Атлантиды: «*Эрис, победившая тьму*». Возможно, именно она дула в этот рог. Она была наделена поистине устрашающей силой.

Я заметила, что в баке вот-вот кончится бензин.

— Давайте остановимся на заправке. Хочу получше рассмотреть эту раковину.

Через несколько минут цифры, обозначающие количество бензина, поползли вверх, а мы с Доной стали с восторгом рассматривать раковину, которая сохранилась на протяжении более тысячи лет. Я коллекционирую раковины, поэтому я могу о них судить с пристрастием. Но эта была поистине великолепна.

— Вы только поглядите, какие цвета. Я еще ни разу не видела такого красивого «рога Тритона». В отличие от «рога короля» и «рога королевы» — кремово-абрикосовых, с большим числом острых шипов и выступов, «рог Тритона» длинный и гладкий, с темными пятнышками. На этой раковине имелись не только темные точки и пятна, но и нечто похожее на золотые блестки и бордовые песчинки. Я медленно провела пальцем по выгравированным на раковине знакам, о которых Адриана сказала, что они представляют собой слова. Знаки показались мне знакомыми, но почему — я не могла вспомнить.

— Понятно, почему один из рогов — «раковина Тритона». У них удивительный звук.

Дона восхищенно проводила кончиками пальцев по изгибам раковины.

— Существует очень много гравюр и картин с изображением морских божеств — Посейдона и Тритона, где эти божества созывают свой народ на битву с помощью таких раковин. И что же, с помощью этой красавицы можно закрыть разлом в пространстве?

Я не смогла устоять. Я осторожно взяла раковину из рук Адрианы и поднесла к губам. Она пожала плечами.

— Я уже пробовала. Никакого звука. Хотя магии не ощущается, вполне вероятно, что заставить звучать этот рог можно только с помощью какого-нибудь заклинания.

Я сделала неглубокий вдох и дунула. Из отверстия в раковине вырвался низкий скорбный звук. Мне всегда нравились звуки, издаваемые витыми раковинами. Но Дона зажала уши ладонями с таким видом, словно ей было очень больно, а Адриана уронила голову на руки. Господи, ну не так уж ужасен был звук! Правда, видимо, я ошибалась, потому что стекла в машине начали дрожать. Послышался громкий щелчок, и в нижней половине лобового стекла возникла трещина.

Ничего себе...

Адриана отобрала у меня рог и стала смотреть то на меня, то на раковину со смесью страха с изумлением. Дона пыталась восстановить слух. Она трясла головой и широко раскрывала рот.

— Гм...

Адриана прижала рог к губам. Надула щеки... ни звука. То есть — вообще ни звука.

— Должна признаться, это немного странно, — выпалила она.

— Дайте мне попробовать.

Дона уверенно протянула руку через спинку сиденья, и Адриана передала ей раковину. Я обернулась, готовая закрыть уши руками. Но и Доне не удалось произвести ни звука. Дона вернула мне раковину, странно на меня посмотрев.

— Кто же ты такая? Избранная, что ли?

— Господи, надеюсь, нет. Я могу придумать тысячу отговорок, лишь бы только снова не оказаться рядом с этим разломом.

Адриана указала на раковину, всем своим видом говоря: *«Еще раз»*. И я снова дунула в раковину — совсем легонько, но рог зазвучал. Я заметила, что громкость звука не связана с количеством вдуваемого воздуха. Это говорило о мощной магии. Стекла снова задрожали, но хотя бы ни одно из них не треснуло.

Ничего себе.

— Скажу для протокола: по идее, должны найтись и другие люди, способные извлечь звук из этого рога, и если на это потребуются ближайшие три недели, я таких людей разыщу.

В машине надолго воцарилась тишина. Было так тихо, что мы слышали, как прозвучал еле заметный щелчок: отключился насос бензоколонки. Я вернула раковину Адриане и открыла дверцу.

— С одним рогом мы мало чего можем добиться, так что утихомирься пока.

Я понимала, что Адриана по-своему старается проявить предусмотрительность, но она могла бы не произносить слово «пока» — я бы несколько не возражала.

Расплачиваясь за бензин, я позвонила бабушке. Она сказала мне, что автобус пришел и ушел, когда она находилась в церкви на противоположной стороне улицы, и ей не понравилась внешность водителя. Она решила, что ей лучше задержаться в церкви, а те

части службы, которые у нее не вызывали доверия, она попросту пропускала мимо ушей. Я не нашла ни единого изъяна в этой логике, а еще я с большой радостью узнала о том, что священник прежде был членом военизированного ордена и пообещал, что на протяжении всей службы будет держать меч на полочке своей кафедры... на всякий случай. Я не стала рассказывать бабушке про рог. Не стоило ее волновать.

Следующий час мы ехали тихо и спокойно, слушая по радио прилизанный, выхолощенный рок. Хотелось бы сказать, что меня посещали высокие мысли, но на самом деле я просто пыталась придумать какой-нибудь выход.

Когда до конца поездки осталось около часа, мне вдруг кое-что пришло в голову. Я выключила радио и бросила взгляд на Адриану. Я так наморщила лоб, что стало немного больно.

— Думаешь, с другим рогом все точно так же?

Адриана непонимающе посмотрела на меня.

— В каком смысле — «точно так же»?

А вот Дона прекрасно все поняла. Я видела ее лицо в зеркальце заднего вида. До нее все дошло в тот самый момент, как только я задала вопрос.

— О боже! Эта раковина из твоей коллекции! — В ответ на озадаченный взгляд Адрианы Дона пояснила:

— Селия собирает морские ракушки. У нее в коллекции есть несколько крупных витых раковин. А среди них есть одна — «королевский рог»...

Я прервала Дону:

— Эта раковина ни разу не издала ни звука. Мне было лет пять, когда мне ее подарил дед. И она стала самой первой раковиной в моей коллекции, и я всегда ужасно огорчалась из-за того, что она не звучит.

— То есть она плохо звучит или не звучит вовсе?

— Она молчит — в точности как эта, — многозначительно произнесла Дона. — Меня всегда удивляло — почему даже не слышно шума вдуваемого воздуха.

Я проговорила очень тихо и испуганно, только теперь догадавшись, почему мне показались такими знакомыми значки клинописи:

— Внутри моей раковины тоже есть гравировка. Такое впечатление, что значки нацарапаны словно бы детской рукой. Мне никогда не приходило в голову расшифровать эту надпись — я думала, что это мой дед нацарапал что-то на ней. Он мне говорил, что у него эта раковина была всю жизнь.

А мы с Адрианой прекрасно знали, что отец моего деда был родным братом королевы Лопак и, возможно, так же как и она, жил во времена гибели Атлантиды.

Моя кузина задумчиво проговорила:

— Во времена первой эпохи на острове Безмятежности обитали только женщины-сирены. Они притягивали к острову физически здоровых мореплавателей ради совокупления, а затем мужчин с острова изгоняли. Детей мужского пола либо передавали отцам, либо... Словом, оставляли на острове только девочек.

Что ж, сирены были не первой цивилизацией, где царствовал один пол, и хотя мне это не очень нравилось, я ничего не могла изменить в прошлом.

— Так почему же один из Тысячелетних Рогов оказался в руках мужчины?

— Вот и я гадаю — почему, — призналась Адриана. — Ведь мы долго не знали о том, что случилось в Атлантиде. Об этом знали королевы, потому что Эрис послала им весть о катастрофе, а все остальные понятия не имели о случившемся. Только тогда стало известно об этом, когда начали прибывать моряки с рассказами о разрушениях и наводнениях, вызванных цунами, мы поняли: слухи не врут. Так, может быть, какой-то моряк подобрал рог и передал его сирене-мужчине?

— А ты тогда уже родилась? Какие рассказы ты слышала?

Адриана покачала головой.

— Я родилась на много сотен лет позже.

Все равно получалось, что ей несколько сотен лет. Бр-р-р.

— Может быть, нам стоит гадать не о том, как роги попали туда, где были в итоге найдены. Давайте лучше подумаем о том, почему они вообще остались здесь.

Адриана принялась качать головой вверх и вниз, словно болванчик совместного производства «Тиффани» и «Макс Фактор».

— Этот вопрос я задавала с того дня, как мне принесли эту раковину. Конечно, к этому моменту мы уже знали о том, что Стефания якшалась с демонами, и я подумала: уж не от них ли в дар получен этот рог. А еще меня встревожила мысль о том, не являются ли роги обоюдоострым оружием.

— О-о-о, — донесся с заднего сиденья стон Доны. — Вы хотите сказать, что рог способен не закрыть разлом, а *открыть*, и, может быть, именно поэтому им владела эта злобная западная королева?

Ох, вот это было бы ужасно.

— Вот именно, — кивнула Адриана.

Ее идеально ухоженные ногти выстукивали стаккато по драгоценной раковине. Я включила сигнал правого поворота и выехала на съезд. Мы приближались к ответам на множество вопросов.

— Очень возможно, — продолжала Адриана, — что найденные мной записи неверны. Они вполне могли измениться *после* того, как воспоминания королев были стерты. Я страшусь пользоваться рогом без высшего соизволения.

Я взяла свой мобильник с приборной доски, где он заряжался, и бросила назад, Доне.

— Дона, проверь мою голосовую почту и посмотри, не звонил ли мне доктор Слоун. Я звонила ему вчера, так что он мог еще не ответить, но если он все же звонил, мне бы хотелось с ним поговорить, пока мы все вместе и нас никто не пытается убить.

В салоне машины стало тихо. Только негромко позвякивали качающиеся ключи, вставленные в зажигание. Словно бы издалека донесся до меня собственный голос из динамика телефона. Дона принялась что-то писать на ладони, рассеянно кивая. Она всегда так делала, работая в офисе.

— Ага, — изрекла она через минуту. — Он тебе звонил и оставил номер. Хочешь, чтобы я ему позвонила и что-то выяснила?

— Говорить за рулем нельзя, поэтому мне бы не хотелось. А говорить с помощью этих «Синих зубов» я терпеть не могу. Или правильно «Синих зубьев»?²⁰

Дона улыбнулась. Даже Адриана негромко рассмеялась. Дона немного помолчала, а в следующее мгновение ее улыбка стала усмешкой.

— И еще два звоночка тебе было, между прочим. — Ее голос зазвучал нараспев. — И Джон, и Бруно жаждут тебя видеть. У нашей Селии два бойфренда.

Я скосила глаза на Адриану — как она отреагирует. Но, похоже, ее это сообщение нисколько не тронуло. Да и с какой стати? Она наверняка привыкла к тому, что мужики от нее без ума. От Доны равнодушные Адрианы тоже не укрылось. Она наклонилась вперед и прошептала:

— Это у нее первый любовный треугольник.

Я замахнулась на Дону, а она пригнулась. А Адриана расхохоталась по-настоящему.

— У меня первый треугольник был очень забавный, но он всегда самый тяжкий, Селия — особенно, если ты обоих мужчин находишь привлекательными.

— О, еще как находит, — вмешалась Дона. — Они оба маги и к тому же крутые.

Это привлекло внимание Адрианы.

— Маги? Вот как? Искушенные в своем ремесле?

---

²⁰ «Bluetooth» — («синий зуб» (англ.)) — беспроводное устройство для связи с компьютером, мобильным телефоном и другой цифровой аппаратурой. Героиня гадает, как правильно образовать множественное число от этого слова, поскольку в английском языке слово «зуб» («tooth») образует особую форму множественного числа — «teeth».

Я кивнула, борясь с румянцем, из-за которого моя бледная кожа стала ярко-розовой.

— Весьма. Бруно мощнее, но у Джона просто фантастический дар.

Я остановилась на красный сигнал светофора перед выездом на прибрежное шоссе. Адриана прикоснулась к раковине.

— А они смогли бы ощутить магию, спрятанную в этом роге? Быть может, они даже могли бы понять, что за заклятие на него наложено?

Вопрос был настолько логичен, что я мысленно выругала себя за то, что он не мне первой пришел в голову.

— Спросить определенно стоит, но я не знаю, сумеем ли мы до них добраться. Откуда пришли сообщения, Дона? Они оба до сих пор в районе тюрьмы?

Дона посмотрела на табло времени на дисплее моего мобильного телефона.

— Оба сообщения пришли примерно час назад, и в это время и тот, и другой уезжали с места происшествия на ночь. Ну, так что: мне позвонить кому-нибудь?

Какого черта?

— Позвони всем троим. Скажи, что я буду ждать их всех в гостевом доме в поместье Вики. В конце концов, именно там лежит вторая раковина. Но для начала мне неплохо было бы поесть, поэтому назначь им встречу примерно через час, а если они окажутся там раньше нас, пусть подождут.

Я решила так: если они приедут раньше, а мы опоздаем, мы сможем сосредоточить свои мысли на раковине, а не на... менее приятных вещах. Я посмотрела в зеркало заднего вида и увидела, что Дона послушно выполняет мои инструкции. Я свернула в сторону от поместья Вики. Дона вздернула брови, улыбнулась, но промолчала.

И хорошо сделала, потому что я внезапно превратилась в клубок нервов. Мне совсем не хотелось «разговора» с Бруно, и уж тем более мне не хотелось, чтобы он видел, как на меня действует магия Крида. Не хотела я и того, чтобы Джон видел боль в моих глазах, когда я смотрю на Бруно. Проклятье. Я бы сейчас не отказалась от ритуала очищения, потому что меня жутко мутило и глаза то и дело застилали слезы. Если Адриана заметила, что я слегка позеленела, она ничего не сказала, но я не сомневалась, что она ничего не замечает.

О том, что я явно ошиблась, я узнала через несколько минут. Адриана произнесла без тени юмора:

— Ты должна кое о чем узнать, Селия, потому что с этим тебе придется жить. Никто из нас *не выбирал*, родиться сиреной или нет. Если ты будешь все время переживать из-за того, как твоя природная красота и привлекательность будут влиять на сердца мужчин, любящих тебя, ты в итоге свернешься калачиком в углу и умрешь. — Адриана посмотрела на меня так пристально, что я не смогла не встретиться с ней взглядом. — Я не шучу. В буквальном смысле. С другими так и вышло.

— Если ты хотела меня приободрить, то... — короче, над этим надо поразмыслить. — Я отвернулась и устремила взгляд на дорогу. Я была рада тому, что в открытые окошки залетал океанский бриз. Он помогал мне успокоиться. — Давайте раздобудем где-нибудь еду, пока я не начала кидаться на людей.

Глава 19

У гостевого дома стояли три машины, но людей видно не было. Подъезжая, я заметила Инес, медленно поднимающуюся по лестнице главного дома.

О черт. Она впустила их в мой дом. Блеск. Теперь они небось роются в моих вещах.

Ну нет. Этого они делать не станут. Или станут?

По крайней мере, дом стоял на своем месте, и его стены не таяли на глазах... пока что. В этом был плюс. Да и я немного успокоилась. По всей видимости, когда я голодна, мной овладевают разные эмоции — а не только агрессия. Посетители итальянского ресторана наверняка раньше не видели горько плачущую вампиршу. Кстати, спагетти с соусом из морепродуктов, если это блюдо измельчить блендером, — довольно вкусно. Я была очень

благодарна повару.

Между тем сказать, что мои эмоции в идеальном порядке, было бы преувеличением. Когда я увидела лица двух мужчин, глядящих на мою машину из окна гостиной, у меня противно засосало под ложечкой. Я припарковала минивэн рядом с арендованным «Мустангом» — таким же красным, как знакомый мне «Феррари», но не таким быстрым, и в этот момент зазвонил мой мобильник. Я с огромной готовностью схватила его. Дона укоризненно поцокала языком, выходя из машины.

— Трусиха, — сказала она.

Я отмахнулась от нее. Адриана одарила меня веселым взглядом, по которому было ясно, что она солидарна с Доной. Только этого мне не хватало: два аморальных компаса. Как только дверцы машины закрылись и Адриана с Доной направились к дому, я нажала кнопку ответа.

— Селия Грейвз.

— Добрый вечер, мисс Грейвз. Это Мик Мерфи.

Понедельник еще не наступил.

— Простите, мистер Мерфи, но у меня еще не было возможности поговорить с теми, с кем я собиралась поговорить. Мы разве с вами не на завтра договаривались?

— На завтра. Точно, мэм. Но тут произошло нечто интересное, вот я и подумал, что вы захотите узнать об этом.

Ну ладно. Мне и вправду стало любопытно. Я вышла из машины и зашагала к крыльцу... но подниматься не стала. Остановилась в тени, чтобы просто немного постоять на воздухе. Хотя был декабрь, мне вдруг стало душно в машине. Я это заметила только тогда, когда в салон перестал залетать океанский бриз и я покрылась испариной. Прохладный воздух меня сразу успокоил, вместе с криками чаек, прохладным ветром и плеском волн, разбивавшихся о прибрежные скалы.

— Расскажите мне об этом, — попросила я и мысленно добавила: «Чем дольше, тем лучше».

— Ну вот, — проговорил мистер Мерфи. — Сегодня мне позвонил один пожилой джентльмен по имени Натан Фулбрайт. Его семейство обитает в нашем округе на протяжении жизни нескольких поколений, но я с ним прежде ни разу не встречался. И вдруг он мне ни с того ни с сего звонит и предлагает купить у него ранчо. Самое интересное в том, что он осведомился, какую конкретно сумму денег я унаследовал от мисс Купер.

Вот это да. Мои кроссовки утонули в мягком песке. Я прижалась спиной к столбику крыльца и задумалась.

— А где-то в местных газетах фигурировала унаследованная вами сумма? Или слухи ходили?

— Нет, мэм. Вот почему я и решил, что это важно. У меня просто мороз по коже. Большинство соседей думают, что я получу миллион или около того. Не забывайте, здесь у нас и это — очень большие деньги.

Это действительно были большие деньги — везде, кроме Голливуда.

— И это нормальная цена за землю в ваших краях?

Ответом мне был хриплый смех.

— Нет. И близко нет. Местность хорошая, и вдобавок всегда ходили слухи про то, что у этого Фулбрайта там небольшой алмазный прииск, но в остальном — земля как земля. Даже как пастбище — и то не очень. Если все перепахать, то, может быть, можно чем-то засеять. По площади там чуть больше двенадцати сотен акров. Но земля в округе стоит не больше трех тысяч за акр.

— Алмазный прииск? В Арканзасе есть алмазы?

— Да, мэм, кое-где есть. И на паре приисков идет неплохая добыча. Чаще всего алмазные жилы промышленного уровня, но есть несколько приисков, где добывают алмазы ювелирного качества. Я говорил с моим боссом, судьей, и он думает, что Натан потому предлагает мне купить у него землю, чтобы она не досталась двум его сыновьям, которые

слишком жадные до денег. Это я понять могу. Сынки у него и вправду беспредельщики. Их никто не любит, никто им не доверяет. Их имена мне не раз встречались по судебным делам.

Ситуация, как у Вики, с точностью до наоборот.

— Я так понимаю, что весь вопрос в том, интересуется вас эта покупка?

Мистер Мерфи шумно выдохнул.

— Честно говоря, я еще не успел толком поразмыслить об этом. Вот только что закончил разговор с Фулбрайтом по телефону, и мы тут же решили позвонить вам и узнать, что вы думаете. Понимаете, местность сама по себе очень красивая — с видом на реку, и некоторые участки просто очень хороши. Но за такие деньги хотелось бы что-то по-настоящему особенное. Я просто не знаю, что бы это такое могло быть, и я не думаю, что Фулбрайт ничего не скажет мне, если я спрошу, пока мы не подпишем договор.

— А тогда уже слишком поздно будет огорчаться.

Судя по голосу, Мерфи уже думал об этой проблеме.

— Да, мэм. Фулбрайт даже предложил мне плату в рассрочку, если унаследованной суммы не хватит. В общем, видимо, с отказом от наследства придется повременить — по крайней мере до тех пор, пока мы не узнаем, что к чему. Молли со мной согласна: как-то уж все это не случайно, а поэтому отказываться не стоит. Я сказал Фулбрайту, что позвоню на следующей неделе после того, как переговорю с женой и адвокатами. Про вас я ему не говорил, но для меня вы связаны с адвокатами.

— Хорошо, что вы позвонили. Я посмотрю, что можно выяснить здесь, а вы постарайтесь побольше узнать у себя. Никому не рассказывайте, но попробуйте провести тайное расследование.

Мерфи хмыкнул.

— Молли уже приступила к действиям. Закинула, как говорится, удочку в своем швейном кружке. К утру мы будем знать все об этой семейке. Я дам вам знать, что нам удалось выяснить, но дело может затянуться до вторника. Фулбрайт спросил у меня разрешения зайти к нам и потолковать завтра. Он бы хотел познакомиться с Молли и девочками, но дал четко понять, что зайти желает днем. Стало быть, придется в полдень пригласить его в наше кафе. Мы каждый день встречаемся там и обедаем.

Все развивалось просто стремительно, но с видениями порой именно так все и бывает. Нажми на правильную кнопку — и пошло-поехало. Неожиданно мое внимание привлекло какое-то странное движение. Я повернула голову и заметила около машин песчаный «колдунчик». Ветер взвихрил песок и завертел его воронкой. В лучах закатного солнца песчинки засверкали. А может быть, это были не песчинки?

— Мистер Мерфи, — пробормотала я, — мне кажется, Вики здесь. Позвольте мне поговорить с ней и узнать, что она обо всем этом думает.

Мерфи беззаботно рассмеялся.

— Пожалуйста, называйте меня просто «Мик». Для меня «мистер Мерфи» — это мой дед. Так забавно слышать от вас, что мисс Вики рядом — будто она подходит к вам по дорожке. Похоже, у вас с призраками все легко и просто. А вы сама случаем не медиум?

Я давно сама себе задавала этот вопрос. Но я общалась только с двумя призраками.

— К счастью, нет. Но похоже, я им нравлюсь.

Мерфи снова рассмеялся, и мы распрощались.

Я не отрывала глаз от маленького смерча, прыгающего по крышам автомобилей. Я вышла из тени под теплое солнце, и у меня тут же защипало нос в тех местах, где выступила испарина. Значит, крем от загара кое-где стерся. Я обратилась к искрящемуся смерчу:

— Ну, ты слышала? Что думаешь?

Конечно, у духа Вики не было никакой возможности ответить мне в письменной форме — поблизости не было стекол. Но я ошиблась. Призрак взметнулся ввысь, и на поверхности витражного окна возникли морозные буквы высотой в пару футов: *«Да! Узнай... срочно!»*

Срочно? Откуда взялась срочность, а не просто некое небольшое любопытство. Но Вики вправду была очень взволнованна. Настолько, что у витражного окна появились все,

кто находился в моем доме. Они подошли, чтобы посмотреть на парящий в воздухе песчаный «колдунчик».

— Хорошо. В следующий раз я с ним поговорю во вторник.

Но дух Вики не успокоился. Она принялась писать на окне снова — поверх прежних букв. Это было совсем не похоже на нее. Я не сразу разобрала, что она написала. *«Нет! Поезжай туда. Поспеши».*

Поехать туда? В Арканзас?

— Милая, но на сделку по купле-продаже земли уйдет несколько месяцев, даже если договор подпишут сегодня. А нам сначала нужно разобраться с нешуточным кризисом здесь.

И снова на окне появились буквы поверх уже написанных. Вики даже не стала ждать, пока солнце растопит иней, которым были начертаны ее предыдущие слова. *«Тот же кризис... Я знаю!»*

О черт. Уж не открылся ли в Арканзасе второй разлом? Почему сейчас и почему именно там? Но может быть, все было проще? Мне нужно было поговорить с людьми, которые могли понять ситуацию лучше меня, и к счастью, эти люди находились совсем рядом.

— Ты слишком сильно волнуешься, Вик. Тебе нужно расслабиться и перестроиться. Я поговорю с остальными, а потом мы снова потолкуем с тобой. Ладно?

«Ладно».

И призрак исчез. Песок упал на кусты, издав такой звук, словно мусорная машина разгрузилась. Я вздохнула, взяла веник, который держу возле крыльца, и поспешно смела песок, чтобы кусты не сломались под его весом.

Я поднялась на крыльцо. Мысли отчаянно металась у меня в голове. Какое отношение мог владелец алмазного прииска в Арканзасе иметь к демоническому разлому пространства в Калифорнии? И почему так важно было, чтобы эту землю приобрели в собственность Мик и Молли Мерфи?

Уйма других вопросов и разрозненных мыслей проносилась по моему сознанию в тот момент, когда я открыла дверь.

— Что это там такое творилось? — спросил Бруно, и я перевела рассеянный взгляд со своих кроссовок на его лицо. Он стоял у витражного окна и пытался разобрать написанное Вики. Это было не так-то просто при том, что буквы перекрещивались, накладывались одна на другую.

— Долгая история, — призналась я. — Хочешь, чтобы я сначала рассказала об этом, или расскажешь мне, о чем вы тут говорили?

Ответил мне не Бруно, а доктор Слоун:

— Определенно, нам следовало бы обобщить все имеющиеся в нашем распоряжении сведения. Тогда мы могли бы найти ответы на вопросы, которые мы задавали друг другу.

Как обычно, в том, что он говорил, прослеживался глубокий смысл. Морщинистая, смуглая веснушчатая кожа старика словно бы побледнела. Казалось, он пережил шок. О том же говорили его слезящиеся глаза.

И тогда я рассказала всем о звонке Мерфи и о том, как на это отреагировала Вики. Довольно долго все молчали. Я воспользовалась этим, чтобы обвести взглядом гостиную и найти, где сесть. Обычно я не устраиваю вечеринок, а сегодня у меня собралось столько народа, что не осталось ни одного свободного места. Крид устроился в моем любимом кресле, в мягкости подушек которого я буквально тонула. Мне предстояло удовольствоваться деревянным стулом из кухни, поскольку не в моих правилах было сгонять гостя с выбранного им места — тем более что этому гостю было явно чертовски удобно.

Но стоило мне направиться к кухне, как Крид встал и загородил мне дорогу.

— Садись. Я принесу стул.

Да уж. Очень неприятно иметь в доме телепата. Я улыбнулась и с благодарностью опустила в любимое кресло, и меня встретило тепло и приятное покалывание остаточной магии. Бруно все заметил, и это ему не понравилось, но что он мог сказать против любезного

поведения Джона — так, чтобы самому не выставить себя невежей?

К счастью, Крид решил вести себя по-джентльменски и принес не один стул, а два. Он поставил стулья по обе стороны от моего кресла, на один сел сам, а второй предложил Бруно, скосив глаза и кивнув. Ясно. Решил играть по-честному. Я присудила ему несколько очков. Бруно сел и коснулся моей руки. Я ему улыбнулась. Магия ласкала меня с обеих сторон. Я словно бы угодила в кресло-массажер.

— Мисс Грейвз, — проговорил доктор Слоун через несколько секунд, — могли бы мы услышать, как звучит рог?

Да, неплохая мысль. Адриана протянула мне раковину. Когда я встала и подошла к ней, в первый момент она «рог Тритона» не отпустила. Пристально глядя на меня, она прошептала:

— Если ты когда-нибудь усомнишься в том, течет ли в твоих жилах наша кровь, отбрось сомнения. Стоило тебе войти в комнату, как для этих двоих я уподобилась садовой статуе.

Я вспыхнула от смущения. Сидевшая рядом с Адрианой Дона встретила меня улыбкой Моны Лизы. Я не смела обернуться и показать свой румянец Джону и Бруно, поэтому я взяла раковину и поднесла к губам. Точно так же, как в салоне машины, воздух наполнила низкая, чистая и густая нота. Я услышала, как где-то вдалеке треснуло стекло, и сразу отняла раковину от губ. Но звук длился еще долго. Я почувствовала, что кто-то прикоснулся к моей руке, повернула голову и увидела стоящего рядом со мной Бруно.

— Пойди сюда, — сказал он, — и сделай это снова.

Крид торопливо рисовал мелом символы между двумя кругами... на моем полированном паркете!

— Ох! — вырвалось у меня. — Будет лучше, если ты потом все это вытрешь. Лак может потрескаться.

Крид поднял голову и удивленно посмотрел на меня, а потом опустил глаза и вычертил последний символ.

— Ты потом меня поблаговаришь, когда поймешь, что в буфете у тебя разбилось только несколько бокалов, а не все до одного.

Туше. Убедил.

Не отпуская мою руку, Бруно изучил взглядом круги.

— Ты начертал два идентификационных заклинания. Что еще мы разыскиваем?

Крид пожал плечами.

— Заклятие может лежать на раковине, а может — на Селии. Нет смысла рисовать отдельный круг потом, лучше одновременно.

Бруно что-то проворчал и кивнул, после чего поставил меня в центр круга. Затем он нахмурил брови, опустился на колени и начертал строгий и сложный символ, значительно отличавшийся от плавных, изящных линий письма Крида. Крид заметил это, сложил руки на груди и вздернул брови.

— Занятно. А я не подумал о заклятии-растяжке, чтобы задержать рог, если что-то пойдет не так. Предусмотрительно.

— Обстоятельства уникальны, — отозвался Бруно, но я не поняла, порадовала ли его похвала Крида.

Как жаль — ведь они вполне могли подружиться... если бы не я. Бруно прикоснулся к моей ноге, чтобы привлечь мое внимание, и встал.

— Так... План такой: поднеси раковину к губам и сделай вдох. Но не дуй в рог до тех пор, пока мы не поднимем круговой магический барьер.

— А почему первым делом не поднять барьер?

Крид ответил:

— Не исключено, что защитное заклинание, каким бы оно ни было, имеет нечто вроде предохранителей, препятствующих идентификации. Ни мне, ни Бруно не удалось обнаружить открытого заклятия или остаточной магии в раковине. Следовательно, заклятие

может крыться в самом ее звучании. Я... что-то почувствовал, когда ты дула в рог. Что-то такое, чего раньше не было.

Бруно кивнул.

— Я тоже это ощутил. Но если мы поднимем магический барьер, ты вряд ли сможешь поднести рог к губам и сделать вдох. Поэтому мы и просим тебя сделать это заранее. Потом, по идее, ничто не должно помешать тебе дунуть в раковину, но если ты почувствуешь сопротивление, махни рукой или топни ногой — дай нам каким-то образом знать об этом. Тогда мы опустим барьер.

— Послушайте, ребята, вас послушать, так и вообще в этот рог дуть не захочется. — Я опустила глаза и обвела взглядом круг. Я начала немного нервничать. — Ну ладно, чертовски здорово, что я доверяю вам *обоим* и надеюсь, что вы меня сбережете.

Крид подмигнул мне.

— Чертовски здорово, что ты такая живучая.

Бруно улыбнулся, и у меня немного полегчало на сердце.

— Благодаря тому вампиру теперь тебя стало легче оберегать.

Ну понятно. Жаль, что никто не снимал этого на видео. Я поднесла раковину к губам и сделала глубокий вдох. Затем подняла указательный палец, чтобы Крид и Бруно поняли, что я готова. Золотистые глаза Крида и темно-карие Бруно полыхнули зарядом магии. Они встали по обе стороны от круга и начали шепотом произносить слова и звуки, которые, на мой взгляд, куда больше годились для темной ночи и прохладных простыней.

Если бы я уже не сделала вдох, у меня бы перехватило дух от ощущения магии. Разряды магической энергии потрескивали, касаясь моей кожи, энергия сжимала меня, и от этого возникало чувство, подобное клаустрофобии. Бруно и Крид не дали мне знак, но я догадалась, что магический барьер возведен, когда все волосы у меня на коже встали торчком. Я дунула в рог — на этот раз уже не робко, а изо всех сил. Звук заполнил собой круг и был готов рвануться дальше. Вибрация эхом отдалась у меня в груди, но при этом барабанные перепонки не заболели. Звук представлял собой негромкий, приятный гул — словно бы издалека донесся шум федеральной трассы. Я рискнула бросить взгляд на магов и обнаружила, что они отступили от круга на несколько футов. Барьер более не представлял собой вертикальную стену, он приобрел форму конуса, и, видимо, иначе сохранить его целостность Бруно и Джон не могли. Их руки стремительно метались в воздухе, их глаза стали подобны парам горящих звезд. Я еще не успела начать волноваться, когда Бруно вдруг повернул голову и что-то прокричал остальным людям в комнате. Я не расслышала его голос за глубокой, темной стеной звука древнего рога, но паника в глазах моих друзей заставила меня отвести раковину от губ. Все, кроме Бруно и Джона, сели на корточки и спрятались за спинками кресел и стульев, а некоторые даже выбежали из гостиной.

Ничего хорошего.

Крид и Бруно начали переговариваться через отделявшее их друг от друга расстояние. Воздух внутри круга стал подобен колеблющемуся мареvu, но я все еще не слышала их голосов и стала пытаться хоть что-то прочесть по губам. Что бы они там ни решили, Дона вдруг по команде Крида сорвалась с места, бросилась к парадной двери и открыла ее нараспашку.

Пальцы Крида задвигались неторопливо и изящно. Он произвел такие движения, словно потянул на себя веревку, и я сразу ощутила прикосновение магии. Казалось, кто-то включил мощный пылесос и прижал к моей коже край шланга. Я попыталась сделать шаг к двери, потому что мне показалось, что Крид старается передвинуть барьер в ту сторону. Но Бруно описывал руками отчаянные, широкие круги, и я прочла на его губах слово «нет!». Я поставила ногу на место, а Бруно прижал руку к груди и судорожно выдохнул. Впечатление было такое, словно я только что вызвала у него сердечный приступ.

Тянущее ощущение превратилось в настоящую боль, когда Крид начал пятиться к двери. Бруно заметил, как я морщусь от боли, и взглядом выразил мне сострадание, но дал понять, что мне лучше не сходить с места. У меня было такое ощущение, словно меня

кусают тысячи крошечных муравьев. Воздух уподобился загустевшему меду, ставшему почти твердым, и наполнился острыми кристалликами, которые врезались в меня, стоило мне хотя бы чуточку пошевелиться. Мне большого труда стоило не делать ничего, а только дышать.

Когда Крид наконец добрался до двери, он что-то крикнул Бруно, а тот поднял руки и поставил ноги на ширину плеч. С явно колоссальным усилием он словно бы швырнул заряд энергии вперед, и я не устояла на ногах под напором магической энергии. Я упала на колени, а это было не так-то просто — при том, что я всеми силами старалась остаться внутри круга. Я села на корточки и уперлась в пол ладонями, чтобы не сдвинуться.

Я зажмурилась и постаралась отрешиться от запаха горячей древесины и паленых волос, окутавшего меня, а также от тянущей боли в боку. Мысль была только одна: *«Пожалуйста, не разрушайте мой дом»*.

Когда наконец ко мне пришло освобождение, оно было подобно тому, как если бы во время урагана захлопнулась дверь. Внезапное безмолвие и отсутствие ветра обескураживает тебя. Меня качнуло назад, и, как сильно я ни старалась удержать равновесие, я понимала, что вот-вот шагну за круг.

В это мгновение меня подхватили сильные руки и я очутилась в объятиях севшего на пол Бруно и увидела перед собой его лицо, в котором читалось радостное облегчение. Его губы шевелились, но звуки достигли моих ушей с опозданием на несколько секунд — совсем как в третьесортном фильме о кунг-фу.

— Это было круто.

Все звуки возвратились ко мне резко, шумно, разом, и я услышала, как ветер свистит за дверью и как тикают висящие на стене часы «Kit-Cat».²¹

— Что случилось? — Мой голос прозвучал еле слышно, да и я чувствовала себя слабой и невесомой. Сердце у меня колотилось панически быстро. — Все живы?

Бруно бережно сжал мою руку.

— Ну, женщина, ты меня и напугала. Если бы ты вышла за круг, мы бы собирали обломки этого дома в центре Лос-Анджелеса.

Я огляделась по сторонам. В доме все выглядело нормально, а вот Крид меня испугал. Он стоял на коленях на полу у двери, держа руки на бедрах, и пытался отдышаться. Не глядя на меня, он встретился глазами с Бруно.

— Мы должны придумать способ, как укрепить барьер. Я никак не предполагал, что придется выдержать нечто подобное. Круг еле удержался — мне пришлось увести его край за дверь. Но при этом у меня такое впечатление, что Селия не особенно напрягалась. Идентификационные заклинания хоть что-то дали? Мы понимаем, с чем имеем дело?

Я могла не спрашивать, о каком барьере речь. Бруно и Крид явно выстроили долгосрочный план — что я дуну в рог и, возможно, разлом закроется. Бруно кивнул и неохотно отпустил меня. Я села на пол. Бруно повернулся и устремил взгляд на круг, который теперь уже не был очерчен мелом, а представлял собой обуглившееся, дымящееся, развороченное кольцо. О господи... мой дубовый паркет!

Бруно смотрел на сохранившиеся символы с таким видом, словно читал отчет.

— Заклятие явно наложено на раковину. Никогда не видел ничего подобного. Посмотри и скажи, что думаешь, Джон.

Ух ты... Они уже начали работать командой. Крид медленно поднялся на ноги и оттолкнулся от дверного косяка с такой же жуткой усталостью, какая сковала его по рукам и ногам около тюремной больницы. Он несколько раз повел головой из стороны в сторону и заморгал так, словно ничего не видел. С трудом дошагав до круга, он посмотрел туда, куда указывал Бруно. Я потянула обоих за брючины.

---

²¹ Настенные часы в форме черного кота, у которого маятником служит виляющий хвост. В такт с хвостом кот водит из стороны в сторону глазами. Интересно, что название «Kit-Cat» является анаграммой «тик-так».

— Спасибо вам, ребята. Думаю, у менее опытных магов могло получиться куда хуже. Простите за то, что со мной столько хлопот.

Бруно с улыбкой сжал мою руку, а Крид ласково взъерошил мои волосы, подмигнул и сказал:

— Тебя хлебом не корми — дай прыгнуть с одним только запасным парашютом, Селия. И стоит тебе уцелеть, как тебя сразу тянет вернуться и попробовать снова.

Из-за кухонной двери донесся голос Доны:

— Вы там все живы?

Бруно расхохотался.

— Едва. Но — да, на берегу чисто. Возвращайся, обсудим.

Первым вошел доктор Слоун. Он стремительно прошагал мимо меня и опустился на колени рядом с кругом. Раковина все еще лежала в середине почерневшего кольца. Доктор Слоун, опустившись на колени, с трепетным благоговением взял ее.

— Поразительно. И при этом никто из вас не выявил никаких признаков магии, когда осматривал рог. Что вы теперь скажете? — Он протянул раковину тому магу, который был ближе к нему. Это оказался Крид. — После того как Селия подула в рог, что-нибудь активировалось?

Крид, держа раковину в одной руке, провел над ней другой. Он покачал головой.

— Клянусь могилой моей бабушки: это *не* артефакт.

Слоун вскочил на ноги с проворством, делавшим ему честь.

— А как насчет второго рога? Вы говорили, что вторая раковина здесь, у вас в доме.

Мой гигантский стромбус, он же «королевский рог», как обычно лежал на своем почетном месте — на каминной полке. Я указала на раковину, и доктор Слоун принес ее и с волнением сунул мне в руки, сверкая глазами.

— Попробуйте дунуть в этот рог. Может быть, он зазвучит теперь, когда другая раковина рядом?

Я указала на дымящийся пол внутри круга.

— А может быть, нам стоит перенести эксперименты наружу? Мне ведь потом тут жить.

На самом деле, я сама была виновата: ведь я видела, как от звука рога треснуло лобовое стекло в машине. Я вернула «королевский рог» Слоуну. Взяв раковину, он с силой притянул к себе мою руку. Господи, а где же свобода частной жизни?

— Потрясающе! Вы замечали, что ваше «пятно смерти» становится темнее после того, как вы побываете на краю гибели?

Вот как? Темнеет? Я уставилась на свою ладонь и поняла, что Слоун прав. После ритуала экзорцизма пятно побледнело, его едва можно было различить. А теперь оно словно бы обновилось, стало ярко-розовым, как кожа, с которой содрали коросту.

В следующее мгновение Слоун повернул мою руку ладонью ко всем остальным, чтобы они увидели пятно.

Первым вопрос задал Крид:

— Ты этой рукой держала рог?

Я подумала и покачала головой.

— Нет. Эту руку я опустила. Я ей ничего не делала. — Я понуро опустила голову. — По крайней мере, до тех пор пока я не потеряла равновесие. Тогда я уперлась в пол обеими руками.

Бруно сказал:

— *Вот когда* пол задымился!

Ну, блеск. Как раз то, что я мечтала услышать. Я знала, что «пятно смерти» нельзя удалить, не убив при этом меня, но если с помощью пятна можно спалить дом, в котором я нахожусь... в общем, ничего хорошего.

Но Крид покачал головой.

— Да, но к этому моменту с кругом уже начало твориться неладное. Происходит два

отдельных события параллельно.

— Это атлантские буквы. — Адриана встала рядом с остальными. Кроме нее, все сидели на полу или на стульях. Она смотрела на четыре новых знака, появившихся на паркете внутри двух концентрических кругов. — Они означают «Эрис». Это же имя начертано на обоих рогах.

Доктор Слоун поднес мою раковину к свету, и его кустистые седые брови поползли вверх и стали похожими на двух гусениц, ползущих по лбу.

— Вы правы! Но на что указывает это заклятие? На раковину, в которую дула мисс Грейвз, на имя заклинательницы... или Эрис и была заклинательницей?

Адриана покачала головой.

— Эрис была королевой Атлантиды. Королевы сирен не могут быть магами. Они не могут иметь никаких даров, кроме собственно сиренского.

Внезапно лицо Адрианы исказила гримаса боли. Но я знала, как она горда, поэтому я удержалась от утешений. Быть может, когда-нибудь, наедине. Но не здесь, при таком скоплении народа.

— Однако у нее наверняка имелись жрицы, и многие из них могли владеть магией.

Крид указал на отметины на полу.

— Моя работа была направлена на то, чтобы узнать название заклятия, а не имя заклинателя или владельца рога. Поэтому я должен предположить, что заклятие называется «Эрис». Вполне возможно, что некто сотворил это заклятие в единственном, так сказать, экземпляре, для конкретного случая. Проблема в том...

Бруно завершил его мысль:

— Что такого заклятия в книгах нет. Его невозможно воссоздать, ему ничего невозможно противопоставить. Такое заклятие способно сотворить что угодно. Оно могло закрыть разлом, открыть его, разрушить мир. Мы ничего не узнаем, не активировав его и не дав ему подействовать.

Я указала на дымящийся круг.

— Разве только что мы не дали ему подействовать?

Бруно и Крид в унисон покачали головой. Бруно ответил:

— Нет. Как только ты отвела раковину от губ, действие заклятия прекратилось. Мы взяли на себя его энергию и увели от дома, но я понятия не имею, что могло случиться в следующий момент.

— Но как тот, кто дул в рог, мог понять, что действие заклятия совершилось? — спросила я, старательно подбирая слова. Я все еще надеялась, что кто-то кроме меня сумеет справиться с этим делом.

Крид пожал плечами и беспомощно поднял руки.

— Начистоту? Возможно, рог просто переставал звучать. Вполне вероятно, что сейчас он звучит исключительно потому, что ощущает близость разлома, — возможно, он и послужил активатором заклятия.

Мне это не показалось слишком убедительным.

— Это всего лишь догадка. Пока что только я одна способна заставить «рог Тритона» звучать. Но, возможно, существует человек сто, кто мог бы этого добиться. Я не знаю, зазвучала ли бы раковина год назад, потому что я ее ни разу не видела раньше, пока Адриана не принесла ее мне. — И тут возникал другой вопрос, который вертелся у меня в голове уже некоторое время: — А кстати, *почему* ты принесла его мне? Почему Окалани не перебросила тебя прямоком к разлому?

Адриана изящно пожала плечами — так грациозно это умеют делать только профессиональные танцовщицы.

— У меня было видение: я увидела, что отдаю тебе рог. К тому же, кроме тебя, я ни с кем на материке не знакома. Больше никому я не смогла бы доверить столь драгоценный предмет.

Железная логика. Не поспоришь. Крид поднялся на ноги и протянул мне руку. Я

ухватила за нее, и он потянул меня к себе. Довольно резко — так, что я на миг прижалась к нему и только потом смогла отстраниться. Но Крид явно не был против, как и мое тело.

На всякий случай я протянула руку Бруно, и повторилось то же упражнение. Странно — но, несмотря на всю сверхъестественную силу моего бывшего жениха, на него я таким же образом не среагировала. В магии Крида было нечто такое, от чего мое тело пело. Но от взгляда рослого плечистого итальянца у меня засосало под ложечкой. Ох...

Доктор Слоун нашу маленькую песню с танцем не заметил, а обе дамы — да. Дона смотрела на меня во все глаза. Наверняка она едва могла дожидаться возможности поговорить со мной с глаза на глаз и расспросить о подробностях. Но голос доктора Слоуна заставил меня оторвать взгляд от Доны и посмотреть на раковину, которую профессор держал в руках.

— Я понимаю ваше мнение насчет цели и масштаба заклęcia. Но нам действительно нужно испытать «королевский рог» и узнать, сможете ли вы заставить его зазвучать. Нам нужно выйти на берег.

С этими словами доктор Слоун поднялся со стула и направился к выходу из дома, держа по раковине в обеих руках. Я пожала плечами и знаком дала остальным понять, что сама не против пойти за Слоуном и всем советую. Мне совсем не хотелось, чтобы кто-то или что-то явилось и отняло у меня друзей.

Двадцать минут спустя мы не стали ближе к ответу на вопрос, чем в самом начале. Нет, я не смогла извлечь ни единого звука из «королевского рога». И никто не смог. «Рог Тритона» звучал только у меня и откликался на мое легчайшее дыхание.

В то время когда маги приступили к проверке обеих раковин внутри магических кругов, я удалилась в тень самой пышной пальмы, какую только смогла разыскать на берегу, поскольку солнце клонилось к закату и мне была нужна защита от его лучей. Мне не помешало бы снова густо намазаться кремом от загара, а его у меня под руками не было. По всей видимости, я оставила бутылочку с кремом в гостинице, потому что в салоне арендованной машины я ее не нашла. Где-то, в одной из моих сумок, лежала еще одна бутылочка крема, но мы собирались в такой спешке, что я не могла вспомнить, куда ее засунула.

Кроме того, несмотря на то что еще не прошло четырех часов, мне следовало подкрепиться питательным коктейлем. Фигуры людей на берегу начали светиться и пульсировать, и этому ощущению совсем не помогало то, что все вокруг было пропитано магией.

Я сидела, обхватив колени руками, в маленьком круге тени, и вдруг мне пришла мысль о том, что я слишком долго позволяю событиям властвовать надо мной. Отдых на спа-курорте, на который я возлагала такие надежды, не оправдал себя. Правда... некоторые части моего тела до сих пор ощущали приятное расслабление. Наверное, стоило радоваться тому, что я все еще способна ощущать эротические радости после укуса вампира. Неплохо было узнать об этом заранее, прежде чем я вступлю с кем-то в серьезные отношения.

Но между моим телом, разумом и духом не было согласия. Я знала лекарство от этого. К счастью, места в тени для меня хватало, чтобы сидеть прижавшись спиной к стволу в позе лотоса. Я занималась йогой несколько лет, но в последнее время на меня столько всего навалилось, что я перестала уделять занятиям подобающее время. И вот теперь, когда все остальные были заняты и не обращали на меня внимания, я решила, что мне совсем не помешают минут десять хорошей, плотной медитации.

Я сделала глубокий вдох для концентрации и скрестила ноги. Боль в бедрах напомнила мне о том, чем чреваты перерывы в занятиях. Ох... Но преодоление боли является частью процесса, поэтому я терпеливо сложила руки «ковшиком» и опустила на колени. Стоило мне закрыть глаза — и мир исчез, и вскоре я стала слышать только шум волн, крики чаек и шелест ветра в листве пальмы. Я представила, что окружена водой, и в следующее мгновение закачалась на волнах, позволяя океану нести меня, куда он пожелает.

Сделав с десяток медленных глубоких вдохов, я услышала рядом с собой голос Бруно:

— Сели? Милая? Я... не хотелось тебе мешать, но нам хотелось бы получить обратно берег.

Я озадаченно заморгала и постаралась сосредоточить взгляд на лице Бруно. Шум волн усилился, мне стало... сыро. Опустив глаза, я увидела, что волны заливают берег, но я еще ни разу не видела, чтобы прилив заходил так далеко в глубь суши. Вода плескалась вокруг тени, отбрасываемой пальмой, но меня, как ни странно, не задевала. Запрокинув голову, я увидела не меньше десятка чаек, рассеявшихся по ветвям и глядящих на меня любопытными черными глазами.

Что за черт?

— Что происходит?

Бруно пожал плечами.

— Твоя кузина говорит, что это твоих рук дело, но я понятия не имею, как это исправить.

Я подняла руку и поманила к себе кузину. Адриана изможденно вздохнула и пошлепала по воде ко мне, закатав брюки до колен и держа в руке светло-коричневые матерчатые туфли. Она заговорила со мной, не дав мне задать вопрос:

— Вода отвечает тебе, как всем прочим сиренам. Стоит тебе позвать — и вода разыскивает тебя. Так бывало, когда в древности сирены призывали океан, чтобы он разбивал о камни корабли и губил моряков. К несчастью, я не обладаю способностью прогнать волны от берега. Не знаю, поможет ли это, но моя мать просто прогоняет воду жестами, как убежавшего со двора щенка.

Щенка... Океан — не щенок. Но кто я была такая, чтобы пререкаться? Я сделала несколько движений руками, как если бы кого-то пыталась прогнать.

— Иди, иди. Ступай обратно, во двор.

Бруно рассмеялся, а я покачала головой, мысленно ругая себя за то, что поверила, что такое возможно. Сначала я решила, что мне просто кажется, но будь я проклята, если волны не начали отступать от дерева с каждым моим движением. Может быть, и с чайками могло получиться? Я запрокинула голову и произвела руками те же движения.

— Кыш. Кыш! Летите, поищите себе рыбу!

Захлопали сильные крылья, и птицы взмыли в воздух и вскоре скрылись вдали.

— Ой. Ну надо же! — Я посмотрела на Адриану. — Наверное, стоит рассказать об этом королеве? Да?

Широко раскрыв глаза, Адриана склонила голову к плечу и кивнула.

— Я расскажу. Тебе стоит научиться контролировать себя, ибо твой дар растет и крепнет. Такие способности для сирен совершенно естественны, однако волны могут прихлынуть неожиданно, и тогда возникают неудобства.

Она многозначительно глянула на меня, отвернулась и ушла назад по мокрому песку — туда, где ее ждали остальные.

Понятно. В неожиданности нет ничего хорошего. В будущем мне стоило это предвидеть при медитациях, когда я начну воображать траву и полевые цветы. Или прерию, или песчаную пустыню.

Все что угодно, кроме воды. Мне совсем не хотелось, чтобы у двери моей спальни заплескались волны только потому, что я расслабилась во время медитации. Дверь — на втором этаже. А машина стоит возле первого.

— Возможно, это намек на то, что на сегодня нам пора свернуться. Мне пора покорми... *поесть*, и я думаю, всем нам не помешает отдохнуть. Мы не успеем заметить, как наступит завтра.

Бруно кивнул.

— Мы с Джоном сотворим временные магические барьеры для рогов — отдельный для каждого, чтобы они не соприкоснулись... и не зазвучали.

Я сделала глубокий вдох.

— Спасибо тебе за то, что согласился работать вместе с ним. На самом деле между нами ничего такого нет. Это только кажется.

Бруно вздохнул. В его карих глазах я увидела боль, которую с радостью прогнала бы, если бы сумела.

— Есть, — проговорил Бруно. — Есть именно то, что кажется. Но он мне очень четко дал понять, что это я бросил тебя, а потому не имею права винить его в том, что он тебя поймал. — Бруно в отчаянии покачал головой. — Жаль, что он так чертовски *талантлив*. Было бы легче ненавидеть его, если бы я так сильно его не уважал.

Я не знала, что на это сказать. Мы растерянно смотрели друг на друга. Я взяла Бруно за руку и бережно сжала.

— Крид очень добр ко мне. Не могу отрицать: перед ним трудно устоять. Но мы с ним не зашли так далеко, как с тобой, — если это тебя хоть немного утешит.

Бруно улыбнулся и рассмеялся — но не так весело и беззаботно, как с ним бывало раньше.

— Немного. Но я не могу не замечать, как вы с ним друг на друга смотрите, и если честно, не могу сказать — может быть, тебе с ним будет лучше. Мне нужно... о многом подумать. — Он поднес мою руку к губам и нежно поцеловал. — Я люблю тебя, Сели. Ты это знаешь.

Я рассмеялась, хотя была готова расплакаться.

— Ты и тогда меня любил, когда ушел. И раньше тоже.

Бруно кивнул, взял меня под руку и повел по берегу к дому. Джон стоял около «Мустанга», скрестив руки на груди.

У меня было предчувствие, что ночь будет долгой и беспокойной для нас обоих.

А может быть, для нас троих.

Глава 20

Ночь сменилась утром, а я не сомкнула глаз. Лежала и считала секунды. Сон не шел ко мне. Я даже попыталась принять снотворное. Обратите внимание: лекарства, которые следует принимать с едой, действуют неважно, когда у вас в желудке только жидкость. И не имеет значения, насколько эта пища питательна. Лекарство упорно стремилось наружу и вырвалось-таки, а потом мне пришлось хорошенько прополоскать рот и выпить новую бутылочку коктейля.

Но даже те отвратительные звуки, которые я издавала, когда меня тошнило, не разбудили Адриану. После того как мы с ней до поздней ночи засиделись за библиотечными книжками, я предложила Адриане переночевать у меня. Она осталась, потому что не хотела вызвать гнев матери новой просьбой о том, чтобы Окалани телепортировала ее после «комендантского часа». Я встречалась с матерью девочки и прекрасно поняла свою кузину.

Я побродила по дому, громко зевая. Наконец вторая чашка кофе придала мне некое подобие бодрствования. Я обнаружила, что если подлить шоколадно-молочный коктейль в кофе, то получается похоже на кофе с сахаром и сливками, как я люблю, и вдобавок появляется шоколадный привкус. Шагая по коридору с чашкой в руке, я в третий раз постучала в дверь спальни Адрианы.

— Просыпайся, Адриана. Уже день. Нам пора.

Я до сих пор не возвратила арендованную машину. Я решила, что Адриана поедет за мной в моей машине, а потом мы вернем просмотренные нами книги и выясним, всю ли нужную литературу взяла из библиотеки Дона.

За время нашего полуночного чтения я узнала, что Адриану попросили встретиться с моим другом Баббой и подыскать для него новую яхту. Конечно, это было до появления разлома, но Адриана была человеком, для которого долг превыше всего, поэтому я не сомневалась, что она всеми силами постарается выполнить поручение.

Адриана на мой стук не отозвалась, но... из-за двери доносились звуки. То ли она кого-

то впустила в комнату и теперь там происходил бурный секс, то ли случилось что-то очень нехорошее. Я попыталась повернуть ручку, но дверь была заперта.

Проклятие. Мне ненавистна была мысль о том, что придется взламывать дверь в собственном доме, но этот замок ключом не открывался.

Тяжкий вздох.

Я поставила чашку с кофе на пол, подальше от двери, чтобы чашка не перевернулась, и прижалась плечом к двери. Я надеялась, что мне удастся выломать замок, не повредив всю дверную раму. Сверхъестественная сила порой чрезвычайно полезна. Дверь была из крепкого дерева. Я давила на нее осторожно, не резко и чувствовала, как створка прогибается под давлением. Все двери в доме необычайно прочные — Вики строила гостевой дом с расчетом на ураган в три балла, — поэтому мне можно было не переживать за то, что слегка потрескается лак. Я надеялась, что, если буду давить плечом прямо по центру двери, она поддастся скорее.

Так и вышло.

Хорошо, что я догадалась упереться рукой в стену, иначе в тот момент, когда дверь открылась, я бы рухнула на пол. В комнате не оказалось ни взломщиков, ни тайных любовников, но я опрометью бросилась к Адриане, которая лежала на полу, запутавшись в простынях, и металась. Глаза у нее закатились, она издавала странные стоны и беспорядочно шевелила руками. Я не раз видела, как такое творилось с Вики. Мать Окалани говорила мне, что Адриана — пророчица. Так сирены именовали ясновидящих. Именно по этой причине ей не суждено было никогда стать королевой. Судя по всему, ее дар пророчества был очень силен.

Я поступила с ней точно так же, как всегда поступала с Вики. Я подхватила Адриану под мышки и усадила, прижав спиной к кровати около тумбочки. Вики однажды чуть было не задохнулась, подавившись собственным языком, во время такого приступа. Потом я приложила к затылку Адрианы смоченное в холодной воде полотенце. Вики всегда утверждала, что это помогает ей вернуться из видения в реальность.

Потом я села и стала ждать. Ясновидицы особенно ранимы во время видений. Их следует оберегать от опасности. Отчасти Вики именно поэтому предпочитала жить в клинике Берчвудз. Некоторые сотрудники клиники были эмпадами. По изменениям в ее эмоциях они догадывались, что у нее видения, и вызывали к ней санитаров.

Только я успела взять кофе и устроиться в мягком кресле в углу, когда Адриана вдруг резко очнулась. Я не сказала ни слова до тех пор, пока она не забросила руку назад, не схватила мокрое полотенце и не уставилась на него с изумленным видом.

— Моя подруга, которая была пророчицей, всегда говорила, что это помогает ей вернуться в реальный мир.

Адриана долго смотрела на меня, словно бы меня не видя, но наконец ее взгляд стал осмысленным, и она кивнула.

— Помогло. Спасибо тебе. Никогда бы не подумала, что такая простая вещь может помочь. Ты как будто бросила мне веревочную лестницу, и я забралась по ней.

Я сделала глоток кофе.

— Пожалуйста. У тебя было видение?

За время общения с Вики я научилась не задавать вопросов, *о чем* было видение. Зачастую она мне ничего не рассказывала из-за того, что либо не доверяла представшим перед ней образам, либо не могла объяснить их сразу же после видения. А порой в видении перед ней могла предстать я, а она не хотела, чтобы я об этом знала. Иногда она отвечала коротко: «Да», — и все. Лишь изредка она делилась со мной подробностями. А вот Эмма, с другой стороны, любила, чтобы ее расспрашивали о деталях. Видения у нее случались не так уж часто, поэтому ей требовалась помощь в их интерпретации. Иногда подругой ясновидицы быть очень трудно, но самим ясновидящим отчаянно нужны друзья, которым плевать на их видения и которые их любят просто так и понимают, когда стоит промолчать, а когда — помочь вспомнить все.

Адриана кивнула.

— Да. И теперь я понимаю, почему дух твоей пророчицы вчера так волновался. Действительно, очень важно, чтобы мы нанесли визит господину из Арканзаса. Сегодня.

Неужели?

— Может быть, ты скажешь мне зачем? Что мы там будем искать?

Адриана покачала головой и опустила глаза. Она явно была в отчаянии.

— Все сложно. Было так много образов... Но я верю, что есть шанс найти там недостающие указания на то, как пользоваться рогами.

— В Арканзасе? Это жутко далеко от Атлантиды. И от острова Безмятежности.

Адриана ухватила за край кровати и тумбочку и поднялась с пола.

— Это верно. Между тем я совершенно уверена. Но нам потребуется помощь. Имеет место мощная магия. Я видела несколько вариантов будущего, где мы находим указания, но были и другие образы — где мы терпим фиаско и погибаем.

Это окрыляло.

— Пожалуй, позвоню кое-кому и узнаю, кто сегодня свободен и готов лететь с нами.

Адриана лучисто улыбнулась мне и принялась застилать постель. Какая хорошая гостья. Я встала и подошла, чтобы помочь Адриане.

— Не нужно. Я справлюсь. Кроме того, я видела рядом с нами одну темнокожую девочку. Но мне придется позвонить на остров. Ты позволишь мне воспользоваться твоим телефоном?

Я вздохнула, подтыкая под подушки край бордового покрывала с рисунком в виде переплетенных колец, подаренного мне бабушкой несколько лет назад.

— Придется мне обзавестись новым тарифным планом. Никогда прежде я так часто не делала международные звонки. Но да, конечно. Звони. А я переоденусь во что-то более подобающее. У тебя есть соображения, куда именно мы направимся?

— С этим будут определенные сложности. Мне стало ясно, что мы должны появиться там неожиданно, иначе тот человек, который приведет нас к указаниям по использованию рогов, нам не встретится. Он сирен и боится, и жаждет встречи с ними, но страха в его отношении к нам больше.

Я нахмурилась. Мне совсем не понравилась идея о том, чтобы на кого-то неожиданно обрушиться и заставить его нас куда-то отвести.

— А знаешь, этот план сродни похищению человека.

Адриана покачала головой.

— Вовсе нет. Просто этот человек немножко испугается. Но как только мы окажемся там, он возражать не будет. — Она склонила голову к плечу, и в ее взгляде я прочла легкую неуверенность. — По крайней мере, мне так кажется.

В этом-то и состоит проблема видений. Многое от тебя закрыто.

— Да будет тебе известно: если он станет возражать, этим все и закончится. Я никем манипулировать не стану. Я тебе уже говорила.

Плечи Адрианы самую малость изящно приподнялись, но она не стала мне возражать.

— Мне надо одеться, чтобы мы могли поскорее тронуться в путь. — Ее взгляд скользнул к настенным часам в форме чайки. — Нам нужно быть на месте через час. Предлагаю тебе подыскать мага, который бы нас сопровождал.

С этими словами Адриана повернулась, отправилась в ванную и закрыла за собой дверь. Пару секунд спустя зашумел душ.

Почти весь ближайший час она готовилась к отбытию, а я звонила то тому, то другому и меняла свое рабочее расписание... опять. Более ужасного декабря в плане заработка у меня не было несколько лет. Обычно доход за декабрь позволяет мне бездельничать добрую половину января, а теперь предстояло потуже затянуть пояс. Если, конечно, у меня вообще останутся клиенты после стольких отказов от работы.

Адриана вышла из спальни в тот же момент, когда приехал Бруно. Криду я звонить не стала, потому что вечером он сказал, что сегодня будет занят — много деловых встреч. Но

Бруно мог нам помочь во всем, что могло встретиться на нашем пути. Адриану Бруно поприветствовал коротким кивком. В тонких чертах ее лица отразились изумление и обида. Я понимала, в чем дело: ведь она действительно была невероятно хороша собой и выглядела роскошно. Не знаю, зачем она так разodelась — то ли для того, чтобы сразить Бруно, то ли для того, чтобы произвести неизгладимое впечатление на человека, встреча с которым нам предстояла. Но как бы то ни было, бирюзовое боди, которое я одолжила Адриане, сидел на ней просто бесподобно, так же как и брюки с заниженной талией и потертостями на бедрах. На самом деле вчера вечером было очень весело вместе с Адрианой перебрать мой гардероб. Ни Вики, ни Дона не носили одежду моего размера, поэтому с ними мы почти никогда вещами не обменивались. А с Адрианой мы совпадали по всем параметрам, как близняшки, и хотя у нее были другого цвета волосы, что бы она ни примерила из моей одежды, на ней любая вещь смотрелась лучше.

— Доброе утро. — Когда вошел Бруно, я встала и чмокнула его в щеку. — Спасибо за отзывчивость. Понимаю: я не предупредила тебя заранее, но все получилось спонтанно. — А потом я прошептала ему на ухо: — Ты хотя бы поздоровайся и скажи Адриане, что она хорошо выглядит. Она привыкла, что ей восторгаются.

Глаза Бруно стали испуганными. Он повернулся и посмотрел на Адриану, которая в этот момент усаживалась на диван.

— О. Доброе утро, принцесса. Прошу прощения. Я нынче утром немного рассеян. Вы сегодня чудно выглядите. — Бруно помедлил и смерил меня взглядом с ног до головы. — А ты великолепна, как всегда, Сели. Я порой забываю говорить об этом. Извини.

На самом деле, я на комплемент не напрашивалась, но приняла его.

— Спасибо.

Адриана просияла и царственно склонила голову.

— Доброе утро, маг Де Лука.

Благодарить Бруно за комплимент она не стала, поскольку комплименты полагались ей по статусу.

Бруно присел на корточки рядом с двумя раковинами и осторожно провел кончиками пальцев по линиям двух концентрических кругов, которые все еще слегка вибрировали.

— Честно говоря, я собирался перезвонить тебе и отменить путешествие, поскольку решил, что вы обе порете горячку, но потом... потом я увидел выпуск новостей. А теперь я рад, что взял напрокат быструю машину.

Видимо, Бруно заметил, что я сдвинула брови, потому что кивком указал на телевизор.

— Тебе, пожалуй, стоило бы посмотреть новости, пока я буду готовить раковины к транспортировке.

Я как-то не подумала о том, что мы должны взять раковины с собой, но все же взяла в руку пульт. Адриана повернулась ко мне, вздернув брови. Стоило мне нажать кнопку включения, как гостиная наполнилась воем сирен и красными и зелеными вспышками. Телекамера была нацелена на разлом, который успел втрое увеличиться в размерах и навалился на край защитного купола.

О, проклятье!

— Вот как выглядят окрестности тюремной больницы сегодня утром, Тамара, — прозвучал голов репортера. — Агенты ФБР, государственные и частнопрактикующие маги со всего мира начали прибывать сюда, чтобы укрепить наспех возведенный магический барьер вокруг разлома.

Бруно недовольно буркнул:

— Вовсе не наспех. Послушать этого репортеришку — там мы попросту накрыли разлом куском полиэтилена.

— Ранее сегодня мы побеседовали с представителем ФБР, руководителем штаба на месте происшествия.

На экране появился Риццоли.

— Агент Риццоли, вы могли бы объяснить, что мы видим?

Я сразу поняла, что, на взгляд Риццоли, вопрос был — глупее не придумаешь. То есть все ведь было ясно: посмотришь — и без всяких слов поймешь, что перед тобой. Между тем выражение лица Риццоли осталось спокойным и бесстрастным.

— Дэвид, ситуация становится критической. Мы работаем над различными методами закрытия разлома, но в данный момент наша главная цель — безопасность людей. Губернатор штата дал приказ бойцам Национальной гвардии не подпускать к зоне разлома любопытных зевак, а у меня есть информация о том, что вице-президент направляется сюда для встречи с магами и священниками-воинами. Мы делаем все возможное и будем продолжать убеждать людей держаться подальше от места происшествия, чтобы дать возможность всем, кто трудится в зоне разлома, нормально работать.

Репортер поднес микрофон ближе, и Риццоли сделал полшага назад.

— Не планируется ли эвакуация населения близлежащих городов?

Черт. Только этого не хватало. Теперь, небось, по фривеям никуда не проедешь. Я выключила пультом звук.

— Адриана, ты связалась с Окалани? Она нас телепортирует?

Адриана кивнула, не сводя глаз с экрана. «Уж не видит ли она перед собой подобие гибели Атлантиды? — подумала я. — Наверное, перед ее глазами оживают строки древних свитков».

— Да, — проговорила Адриана. К счастью, как только я объяснила положение вещей королеве-матери, она сразу согласилась, что будет лучше для всех, если Окалани нам поможет. Она скоро прибудет сюда.

Гм-м-м... Адриана обратилась к королеве Лопаке, чтобы та позволила Окалани помочь нам? Может быть, мать Окалани просила королеву перестать использовать ее дочь в качестве королевского такси? Я не могла ее винить. Конечно, телепортация — невероятно удобный вид перемещения в пространстве. Наверняка Адриана уговаривала Лопаку почти весь час, до прибытия Бруно.

Я вернулась взглядом к экрану телевизора, осознав, что пропустила слова Риццоли насчет городов.

— Что он сказал об эвакуации?

— Пока не планируется.

Бруно, сняв магическое поле вокруг раковин, укладывал их в дорожную сумку из тонкого нейлона. Наверное, сумка была складная и он принес ее в кармане, потому что, когда он вошел, в руках у него ничего не было.

— Но, — добавил он, — эвакуация не исключена, поэтому жителей окрестных городов попросили не выключать радио и ждать дальнейших оповещений. — Бруно встал. — А Окалани — это кто? Пилот вертолета? Пожалуй, это для нас сейчас единственный способ поспеть в Арканзас вовремя.

Мы с Адрианой улыбнулись, и я ответила:

— В каком-то смысле.

В это же мгновение послышался стук в дверь, и я встала, чтобы открыть ее. Я с удивлением увидела на пороге Окалани вместе с ее матерью. Обычно Окалани телепортируется прямо в комнату. Я распахнула дверь и жестом пригласила гостей войти.

— Доброе утро, Окалани. Доброе утро...

Черт. Я вдруг поняла, что не знаю имени ее матери. Как неловко...

На выручку мне пришла кузина. Она встала, подошла и прикоснулась к руке женщины.

— Спасибо тебе за то, что позволила нам воспользоваться помощью твоей дочери, Лака.

Лака явно была недовольна.

— Королева объяснила, что выбора нет. Правду говорят о новом демоническом разломе?

Я указала на экран телевизора. Окалани и ее мать вытаращили глаза. Их словно бы потянуло в гостиную, к экрану, на котором красовалась черная, усыпанная звездами прореха

на фоне голубого утреннего неба. Внутри цилиндра магического барьера из разлома падали твари с крыльями, рогами, шерстью и чешуей разного цвета. Время от времени кто-то из них бросался на магическую стену, но их отбрасывало назад или они сгорали под действием святой магии.

— Воды милостивые... — прошептала Лака с ужасом и благоговением. — Неужели это невозможно остановить? — Адриана встала рядом с матерью Окалани, не сводя глаз с экрана.

— Похоже, мы разыскали Тысячелетние роги и уповаем на то, что наше сегодняшнее странствие подскажет нам, как ими пользоваться. Ты сама понимаешь, почему так важна срочность.

Лака от изумления раскрыла рот и произнесла дрожащим голосом:

— Вы нашли роги? Я могу их увидеть? Моя прапрапрабабушка родилась в Атлантиде и жила там несколько лет, прежде чем ее семья перебралась на остров Безмятежности. У нас есть предание о королеве Эрис Справедливой.

Это было произнесено как «король Ричард Львиное Сердце» — так мощно, с таким поклонением, что слово «справедливая» стало частью имени.

Бруно снял дорожную сумку с плеча.

— Почему бы и нет? Было бы неплохо, если бы вы обе попытались подуть в них. В особенности если у вас в роду были атланты.

Это было здорово подмечено. Глаза Адрианы вспыхнули.

— Твой ум остер, маг. Мне следует позвонить моей матери, чтобы она созвала потомков атлантов. Возможно, именно кто-то из них нужен для того, чтобы заставить звучать «королевский рог».

Я многозначительно подняла указательный палец.

— Как насчет того, чтобы выйти на крыльцо?

Бруно с невеселым видом направился к двери, а мы пошли за ним.

— Правда, мы представить не могли, что так получится, Сели.

— Я виновата не меньше вас, но не вижу причин повторять ошибку. День предстоит ужасный, так что не стоит отягощать его пожаром в доме.

Оказалось, что я перестраховалась, потому что никакого звука Лаке из раковины извлечь не удалось. Это ее очень огорчило. Думаю, она мечтала стать той, кому рог повинуется. Я такой судьбы не желала никому, и меня немного пугало то, что кто-то *хотел* встать перед жерлом ада в надежде стать героем. Особенно — имея юную дочь.

— Пора, — возвестила Адриана, когда Бруно убирал раковины в сумку. — Мы должны идти. Немедленно.

— Вот только мы понятия не имеем, куда нам надо попасть. Или ты это выяснила?

Адриана сделала несколько шагов, остановилась рядом с Окалани и коснулась ее руки. На миг взгляд девочки стал отстраненным, а потом она кивнула.

— Думаю, да. По крайней мере, я смогу переместить нас довольно близко.

Бруно проговорил:

— Ладно. Машину поведу я. Куда мы направ...

У меня дико засосало под ложечкой.

— ...ляемся?

Окрестный пейзаж изменился. Мы стояли на узкой дорожке на небольшом возвышении. Справа вниз, к мощеной дороге вела обшарпанная лестница, а слева я увидела ряд кирпичных зданий начала двадцатого века. Я повернулась к Адриане:

— Фулз Раш, Арканзас?

Она кивнула.

— Я воспользовалась компьютером в твоей комнате, чтобы взглянуть на спутниковые снимки этой местности. Я не смогла увидеть конкретный дом, но в этом городе не так много ресторанов. Вот этот показался мне наиболее вероятным.

На широкой доске, выкрашенной бледно-голубой краской, красовалась вывеска «*Кафе*

„Заходите“. Завтрак подается весь день — потому что мы знаем, когда вы легли спать прошлой ночью».

Остроумно. А возможно, в таком маленьком городке — чистая правда.

Бруно, явно под большим впечатлением от телепортации, посмотрел сверху вниз на хорошенькую темнокожую девочку:

— У вас большой талант, юная леди. Не так много людей, способных телепортировать сразу несколько человек. Когда ты станешь взрослее, каждое магическое агентство в мире будет мечтать заполучить тебя.

Окалани просияла, а Лака опустила подбородок и вздернула брови.

— После того как она закончит школу.

Бруно поспешил успокоить Лаку:

— Конечно. Пока она еще слишком мала. Но я искренне надеюсь, что вы найдете кого-то, кто поможет вашей дочери отточить ее дар. Я мог бы назвать вам несколько имен наставников.

Окалани взволнованно прикоснулась к руке матери.

— Можно, мам? Мне бы так хотелось узнать побольше о том, как действует мой дар! То есть я это *делаю*, но не совсем понимаю, как это получается.

Лака оторвала взгляд от полных надежды глаз дочери и посмотрела в спокойные глаза Бруно.

— Я об этом подумаю. А пока что у нее двойки по математике. И это следует исправить, прежде чем я позволю себе отвлекаться на разные... посторонние дела.

Бруно был не только гениальным магом, но и великолепным актером. Он шагнул ближе к Окалани и твердо положил руку на ее плечо.

— Ни за что ни один инструктор по телепортации не возьмет тебя в науку, если у тебя не будет отличных отметок по математике и естественным наукам. Вот я, например, разбираюсь в этом вопросе довольно неплохо и понимаю, что знания по высшей математике, геометрии и теории струн необычайно важны.

Окалани вытаращила глаза и вытянула губы трубочкой.

— Я об этом не знала. А математика... не то чтобы она мне тяжело давалась. Мне просто скучно. Вот я и делаю домашние задания, не особо стараясь. А по контрольным у меня отметки хорошие.

Бруно понимающе кивнул и вновь обратился к Лаке, не отрывая руку от плеча Окалани:

— Возможно, девочке скучно, потому что она наделена инстинктивным пониманием. Вы могли бы попробовать перевести ее в следующий класс. Возможно, это сумеет ее стимулировать.

Лака немного подумала над предложением Бруно и задумчиво кивнула.

— Она всегда умела хорошо считать в уме, даже когда была совсем маленькая. Как-то раз она сосчитала черепички на крышах домов и перемножила результаты, чтобы узнать, сколько черепичек на крышах домов всего города. Тогда ей было всего два годика.

О да. Похоже, Окалани обладала еще и талантом математика, невзирая на свои двойки. Я кивнула Лаке.

— Переведите ее в следующий класс. Обязательно. Даже если она в дальнейшем не будет пользоваться своим даром телепортации, она сможет стать профессором математики или будет работать в космическом агентстве.

Лака разжала губы, готовясь что-то сказать, но ее опередила Адриана:

— Мы должны войти в кафе немедленно. Я видела именно эту сцену. — Она наблюдала за происходившим в кафе через узкую щелочку между полосатыми полотняными шторами. — Прошу всех удержаться от подробных объяснений. Но, Селия... ты должна представить меня подобающе. Ситуацию нужно решить осторожно.

Адриана первой вошла в дверь кафе, а нам осталось раскрыть рты и гадать, что она

имела в виду под словом «осторожно». Тяжкий вздох.

Маленький колокольчик, подвешенный над дверью, издал мелодичный звон. Люди, сидевшие за ближайшим столиком, обернулись. Обстановка в кафе отличалась чистотой и простотой. Деревянные столики были застланы бело-голубыми льняными скатертями под цвет штор. На стенах висели картины местных художников-любителей — судя по ценникам, выставленные на продажу. Лака предпочла взять дочь за руку и держаться позади — мало ли что. А я сомневалась, что стоит чего-то опасаться. В ресторане не было никого, кроме Мика Мерфи, женщины и двух девочек (наверняка это были его жена и дочери) и пожилого джентльмена. Судя по всему, его звали Натан Фулбрайт.

Адриана молча остановилась перед столиком, выглядя в точности так, как подобало принцессе и будущей королеве. Некоторые люди просто-таки излучают царственность, как бы они ни были одеты. Адриана едва заметно склонила голову и плечи. Фулбрайт выпучил глаза — явно струхнул. Его глаза заматались из стороны в сторону — куда бежать. Но черного хода в кафе не было. Если бы Адриана не сказала, что кое-кого надо просто припугнуть, клянусь, я бы подумала, что нам стоит вызвать полицию, чтобы они перекопали землю у него на участке в поисках трупов.

Миловидная русоволосая женщина с почти такой же россыпью веснушек, как у Мика, сидела за столом вместе с двумя маленькими девочками. Все они уставились на Адриану с нескрываемым благоговением. Мик поспешно отодвинулся от стола и встал. Он подошел к нам, протянув руку, и сказал:

— Мисс Грейвз. Я так рад видеть вас вновь. Это сюрприз, но приятный.

Я пожала его руку.

— Для меня это тоже сюрприз. Это... путешествие получилось неожиданным. Но позвольте, я представлю вам моих спутников. — Пожалуй, я знала, что задумала Адриану, и надеялась, что я ничего не испорчу. — У двери — моя подруга Лака и ее дочь Окалани.

Это было не совсем точно, но как еще я могла назвать Лаку?

Мик сделал два шага к двери и поздоровался с Окалани и ее матерью. Он старался играть роль гостеприимного хозяина. Я не сомневалась, что в обычных обстоятельствах точно так же вела бы себя и его супруга. Но сейчас она не могла оторвать глаз от моей кухни.

Я коснулась рукава куртки Бруно.

— Это Бруно де Лука. Он мой давний друг и очень талантливый маг.

Бруно без слов протянул руку, и Мик ее пожал. Я прижала руку к груди.

— А я Селия Грейвз. С Миком мы познакомились на чтении завещания моей лучшей подруги Вики Купер.

Жена Мика перевела взгляд на меня.

— О! — Изумление сменилось дружеской улыбкой. — Наконец-то мы с вами познакомились, мисс Грейвз. Я Молли Мерфи. — Она указала на девочку лет двенадцати с рыжими волосами, собранными в хвостики: — Это наша дочь Беверли, а вот эту маленькую разбойницу... — Молли перегнулась через стол и любовно взъерошила светлые кудряшки младшей девочки. — ...зовут Джулия.

— Мам... — испуганно выпалила Беверли. У нее на лице было написано: *«Пожалуйста, не пугайте меня!»*

Мне самой не раз случалось такое переживать, поэтому я улыбнулась, глядя в глаза девочки.

— Ух ты... — с вытаращенными от страха глазами выговорила она. — А у вас и вправду... *кльки есть!*

Мик обернулся и гневно зыркнул на дочь.

— Беверли! Хватит!

— Все нормально. Правда. Я понимаю, как это интересно.

— Я сделала шаг в сторону и указала на Адриану, которая к этому времени начала немного нервничать.

— А это прекрасное видение — моя кузина. Позвольте представить вам Адриану, крон-принцессу клана Тихоокеанских сирен, премьер-министра острова Безмятежности и будущую королеву Руслундии.

Хотелось верить, что я все сказала верно. Я понятия не имела о том, как звучит полностью титул Адрианы, но, по крайней мере, все, что я сказала, было правдой и хотелось верить, прозвучало впечатляюще. Я видела подписанный Адрианой от имени премьер-министра документ в кабинете ее матери. Наверное, в этом был смысл. Королева не могла делать все сама.

Светловолосая девочка встала и пошла к Адриане, словно загипнотизированная. В итоге отцу пришлось взять ее за руку, чтобы она не потрогала Адриану.

— Ты *правда...* принцесса? — еле слышным голосом спросила Джулия.

Адриана улыбнулась девочке с добротой и любовью — именно такими улыбками одаривают подданных восседающие на троне королевы. Она прикоснулась к кудряшкам Джулии.

— Да, дитя. И я верю, что ты, возможно, тоже.

Что-что? Как? Я наклонилась вперед и встретила взглядом с Адрианой.

— Прошу прощения?

Вместо того чтобы ответить мне и что-то объяснить шокированному отцу и самой малышке, Адриана повернулась к пожилому джентльмену, сидевшему в углу. Испуг в его глазах исчез, и он наблюдал за происходящим с неподдельным интересом.

— Не желаете ли вы объяснить, мистер Фулбрайт? Вы ведь не без причины предложили купить у вас землю семейству Мерфи, не правда ли? Моя сиренская кровь чувствует вашу... и кровь этих детей.

В кафе воцарилась мертвенная тишина, потому что... ну, честно говоря, Адриане удалось шокировать всех до единого. Фулбрайт прищурился и заворчал. А потом он заговорил с таким жутким южным акцентом, что я едва разобрала слова.

— Ну чего, добрались-таки до меня, а? Королевишна наконец-то явилась по нашу душу? Ну так припозднились вы, дамочка, на тыщу лет, и я вам помогать не сподоблюсь. Катитесь к вашей мамашке да скажите ей, пусть земля сожрет вас с потрохами. И тебя пускай сожрет, и сестру твою, кровососку.

Адриана злое сощурилась — совсем как старик. Какие тут все вспыльчивые. Надо бы их успокоить.

— Так, давайте потише. Тут каждый говорит про свое, и я уже начинаю путаться.

Адриана разжала губы, готовясь прервать меня, но я затыкаться не собиралась. Мне было не важно то, как именно положено разрешить эту ситуацию. Мне нужны были объяснения, а на танцы-шманцы у нас времени не было.

Я шагнула в сторону и обратилась к старику:

— Послушайте, я всего-навсего несчастная телохранительница из Калифорнии, которая всего месяц назад узнала о том, что в ее жилах течет сиренская кровь. — С этими словами я приподняла верхнюю губу, чтобы продемонстрировать Фулбрайту мои клыки во всей красе. — Меня атаковал вампир, но я не погибла. А потом я узнала, что во мне не просто текут вампирская и сиренская крови, но еще и королевская. — Я подняла руки на манер проповедника, но произнесла с насмешкой: — О! Как мне сказочно повезло! Но знаете что? Мне это до лампочки. Какую бы давнюю злобу вы ни затаили на всех сирен на свете, мистер Фулбрайт, это дело не мое. Я хочу одного: узнать, как сделать так, чтобы демонический разлом не сожрал мой родной город и любимых мною людей. Мы этот разлом заделать сами не можем, поэтому через какое-то время исчезнет и ваш родной город, и любимые вами люди. Моя кузина полагает, что вы можете нам помочь. Вопрос только в том, поможете вы или нет.

Фулбрайт долго смотрел на меня в упор, а потом медленно поднялся. Он горбился от застарелого артрита и тяжело опирался на простую деревянную клюку. В нем не было ничего необычного: вылинявшие джинсы, потертые ботинки, соломенная шляпа в жирных

пятнах.

— Мистер Мерфи, — процедил Фулбрайт сквозь зубы, — шибко надеюсь, что мы с вами еще поговорим о нашем деле... без *бабья*?

«*Без бабья*»? Прошу прощения? Возможно, мой взгляд выдал охватившее меня возмущение, потому что Бруно взял меня за руку и сжал так, как делал тогда, когда его мать высказывалась обо мне в моем присутствии — но так, словно меня не было. Он безмолвно просил меня позволить ему со всем разобраться. Он вложил мне в руку ремень дорожной сумки. Я прищурилась, совершенно не скрывая гнева. Бруно пожал плечами.

Фулбрайт прохромал по залу и вышел за дверь. Мик, отпустив руку дочери, последовал за ним. Последним вышел Бруно и закрыл за собой дверь.

Молли стыдливо потупилась. Беверли явно была вне себя. Бедняжка Джулия бросилась к матери, забралась к ней на колени и спрятала личико у нее на груди. Я не сомневалась, что Джулия прекрасно улавливает то ли мысли, то ли эмоции «мужичья», и они ей не очень-то нравятся. Мик говорил, что она самая талантливая в семье. Я одарила всех присутствующих улыбкой Поллианны²² — радостной, но глупой.

— Что ж, это прошло хорошо, — фыркнула я.

Молли смущенно улыбнулась. Я коснулась руки Адрианы.

— Это не тот ли вариант видения, в котором нас убивают? Он не возвратится сюда с карабином и не перестреляет *все бабье*?

Адриана приподняла уголок губ.

— На самом деле по этому сценарию все прошло хорошо. По другому я заговорила первой, а он в ужасе выскочил из ресторана, дико вопя, и нам так и не удалось разыскать пещеру. Я надеялась, что ему удастся оскорбить тебя. В гневе ты можешь быть... очень настойчивой.

— Надо же. Ну, спасибо. — Я скорее оскалилась, нежели улыбнулась. А потом я повернулась к разъяренной рыжеволосой девочке, тыкавшей в свой сэндвич вилкой с таким видом, словно перед ней на тарелке лежал тот самый старик-хам. Ее унизили и оскорбили. — Беверли, я понимаю: после того как мы уедем, тебе придется тут жить и каждый день иметь дело с такими, как он. Чтобы не было скандалов, тебе придется пока не обращать внимания на подобное хамство. Но, пожалуйста, пойми: на такое, что только что себе позволил этот мужчина, обижается большинство людей в мире. Нельзя, чтобы люди относились к тебе как к человеку второго сорта только из-за твоего пола.

В этот момент голос наконец подала Лака, стоявшая у окна. Гнев и гордость исказили ее прекрасное лицо с ярко выраженными африканскими чертами.

— Или цвета кожи, — добавила она.

— Или... твоей ущербности. — Такого серьезного и эмоционального голоса я у Адрианы еще ни разу не слышала. — Никому не позволяй говорить, что ты не способна сделать то или иное. Ты сирена. И ты человек. Гордись и тем и другим.

Молли покачала головой.

— Я составила нашу полную родословную — вплоть до времен «Хартии Вольностей». Простите, дамы, но в нашем семействе нет никакой сиренской крови. Я это точно знаю. Оба наша семейства прибыли в Штаты из Англии и Ирландии.

Это не имело значения. Кровь говорила с кровью, и наши слова явно запали в душу Беверли. Она смотрела на нас с Адрианой вдумчиво и пытливо. Было заметно, что и оскорбление, нанесенное Фулбрайтом, и слова матери ее уже не так сильно задевают. Мне не хотелось вступать в перепалку между матерью и дочерью, поэтому я кивнула, подвинула к столу стул и села.

— По всей видимости, до времени своей гибели Атлантида находилась недалеко от

---

²² Поллианна — героиня одноименного романа американской писательницы Элеаноры Портер, неисправимая оптимистка, глядящая на мир сквозь розовые очки.

Англии, немного южнее.

Пара мгновений — и лицо Молли стало белым, как мел.

— Но почему же никто ничего не знал до сих пор? Наверняка хоть кто-то должен был обронить словечко или запись какую-то оставить...

Звякнул колокольчик, вошел Бруно и заговорил на ходу, приближаясь к нам:

— Потому что сиренская кровь досталась вам по отцовской линии, как Селии.

Следом за Бруно вошел Мик.

— Ты сама всего пару недель назад говорила, Мол, — какое счастье для нас наши девочки, что это просто дар божий, потому что с моей стороны все девочки умирали в младенчестве — ты это выяснила, составляя родословную.

Теперь все обрело смысл. Я словно бы только теперь заметила россыпь мелких прыщиков на лице Беверли и то, как она одергивает блузку, — наверное, совсем недавно стала носить первый в жизни бюстгальтер. Девочка вступила в пору половой зрелости.

— Беверли так повзрослела, что мистер Фулбрайт это заметил. Уверена: он заметил тебя в магазине или еще где-то и понял, что в твоих жилах течет сиренская кровь.

Адриана посмотрела за спину Мика и спросила — без паники, но с тревогой:

— А где мистер Фулбрайт?

Бруно кивком указал на дверь.

— Давайте выйдем и поговорим.

Его взгляд скользнул мимо меня, к девочкам. Ага, понятно. Разговор не предназначался для детских ушей. Когда я была маленькая, мне такое ужасно не нравилось. Но сейчас причина мне была понятна.

Мик указал на дочерей:

— Вы заканчивайте обед. Маме нужно отвести вас обратно в школу. И так уже придется писать записку — почему вы опоздали.

С этими словами Мик вышел из кафе. В просвет между шторами я увидела, как он перебежал узкую улочку перед медленно едущим грузовиком, в кузове которого стояли мычащие коровы.

Молли сняла Джулию с колен и усадила на стул перед тарелкой, на которой лежал нетронутый сэндвич.

— Давай. Ты слышала, что папа сказал. Доедай. — Молли повернула голову к Окалани, которая выглядела младше своих пятнадцати лет. — Может быть, ты тоже чего-нибудь поешь, пока все разговаривают? У меня есть индейка и ростбиф, а могу поджарить гамбургер на гриле.

Окалани взглядом спросила у матери: «Можно?» Да, я бы не удивилась, если она была голодна. Я в ее возрасте все время хотела есть. Лака кивнула, и Окалани перевела взгляд на Молли.

— Я бы хотела гамбургер, если вам не очень трудно. — С этими словами она отошла от двери и протянула руку Беверли и Джулии. — Привет, меня зовут Окалани.

Беверли улыбнулась.

— Классное имя. Гавайское?

Окалани покачала головой и взяла кусочек картошки фри с большого блюда, стоявшего посередине стола.

— Сиренское. Мы с мамой живем на острове Безмятежности.

Бруно придержал дверь, чтобы пропустить меня. Выходя из кафе, я поставила дорожную сумку на пол у выхода. Я устала ее носить. Главное было не забыть взять ее, прежде чем мы тронемся... туда, куда нам предстояло направиться.

— Ну ладно, так что там за мужичий разговор, который *бабью* слушать нельзя? — шепотом спросила я у Бруно, проходя мимо него. Он смешливо прыснул, и в его карих глазах зажглись огоньки.

Господи, как же я соскучилась по смеху в его глазах! Бывало, я часами за ним

наблюдала, когда он не знал об этом.

Бруно обнял меня за талию и притянул к себе. Моя голова легла ему на плечо. Мы пошли по тротуару туда, где нас ждали остальные.

— Ты произвела сильнейшее впечатление на Натана Фулбрайта. Говорит, что ты напомнила ему покойную жену. Типа храбрая очень.

Тут со смеху прыснула я.

— Храбрая, но покойная? Небось, он ее прикончил за то, что перечила ему?

Бруно поцеловал меня в висок.

— Они прожили в браке пятьдесят два года. Мик сказал мне, что жена Натана умерла прошлой весной.

Они все уже успели перейти на «ты»? И как только мужчины ухитряются так быстро сойтись?

Но все-таки... Пятьдесят два года. Неслабо. Первая мысль: *«Как трогательно»*. Вторая: *«Бедная женщина»*.

— Ну и что? Я его впечатлила — и это нам в плюс или в минус?

Мы подошли к Мику и Фулбрайту, которые теперь сидели в красивой беседке на просторной лужайке, окружавшей старинное каменное здание суда. Адриана села рядом с Миком.

— Это нам помогло. Очень.

Бруно крепче обнял меня. Наверное, с виду его рука лежала на моем плече легко, но я чувствовала, как она напряжена. Бруно кивнул Фулбрайту:

— Ну, что ты им уже рассказал, Натан?

Натан посмотрел на Бруно и махнул рукой.

— Насчет древней истории ты знаешь побольше, так что я решил — лучше ты рассказывай.

— Ну... я всю свою жизнь прожил на Восточном побережье, поэтому слышал немало преданий о погибшей Атлантиде. То и дело организовывалась то одна, то другая экспедиция, и у каждой был свой план или какое-то новейшее изобретение, с помощью которого планировалось заглянуть в какую-то глубоководную впадину, где уж точно находилась Атлантида. Поступив в университет, я прежде всего хотел изучить метафизическую биологию. У меня была собственная теория: остров столкнулся с материком, и в дело вступила эволюция.

То есть? Атланты были самыми обычными людьми, которые теперь обитали повсюду, или они были наделены какими-то уникальными биологическими качествами, которые можно обнаружить генетически? Как сирены? Теперь я припомнила, что Бруно проводил какие-то исследования, а еще в памяти всплыл один наш давний разговор. Я ухватила за его идею.

— В конце концов, и вправду существуют континенты со странными очертаниями. Франция выглядит так, словно ее прилепили к Европе в последний момент, второпях, точно так же выглядят северо-западные участки Африки и Флориды. Все эти земли в то или иное время пытались отождествить с «потерянным островом». Я нарисовала пальцем в воздухе кавычки. При этом рука Бруно сползла с моего плеча и переместилась на талию.

Сегодня в нем заговорило желание собственника. Неудивительно — после вчерашнего. Адриана покачала головой.

— Нет. Атлантида определенно была частью империи сирен. Эрис Справедливая на протяжении многих столетий была просто верховной королевой. Сами сирены всегда знали, где находится Атлантида, но уверяю вас: она и близко не находилась к тем координатам, о которых пишут в книжках. Атлантида не была мифом, она ни с чем не сталкивалась и не затонула. Она находится не в этом измерении. Вот почему ее никто не может разыскать.

Бруно кивнул.

— Разлом в пространстве, между измерениями, — совершенно новое понятие, я прежде никогда ни с чем подобным не встречался. Но я нашел данные о том, что несколько атлантов

пережили катастрофу и после странствий стали сливаться с другими народами.

Адриане явно не хотелось в этом признаваться, но все же она с мрачным изяществом кивнула.

— Беженцев не желали принимать на других сиренских островах. Их всех считали предателями, чуть было не уничтожившими весь мир. Их следовало убивать на месте. Затеряться среди людей — вот была их единственная надежда на выживание.

Мик подхватил и продолжил рассказ:

— И вот тут появляется молодой морской капитан по имени Генри Фулбрайт. В двадцать два года он владел собственным судном и оказался в районе ужасной катастрофы. Огромный участок океана буквально кишел разлагающимися телами людей и рыб, там царил запах смерти. Капитаны других кораблей уговаривали Генри не входить в эти воды из-за опасности подхватить смертельные болезни, но ему нужно было в срок доставить груз к месту назначения. И он увидел плот с уцелевшими людьми, плывший посреди трупов. Команда его корабля чуть не взбунтовалась, когда он стал требовать, чтобы эти несчастные были взяты на борт.

— Атланты? — спросила я, и Мик кивнул.

— На обратном пути до Англии в живых осталось только шестеро из них. На одной из женщин с этого плота Генри затем женился, у них родились дети. Мужчины стали работать в городе и постепенно сами стали землевладельцами с новыми именами, позаимствованными у тех, кто когда-то принял их на работу.

— Мерфи, — произнесла я совершенно убежденно. — И Фулбрайты. Значит, вы оба — потомки атлантов?

Мик кивнул.

— И, если верить тому источнику, который просветил Натана, получается, что мой пращур был не кем иным, как сыном Крайстал, старшей дочери королевы Эрис. И хотя этого мальчика должны были вскоре после его рождения убить, как того требовала традиция, нянька тайком отвезла ребенка на материк и отдала в семью людей, где его воспитали как родного сына.

Ух ты. Отголоски истории о Моисее. Адриана вздернула брови и кивнула.

— Я находила свидетельства того, что около городов Атлантиды проживали семейные союзы. Чаще всего это были ремесленники со своими человеческими женами. А ремесленники занимались резьбой по камню, после чего их... — она едва заметно поморщилась, — уничтожали.

Любому неприятно признаваться в том, что его предки творили ужасные вещи. Все зависит от того, как ты об этом вспоминаешь. По крайней мере, на лице Адрианы читалась искренняя неприязнь. Следовательно, можно было не опасаться за будущее Руслундии, которой ей предстояло править.

— Но, — продолжала Адриана, — на острове Безмятежности будет очень легко узнать правду. У нас есть генетики, специализирующиеся в идентификации...

В это мгновение воздух пронзила яркая, резкая нота. Она была похожа на высокочастотный звук, которым по радио предупреждают об ураганах. Все, кроме меня, как по команде, упали на колени и зажали уши ладонями. Grimасы боли исказили их черты. Я обернулась, услышав звон бьющегося стекла, и увидела, что одно из окон кафе треснуло. Я бросилась туда и оказалась на тротуаре рядом с кафе в тот самый момент, когда осколки успели осыпаться, а звук утих.

Три девочки сидели за столом на своих местах. Если открыть словарь на поговорке «кошка, съевшая канарейку», их лица могли послужить прекрасной иллюстрацией. Я свирепо подбоченилась, но не успела произнести ни слова. Меня опередила вбежавшая в зал Молли Мерфи:

— Ради всего святого, что здесь происходит? Я корзину со стаканами выдвинула из посудомоечной машины, и они все треснули прямо в корзине!

Я решила немного припугнуть девочек:

— Я вампирша, между прочим. Я нюхом чую, кто что прячет или скрывает.

Отчасти это так и было. От Беверли сейчас сильнее пахло мускусом, чем в момент моего ухода, и жилка у нее на шее пульсировала с бешеной скоростью.

Мы с Молли пару секунд смотрели на девочек. В итоге все трое начали испуганно ерзать на стульях. Первой проговорила Джулия:

— Это Беверли. Я ей говорила: не трогай, нельзя. Я правда говорила, мам! — Девочка потерла ухо, и я увидела, как по ее шее стекает струйка крови. — У меня от этого звука уши разболелись!

Мать Джулии бросилась к девочке в то же мгновение.

— О боже, детка!

Мне немалых усилий стоило не сдвинуться с места.

А хотелось. Вот уже во второй раз я успела проголодаться, хотя четырех часов еще не прошло после последней трапезы. Эта тенденция меня не радовала.

Довольно скоро все кусочки головоломки улеглись на свои места. Разбившееся стекло, боль в ушах у людей и один человек, которого все это совершенно не затронуло. Я посмотрела на Окалани.

— У тебя уши от этого звука заболели?

Она кивнула. Я указала на дверь.

— Быстро ступай к маме и скажи, что с тобой все в порядке. Осторожнее, не наступи на битое стекло.

Окалани опрометью кинулась к выходу — наверное, решила поскорее уйти с линии огня. Я посмотрела на Беверли.

— А тебе совсем не было больно, да?

Я несколько секунд смотрела на нее в упор. Наконец она едва заметно покачала головой.

— Это была одна из двух раковин из моей сумки?

Беверли разжала губы. По ее мечущимся из стороны в сторону глазам я поняла, что она хочет что-то сказать в свою защиту. Мне это совершенно не было нужно. Я подняла руку и сказала:

— Никто тебя не накажет. Просто ответь мне. Это очень важно.

Отчасти я догадывалась, что она скажет, но все во мне желало, чтобы она это отрицала. А когда Беверли кивнула, у меня болью скрутило желудок.

— Да, мэм. Оранжевая, — пробормотала девочка, глядя на мои туфли. — Окалани сказала, что никто не смог заставить ее звучать.

Я запрокинула голову, уставилась в потолок и попыталась сдержать слезы, крепко обхватив себя руками. В это время вошли все остальные с Бруно во главе. Бруно посмотрел на меня и крепко обнял.

— Что случилось, Сели?

Я с благодарностью откликнулась на его заботу и впилась кончиками пальцев в мышцы его крепкой спины. Бруно повернулся на месте в поисках источника моей боли. Краем глаза я увидела Беверли, которая изо всех старалась стать маленькой и незаметной — просто обычной девочкой, пытавшейся доест свой сэндвич. Молли увела Джулию в другую комнату, чтобы остановить кровотечение. Я понимала, что Беверли тоже гадает, что со мной.

Мне трудно было выразить свои чувства словами. Плача навзрыд, я проговорила:

— Ей всего *двенадцать*, Бруно. Это несправедливо. Я не могу так поступить с ней... с ее семьей... и ее сестренкой. Но если я этого не сделаю, как я смогу дальше жить? Что, если больше никого нет?

Бруно резко напрягся и затаил дыхание, поняв, о чем я говорю. Он всегда был одним из самых умных людей среди моих знакомых. Он посмотрел на Беверли поверх моего плеча.

— Это был звук одной из раковин? Оранжевой?

Девочка кивнула — на этот раз более легко, но и более испуганно. Она догадывалась, что происходит нечто важное, но не понимала, что именно. По всей видимости, Окалани не

успела рассказать ей всю историю Тысячелетних Рогов.

— Пресвятая Мать Божья, — вырвалось у Бруно.

Я скосила глаза на Адриану. Та тоже явно была жутко расстроена, что меня немного удивило.

А Мик словно бы просто смутился. Он сел на корточки рядом с дочкой.

— Детка, нельзя трогать чужие вещи. Эта вещь очень ценная и магическая. Ты могла ее испортить и навредить себе.

Беверли кивнула.

— Я знаю, я очень глупо поступила, папа. Не надо мне было ее трогать. Но ничего же не случилось.

— Ничего, кроме...

Эти слова сами сорвались с моих губ, но Мик резко обернулся и уставился на меня с новой тревогой. Он встал и прижал к себе Беверли.

— Что стряслось? Ее нужно отвести к врачу?

В разговор вмешалась Адриана:

— Лучше бы к священнику — на соборование.

Мик побледнел и задрожал с головы до ног.

Глава 21

Потом мы целых два часа сидели за столом с Миком и Молли и отвечали на их вопросы. А потом не осталось ничего, кроме страха.

— Нет, — произнесла Молли просто, но с невероятной силой. — Этого я не позволю.

В углу кафе, на кронштейне, прикрепленном к стене под самым потолком, стоял телевизор. Бруно встал на цыпочки и включил его. Как и следовало ожидать, по всем каналам передавали новости из моего небольшого пригорода Лос-Анджелеса. Разлом на данный момент равнялся своими размерами десятку городских кварталов. Бруно обернулся и очень серьезно посмотрел на супругов Мерфи.

— Когда мы сюда прибыли, разлом был в четыре раза меньше. Он быстро увеличивается. Очень скоро он разрушит барьер. Иначе просто быть не может. В мире не хватит практикующих магов, которые смогут сохранить целостность барьера такой величины. Я даже здесь ощущаю, как тянет меня туда. Маги вроде меня, сотворившие защитный барьер, теряют силы каждую минуту. Я буду сильно удивлен, если окажется, что некоторые из тех, с кем вместе я воздвигал барьер, еще не погибли.

Я посмотрела на него с внезапным страхом. Я не знала о том, что Бруно постоянно тратит силы на поддержание барьера, что он к нему каким-то образом *привязан*.

— Бруно...

Он отмахнулся, но теперь, когда я все узнала, я заметила круги у него под глазами. Морщинки в уголках глаз и на лбу залегли глубже.

— Я — один из самых мощных магов в стране, Селия. Пройдет неделя и больше, прежде чем начнут истощаться мои жизненные силы. А наш щит столько не протянет. — Он повернулся к семейству Мерфи. Мик и Молли неотрывно смотрели на экран, с такой силой сжав кулаки, что костяшки пальцев побелели. — А когда щит рухнет, мы все погибнем. Священники, Папа Римский... в Ватиканском склепе²³ уже перепробовали все, что могли. То есть раскрыто то, что берегли от глаз простых смертных веками. Вчера мне рассказали друзья из стран Востока, что черные колдуны вызываются помочь, хотя и понимают, что подвергают себя громадному риску. У нас нет иного выбора, кроме как попросить вас о

---

²³ Имеется в виду склеп под базиликой Святого Петра. На самом деле склепов два. В первом покоятся тела всех пап, когда-либо носивших этот сан. Под этим склепом находится подсклеп, в котором хранятся мощи святого Петра. Доступ туда разрешается только по предварительному согласованию.

помощи.

— Но она еще ребенок, — тихо и испуганно прозвучал голос Мика, и мне трудно было его винить. — Она не понимает, что...

— Нет, папа, я понимаю.

Мы обернулись и увидели Беверли, стоящую на пороге двери, ведущей в кухню. Слова она произнесла спокойно, но все заметили то, какими холодными и ясными стали ее глаза и как крепко она сжала губы. Мне случалось видеть такое лицо в зеркале много лет назад. Стала ли я теперь другой, не такой, как тот ребенок?

Я знала ответ. Не стала.

Беверли сделала несколько шагов, остановилась и всех нас обвела взглядом.

— Я понимаю, что это значит. И если я могу это остановить, значит, и выбирать нечего. Я дуну в эту раковину или сделаю что-то еще, что написано в этих... указаниях.

Я встала, подошла к Беверли и положила руки на ее хрупкие плечи. Она сняла резинки с хвостиков, и ее ярко-рыжие волосы легли на плечи, обрамили волнами ее лицо. Она вдруг стала взрослой, и эта взрослость таилась в теле, не вмещающем силу, с которой на меня смотрели зеленые глаза девочки.

— Ты можешь погибнуть, Беверли.

Она взяла меня за руку, и в ее глазах мелькнуло нечто, тоже знакомое мне по моему детскому отражению в зеркале. Неужели насмешка, цинизм? Не рано ли? Но с другой стороны, я понятия не имела, какие детские травмы уже довелось пережить этой девочке. Возможно, это было нечто наподобие еще одного куска чудовищно невкусного пирога, который ей совсем не хотелось есть, но приходилось. Все, как у меня. Боже, как похоже на меня.

Беверли иронично скривила губы.

— И вы тоже. Но мы, которым медведь на ухо наступил, должны держаться вместе.

Судя по тому, что мне говорил Бруно, в этом и крылась истина. Мы с Беверли страдали полным отсутствием музыкального слуха. Вот почему звуки рогов не досаждали нам, как остальным людям. Вот почему мы могли извлекать звук из раковин и при этом наши барабанные перепонки не лопались. Да, вполне возможно было разыскать сотню тысяч клинически лишенных музыкального слуха людей. Да, можно было найти и других — с сиренской кровью, способных извлекать звуки из рогов. Но сумеем ли мы сделать это *вовремя*?

Адриана, стоявшая у окна, поманила меня к себе.

— Господин Фулбрайт вернулся. Мы готовы?

— Нет, — честно призналась я, не в силах оторваться от зеленых глаз Беверли. — Но это уже не имеет значения.

— Вы уверены, что хотите это сделать, Натан? — Стоя в кабинете городского суда, Мик смотрел на лист бумаги. У него едва заметно дрожали руки. — Я не уверен, что это законно.

Старик коротко, решительно кивнул.

— Тут все записано, и наши подписи стоят, и Джо тоже подмахнул — как нотариус. Ты мне только бумажку в десять долларов дай — и все. Будешь владеть этой землей, и никто не сможет ее у тебя отобрать, лишь бы только потом ты уплатил двадцать четыре миллиона. — Он пожал плечами. — Ну, а если у тебя денег к тому времени не будет... и мы еще не порем, я или наследники мои землю эту обратно заберем.

Мик явно, можно сказать, рвался на части. Он был юристом и прекрасно понимал, сколько всего может случиться, пойти не так. Я пожала плечами.

— А вы не могли бы там добавить фразу о том, что сделка аннулируется, если вы не получите наследство? Ну, на случай, если процесс по оспариванию завещания пройдет удачно для матери Вики?

Фулбрайт кивнул.

— Согласен. Это честно, я так скажу. — Он взял у Мика бумагу, аккуратно вписал, строчку печатными буквами и подписал ее. Затем он протянул листок Джо, нотариусу. — Это ты заверишь отдельно, да?

Джо кивнул и поставил свою подпись.

— Думаю, будет правильно, если покупатель со своей стороны под этим пунктом тоже подпишется.

Он подвинул ручку по крышке стола к Мику, который стал бледным — почти как я. Мик не шевельнулся. Джо привстал со стула.

— Мик. Погляди на меня.

Дрожащий как осиновый лист Мик устремил взгляд на нотариуса.

— Разве я смог бы тебе предложить что-то такое, что могло опозорить твоё имя, твою семью и заставить тебя предстать передо мной в суде?

Сказано это было так, что заставило меня обвести взглядом кабинет. Ага, понятно. К двери за качающимися деревянными воротцами, разделявшими комнату на две половины, была прикреплена медная табличка с надписью: «Судья Джозеф Робертсон». Похоже, не так давно в старинном здании суда провели ремонт, в результате которого здесь воцарилось бывшее великолепие. Мебель темного дерева отполирована до блеска, бледно-голубые, цвета яиц малиновки, стены забраны светлыми деревянными панелями почти до кованого оловянного потолка — очень похожего по конструкции на потолок в моем кабинете. Видимо, в те времена такая архитектура была довольно распространенной.

Мик взял ручку и поставил подпись, после чего вернул бумагу судьё.

— Верю, что вы зарегистрируете эту сделку, как полагается. — Он вытащил бумажник и сделал глубокий вдох, прежде чем его открыть. — Да простит меня моя жена, если что-то пойдет не так, как надо. — Он нервно хохотнул. — Надо бы сказать: «Боже милосердный, помилуй меня!», но Молли я боюсь сильнее.

— Все будет хорошо, папочка, вот увидишь.

Беверли подошла к отцу и крепко обняла его, а он вручил Фулбрайту деньги. Мик зажмурился и притянул дочку к себе.

А потом он громко чихнул.

— Треклятая аллергия. Ну ладно. Давайте-ка лучше пойдем, а не то ваша мама передумает насчет того, что я вас в школу не пустил сего...

На меня навалилась тошнота — такой силы, что желчь наполнила глотку и рот. И не одна я себя так отвратительно почувствовала. Бруно стошнило всем, что он съел на завтрак, в зарослях кактусов, а Беверли упала на колени в высокой, по колено, сухой траве, и ее тоже вырвало. Кактусы и трава неожиданно заменили собой кабинет в городском суде. Даже Окалани выглядела не очень уверенно.

— Прошу прощения, ваши высочества. Я пыталась телепортировать всех нас в пещеру, которую принцесса Адриана увидела в сознании мистера Фулбрайта, но нас что-то оттолкнуло.

Я не успела произнести ни слова. Фулбрайт гневно выпалил:

— Ох уж мне эти треклятые всезнайки, читатели чужих мыслей! — Он стал воплощением ярости провинциала — грозил нам своей клюкой и брызгал слюной. — Подождали бы пять минут, так я бы вам растолковал, почему так важно было *сначала* закончить сделку!

Бруно пришел в себя. Он начал медленно вычерчивать в воздухе дуги. У меня на глазах возникали символы и исчезали. Бруно словно бы вел черной лампой вдоль флуоресцентного камня.

— О, это очень древняя магия, — пробормотал Бруно. — И Натан прав. Это язычество... основанное на поклонении земле. Мик, попробуй пересечь вот эту линию.

Бруно подобрал толстую палку и с силой провел ей по земле. В траве образовалась глубокая ложбина.

Мик робко подошел к Бруно, выставив руки перед собой так, словно он шел к стене в

темной комнате. Ничто не остановило его, и он пошел вперед. Пожав плечами, он оглянулся. Бруно попытался пойти за ним, но не смог. А я ощущала сопротивление барьера даже оттуда, где стояла, а стояла я футах в десяти от линии на траве.

Фулбрайт спокойно перешагнул черту, что смутило Мика. Старик ткнул в него дрожащим пальцем с самодовольной улыбкой.

— Вот-вот. Ты теперь хозяин, но теперь ты понимаешь, почему я так хотел, чтобы ты внес залог? Пока он не уплачен, у меня все равно есть права на эту землю. — С этими словами он довольно-таки быстро зашагал вперед, зловеще посмеиваясь. — Пошли, топай за мной. Покажу тебе, чем ты владеешь.

— Прошу прощения. Я не знал, что он так поступит. — Мику ничего не осталось делать, кроме как пожать плечами и броситься вдогонку за Фулбрайтом. Перейдя на бег трусцой, он обернулся и прокричал: — Если получится, сфотографирую! У меня в мобильнике есть камера!

Я в отчаянии всплеснула руками и посмотрела на Бруно.

— И ты ничего не можешь сделать, чтобы мы могли пройти через эту преграду?

Он опустил на корточки, а потом сел на траву и похлопал по земле рядом с собой — в качестве приглашения.

— Сейчас остается только сидеть и ждать. Похоже, ты никогда не слышала про неограниченное право собственности?

Я попыталась вспомнить, проходили ли мы что-то подобное в университете, перебрала в памяти то, что вычитала буквально на днях из библиотечных книг, но в итоге покачала головой.

— Этот термин что-то означает?

— Ну... с одной стороны, это очень важный момент в законодательстве о недвижимости, но кроме того, за счет этих барьеров языческая магия получает приоритет над любым ритуалом или природной магией.

Видимо, Бруно заметил, как я озадачена его словами. Он снова поманил меня пальцем и нетерпеливо похлопал по земле рядом с собой. Окалани и ее мать сели на землю. Адриана разыскала более или менее плоский валун и уселась на него.

Какого черта. Я села рядом с Бруно.

— Языческая магия привязана к физическому миру. Отец-Солнце. Мать-Земля, Сестрица-Луна и так далее. Земля, по большому счету, принадлежала всем... до тех пор, пока люди не позволили другим править ими. Потом, по общему согласию, владеть землей стали короли. Короли наделяли землей своих подданных, и те становились свободными землевладельцами, хозяевами «фригольдов».

— Чудесный урок по вопросу землевладения. Но разве это имеет какое-то отношение к этому барьеру?

Бруно кивнул. Как обычно, он улыбнулся в ответ на мое нетерпение. Его всегда забавляло, что я злюсь, когда он так спокоен.

— Имеет. Когда короли жаловали своим подданным фригольды в неограниченную собственность, было объявлено, что, — Бруно вычертил в воздухе кавычки и процитировал: — «Владения простираются от небес до центра земли». Магия, привязанная к земле и призванная предотвращать нарушение границ частной собственности, повинуетя тем же законам. Невозможно — то есть абсолютно невозможно пересечь языческий барьер, которым огорожена неограниченная собственность, пока рядом находится ее владелец. Ни подкопаться под этот невидимый заборчик, ни перелететь через него. Крепчайшая гора колдовства, которая никому не повинуетя.

Я покачала головой. Бруно ошибался.

— Но это несурезица какая-то. Будь это так, любой языческий жрец мог бы отгородиться от кого угодно, просто-напросто заколдовав землю. А мы знаем, что это не так.

Бруно с мирным и терпеливым выражением лица многозначительно поднял вверх указательный палец.

— Ай-ай-ай, торопыжка. Надо слушать внимательнее. Я сказал: «языческая магия». Я не имею в виду магию, сотворенную язычниками — адептами соответствующих верований. Я имею в виду очень древнее язычество. Нас отбрасывает сама земля, а не маг, не ведьма, сотворившие круг. Этот барьер существует здесь очень долгое время. Возможно, его возвел тот самый капитан Фулбрайт или его жена — если она была сиреной-колдуньей, а может быть, к этому причастны древние люди или протолюди. Эта магия — часть земли, как нефть, газ или даже окаменелости. Явление совершенно уникальное. Надеюсь, мне удастся пережить нынешний катаклизм, и тогда я попрошу Натана и Мика позволить мне исследовать этот феномен. На этом клочке земли можно сделать докторскую диссертацию.

— Любопытно, — коротко прокомментировала слова Бруно Адриана, а остальные только кивнули.

А я сразу посмотрела в корень.

— Значит, фактически, если Мик и Натан не найдут никаких указаний, мы не сумеем пойти посмотреть. Никто не сможет. Ты хочешь сказать, что если они не вернутся, нам конец.

Губы Бруно едва заметно дрогнули.

— Вовсе нет. Возможно, это самое лучшее, что могло произойти. Что бы ни находилось в пещере, явившейся Адриане в ее видении, оно полностью защищено от всего на свете — включая демонов. Эта магия действует по принципу «все включено» и помогает этой маленькой территории защититься от разлома. Эта земля обладает мощностью любого небесного тела и расплавленной земной коры. Это означает, что наш мир никогда не сможет быть уничтожен полностью и за счет старательного, вдумчивого планирования человечество может уцелеть, потому что это место на планете будет существовать всегда. То есть до тех пор, пока есть владелец, верящий в реальность магии. — Бруно лучисто, с детской искренностью улыбнулся. — И это просто замечательно.

Я подумала: «Если Бруно этому так радуется, значит, мне тоже стоит порадоваться». Бруно был потрясающим знатоком магии. Но в следующее мгновение он вдруг болезненно поморщился и прижал руку к животу.

— Тебе плохо?

Бруно чуть заметно, осторожно покачал головой.

— Возможно, что-то растянул, когда магический барьер нас оттолкнул. Мне нужно размяться. Хочешь со мной?

Бруно оттолкнулся от земли и встал. Я тоже поднялась. Почему бы не прогуляться? Уж точно, это было лучше, чем сидеть и глазеть по сторонам. Пейзаж не особо впечатлял.

Бруно протянул мне руку, я сжала его пальцы и сказала остальным:

— Мы скоро вернемся.

Мы пошли вдоль невидимого барьера по основательно заросшей дороге. Похоже, здесь когда-то ездили на телегах и фургонах. По густой траве тянулись две узкие колеи. Когда мы почти скрылись из виду, я тихо спросила:

— Ну, что ты мне хотел сказать, о чем нельзя было говорить при остальных?

«У меня в боку колет» — это была кодовая фраза, которой мы с Бруно пользовались раньше.

— На самом деле, мне действительно надо было пройтись. — Бруно указал на живот. — Меня это начинает беспокоить.

Мы остановились, и я с тревогой посмотрела на него.

— Может быть, тебя паук укусил или еще кто-то? Ну-ка, задери рубашку.

Бруно сделал большие глаза, но я строго покачала пальцем.

— Прекрати, Бруно. Не корчи из себя крутого. Мало ли что? Вдруг у тебя и в самом деле что-то серьезное.

С такой логикой спорить было сложно. Бруно вздохнул и вытащил край бледно-голубой рубашки из-за пояса брюк. Наверное, мне было бы весело наблюдать за тем, как он смущенно обнажает кожу, но то, что я увидела, заставило меня ахнуть. Бруно, увидев, как я

смотрю на него, опустил глаза.

— Что там?.. О черт!

Через его грудь пролегли три припухших диагональных царапины. На укус паука это не было похоже. Кто-то словно бы прошелся по груди Бруно острыми когтями.

— Это из-за барьера? Ты уверен, что он не враждебен?

Бруно резко повернул голову и уставился в пустоту.

— Ничего враждебного не чувствую. Вообще ничего.

И тут прямо у меня на глазах поперек груди и живота Бруно пролегла еще одна царапина. Она была глубже предыдущих и заставила Бруно охнуть от боли.

— Что за чертовщина?

Он приложил руку к царапине, а когда я опустилась рядом с ним на колени, он отнял руку, и на его пальцах осталась кровь. Но главное — я узнала запах. Запах жженой извести.

— *Чертовщина* в буквальном смысле слова. Нужно доставить тебя к священнику. Срочно. Это что-то бесовское. У меня точно такие же царапины остались после схватки с демоном около бейсбольного стадиона.

Бруно затаил дыхание и посмотрел на меня вытаращенными, испуганными глазами.

— О боже. Барьер. Он придумал, как атаковать нас, пробиваясь через нашу магию. — Он снова скривился от боли и пошатнулся, словно его ударили по лицу. Рядом с виском на его лице появилось красное пятно. На дюйм левее — и удар пришелся бы прямо в глаз. — Мне нужно вернуться в Калифорнию. Немедленно. Если со мной такое творят, остальные заклинатели уже могут быть мертвы.

Мать честная.

Бруно протянул мне руку и помог встать. Взявшись за руки, мы побежали назад. Не знаю, мог ли демон каким-то образом чувствовать местонахождение Бруно, но следующий удар он нанес по его правой ноге. Нога подкосилась, и мне пришлось удерживать Бруно, чтобы он не свалился в заросли кактусов. Бруно разразился длинным ругательством и прижал руку к бедру. Сделав робкий шаг, он зарычал от боли. Попытался устоять на раненой ноге — получилось. Но едва.

— Постарайся продержаться, Бруно. Осталось всего несколько футов.

Мы уже видели остальных. Окалани, догадавшись, что творится нечто неладное, исчезла, а в следующее мгновение появилась перед нами.

— Что случилось? — Но тут она увидела, как царапина рассекла щеку Бруно, и все поняла. Испуганно ахнув, она спросила: — Это демон, да? Вроде того, который на вас напал в доме Пили?

Я кивнула.

— Бруно нужно срочно вернуться в Калифорнию. На магов, которые удерживают защитный барьер, нападают демоны, и им нужно благословение священников. Ты можешь доставить Бруно туда? И сразу возвращайся. Почти наверняка придется добираться туда группами, не за один раз.

Окалани кивнула и заняла мое место рядом с Бруно, приняв его вес на свои хрупкие плечи. Он не стал возражать, но встревоженно протянул руку ко мне.

— Будь осторожна, Селия. Может быть, демон вновь пытается подобраться к тебе.

Я потянулась к Бруно и бережно поцеловала его в губы. Нежности и заботы в этом поцелуе было больше, чем страсти.

— Думаю, в данный момент я к этому не имею никакого отношения.

Я надеялась и молилась о том, чтобы я была права.

Окалани и Бруно мгновенно исчезли, а я быстро добежала до остальных.

— У нас беда. На Бруно напал демон. Окалани вместе с ним отправилась к защитному барьеру около разлома. Как только она возвратится, нам нужно будет как можно скорее начать телепортироваться. — Я указала на рыжеволосую девочку. — Беверли, ты сможешь пересечь преграду? — Я надеялась, что древние магические силы распознают семейную связь — ведь, по сути, теперь Беверли стала наследницей Мика. — Сосредоточься на том,

что тебе срочно нужно сообщить отцу о том, что тут происходит. Думай о нем изо всех сил, потому что это очень важно.

Беверли сделала глубокий вдох, сжала зубы, зажмурилась и пошла. Вскоре ее продвижение вперед замедлилось, но она уперлась в невидимую преграду руками, словно уличный мим. Было видно, как ей страшно. Воздух вокруг нее замерцал, заискрился. Магическое сияние окутало ее кожу и волосы светящимся облаком. В следующее мгновение она оказалась по ту сторону барьера — причем это произошло так резко, что Беверли упала на колени.

Я выдохнула и только тут осознала, что задержала дыхание.

— Ладно, все отлично. Теперь попробуй разыскать папу. Кричи, ори во всю глотку; делай все, чтобы только привлечь его внимание. Когда найдешь его, возвращайтесь вместе сюда и ждите нас, если нас тут не окажется. А самое главное: оставайтесь внутри барьера.

— Но я же вам нужна, чтобы подуть в рог!

Я искренне надеялась, что ни я, ни Беверли у разлома не будем нужны.

— Если ты нам понадобишься, я отправлю за тобой Окалани. Но сейчас ничего неизвестно. Я этого не узнаю, пока не окажусь там.

Беверли кивнула и со всех ног помчалась прочь, крича во все горло:

— *Папа! Скорей сюда!*

Адриана насторожилась, но своего удобного места на камне не покинула.

— Я останусь здесь. Очень может оказаться так, что указания по тому, как пользоваться рогами, будут написаны на атлантском языке. Кто-то должен будет сделать перевод и доставить инструкции вам.

Это была ценная мысль. Если предстояло прочесть заклинание, очень важен был точный перевод.

— Ну вот, я вернулась, — проговорила появившаяся рядом со мной Окалани. — Что теперь?

— Что происходит около разлома? Ты туда телепортировала Бруно?

Окалани кивнула, пытаясь отдышаться, словно после быстрого бега.

— Да. Он еще попросил меня переместить к нему и другим магам его брата и еще одного мужчину в мантии. Если бы не это, я бы вернулась скорее.

В мантии?

— Это был пожилой седой мужчина? Он говорил с акцентом? И облачение у него белое?

Неужели она на самом деле телепортировала к разлому между мирами Папу Римского? Я не могла понять, хорошо это или плохо.

— Нет. У него смуглая кожа, темные волосы, а мантия красная с черным.

А, вот оно что! Архиепископ Фуэнтес. Друг Матти, в прошлом мощнейший священник-воин.

— Хорошо. Отлично поработала. А теперь слушай, что тебе нужно делать.

Я попала в сущий хаос и стала оглядываться по сторонам в поисках Бруно, Матти и других знакомых людей, но, увы, тщетно.

— Мэм, вам здесь нельзя находиться.

Обернувшись, я увидела сотрудника дорожной патрульной службы, одетого в форму и державшего руку на рукоятке револьвера.

У меня сохранился фэбээровский бейджик, который мне выдал Риццоли. Я повернула его так, чтобы коп его хорошо разглядел. Он сразу расслабился.

— Прошу прощения, мэм. Но вашей подруге придется уйти. Дети сюда не допускаются.

— Какая подруга?

Окалани уже должна была бы отправиться в путь, чтобы выполнить следующее задание. Оглядевшись по сторонам, патрульный коп ее не обнаружил. Все шло по плану.

— Извините, офицер. Наверное, вы тут немножко перегрелись.

Полицейский покачал головой и зашагал прочь, что-то бормоча себе под нос. А я высвободила несколько прядей, собранных в хвост, и накрыла ими уши. Как говорится — на крем от загара надейся, а сам не плошай.

— Сел! Где тебя носило?

Обернувшись, я увидела идущего в мою сторону Крида. У него на лбу краснела зашитая хирургом рана, половину шеи накрывала стерильная повязка. У меня засосало под ложечкой. Он приподнял меня и так крепко, что рюкзак сполз с моего плеча.

— Я так за тебя волновался. Почему ты не отвечала на мои звонки? Де Лука сказал, что ты идешь следом за ним. Но это было час назад.

Я разжала губы, готовясь ответить, но Крид опередил меня поцелуем, после которого я долго не могла отдышаться.

— М-м-м. Ой. Я была...

А где я была? Я посмотрела на свои руки и подняла их.

— Оружие. Мне нужно было вооружиться. А где Бруно и Матти? И что с тобой? Ты себя нормально чувствуешь?

Крид кивнул и опустил меня на землю. О да, он, конечно, заметил, как на меня повлиял поцелуй, и понял, что я пытаюсь сменить тему.

— Де Лука оказался здесь как раз вовремя. При первой атаке нам всем здорово досталось. Сама видишь. — Он указал на свой лоб и с нескрываемым гневом посмотрел на черный разрыв в небе. — Мы могли потерять Панну и Бордана. Первыми были ранены они — до того, как мы сумели сотворить второй круг и возвести барьер. — Крид взял меня за руку. — Пойдем. Я отведу тебя в наш штаб.

Полушагом, полубегом мы пробрались через толпу. Хорошо, что Крид держал меня за руку, потому что народа здесь теперь было намного больше, чем в прошлый раз. Без помощи Крида я бы ни за что не сумела протолкаться через такое скопление людей. Матти сидел на стальной бочке и что-то очень серьезно обсуждал с другими священниками и архиепископом Фуэнтесом. Я не была знакома с Фуэнтесом лично, но много раз видела его в выпусках новостей.

Бруно, морщась от боли, надевал рубашку. Его грудь покрывала большая повязка, на щеке белел пластырь.

Мне не пришлось отстраняться от Крида. Заметив, как я смотрю на Бруно, он сразу отпустил мою руку. Это было сделано настолько тактично, что я обернулась и посмотрела на него. Я не смогла бы сказать, какие чувства таились за огнем в его глазах. Он стал похож на пустую непроницаемую стену. Я прикоснулась к его руке кончиками пальцев и подмигнула ему. На это Крид ответил едва заметной улыбкой, отвернулся и направился к Матти и другим священникам.

— Бруно!

Я бросилась к нему, как только он посмотрел в мою сторону. От испытанного облегчения я едва держалась на ногах. Бруно развел руки в стороны и улыбнулся. Я не бросилась в его объятия, потому что побоялась, что ему будет больно. Я остановилась перед ним и осторожно прикоснулась руками к его шее.

— Я так боялась за тебя.

— Я тоже за тебя боялся, Сели.

Я прижалась губами к его губам. Он обнял меня за талию и крепко прижал к себе. Если ему и было больно, он не показывал этого. Я очень давно не целовалась с ним так и не знала, что почувствую, тем более что не так давно испытала потрясающие сексуальные ощущения от магии Крида.

Но Бруно целовался совсем в другом стиле, если можно так выразиться. Я ощутила тепло и защиту, и мне захотелось большего, но при этом я не впала в похоть и не утратила контроль над собой. Если бы Дона спросила меня, что мне понравилось больше, я бы не смогла дать ответ.

— Я знал, что ты придешь, Селия. Я ждал.

Эти слова прогрохотали в воздухе, и все разговоры рядом с нами затихли. Бруно резко отпустил меня, и мы все устремили взгляд на фигуру мужчины ростом не менее восьми футов. Абсолютно обнаженный, он смотрел на меня, стоя по другую сторону от защитного магического барьера. К тому же он был... возбужден. Я смущенно отвела взгляд.

Казалось бы, могущественный демон должен быть отвратительным внешне — уродливее мелких бесов. Но нет. Он был прекрасен. Его красота была так совершенна, что он мог бы позировать скульпторам и художникам, расписывающим фресками купола храмов. У него были крылья из светящихся перьев с жемчужными переливами, похожие на те, которые прилагаются к хеллоуинским костюмам. Вот только крылья были настоящие, идеальные и... красивые.

Но все это было показухой, и я это уже видела.

— Почему бы тебе не перестать выпендриваться и показаться всем в своем *истинном* обличье? Никто здесь не купится на историю о падшем ангеле.

Краем глаза я заметила мужчину в черном костюме, который поднес ладонь к губам и произнес:

— Он вступил в контакт. Доставьте вице-президента.

Демон негромко рассмеялся. Как же мне ненавистно было то, что звук его смеха пробуждал нечто во мне и тянул меня к нему.

— Быть может, тебе более приятно такое обличье?

Я моргнула и опустила глаза, потому что демон стал похож на обнаженного Бруно — вплоть до повязки на груди и пластыря на щеке. Он выглядел так, как мог выглядеть Бруно перед очень хорошим сексом. Это... впечатляло.

— Не пойдет. Попробуй еще разок.

Бруно, как и я, смущенно смотрел себе под ноги, потому что зрелище было не из тех, которыми хочется любоваться в присутствии нескольких тысяч людей. Правда, к их чести, никто не смеялся, потому что было слишком страшно. А неделю спустя, если мы все уцелеем? Этот ужас появится во всех таблоидах.

— Не могу поверить, что ты из кожи вон лезешь только ради того, чтобы заманить меня сюда и убить.

Демон щелкнул длинным раздвоенным языком, выглядевшим просто ужасающе, когда он высовывался изо рта копии Бруно.

— Селия, я делаю это не для тебя.

Обличье демона изменилось, вновь. Я смотрела только на его ноги, но сразу все поняла. Еще хуже... Я не выдержала, всплеснула руками, покраснела и отвернулась. Теперь он стал похож на Крида. Ох... Если он тело Крида воспроизвел с такой же точностью, как тело Бруно... Ох... Ничего себе.

Но как только барьер рухнет, ты станешь моей первой остановкой. Хотя... быть может, ты предпочтешь мясо посвежее?

— Черт побери, это еще кто?

Голос Бруно прозвучал так возмущенно, что я обернулась. О боже!

С Бруно я перевела взгляд на Крида. Оба, вытаращив глаза, смотрели на копию мускулистого, покрытого боевыми шрамами тела Газтано. А потом оба вздернули брови и перевели взгляд на меня. Я стояла, прижав одну руку к животу, а другой я прикрывала глаза от пламени горящих глаз демона. Наконец и беспомощно подняла руки.

— Ну ладно! Он звал меня на свидание! Но я даже не знаю его имени.

— Кристофер! — выкрикнула из толпы какая-то женщина.

Несколько человек сдавленно рассмеялись. Ну, все. Мое унижение достигло апогея.

В следующее мгновение Бруно и Крид дружно ахнули, и мою руку и лицо забрызгала кровь. Демон вернулся в свое истинное обличье — красная кожа, хвост. Он принялся скрести когтями невидимую стену. Те, кого я любила, закричали от боли. Я не нашла сил посмотреть на них и увидеть их раны. Я бы только сошла с ума от этого зрелища.

— Прекрати это! — крикнула я и наконец решила посмотреть демону в глаза. Я шагнула ближе к барьеру и выхватила нож с почерневшим лезвием. — Не трогай их. Хочешь мне смерти, так дерись со мной.

Демон обнажил в ухмылке зубы, острые, как бритвы.

— А я с тобой и дерусь, Селия. Эти двое — самые могущественные маги из присутствующих здесь. Если я убью их, ваш щит падет, и тогда я получу тебя. Что может быть проще?

Если так, то он был прав. Проклятье.

— Ты начал мне надоедать. — Я процитировала моего старого учителя театрального мастерства и одарила демона взглядом заносчивой чирлидерши, которую приглашает на выпускной бал нервный одноклассник. — Когда придумаешь что-нибудь новенькое, пошли за мной кого-нибудь.

Ничего труднее мне в жизни делать не доводилось, чем это — отвернуться и броситься бежать. От барьера, демона, Бруно и Джона. Матти одарил меня взглядом, полным нескрываемого гнева, но я взглядом сказала ему: *«Быстрей, беги за мной, надо поговорить!»* — и указала на большую потрепанную брезентовую палатку, в которой, как я заметила раньше, находился пункт первой помощи раненым священникам.

Матти спрыгнул с бочки, попытался схватить меня за руку, но я вырвалась и показала ему нож. Глядя ему прямо в глаза, я мысленно произнесла: *«Мы должны подготовить роги! Позвони мне на мобильный и скажи Окалани одно слово: „Вперед!“»*.

Матти должен был узнать это имя. Он кивнул и убрал от меня руки, сделав вид, будто испугался, хотя на самом деле мог дать мне такого пинка, что я до города бы долетела и обратно вернулась. Больше меня никто не останавливал, пока я не добралась до палатки. На самом деле некоторые даже расступались и давали мне дорогу. Демон в ярости взревел — как это я посмела уйти от него. Мое сердце колотило по грудной клетке, словно паровой молот. Я боялась, что демон употребит все свои силы и вырвется за барьер.

Но он, как ни странно, притих. В общем, к тому моменту, как я вошла в прохладную белую палатку, я уже могла дышать. Я зажмурилась и выдохнула.

— Селия.

Я открыла глаза и увидела перед собой того человека, в которого демон преобразился третьим по счету. Ну конечно. Почему бы не встретить медика в палатке, где ухаживают за ранеными?

— Гаэтано.

Он едва заметно улыбнулся и повернулся к капельнице, чтобы отрегулировать количество лекарства, поступавшего в вену на руке раненого священника.

— Зови меня просто «Крис».

Мне не пришлось ничего говорить. В палатку вошел Матти. Он, конечно, сразу заметил, что я покраснела, и догадался, почему, поскольку причина моего смущенного румянца находилась всего в десяти шагах от меня. Матти с искренним сочувствием похлопал меня по плечу, вытащил из кармана носовой платок и протянул мне, чтобы я вытерла кровь с лица и руки. Только потом он сказал:

— Если ты переживешь это день, нам, пожалуй, надо будет поговорить.

Моим усталым вздохом, наверное, все было сказано.

— Было бы неплохо.

— Мисс Грейвз?

Я подняла голову и увидела вице-президента Марион Ловелл, быстро шагающую ко мне. Я в этот момент, смочив платок слюной, пыталась стереть кровь с руки.

— Мы могли бы поговорить?

Разве можно отказаться от разговора с вице-президентом Соединенных Штатов? Вряд ли — учитывая, что по обе стороны от Марион стояли агенты спецслужб.

— Конечно. Почему бы и нет? Разве сегодня может случиться что-то более ужасное?

Глава 22

Стоя в широченном круге, я чувствовала себя потрясающе уязвимой. Расчистили огромную территорию. Войска и полиция отошли на пятьдесят ярдов, к недавно возведенному наружному барьеру. Уже никто не сомневался в том, что прежний, от которого меня отделяли какие-то двадцать ярдов, скоро рухнет. Все это понимали, поэтому имело смысл сотворить новую магическую преграду силами сотен магов, а не нескольких, чтобы никто из них не пострадал так сильно, как Бруно и Крид, а до них — другие. Еще ни разу в жизни я не видела, чтобы в одном месте собралась такая магическая «огневая мощь». От избытка магической энергии у меня дрожали зубы, и было такое ощущение, что я кусаю оголенный провод.

Все демоны понимали, что против них что-то затевается. Они выстроились вдоль искрящегося барьера и ждали. Мне предстояло оказаться между первой магической стеной, готовой в любое мгновение пасть, и новой, которая должна была быть сотворена — с помощью рога.

В круге вместе со мной стоял Матти. Он сам вызвался, как только архиепископ сказал, что я выживу только в том случае, если кто-то рядом со мной будет непрерывно молиться о моем спасении.

— Мне кажется, меня вот-вот стошнит.

— Ты ела, да?

«Тарелка, еда»? Что за чушь? Я сняла противошумные наушники.

— Извини? Что ты сказал? Я ничего не слышу в этих штуках.

Матти смутился.

— Это ты меня извини. Ты и не должна была ничего слышать. Я спросил, поела ли ты.

А, вот оно что.

— Дона передала с Окалани пару контейнеров с потрясающим бульоном из мясного ресторана. Я должна продержаться, пока все не кончится. А если не продержусь, у меня в рюкзаке еще один контейнер. — Рюкзак лежал рядом со мной на земле, и я указала на него носком ботинка. — А ты?

— Филе-миньон со свежей спаржей, — с нескрываемой похвалой проговорил Матти. — Федералы не поскупились насчет последней трапезы.

— Не последней, — строго сказала я.

Я должна была в это верить. Я в упор посмотрела на Матти, желая ему тоже в это поверить. Мы с ним не очень-то ладили в ту пору, когда я была помолвлена с Бруно, но за последние недели пришли к пониманию. Матти перестал считать меня просто неприятной особой. Наверное, теперь он думал, что я — особа, притягивающая к себе самые неприятные события.

— Может быть, еще раз проговорим план?

Матти поджал губы и прошептал:

— Мне все ясно. Первый барьер рушится, все гады кидаются к тебе, мне и другим священникам — на свежатинку.

Я кивнула и ответила примерно в том же тоне:

— Тогда ты создаешь первую растяжку, возникают круги, и все начинают произносить одну и ту же молитву.

Матти посмотрел на наручные часы. Оставались считанные секунды.

— Это будет не так-то просто. Я еще ни разу не пробовал создавать сразу четыре отдельных магических круга. Я понимаю, что удержать их поможет магия остальных, но если бы нас было только двое, было бы проще. Мощи у нас достаточно, чтобы сдержать натиск целой армии.

Я прикоснулась к одному из дюжины различных священных предметов и амулетов, висевших у меня на груди. Архиепископ Кентерберийский пожертвовал один из крестов из коллекции, собранной в Тауэре. По всей видимости, эта реликвия побывала в Крестовых

походах. Матти держал щит с белой розой, едва заметной на поверхности старинного железа. Щит вибрировал, наполненный энергией, не иссякшей за сотни лет. Эти святыни были выданы нам «на всякий случай».

— Верно. Но нас могут растоптать до того, как мне удастся извлечь звук из рога. Возникнет суматоха. Как только они начнут тут летать и атаковать круги, архиепископ создаст вторую магическую растяжку, а Окалани доставит сюда Беверли и второй рог.

Кто мог предполагать, что архиепископ окажется магом средней руки? Это стало последним удачным штрихом в плане вице-президента. Она оказалась очень умной дамой.

— А потом мы все будем молиться, — вздохнул Матти. — И я имею в виду не только новенны.²⁴ Ну, начали. Семь... шесть... надень наушники.

Я последовала совету Матти, и точно так же поступили другие священники, стоявшие в отдельных кругах.

Точно так же, как в кино, последние три числа обратного отсчета не произносились. Матти отсчитал их, загибая пальцы. Последним он показал кулак. Остальные священники все сделали в точности, как он, и подняли сияющие мечи. Меня замутило, когда голубоватая преграда перед нами начала мерцать и рушиться. Я знала: Бруно и Крид трудятся изо всех сил, чтобы все прошло гладко, по плану. У меня сердце разрывалось, когда я видела отметины от когтей на их красивых лицах. Я знала: когда все закончится, им потребуются особые амулеты для заживления этих ран.

Мелкие бесы начали толпой наваливаться на барьер, и в итоге он поддался. Всевозможные твари из самых страшных триллеров хлынули на нас волной, и мне тут же захотелось в страхе завопить и броситься наутек. Пришлось употребить все усилия воли для того, чтобы устоять на месте. Я увидела, что руки и губы Матти шевелятся, и вдруг повсюду снова возникла голубизна. Похоже, все остальные круги были воздвигнуты успешно, потому что демоны и слева, и справа от нас начали отлетать от барьеров и сгорать. К нашему кругу не приближался никто, и через несколько мгновений я поняла, почему.

На нашем круге словно бы красовалась табличка «Столик заказан».

Главный демон зашагал вперед, и все, кто попадался на его пути, разбегались и расползались в стороны. Он обвел взглядом барьеры по обе стороны от нашего, задержал взгляд на священных предметах и... улыбнулся. Его губы шевельнулись, и это заставило меня улыбнуться в ответ, потому что я не расслышала произнесенных им слов. Я приподняла плечи и указала на наушники, после чего выхватила ножи и стала ждать. Матти молился и отсчитывал бусины на четках. Демон немного растерялся. Он нанес несколько ударов по нашему барьеру, но тот держался надежно.

А в следующий миг у меня разболелась голова, и я вдруг поняла, что следовало кому-то поручить отражение мыслительных атак на меня. Проклятье!

Меня так легко не одолеешь, Селия!

Я выговорила слова медленно и старательно, чтобы не осталось никаких сомнений:

— Катись... к... чертям!

Увы, еще не настало время дунуть в рог. Нам нужно было выманить как можно больше демонов подальше от разлома — по крайней мере, так утверждала Адриана. Она возвратилась очень вовремя с переводом большей части наставлений по пользованию рогами. К несчастью, был один фрагмент, который она не смогла разобрать. Окалани телепортировала Адриану в библиотеку, чтобы она могла переговорить с Анной, которая знала несколько мертвых языков. Не обращая внимания на головную боль, я перевела взгляд с демона на прекрасные звезды на клочке ночного неба. Зрелище и вправду было великолепное. Множество метеоров и планет со странной окраской.

Ты сказала, чтобы я придумал что-то новенькое. Думаю, это вполне подойдет.

---

²⁴ *Новенны, девятина* — традиционная католическая молитвенная практика, заключающаяся в чтении определенных молитв в течение девяти дней подряд. Ежедневно в рамках новенны может читаться одна из частей Розария (круг молитв с применением четок), молитвы Отче Наш и Ave, Мария; либо особые молитвы.

Голос позвучал, словно мой собственный на автоответчике. Не надо мне было поднимать глаза. Один из священников — кажется, его звали отец Игнасио — висел, схваченный демоном за шею, и корчился от боли. Теперь демон стал похож... на меня.

Господи боже...

Ужас этой картины не дал мне зажмуриться. Я увидела себя со светящейся кожей и длинными клыками. Демоническая копия меня сжала в руке волосы священника и рванула его шею к жадным клыкам.

Нет. Пожалуйста. Только не это.

Я закрыла глаза, но за счет связи демона со мной образы попадали прямо в сознание. Из-за этого у меня было полное ощущение, что мои зубы прокусывают кожу, что мне в глотку льется густая, с медным привкусом, кровь. От криков священника у меня по коже побежали мурашки, разболелся живот.

Я поделюсь с тобой, Селия. Иди. Поешь. Какая сладкая, какая теплая кровь...

Что-то плоское ударило меня по руке. Ощутив ожог от шлепка, я открыла глаза и увидела, что Матти плашмя хлопнул меня лезвием меча. Я едва не вышла за край круга. Черт. Но почему от удара меча возникло жжение?

Я надеялась и молилась о том, что это произошло из-за того, что демон пробрался в мое сознание. Я не стала смотреть, как дергается тело священника, из которого демон высосал почти всю кровь. Я присела на корточки и расстегнула «молнию» на черной сумке.

Демон с большим интересом наблюдал за мной. Когда я извлекла из сумки длинную раковину Тритона, изумление и насмешка покинули глаза демона. Я встала, выпрямилась и подождала, пока Матти поправит наушники.

Если ты посмеешь поднести этот предмет к губам, я заставлю тебя страдать, когда стану убивать тебя.

Я подняла рог к губам и уставилась в желтые глаза демона с красными горящими вертикальными зрачками. Первый звук получился долгим и низким, и я почувствовала, как он резонировал в моем теле теплой волной. Демоны начали визжать, метаться и кидаться на барьер. Я дула в рог, покуда хватило дыхания. Тьма заколебалось под действием звука, но этого было далеко не достаточно для того, чтобы закрыть разлом.

Но тут я услышала ответный звук — высокий, трубный. Демон закричал. Он огляделся по сторонам в поисках звука, причинившего ему такую боль, но архиепископ произвел свой магический обман превосходно. С помощью оптической иллюзии он скрыл круг, внутри которого находился он сам и Беверли, и из-за этого возникло ощущение, будто звук слышится отовсюду и ниоткуда в одно и то же время. Я снова подула в раковину, и Беверли тоже. От одновременного звучания рогов воздух завибрировал. По лицу Матти потекли кровавые слезы. Я осознала, что и сама плачу. Я почти не сомневалась, что если прижму руку к лицу, увижу на ней кровь.

Демон принялся ходить вокруг нас. Он бил по барьеру то кулаками, то ногами, то что-то швырял в голубую стену — пробовал, искал внутренний круг. Он его найдет — я это понимала, но надеялась, что он опоздает.

Селия?

Этот голос, прозвучавший в моем сознании, я узнала, но сейчас я не могла доверять ничему из того, что слышала. Я никак не могла сообразить, как Пили могла пробиться внутрь круга. Между тем следующие слова оказались такими, каких вполне можно было ожидать от Пили:

Ты не должна видеть то, что вот-вот произойдет. Прощаться никогда не стоит, но это единственный способ, клянусь. Следует принести жертву, и это должна быть сирена, оскверненная демоном. Кроме тебя, я тут единственная такая, а охранять мой путь сможет только она.

Стоило послушаться Пили и не смотреть, потому что, как только я разжала веки, я увидела в нескольких шагах от себя смерч. Его воронка сверкала поднятыми в воздух песчинками и расшвыривала демонов в стороны. Описывая высокие дуги, они падали на

землю. Вики? Неужели Вики?

Внутри вертящейся песчаной воронки к поджидающим ее демонам шагала одинокая хрупкая фигурка. Я узнала ее. Что же это такое?

Подуй в рог, Селия. Не отвлекайся ни на что. Жертва — единственный способ.

Жертва? Нет! Только не Вики! Только не Пили!

Должен быть другой способ! Мы найдем другой способ.

У меня запылало лицо, я никак не могла сосредоточиться. Они обе? Но что же будет с бабушкой? Что будет со мной?

Голос Пили звучал строго и решительно:

Другого способа нет. Ты должна. Оскверненные демонами должны принести себя в жертву, чтобы вернуть жизнь к жизни, а смерть к смерти. Так было написано.

Матти заметил, что я шагаю следом за воронкой смерча, и уволок меня назад, не дав мне выйти за черту барьера. Он просто бросился на меня и, вонзив острие меча в край моей рубашки, пригвоздил меня к земле. На Пили налетел один демон, она упала, но тут же поднялась и пошла дальше. Вики завертела демона в спирали смерча и зашвырнула в черноту разлома.

— Проклятье, Матти! Отпусти меня!

Матти испробовал последнее средство. Он снял с меня наушники.

По моим барабанным перепонкам ударили душераздирающие звуки, которые не смогло бы издать ни одно земное существо. Визги, вопли... И все же я явственно расслышала отчаянный голос Матти.

— Если ты нарушишь целостность круга, Селия, *мы все погибнем!* Пили, Вики, ты, я и невинное дитя — девочка, душа которой станет *игрушкой* для этих тварей!

Я скребла землю кончиками пальцев. Всего лишь несколько дюймов отделяли меня от барьера. Я чувствовала, как жар голубого пламени опаляет мою кожу. Я скосила глаза в сторону круга, внутри которого находилась Беверли. Теперь он стал виден. Барьер был нарушен. Главный демон возвышался над девочкой, в страхе втянувшей голову в плечи, а архиепископ сдерживал его крестом, сиявшим как звезда. Архиепископ и Беверли теперь находились внутри крошечного круга, сотворенного Библией, на которую был положен меч. Вместе они образовывали подобие креста. Прежде мне доводилось слышать о таких кругах. Они невелики, но, судя по всему, невероятно прочны. Но и такой мощный круг не в состоянии продержаться вечно.

Я подобрала рог Тритона и усилием воли сдержала рыдания, сотрясавшие мое тело, пока я смотрела, как движутся навстречу своей гибели два человека, которых я любила. Мне было трудно сделать достаточно глубокий вдох, чтобы извлечь звук из раковины, но все же мне это удалось.

Звук эхом разнесся по кругу и распространился вовне, словно волны. Беверли, прижавшаяся к земле, повернула голову. Ее зеленые глаза были огромными и испуганными.

Мне хотелось встать и оказать моим подругам честь, которой они были достойны. Видимо, Матти догадался, чего мне хочется. Он отпустил меня и помог мне подняться. Рыжеволосая девочка тоже встала и высоко подняла голову. Она черпала силу от меня.

Главный демон отшатнулся от круга, внутри которого находились архиепископ и Беверли, и с головокружительной скоростью метнулся к нашему барьеру. Он с такой силой налетел на защитную стену, что земля содрогнулась и мы с Матти упали. Голубое свечение замерцало и чуть не погасло. Но прежде чем демон успел снова атаковать нас, я поднялась и снова дунула в рог.

В это мгновение я различила вдалеке четыре ярких светящихся точки. Они сияли с силой галогенных прожекторов. Две точки были золотистыми, а две — белыми. Матти их тоже увидел. Он не прервал своих молитв. Он только развел руки в стороны, чтобы стать проводником магической энергии для Бруно и Джона. Я почувствовала, как их энергия втекает внутрь Матти и очищается за счет его веры. Защитный барьер озарился слепящим белым светом с золотым верхним краем. Демон взвыл от боли.

К величайшему моему облегчению, я от боли не взвыла.

Я подула в рог изо всех сил. Беверли последовала моему примеру. Мне хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть Пили и Вики, но они заслуживали того, чтобы я стала свидетельницей их отваги. У меня на глазах разлом сместился и содрогнулся под действием звука, налетевшего на него с двух сторон. Демон заметался из стороны в сторону, он пытался разрушить то наш барьер, то круг, возведенный архиепископом. Упал еще один священник, и я попыталась не слышать его криков. Он погиб ужасной, но достойной смертью, он сделал то, что поклялся сделать.

Земля у нас под ногами начала трястись. У меня прерывалось дыхание. Я из последних сил выдыхала воздух в раковину, чтобы звук не прерывался. Наконец пришло настоящее сильное землетрясение. Мы с Мэтти повалились на колени, чтобы не рухнуть в бездну. Смерч, который сейчас представляла собой Вики, завис над провалом в ожидании нужного момента. А когда этот момент наступил, воронка торнадо бросилась вперед, увлекая с собой Пили.

Взрыв звука и света заставил меня потянуться за наушниками. Но они не могли меня защитить. Защитные барьеры взорвались, словно замки из песка. Даже большой наружный барьер напрягся, вспучился и в итоге пал. Казалось, весь мир сотрясся. Я пыталась что-то увидеть за пеленой слепящего света, но он был слишком ярким, он обжигал мою кожу, лицо, глаза.

Я не смогла этого вынести. У меня перед глазами все почернело.

Глава 23

В дверь позвонили. По крайней мере, мне так показалось. Трудно было понять — такой бедлам царил у меня в гостиной. Трудно было придумать более удачное утро для праздничного сборища. Разлом сильно повлиял на погоду — и пожалуй, это стало единственным положительным результатом минувшей катастрофы. Направление ветра изменилось радикально, и в Калифорнию пришло белое Рождество. Выпал снег. Скорее всего, к середине дня он мог растаять, но сейчас кроме шуток можно было слушать одноименную песенку Бинга Кросби.²⁵

Я начала пробираться сквозь толпу гостей, но успела сделать всего пару шагов, как наткнулась на Молли и Мика Мерфи. Они взволнованно улыбались друг другу, и мне отчасти передалась их радость.

— Ну, в общем, мы поговорили. Мы его возьмем.

Это сообщение вызвало у меня улыбку.

— Правда? Вы уверены? Я совсем не хочу на вас давить. Но у бабушки есть, где жить, и у меня тоже. Вот я и подумала, что стоит хотя бы предложить вам этот дом.

Молли слегка прослезилась и помахала рукой.

— Все идеально. Правда. Я уже полюбила этот дом. Мне достаточно было просто послушать рассказы вашей бабушки. А девочки уже выбрали для себя комнаты наверху. Тут и двор есть, и школы хорошие в этом районе.

— И до океана недалеко, — добавил Мик. — Прежде мы об этом никогда не думали, но теперь... — Он устремил взгляд на Беверли, которая вместе с младшей сестренкой заглядывала под елку. Конечно, им было интересно, какие я им купила подарки. Да разве я могла не купить им подарки? — Думаю, ей придется пройти обучение на острове Безмятежности. Нас уже пригласили посетить несколько семинаров, чтобы мы узнали, что ей нужно для жизни.

---

²⁵ Гарри Лиллис «Бинг» Кросби (1903–1977) — американский певец и актер, один из самых успешных исполнителей в США. «White Christmas» (рус. «Белое Рождество») — американская эстрадная рождественская песня, написанная Ирвингом Берлином и впервые исполненная Бингом Кросби в 1941 году.

Я кивнула и прикоснулась к руке Мика. В это мгновение снова зазвенел дверной звонок.

— Ладно, скоро мы обсудим детали. Насчет цены не волнуйтесь. Придумаем что-нибудь справедливое.

Я отошла от Мика и Молли и почувствовала, что у меня еще одна гора упала с плеч. Мерфи уже успели понравиться моей бабушке, и мы с ней обе сочли, что будет прекрасно, если в ее доме снова поселится семья.

Я жалела только об одном — что с нами нет Вики и что она не увидит этот снег. Она всегда гадала — каково это будет, если листья пальм покроются снежинками. Когда я осознала, что теперь она ушла по-настоящему, насовсем, я целый день провалялась в кровати, рыдая. Да, я была рада тому, что она наконец нашла дорогу к тому, что заслужила по праву. Но все равно я буду так по ней тосковать...

Мы с бабушкой еще не успели поговорить о жертве, принесенной Пили, но я знала: этот разговор бабушке очень нужен. Я просто не знала, я ли тот человек, который должен помочь бабушке пережить эту потерю. У меня по рассказам Доны сложилось такое впечатление, что Ань и Пили объединились для поддержки моей бабушки. Дона предложила мне несколько недель повременить с новостью о гибели Пили, чтобы посмотреть, уяснила ли моя бабушка данные ей уроки. Что это были за уроки, Дона и сама толком не знала, но у нее сложилось такое впечатление, что это были не просто житейские советы, а нечто метафизическое. Но как же трудно было смотреть на бабушку, зная, что ей больно, но не иметь возможности ей помочь.

Мое меланхолическое настроение улетучилось в тот же момент, как только я открыла дверь. На пороге стоял Бруно — с улыбкой и подарком. Царапины у него на лице почти зажили, и это было поразительно, если учесть, как ужасно он выглядел после того, как все мы общими усилиями закрыли разлом в пространстве. Я бросилась к Бруно и радостно поцеловала его в губы.

— Ты приехал! А я думала, ты сегодня утром улетишь в Нью-Йорк.

Бруно указал большим пальцем за плечо. Около тротуара его ожидало такси.

— Я заскочил по пути в аэропорт. Но я должен был завезти тебе подарок. Ты уверена, что не обидишься на меня за то, что я уеду?

— Что же это будет за Рождество у де Лука, если пятьдесят человек не соберутся в доме, рассчитанном на десятерых? Конечно, тебе нужно лететь. Пожалуйста, передай Матти привет и наилучшие пожелания. Как его рука?

— Врач говорит, что порвана вращательная манжета плечевого сустава. Ему предстоит операция, но доктор уверен, что все хорошо восстановится. Но ты сама его скоро сможешь обо всем расспросить.

Я вопросительно посмотрела на Бруно. Он улыбнулся.

— Его попросили возглавить здешнюю семинарию в звании епископа Маттео де Лука. Мама вне себя от счастья.

— Вот это да! Здорово. Я слышала, что архиепископа Фуэнтеса собираются сделать кардиналом, но назначение епископом в рабочем порядке — это ведь не так уж типично, верно?

Бруно кивнул.

— Это очень нетипично. Но в Ватикане предположили, что если и произойдет очередное демоническое событие, то, скорее всего, оно случится здесь — как остаточный подземный толчок после сильного землетрясения. К тому же до сих пор еще не найдены все пациенты тюремной больницы, которые могли быть одержимы бесами. Кроме того, пока у Матти будет заживать рука после операции, ему так или иначе придется заниматься бумажной, кабинетной работой.

Все сказанное Бруно было правдой. Я перевела взгляд на подарок, который он держал в руках.

— А твой подарок не у меня, — сказала я. — Я его отправила в Нью-Йорк, чтобы ты

его получил дома у мамы. — Но тут я поняла, что ошибаюсь. — Погоди-ка, кое-что у меня есть для тебя. — Я сунула руку в карман и нашла предмет, который мне передала Алекс. — Подарок без упаковки, но я хочу, чтобы он был у тебя, потому что ты сказал, что тебе нужно подумать.

Я вложила в руку Бруно, затянутую в перчатку, мешочек из мягкой кожи, из горловины которого тянулась серебряная цепочка.

— Что это? — спросил Бруно, с любопытством глядя на меня.

— Амулет, защищающий от сиренских чар. Теперь, что бы ты ни решил, это будет только твое решение. — Я прикоснулась к другой руке Бруно. — И только мое. Амулет настроен на меня. По моей просьбе его изготовила штатная колдунья из полицейского управления, где работает Алекс, а королевская волшебница его одобрила.

Бруно смутился, но я не дала ему возможности отказаться. Я надела цепочку ему на шею и прижалась губами к его губам. Поцелуй получился долгим, и у меня по спине побежали мурашки, никак не связанные с ледяным северным ветром.

— Я не хочу, чтобы тебе пришлось сомневаться в себе. Через несколько дней амулет начнет действовать, и тогда мы поговорим.

С этими словами я взяла из рук Бруно его подарок и с теплой улыбкой сделала шаг назад.

Бруно приподнял маленький кожаный мешочек, вышитый серебряной нитью, и уставился на него с нескрываемой тревогой. В этот миг я услышала позади него знакомый голос:

— Эй, я узнаю этот амулет. У меня точно такой же. Жаль, что он не действует против крутых длинноногих блондинок.

По подъездной дорожке шагал Крид. Он тоже был с подарком.

— Так... Ну, что это такое, ребята? Сами мне говорите, чтобы я подарки для вас отправила почтой, а теперь я выгляжу, как скряга, поскупившаяся на подарки.

— Веселого Рождества, Сел. Видимо, у нас с де Лука возникла одна и та же мысль, поскольку я к тебе тоже заскочил на пути в аэропорт.

Крид наклонился и запечатлел на моих губах нежный поцелуй. Бруно негромко, но отчетливо зарычал.

— Я вернусь через пару недель. Так что ты тут к ней не очень-то пристраивайся.

Крид обернулся и одарил Бруно взглядом, в котором читался вызов:

— Это марафон, а не спринт. Я не спешу. Конечно, — произнес он примирительно, с лукавой улыбкой, и подмигнул Бруно, — это вовсе не значит, что я не воспользуюсь преимуществом, если ты провалишь свою работу. — Он посмотрел на часы и тихонько выругался. — Кстати, о работе... Ты меня не прихватишь в аэропорт? Мне нужно кое-что обсудить с тобой, а если я прямо сейчас не уеду, я опоздаю на рейс.

Бруно тоже посмотрел на часы.

— Черт! Уже едва успеваю... Прости, Сели. Мне правда пора. Поздравь от меня твою бабушку с Рождеством. Береги себя.

Он торопливо чмокнул меня в одну щеку, а Крид — в другую. Я проводила их взглядом. Они подошли к машинам и принялись перекладывать багаж Крида из одного такси в другое. Я чувствовала, что не хочу терять ни одного из них. Но сохранить их обоих я не могла. Это было бы нечестно по отношению ко всем нам.

Я медленно открыла дверь и вдохнула ароматы жарящейся индейки и яблочного пирога. Но, не успев войти, я услышала, что подъезжает еще одна машина. Обернувшись, я увидела знакомый автомобиль. А я опасалась, что его хозяйка не успеет вовремя. Мой дом постепенно превращался в филиал вокзала Гранд Централ.

А я это очень люблю.

Из машины выскочила Дона, радостно вскрикнула и побежала по усыпанной снегом дорожке. Она крепко обняла меня, постаравшись не задеть подарочные коробки у меня в руках.

— Веселого Рождества!

Открылась пассажирская дверца. Вышла Эмма с огромным количеством подарков.

Дона вбежала в гостиную и радостно обняла мою бабушку. Она уже много лет встречала Рождество со мной и бабушкой, потому что большая часть ее родни — буддисты. Именно поэтому сегодня у нас в гостях не было Ань. Эмма подошла ко мне. Я бережно обняла ее и тихо спросила:

— Как дела у Кевина и Эми?

От меня не укрылась тревога в ее глазах, когда она ответила:

— Кевин вернулся на работу в университет, но у него еще не прошел посттравматический стресс, и мы пока не знаем, как ему помочь. Время от времени у него возникают панические атаки — казалось бы, без видимых причин. Один сотрудник предложил использовать служебную собаку — одну из тех пород, которые чувствительны к демонической энергии. Нечто вроде Цербера. — Эми вздохнула. — У Эми состояние пока что отстраненное. Думаю, одержимость почти прошла, но я-то знаю, что ей приходится переживать. Она далеко не сразу начнет чувствовать себя нормально. — Эми с нескрываемой радостью улыбнулась. — Спасибо тебе, что ты их пригласила. Я понимаю: ты все еще не до конца простила их, но я точно знаю, что они тебе очень благодарны за приглашение. Отец, может быть, заедет позже.

— Рождество — время прощать. По крайней мере, так мне сказали. — Я заставила себя улыбнуться.

Может быть, я так и не сумею до конца простить предательство Кевину и Уоррену, но постараюсь. Ради Эммы. И ради нашего общего прошлого.

— Ух ты! Сколько у тебя гостей!

Эмма улыбнулась шире, когда подошла моя бабушка и потрепала ее по щеке.

Эмма подошла к дивану и села.

— Жаль, но я очень быстро устаю. — Она вздохнула. — Это из-за лекарств. Они меня успокаивают, но при этом вгоняют в сон.

Дона погладила руку Эммы.

— Главное, ты начала выбираться на люди. Мы сегодня никуда не спешим, подружка. Сегодня день, когда не о чем тревожиться.

Она посмотрела на елку и вдруг опустилась на колени. Я только теперь заметила, что на ней красно-белый велюровый брючный костюм. «Не сказывается ли дурное влияние Дотти?» — подумала я, но была вынуждена признать, что на Доне и велюровый костюм смотрелся ослепительно. В нем она выглядела очень загорелой и подтянутой миссис Клаус.

— Тебе, похоже, сегодня еще подарки привезли. Вот этих я вчера не видела. — С этими словами Дона выудила из горы подарков один, и я не успела ее остановить. Она открыла привязанную к упаковке маленькую открытку и прочла: — «Веселого Рождества, Сели. С любовью, Джон». О-о-о!

В ответ на подзуживание я вздернула брови.

— Ты прекрасно видишь, что он вписал только слова «Сел» и «Джон». Все остальное было напечатано на открытке.

Но она не пожелала отступаться и посмотрела на меня, кокетливо надув губки.

— Открытку-то он выбирал.

Я покачала головой.

— Сомневаюсь. Слишком аккуратно упакован подарок. Разве похоже, что это дело рук мужчины? Упаковали в магазине, там же и открыточку прицепили.

Дона покачала подарок. Я вздрогнула и бросилась к ней, чтобы забрать коробку. Взяв сверток, я аккуратно уложила его под елку.

— Он дарит вещи, которые могут взорваться, Дона. Не хотелось бы, чтобы Санта нашел тебя на крыше.

Видимо, Дона была наделена каким-то особым чутьем, поскольку следующим она достала из-под елки подарок Бруно.

— Они *оба* тут побывали, а я обоих пропустила? Наверняка было на что посмотреть. — Она придирчиво осмотрела коробку. — А вот Бруно подарочек явно сам упаковывал. И зачем мужики всегда используют в восемь раз больше клейкой ленты, чем нужно?

Эту коробку я снова отобрала у Доны и уложила под елку подальше от нее. Бывало, Бруно тоже дарил мне взрывчатые предметы.

Оба хороши.

— О-о-о-о! — воскликнула Дона, заметив подарок, который, как мне казалось, я надежно я спрятала за книжным шкафом.

Черт, ну и зоркость у нее. Это была маленькая подарочная сумочка, набитая декоративной соломкой.

— «Д-р Гаэтано». Новый игрок, дамы! — Дона посмотрела на меня и скептически — на бумажную сумочку. — Тоже чародей?

Я пожала плечами. Я этого не знала.

— Он врач. По крайней мере, медик. Вряд ли он маг. К тому же он военный.

Дона протянула мне сумочку, наклонилась и прошептала:

— Ну, давай. Открой. Первый подарок всегда выбирает кто-то из гостей.

Ну... Мне и самой было любопытно, а к тому же подарок можно было всегда убрать обратно в сумочку.

Я и вправду немного нервничала, открывая подарок Гаэтано. Нет, он не стал бы дарить что-то чересчур личное. Или стал бы? У нас до сих пор даже не было свидания. В последний раз мы виделись, когда он извлекал обломки полурасплавленных священных предметов из моих голеней и груди.

Я засунула руку в сумочку и вынула с самого дна маленькую коробочку. При этом я испустила вздох облегчения и радостно улыбнулась.

— Круто! — воскликнула я, показав гостям шкатулочку с заклеенными дисками для первой помощи. — Смотрите: два — при переломах ног, а три — для лечения порезов глубже дюйма.

Дона и Эмма мудро промолчали в ответ на мою бурную радость. Только бабушка решилась высказаться:

— Это очень... предусмотрительно. Только ты уж постарайся, чтобы эти штучки тебе не понадобились, милая.

Я убрала шкатулку в подарочную сумочку, а ее — под елку. Как ни хотелось мне открыть шкатулку и прочитать инструкции к дискам, это было бы невежливо по отношению к остальным. Бабушка похлопала меня по руке.

— Я вернусь к готовке. Когда у тебя будет минутка, может быть, ты поможешь мне приготовить немного фермерской заправки²⁶ для салата?

Я кивнула.

— Через секунду, бабуля. Обещаю.

Я откинулась на спинку стула и позволила шуму разговоров окутать меня. Несколько полицейских собрались вокруг Алекс и говорили о работе. Мерфи болтали с Адрианой, Окалани и Лакой, которые, по всей видимости, появились только что, потому что буквально минуту назад их здесь еще не было. Дона коснулась моей руки. Я с опаской посмотрела на нее.

— Ну... пока все при деле, расскажи-ка нам про мальчиков. Бруно возвращается?

Я кивнула и улыбнулась.

— Не раньше чем через несколько месяцев, я так думаю. Пока у него нет здесь работы, но у меня такое впечатление, что об этом с ним хочет поговорить Крид. Они решили вместе

---

²⁶ *Фермерская заправка (ranch dressing)* — особо популярный вид заправки для салатов в США. Включает майонез, сметану или пахту, лук, чеснок, различные травы.

поехать в аэропорт. Даже не знаю, что об этом сказать.

Конечно, они слаженно трудились бок о бок на разломе, но я предвидела уйму потенциальных проблем, учитывая характер каждого.

— Кстати, о Криде. Как у вас прошел грандиозный обед на прошлой неделе?

Я сделала большие глаза.

— Он явился в десять часов.

Эмма возмущенно фыркнула.

— *Ненавижу*, когда парни откалывают такие номера. Ты, небось, только что из-под душа, голова в бигуди?

— В десять вечера, — уточнила я.

Тут у моих подруг отвисла челюсть — как и у меня в тот вечер.

— Угу. И это при том, что мы договаривались пообедать. — Я не скрывала сарказма. — Это случилось в третий раз подряд, и, честно говоря, я его за это наказала.

— Как ты строга, дорогая. Хотя на самом деле с его стороны это была только вторая промашка. Один раз ты отменила свидание.

Ну ладно, это было справедливо подмечено, но все же я подняла указательный палец.

— Я ему отправила эсэмэску, в которой сообщила, что игра моего клиента перешла в овертайм. А он даже до этого не снизошел.

Обе мои подружки сделали большие глаза и в отчаянии вздохнули, тем самым выразив мне соболезнования.

— Ну, а причина опоздания какая? — поинтересовалась Дона.

— Да такая же, как в прошлый раз. Занят был. Но вынуждена признаться, он расквитался за это с лихвой. — Я замолчала и оглянулась, чтобы убедиться, что бабушка в кухне. Потом я заговорила почти шепотом, наклонившись к сидевшим на диване Эмме и Доне: — Круз под луной на его парусной яхте до Сан-Диего и ужин из четырех блюд в отдельном кабинете в ресторане «Silver House». — Я подула на ладонь и провела рукой по животу. Подруги отреагировали так, как я и ожидала.

— Черт... Да чтобы там столик заказать, надо чуть ли не год ждать... — Дона медленно выдохнула. — Что ж, этим ужином он набрал очки, но разве он их компенсировал, *опоздав на десять часов*?

— Нет. Потерянные очки компенсировал массаж моей спины, пока мы плыли на яхте. — О нет, очки Крид набрал тем, что массировал мне не только спину. — Но мы не торопимся. Думаю, на данный момент мы оба друг другу немного побаиваемся.

Дона была готова что-то ответить, но в этот момент я обернулась, услышав громкий стук в дверь. Неужели я пропустила звонок? Я прикоснулась к руке Доны.

— Попозже спросишь меня об этом.

Я помахала рукой Адриане, которая манила меня к себе. Я указала на дверь и подняла руку. Мне нужно было кое о чем поговорить с Адрианой, но я обязана была играть роль хозяйки дома.

— Веселого Рожде... — Я распахнула дверь и захлебнулась собственными словами. Миновало несколько секунд, прежде чем я пришла в себя, и получилось неловко.

— Риццоли? Гм-м-м... — С Рождеством.

Я его не приглашала, и, честно говоря, выглядел он так, словно только что проснулся. Он произнес заторможено и невыразительно:

— С Рождеством, Грейвз. Захватите ваш бейджик. Нам надо ехать.

Бейджик? Ехать? Хм... Может быть, попробовать еще — на этот раз с улыбкой? Я изобразила самую лучшую улыбку, на которую только была способна, и даже чуточку кокетливо склонила голову к плечу.

— С Рождеством, Риццоли. Не хотите ли зайти, не спеша выпить чашку кофе и поболтать? Тут немало копов собралось.

Риццоли устало вздохнул и сунул кулаки в карманы длинного пальто.

— Нет, этого я совсем не хочу. Я хочу вернуться домой, посидеть в гостиной с моей

семьей и распаковать подарки. Я до полуночи не спал, собирал первый двухколесный велик для сына. Так надеялся, что удастся посмотреть, как он ему понравится. Но вместо этого я здесь, и моя супруга жутко психует. Так что если вы быстренько возьмете свой бейджик, мы постараемся побыстрее покончить с делами и вернемся к своим праздникам. — Он наконец удосужился смерить меня оценивающим взглядом с головы до ног. — То, что на вас надето, для этого дела вполне сгодится.

Послушать его — так ни для чего другого мой наряд не годился.

Что за черт?

— Если вас никто не уведомил, то я вам напоминаю, Риццоли: я на вас не работаю.

Риццоли извлек одну руку из кармана и устало оперся о стену моего дома. Заглянув в дверь, он заметил в моей гостиной местных полицейских, одни из которых были в форме, а другие — без, и понизил голос до зловещего шепота:

— Позвольте, я вам кое-что растолкую, Грейвз. Известность, которую вы приобрели, спасая мир, сработала как в плюс, так и в минус — для вас. Вас рассматривают как угрозу для определенных кругов в правительстве. Я старался отводить от вас огонь, а вы об этом даже понятия не имели. Но меня уже загоняли — я как пони на детском празднике. И вот теперь я должен либо *прекратить* это делать, либо должен продолжать. Вы что предпочтете?

Больше всего я предпочитала отсутствие публикаций в прессе и судебных расследований. А я еще гадала, почему такая тишина?

— Это важно? Так важно, что вас вызвали в праздник?

— Если мне не врут, то вам захочется сохранить снимки разлома в своем фотоальбоме, как последнее счастливое воспоминание. — Риццоли ненадолго умолк. — Я не говорил, что вам готовы уплатить вдвое выше вашей обычной ставки? А займет всего-то полчаса, не больше.

Ну что ж... месяц еще не закончился, а мне уже пришла пора платить по счетам. Отлучиться ненадолго с вечеринки — ничего страшного, переживут мои гости. Я оставила дверь открытой.

— Зайдите на минутку. Бейджик у меня наверху.

Риццоли вошел, но из предусмотрительности остался недалеко от входа. Я бегом помчалась вверх по лестнице. Дона крикнула мне вслед:

— Что происходит, Селия?

Я схватила бейджик, лежавший на крышке ювелирной шкатулки, и взяла дорожную сумку. Не стоит куда-либо отправляться без оружия — таков мой принцип. Я спустилась по лестнице, но по пути к выходу резко повернула направо.

— У нас нет времени для прощаний, Грейвз, — строго произнес Риццоли, когда я проскочила мимо него.

Во взгляде Доны я прочла изумление и гнев.

— Куда ты собралась?

Я пожала плечами.

— Все как обычно. Плохие ребята хотят навредить хорошим, а Риццоли хочет бросить меня на линию огня.

Дона встала, подошла к двери и посмотрела на Риццоли в упор.

— Сегодня Рождество, мистер агент ФБР. Видите всех этих людей? Нам тут весело, у нас прекрасное настроение.

— Да, мэм. Я это вижу. Но если вы хотите встретить не только это Рождество, я должен уйти отсюда с мисс Грейвз.

Я почти не сомневалась в том, что он не шутит. Для пущей безопасности я положила в дорожную сумку подарок Гаэтано и захватила подарки Бруно и Крида.

Засовывая их в сумку, я вернулась к Риццоли. Обалдевшие от неожиданности гости проводили меня взглядами. Риццоли указал на подарки:

— Что это такое?

— Если повезет, эти вещи меня уберегут, чтобы я потом смогла вернуться и полакомиться засохшей индейкой.

Да, оставалось только надеяться на это.